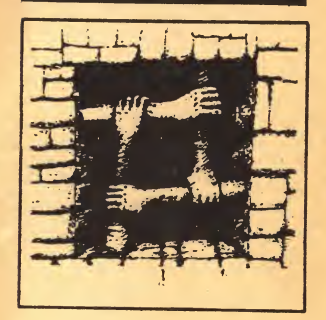

Ю. БОРЕВ
СТАЛИНИАДА
ИСТОРИИ
СВИДЕТЕЛЬСТВА
АПОКРИФЫ
АНЕКДОТЫ

Ю. БОРЕВ

СТАЛИНИАДА

КООПЕРАТИВ «КУРСИВ»
БФ «ПАРИТЕТ»
РИГА, 1990

О Сталине мудром, родном и любимом
Прекрасные песни слагает народ...

Из песни сталинской эпохи

Устные свидетельства об
исторических личностях точнее
говорят о времени, нежели
труды самых добросовестных
историков.

А. Пушкин

ОТ АВТОРА

Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы — дети страшных лет России
Забыть не в силах ничего.

А. Блок

То, что интересно для историка,
То для современника печально.

Н. Глазков

Около полувека в различных социальных, профессиональных, национальных кругах я собирал притчи, легенды, апокрифы о Сталине. В одних случаях эти устные рассказы приходили ко мне от людей, непосредственно со Сталиным встречавшихся или участвовавших в событиях, связанных с ним. В других случаях такие истории отрывались от героя-рассказчика и попадали ко мне в обработанном коллективным сознанием виде, пройдя через многие опосредствующие звенья.

Возникновение и жизнестойкость этих сюжетов объясняется тем, что долгие годы мы жили в закрытом обществе, отмеченном, как всякое закрытое общество, разного рода дефицитом. Дефицит гласности непреднамеренно восполнялся слухами. Слухи в таких обстоятельствах становятся источником информации и способом самопознания общества, конкурирующим с газетами и радио.

В условиях существования огромного репрессивного аппарата, созданного Сталиным, предавать эти слухи бумаге было делом очень небезопасным, поэтому люди, в других социальных условиях фиксировавшие бы свой жизненный опыт в художественном, научном, эпистолярном, дневниковом виде, отучались от такой формы его письменной консервации. Потребность самовыражения приводилась в вынужденное соответствие с политической обстановкой. Так возник феномен особого рода — городской, интеллигентский фольклор — необыкновенно емкая, выразительная, совершенно свободная в своей неподцензурности форма хранения социального опыта. Герои, а порою и «соавторы» этой книги — многие известные, выдающиеся, а иногда даже великие люди XX века. Художники, ученые, военачальники, общественные деятели, ощущавшие необходимость поделиться своими мыслями, наблюдениями, догадками,— создавали предания, в которых жили, порой сильно переработанные творческим воображением, социальные реалии, превращенные в факты духа, далеко отступающие от исторических фактов, но сохраняющие их существо.

Судьба этих преданий была в чем-то более счастлива, чем судьба печатного слова тех лет. В них ничто не лакировалось ни «внутренним редактором» автора, ни редактором издательским, ничто не отсека-

лось. Образ Сталина, возникающий из исторических анекдотов, противостоит той сусальной фигуре вождя, полководца и отца народов, которую наша литература, театр, кино, изобразительное искусство рисовали два десятилетия до 1953-го года и два десятилетия после 1965-го.

Публикуемые здесь свидетельства, принадлежащие миру художественному, а не миру собственно историческому, предполагают восприятие: хочешь верь — хочешь не верь.

История до сих пор не знает, отравил ли Сальери Моцарта. Исследователи склоняются к отрицанию его вины. Музыканты мира сняли с себя обязательство предать музыку Сальери забвению.

Однако насколько беднее была бы история культуры, если бы не существовало абсолютно недостоверной легенды о Моцарте и Сальери: мы не только лишились бы гениальной маленькой трагедии Пушкина, но и не смогли бы художественно исследовать зависть — человеческую страсть, столь же сильную и сокрушительную, как любовь и ненависть.

Согласно Аристотелю, история повествует о действительном, а литература — о вероятном —«не о действительно случившемся, но о том, что могло бы случиться, следовательно, о возможном по вероятности или по необходимости» (Аристотель). Создатель кибернетики Н. Винер считал, что сообщение о вероятном информативно насыщеннее сообщения о случившемся.

Возникавшие в истории культуры легенды всегда художественно осмысляли действительность, проявляя ее суть, даже когда отступали от факта. Так, например, известно, что актер Мочалов, простудившись дорогой, умер в Москве. Молва же говорит, что он умер в пути: замерз, как ямщик. В этой красивой легенде правды жизни больше, чем в реальном событии. Предание отождествляет Мочалова с ямщиком и тем самым подчеркивает народность великого актера. Эта легенда, творящая по вероятности, более жизненна, чем жизнь, творящая по случайности.

В основе любой легенды всегда лежит исторический факт, но степень соответствия правды и вымысла в разных преданиях неодинакова. Нередко предания близки реальности или даже прямо ее отражают, однако полет фантазии, аберрация в ходе многоэтапной устной эстафеты часто приводят к большим ножницам между фактом и легендой.

Я предлагаю предания вниманию читателей не как документы о фактах истории, а как свидетельство о духовной жизни народа. То есть, повторюсь, речь идет не об историческом, а о художественном материале, не о достоверном, а о вероятном, не о научно истинном, а о художественно правдивом. Творя по вероятности, легенды, даже отступая от факта, часто приближаются к его сущности, способствуя своим художественным анализом постижению сталинщины. Именно поэтому, даже обнаруживая в рассказах исторические неточности, я не вносил поправок, приближающих текст к истории, но лишающих его фольклорно-притчевого своеобразия. Ложные притчи обладают ценностью, лежащей поверх исторических фактов, они фиксируют факты духа.

Так, существует легенда о том, что Тухачевский был сослан на Соловки и расстрелян там уже после войны. Сомнительность этой версии очевидна: во-первых, никто из заключенных не свидетельствовал, что когда-либо на Соловках был Тухачевский, во-вторых, приговоры по таким процессам, как процесс Тухачевского, приводились в исполнение немедленно и обжалованию не подлежали. Вместе с тем, это — убедительный документ народного сознания, которое не хотело смириться со смертью маршала-героя, связывая с ним исход войны.

Даже если уже опубликован документ, опровергающий притчу, я не вносил поправок, приближающих текст к истории, но уводящих его от фольклорного своеобразия и от особенностей нового жанра «мемуаров по чужим воспоминаниям».

Так, например, одна из притч рассказывает, что актер Геловани умер через два года после смерти Сталина, день в день 5 марта, в состоянии нервного расстройства: ему казалось, что тело Сталина в Мавзолее начало портиться и что его — Геловани — убьют и положат исполнять посмертную роль вождя. Я расцениваю эту притчу как метафору: мертвый хватает живого — и не привожу в соответствие с действительностью, которая была иной и в которой был свой, исторический смысл: Геловани, чья творческая судьба была трагически обусловлена проклятым богом и людьми образом Сталина, умер в год XX съезда, в день рождения Сталина (21 декабря 1956 года). В конечном же счете и притча и факт по-разному говорят о страшной силе зла, воплощенной в Сталине.

Сталин был не только человеком, но и мифом. Он создавал мифы о себе, и мифы создавали его ирреальный образ. И в этой обстановке лживого официозного мифотворчества неизбежно должны были рождаться легенды, анекдоты, предания, апокрифы, которые при всей своей недостоверности достоверней официального мифотворчества многих фильмов, картин, повестей, стихов, песен, газетных статей сталинской эпохи.

Томас Манн так определял задачу своей прозы, пронизанной преданиями: необходимо выбить миф из рук фашизма. Наша задача аналогична, ибо нельзя отдавать миф сталинизму. Перефразируя известные слова, сказанные об искусстве, и с еще большим основанием отнеся их к преданиям, можно сказать: мифология принадлежит народу. Своими глубочайшими корнями она уходит в самую толщу народной жизни и народного сознания. Официозной мифологии сталинизма, многие годы насаждавшейся в нашем обществе, противостоят предания и легенды, объединенные в «Сталиниаде».

Предания о Сталине важны для понимания истории духа и для осмысления истории страны еще и потому, что иной раз документы той эпохи имеют не большую, чем легенды, степень достоверности. И взаимопроверка притчи и документа сможет дать истории как науке некоторые дополнительные возможности. Чтобы историческое видение эпохи было объемным, нужно смотреть на нее в оба: глазами документа и предания.

Помимо легенд и свидетельств, возникавших стихийно, имели хождение и легенды-слухи, видимо, специально создававшиеся и

запускавшиеся на орбиту общественного обращения официальными кругами той поры. К числу таких я бы отнес легенду о генерале авиации, дважды Герое Советского Союза Якове Смушкевиче, под именем Дуглас участвовавшем в испанской антифашистской войне и позже ставшим главнокомандующим Военно-воздушными силами СССР. Предание утверждает, что в начале войны Смушкевич по распоряжению Сталина был расстрелян за трусость. На «трусость» Смушкевича легенда списывала потерю огромного числа самолетов, уничтоженных врагом на земле. (Столь же велики были, впрочем, потери в танках и артиллерии.) На самом деле Смушкевича арестовали еще до войны, и он не мог ни командовать советской авиацией, ни отвечать за ее неудачи в первые дни боев.

Собранные мной многочисленные предания охватывают все периоды жизни и все стороны деятельности Сталина.

Сегодня о Сталине написано уже много.

Человек салона может себе позволить капризно сказать: «Опять о погоде. Надоело!» Крестьянин так не скажет никогда: от погоды зависит и пахота, и жатва. Обитатель бюрократического кабинета сейчас стонет, открывая свежий журнал или газету: «Опять о Сталине! Надоело!» Человек культуры и демократического сознания так не скажет никогда, ведь от раскрытия этой темы зависит вся наша жизнь.

Сталин пересекался с историей России, социализма и партии, и понять эти значительные явления XX в. без анализа сталинизма невозможно.

Важным критерием нашей морали, нашего миропонимания стало сегодня отношение к Сталину.

Экономика страны зависит от преодоления сталинского командного стиля руководства.

Новое мышление в политике — это отказ от стереотипов сталинского подхода к международным и внутренним проблемам.

Сегодня есть уже меткие характеристики и высказывания, отдельные наблюдения, ценные работы. Однако ни философия, ни политика, ни история до сих пор не преодолели эмпиризма и не дали полного анализа сталинщины.

Уже многое сказано о Сталине в публицистике. Еще больше сказано в литературе. Есть философский образ Сталина в романе В. Гроссмана, психологический — в романе А. Рыбакова, политический образ Сталина — строителя Абсолютной Системы — в романе А. Бека. В этих произведениях фигура Сталина предстает в серьезной трактовке, но в ограниченных творческим заданием автора социальных связях. Тот образ, который создал народ, является истинно шекспировским по своей социальной и эстетической многогранности. Это Сталин философически и политически осмысленный, психологически мотивированный — и смешной, и страшный, и масштабный, и ничтожный, и умный, и безумный, и широкий, и деспотичный, и остроумный, и тупой. При всех этих и десятках других качеств образ Сталина обладает эстетической и социальной доминантой, главной краской, главным качеством — низменный и ужасный палач, тиран, деспот. Выражая глубинный голос общественного мнения, исторические анекдоты дают критическую характеристику и образ-

ное видение фигуры «вождя всех народов». То, что в самые тяжкие и жестокие годы где-то в глубине народной жизни, в народной памяти складывался и хранился неортодоксальный образ Сталина, было формой народного сопротивления сталинизму. И хотя это было сопротивление в слове, но слово есть тоже дело. И не случайно за слово, отклоняющееся от ортодоксии, Сталин карал людей.

Сколь ни была всесокрушительна и всевластна тирания Сталина, народная память пережила и победила тирана. В этой связи социальное бытие анекдотов не лишено героизма: они хранились в памяти и в устной молве, но даже такая трудноконтролируемая форма их существования была небезопасна для обладателей этой информации. Будучи формой сопротивления сталинизму, этот фольклор способствовал формированию той духовной ситуации, которая помогла народу войти в атмосферу разоблачений сталинизма и в определенном отношении послужила одной из предпосылок этих разоблачений.

Я хочу специально подчеркнуть, что героический аспект бытия этих исторических анекдотов и преданий ни в коем случае не распространяется на меня — их собирателя. Конечно, в сталинское, да и в некоторые периоды после сбор этих преданий был небезопасен. Однако до 53-го года я занимался этим, будучи вовсе не героем, а глупцом. Я, как и большинство людей моего поколения, воспитывался в духе сталинизма и полагал, что, собирая предания о великом вожде, делаю некую работу во славу гения всех времен и народов. Иное дело, что отдельные предания, которые в конце 40-х — начале 50-х годов казались мне хвалебными по отношению к Сталину, при современном чтении «свежими и нынешними очами» выглядят как разоблачительные. Кроме того, когда мне попадались предания, откровенно разоблачавшие вождя, я их из научной добросовестности и жадности коллекционера все равно записывал. При этом, понимая опасность таких записей, я никому их не показывал и никому о них не рассказывал. Коллекционирование исторических анекдотов о Сталине и сталинизме сталинистом, каким я был в те годы, были выразительным проявлением двоемыслия — феномена, открытого Оруэллом. Объяснить внятно и логично, что это такое, трудно: в одной личности уживаются, соседствуют, сосуществуют два сознания. Прежде всего, это рабски смиренное, официозно открытое, пафосно восторженное приятие тоталитарной системы как наиболее прогрессивной и рациональной формы организации общества. В то же время в том же сознании живет и прячется от самого себя, не признаваясь в своей реальности, критическое понимание противочеловечности и социальной неплодотворности сталинизма. Это двоемыслие было органически присуще интеллигенции. Ниже, на уровне, например, образованцев, двоемыслия не существовало. Они лишь послушно и радостно принимали существующее. Это была дурная цельность сознания.

Двоемыслящий интеллигент — тоже преданнейший раб системы, сознающий себя ее частью, ее винтиком. Лишь историческое расстояние или бдительные усилия госбезопасности могут обнаружить на дне такого сознания критический пафос по отношению к системе, даже не осознаваемый самой личностью. Боюсь, что никто из

счастливо избежавших жизни в эпоху сталинизма, до конца не поймет феномена двоемыслия. В изначальном своем слое мои записи есть результат такого двоемыслия. На этот первый слой накладывались сюжеты, возникшие после смерти Сталина, в которых его отрицание было уже осознанной позицией, которой я верен и сейчас.

Интеллигенция — вершина айсберга жизни народного духа.

Девять десятых айсберга находятся под водой и не видны. Точно так же не видно и находится под поверхностью жизни народное сознание, составляющее основание всей духовной жизни общества, в том числе и интеллигентского сознания.

В исторических анекдотах народ расстается со своим прошлым не только смеясь, но и скорбя, плача, негодуя, восторгаясь и сохраняет это прошлое в своей памяти как трагическую и героическую, ужасную и прекрасную историю. И без выработки ценностных подходов к ней и осмысления ее опыта нет духовной жизни народа. У народа, забывающего свое прошлое, нет будущего, поэтому расставанье с прошлым — это не его забвение, а переведение из жизненной реальности в память. Расставаться со своим прошлым — значит превращать его в свою историю, которая, как бы горька ни была, неотторжима от народа.

Фольклор — краеугольный камень фундамента литературы. Устные формы словесного творчества были арсеналом художественно-мыслительного материала для древнейшей литературы. Во все эпохи фольклор обогащал литературу. Библия и «Божественная комедия», трагедии Шекспира и «Фауст» Гете, поэмы Пушкина и романы Толстого и Достоевского пронизаны фольклором, как мироздание потоками нейтрино. И прозу Г. Маркеса или Ч. Айтматова невозможно представить без народных легенд.

Исторические анекдоты о Сталине уже сегодня важны для развития литературы. На их материале основано немало эпизодов романа А. Бека «Особое назначение» (например, сцена, во время которой Сталин по-грузински спорит с Орджоникидзе и спрашивает у заведомо не знающего грузинский человека: «Кто прав?»). Совершенно ясно, что и В. Гроссман знал некоторые из преданий о Сталине и использовал их в своем романе «Жизнь и судьба». В этом убеждает, например, рассуждение писателя об огромном весе государства, наваливающегося на несчастную фигуру заключенного, а также история о телефонном разговоре Сталина с Пастернаком.

То же самое можно сказать о многих страницах в «Детях Арбата» Рыбакова. Большинство исторических анекдотов, использованных в произведениях этих авторов, зафиксированы и в моей коллекции. Можно вспомнить о фактах использования преданий о Сталине и в других произведениях.

Для дальнейшего развития нашей художественной культуры этот слой фольклора будет иметь все возрастающее значение.

Глинка считал, что музыку создает народ, а композиторы ее только аранжируют. Книга, предлагаемая вниманию читателя, создана по этой формуле Глинки. Многоголосью суждений автор пытается придать единую мелодию. Соло и хор, монистичность и плюрализм,

единая колористическая гамма и пестрота многоцветья, панорамность и мозаичность — неизбежные противоречия предлагаемого повествования. Автор при этом выступает в качестве летописца, чем и определена скромность его участия в формировании текста, в котором первое и последнее слово принадлежит народу. Впрочем, без самоуничижения хочется сказать словами героя А. Платонова: «Без меня народ неполный». Ведь даже в трехтомнике «Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева сколь ни убирается авторское начало, оно явственно присутствует.

Я же, как человек, переживший эпоху, о которой идет повествование, не считал себя вправе отчуждать материал от своей личности и своего нынешнего взгляда на мир.

Предлагаемое читателю литературное произведение имеет несколько жанровых пластов: воспоминания современников сталинской эпохи, исторические анекдоты в пушкинском смысле этого слова и размышления автора. Все это соединяется в единое эпическое повествование —«сталиниаду»: в эпопею падения и взлетов народного духа, становления, царствования и крушения тирана, эпопею жизни, страданий, подвигов, свершений народа и его интеллигенции, их развращения и убиения сталинизмом и их непокорности и покоренности, сопротивления и выживания. Это эпопея разорения всего строя хозяйственной и культурной жизни народа, трагическое повествование о гибели миллионов, повествование, в котором слышны и смех, и слезы, и живет отчаяние, и теплится надежда на будущее. Итак, здесь мемуары, анекдоты, лирические и публицистические раздумья, художественная летопись, трагедия, комедия, предания, апокрифы, мифология, биографический роман о Сталине, автобиографический роман об авторе, эпическое повествование о народе. Не слишком ли жанрово пестро для одного произведения? Нормально: жанровая полифония характерна для произведений нового времени. По жанру «Медный всадник» Пушкина, например, это и петербургская повесть, и поэма, и маленькая трагедия, и историческое повествование, и лирическая публицистика. А «Мертвые души»— и поэма, и сатира, и авантюрный роман, и эпос с лирическими отступлениями.

При всей жанровой полифонии «Сталиниада» имеет единство, известную жанровую доминанту: это цельное эпическое повествование, построенное, как мозаика из многоцветной смальты, из разножанровых прозаических миниатюр.

Летописец всегда регистратор народного сознания и его «сотворец». «Как он слышит, так и пишет», под его пером слух становится литературным текстом, обладающим историческим смыслом. Летописное начало сказывается и в том, что в этой книге важен не только сам Сталин, но особенно Сталин, развернутый в отношениях с людьми, и люди, преломляющие и воплощающие в своих поступках и своей судьбе эти отношения, и эпоха, обнимающая все и всех их, и поскольку тиран существует как властитель до тех пор, пока окружающие относятся к нему, как подданные, постольку эта книга в известном смысле не о Сталине, а о тех людях, которые его создавали, и о тех, которых он создал, и о тех, кто ему покорился, и о тех, кто был им сломлен, и о тех, кто с ним боролся, и о тех, кто

был им убит, и о тех, кто раскрыл его историческую несостоятельность, но не победил его в себе, и, наконец, о тех, кто его исторически преодолел. Эта книга о нашем прошлом, уходящем в еще более далекое прошлое и участвующем в формировании нашей современности, и устремленном к ней, и рвущемся в грядущее.

Существует легенда о царе Мидасе, не оценившем музыкального гения Аполлона. В отмщение Аполлон наградил царя ослиными ушами. Мидас тщательно скрывал их от подданных. Единственный человек, которому под страхом смерти была доверена тайна царского позора, был его брадобрей. Однако нести в одиночку тяжкий груз этой тайны оказалось брадобрею не под силу. Тогда он отправился в поле, вырыл там ямку и сказал в нее: «У царя Мидаса ослиные уши». Жить ему стало легче, но вскоре на этом месте вырос тростник. Он шелестел на ветру: «У царя Мидаса ослиные уши», а ветер разнес эту тайну по миру.

Десятилетия я собирал эти притчи и зарывал их в «ямку». Пусть теперь выросший тростник шумит на ветрах эпохи и рассказывает правду о сталинщине. Для Паскаля человек — мыслящий тростник. Как хрупко это растение и как упрямо живуче. Никаким террором не удалось лишить его свободомыслия. Эти предания — еще одно тому доказательство.

— Папа, кто такой Сталин?
— Наш вождь.
— А я думал, вожди бывают только у дикарей . . .

Ю. Борев. Земля — воздух

Ни единый человек не сознался, что ничего не видит, никто не хотел признаться, что он глуп или сидит не на своем месте. Ни одно платье короля не вызывало еще таких восторгов.
— Да ведь он голый! — закричал вдруг какой-то маленький мальчик . . .
— Да ведь он совсем голый! . . . — закричал наконец весь народ.

Г. Х. Андерсен.
Новое платье короля

1

ПОРТРЕТ ВОЖДЯ

Не судьба

Мать перед смертью сказала о Сталине: «Жаль, что он не стал священником».

* * *

Принимая грузинскую знать, мать Сталина говорила: вот старший (умерший) сын, тот был человеком.

Краткие характеристики

Шолохов о Сталине: «Ходит, улыбается, а глаз, как у тигра».

Троцкий: «Сталин — самая выдающаяся посредственность».

Бухарин называл Сталина: «Чингисхан, прочитавший Маркса».

Крестинский: «Много горя принесет этот человек с тигриными глазами».

Секретарь генсека Борис Бажанов: «Сталин — аморальный и жестокий азиатский сатрап».

Внешний облик

Сталин был низкого роста (169 см.). Когда он стоял на Мавзолее, под ноги ему ставили маленькую скамеечку, и он оказывался вровень с соратниками. Невысокие люди часто страдают комплексом неполноценности и нуждаются в самоутверждении. Лицо было в оспинках (телохранители называли Сталина «Рябой»). Верхняя губа — впалая, нижняя выдавалась вперед. В последние два года одна рука у него не действовала после инсульта.

Раздражение Сталина выражалось в том, что во время пауз в разговоре он ходил быстрее обычного. Ходил он не поднимая головы. Голос был глуховат.

Психофизиологический портрет

Ученые проделали эксперимент: клетка разделена на две секции; в одной — кормушка, в другой — электрошоковая сетка, покрывающая пол. Крыса, которая ест из кормушки в одной части клетки, замыкает цепь и вызывает электрошок и мучения у другой крысы, находящейся в отгороженной части клетки. Выяснилось, что группа крыс —«альтруисты»— даже умирая от голода, не может подвергнуть своих сородичей мучениям. Вторая группа —«садисты»— получает удовольствие от еды под аккомпанемент мучимой током соседки. Третья группа —«болото»— не теряет аппетит, причиняя страдания другим, но переходит в «альтруисты», побывав на месте жертвы. Четвертая группа —«эгоцентрические садисты»— даже перенеся истязания, сохраняют жестокие наклонности. Это все имеет биологический смысл: природа страхует себя и на любой случай готовит вариант, способный обеспечить выживание популяции.

Деспоты, и Сталин в их числе, обладают социальной функцией, восходящей на биологическом уровне к «эгоцентрическим садистам». Тиран — всегда крыса с садистскими наклонностями.

Психологический портрет

Сталин был недоверчив. Бдительность, к которой он всегда призывал народ, в его сознании переродилась во всеобщую подозрительность. Единственная информация, которой он доверял без проверки,— это сведения, порочащие кого-либо. И чем ближе к нему человек, тем убедительнее для Сталина отрицательная информация о нем.

Сталин говорил: «Поскольку власть в моих руках — я постепеновец». Терпеливо, с маниакальной последовательностью и целеустремленностью, с волей, переросшей в фанатическое упрямство, Сталин шел к своей цели. Он подминал под себя людей и ломал их волю. Ему не были нужны ни друзья, ни советчики, а только исполнители его указаний. Удел даже соратников Сталина — рабское подчинение его мнению.

Не обладая большой культурой, Сталин не любил интеллигентность. Светочами науки для него были Стаханов и Лысенко, а подлинные гении, биолог Вавилов или ученый-энциклопедист Флоренский — лжеучеными. Его социальное мышление феодально-бюрократично: жители сталинской империи являлись для ее главы крепостными или винтиками большого государственного механизма. Как всякий крепостник, он считал себя вправе распоряжаться жизнью своих подданых.

Небогатый культурно-мыслительный материал, который он почерпнул из непродолжительной учебы, скудного чтения и долгого вращения в среде культурных и полукультурных людей, окостенел в его сознании и превратился в непререкаемые догмы. Рассуждения его логичны, но это формальная логика, не отражающая жизнь в ее сложности. Не случайно в конце 40-х годов Сталин велел опубликовать дореволюционный учебник Челпанова по формальной логике. Примитивная мысль Сталина, опиравшаяся, к тому же, на проповедническую традицию, усвоенную им в семинарии, была понятна и близка массовому сознанию. Это облегчало восхождение Сталина на пьедестал вождя народа. Теоретически не развитый, но проницательный ум Сталина усиливался его волей, терпением и хитростью, сочетавшейся с вероломством.

Сталин был памятлив на отношение к нему и учитывал это отношение при формировании кадров власти. Памятливость оборачивалась мстительностью, а бдительность и осторожность — подозрительностью и мнительностью.

Психическое состояние

Со Сталиным случались приступы безумия. Он выбегал ночью в кальсонах с пистолетом в руке и бегал по кремлевским коридорам или по даче, ища врагов.

В 1927 году плохо себя почувствовавший Сталин попросил Владимира Михайловича Бехтерева обследовать его.

После осмотра Бехтерев попросил Сталина выйти для проведения консилиума и сообщил своим коллегам, что случай хрестоматийный — у «сухорукого пациента» классическая паранойя. В энциклопе-

дии говорится: «Паранойя — стойкое психическое расстройство, проявляющееся систематизированным бредом . . . Все факты, противоречащие бреду, отметаются; каждый, кто не разделяет убеждения больного, квалифицируется им как враждебная личность».

Кто-то из членов комиссии (для этой цели в нее включенный) доложил о диагнозе Сталину. Вскоре Бехтерев неожиданно умер. Врач, делавший вскрытие, установил отравление и даже состав яда. Этого врача арестовали. Семья Бехтерева была репрессирована.

Физиолог психической деятельности Наталья Петровна Бехтерева комментирует предание о психопатии Сталина: паранойя — диагноз, видимо, верный. Эта довольно распространенная болезнь не обязательно сочетается со злодейством. При этом Сталин не вредил себе своими поступками, так что он был болен, но ответственен, а в периоды ремиссии его сознание просветлялось.

Одно из преданий гласит.

Сталин и Гитлер в один год (1914) заболели сифилисом. Болезнь у обоих оказалась полузалеченной и дала одинаковые симптомы: 1) обострение паранойи, разрушившей одни и обостривщей другие мыслительные способности, а также усилившей суггестию — внушающее воздействие на окружающих; 2) высыхание руки, а в конце жизни и ноги.

Зрительный образ подсознания

Человек, присутствовавший однажды на заседании Политбюро, рассказывает, что Сталин был рассеян, сидел, рисуя что-то на бумаге. Всмотревшись, этот человек увидел, что Сталин рисует волчьи головы, целую стаю волчьих голов.

Документальные источники

Еще Ленин ввел в обычный порядок: в конце дня секретарь отбирал на столе ненужные для дальнейшей работы бумаги и запечатывал их в конверт. И так изо дня в день. Этой традиции придерживался и Сталин. И собрание неразобранных ежедневных бумаг с резолюциями, решениями, вероятно, сохранилось. Эти бумаги обладают исторической ценностью, хотя нельзя исключить в них фальсификаций.

Фальсификация подсознания

Помощник Сталина Поскребышев утверждает, что часто, сидя за столом, отец народов в задумчивости рисовал профиль Ленина или писал его имя. Поступок нарочитый даже для действительно верного ученика Ленина (клише «верный ученик» идет от фразеологии, почерпнутой Сталиным в семинарии).

Недоверие и коварство

Сталин пользовался столь коварными методами, что в сравнении с ним сам основатель ордена иезуитов Игнатий Лойола кажется наивным ребенком. Психологическая установка всегда рождается на

основе личного опыта, и чем вероломнее человек по отношению к другим, тем большего коварства он от них ожидает. На основе этой психологической закономерности Сталин пришел к недоверию по отношению ко всем, подозревая в каждом двурушничество, неискренность, предательство.

Опасность сновидений

Во время ареста Анастасия Цветаева рассказала сидевшим с нею заключенным свой сон. Она встречается со Сталиным и говорит ему:

— Наполеоновские солдаты любили своего императора. Вас же никто не любит и все боятся.

Когда срок заключения Цветаевой кончился, ее вскоре посадили вновь, на основании доноса об этом сне: за оскорбление личности Сталина.

Ежи Лец шутил: «Не рассказывайте свои сны — может быть, к власти придут фрейдисты». Остроумно! Однако сновидцам следует опасаться не только фрейдистов.

Чем ближе — тем беспощаднее

Сталин тем беспощаднее относился к той или иной общественной силе, чем ближе она была к нему. Социалисты, меньшевики были для него большими врагами, чем представители совершенно реакционных партий. В конце войны Сталин не позволил тронуть немцев (и хорошо сделал!), но высылал чечено-ингушей, крымских татар, калмыков, немцев Поволжья и т. д.

Фамилии, псевдонимы, клички и круг их употребления

Семейная фамилия — Джугашвили.

Поэтический псевдоним молодого Сталина — Сосело.

Среди грузин — товарищей юности — Сосо.

Партийная кличка, псевдоним и официальная фамилия — Сталин (джуга — по-древнегрузински — сталь; Сталин — перевод на русский язык фамилии Джугашвили).

Оппозиция — Неистовый Виссарионыч.

Среди лояльной интеллигенции конца 30-х —50-х гг.— Хозяин.

Среди лояльной еврейской интеллигенции — Балабуст (большой начальник, строгий хозяин).

В Закавказье — Большеусый.

Среди заключенных — Усатый.

Артистическая среда — Ус.

Среди охранников и телохранителей — Рябой.

НКВД — Иван Васильевич (Грозный).

Ироническая кличка среди интеллигенции — Отец родной, Отец народов.

Среди военных — Верховный.

Среди партийной бюрократии — Главный, Генеральный, Шеф.

Среди партийцев и особенно грузин-партийцев (до революции и в первое десятилетие после)— Коба.

После разоблачения культа личности возник внеличностный термин: вместо слова-табу «Сталин»— Ставка.

Англо-американские дипломаты, политики, журналисты — Дядюшка Джо.

Пропагандистские штампы в определении Сталина

Газетные клише в определении Сталина походили на постоянные эпитеты (мать сыра земля, красное солнышко, добрый молодец и т. д.), однако в отличие от них были фальшивы, высокопарны и безвкусны.

Великий вождь. Вождь мирового пролетариата. Вождь советского народа. Вождь передового и прогрессивного человечества. Вождь всех народов. Отец и учитель народов. Вождь, отец и учитель. Кормчий. Великий стратег революции. Создатель Красной Армии. Организатор всех наших побед. Верный ученик Ленина. Соратник Ленина. Продолжатель дела Ленина. Ленин сегодня. Верный марксист. Классик марксизма. Корифей всех наук. Почетный академик. Творец сталинской конституции. Первый кандидат в депутаты. Величайший полководец. Верховный. Великий интернационалист. Знаменосец коммунизма. Гений человечества. Величайший гений всех времен и народов. Лучший друг советских физкультурников. Лучший друг советских врачей, железнодорожников, учителей, механизаторов, колхозников и т. д.

Культ Сталина сочетал в себе монотеизм и политеизм. В пантеоне советских богов Сталин был одновременно богом каждого рода деятельности («лучший друг советских железнодорожников», «корифей всех наук», «великий полководец» . . .) и высшим богом — Зевсом —«вождем всех народов».

Противоречивые определения времен оттепели

Тиран на троне. Палач. Видный марксист.

Должности и титулы

Генсек. Генералиссимус. Председатель ГКО. Главнокомандующий. Глава Ставки. Председатель Совета Министров СССР.

Любимые высказывания Сталина

Нам не надо политиков. У нас их достаточно, даже много лишних. Нам нужны исполнители.

Чем ближе к социализму, тем более возрастает сопротивление врагов и тем более обостряется борьба.

Не следует менять однажды принятого решения.

Вы плохой руководитель: на вас мало жалоб.

У вас слишком много друзей.

Из грязи делают князя.

Предпочитаю людей, поддерживающих меня из страха, людям, которые поддерживают меня из убеждения: убеждения меняются — страх остается.

Прошлое принадлежит одному богу.

Полное единодушие бывает только на кладбище.

Лжи поверят, правде нет.

Власти и славы без крови не бывает.

Логика вещей сильнее, чем логика человеческих намерений.

История начинается с того момента, когда на явление обращает внимание партия.

Нельзя видеть в истории современность, опрокинутую в прошлое.

Воевать малой кровью. Бить врага на его территории (К. Ворошилов).

Ни одной пяди чужой земли мы не хотим, но и своей земли ни одного вершка не отдадим никому.

Если враг не сдается, его уничтожают (М. Горький).

Существует логика борьбы.

Лес рубят — щепки летят.

Труд есть дело славы, чести, доблести и геройства.

Депутат — слуга народа.

Исторические параллели рискованны.

Когда весело живется — работа спорится.

У партии незаменимых людей нет.

Нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики.

Кадры решают все.

Техника решает все.

Большевики не боятся трудностей.

Сталин любил изрекать самоочевидные «мудрые» истины в псевдоафористической, назидательной форме, например: «Будет урожай — будет хлеб. Не будет урожая — не будет хлеба».

Диалоги 30-х годов

— Товарищ следователь . . .

— Брянский волк тебе товарищ . . .

* * *

— Я еще не осужденный, а подследственный.

— Подследственный? Это вон видишь, за окном по улице идет прохожий — вот это подследственный. А ты осужденный.

Любимая притча Сталина

Змея, спасаясь от пожара, забралась на дерево, а слезть с него не могла. Добрый старик пожалел змею и снял ее с дерева, а она стала душить спасителя.

— За что?— вопрошал старик.

Змея ответила:

— В этом мире за добро не платят добром.

Старик, чтобы отсрочить смерть, предложил спросить у кого-нибудь, так ли это. Стали змея и старик опрашивать встречных.

Яблоня ответила:

— Я даю плоды, а люди ломают мои ветки.

Вол ответил:

— На мне люди пашут, при этом меня бьют, а потом убивают.
Лиса не стала отвечать, а крикнула:
— Старик, убей змею палкой!
Старик так и поступил, а потом погнался за лисой. Та взмолилась:
— Не убивай меня, ведь я спасла тебе жизнь.
— В этом мире за добро не платят добром!

Привычки и склонности

Сталин любил табак «Герцеговина Флор». Он ломал папиросы и набивал табаком трубку. Сама процедура, видимо, занимала его и имела психотерапевтическое значение. Табак для Сталина специально готовил грузин-профессор, получивший за это Сталинскую премию.

Сталин не признавал никаких лекарств, кроме йода и женьшеня. Лечился обычно по-горски: надевал папаху, пил горячий чай и ложился спать.

Сталин пил грузинские вина (особенно любил «кинзмараули») и иногда коньяк. Мог выпить сразу стакан коньяку.

Он любил грузинскую кухню, особенно цыплят табака. У него в Кремле был повар-грузин (после смерти вождя работал в столовой ЦК КП Грузии) и повар-китаец. Сталин любил есть понемножку разные блюда — этим вкусам и соответствовала китайская кухня. На ближней даче (по Минскому шоссе) у Сталина был искусный повар по фамилии Лузатик. Ему построили дачу на Клязьме, где он жил до смерти (1975 г.). Повара никогда не видели Сталина, кроме как на параде. На даче еду из кухни приносила бабка, которую Сталин вывез из места своей ссылки — Туруханского края. Старуха передавала Сталину еду, как заключенному, через маленькое окошко в бронированной двери.

Дачи

Сталин был фактическим владельцем многих государственных дач. На каждой из них весь год работала многочисленная прислуга и все содержалось в таком виде, как будто вождь все время здесь проживает. Даже обед для Сталина и его возможных гостей готовился ежедневно и принимался по акту, независимо от того, будет ли кому его есть. Такой порядок играл известную конспиративную роль: никто не должен был знать, где сейчас Сталин и каковы его планы.

Художественный вкус

Художественный вкус Сталина тяготел к классицизму как монархическому искусству, соответствующему абсолютистской эпохе. Как все жестокие люди, Сталин был сентиментален и даже слезлив. Его трогали, например, фильмы Чаплина о маленьком человеке. Вождь ориентировал советскую литературу и театр на неоклассицистические, а архитектуру — и на ампирные формы («ампир во время чумы») и на особый, «сталинский классицизм», а также требовал от искусства плакатности и лубочности. В массовом его не привлекало мещанское. Он выражал интересы не мещан, не крестьян, не рабочих, а скорее

всего государственных чиновников и отчасти тех слоев простонародья, которые, будучи лишены своей художественной культуры, примыкают к культуре бюрократии, ибо господствующей в обществе культурой всегда является культура господствующей социальной силы.

Меблировка

На даче Сталина было много кожаной мебели — вождь любил кожу. После его смерти охрана срезала кожу с диванов и кресел и утащила ее.

Из шуток гения

Аллилуева попросила Сталина:
— Закрой дверь: сын простудится.
Сталин ответил:
— Ничего: простудится — раньше умрет.

Забава

В Сталине было что-то бессмысленно жестокое, садистское.
Старая большевичка Полина Семеновна Виноградская рассказывала, что когда у Сталина родился сын Василий, любимой забавой отца было пускать в лицо мальчика дым от трубки. Смеясь, Сталин смотрел, как морщится и плачет от дыма ребенок.

Исторические факторы

Века татарского ига, относительно Европы более суровая природа, мрачная и кровавая бесчеловечность Ивана Грозного и других российских деспотов, три сотни лет царствования дома Романовых, петровское творение прогресса с помощью кнута, глубоко укорененное в социальном бытии России, противоречие личной жизни человека и державности, запечатленное еще Пушкиным в «Медном всаднике», жестокость крепостничества, как и крестьянских бунтов, «бессмысленных и беспощадных» (А. Пушкин), накал ненависти в ходе революции и гражданской войны, идея диктатуры пролетариата, воплощенная в крайних формах, обостренных этой гражданской войной и военным коммунизмом, национальная ущемленность многих больших и малых народов России, вырвавшаяся наружу в эти годы, использование органов внутренней безопасности в целях поддержания личной власти, слившись воедино в сталинском мышлении, характере и типе властвования, сформировали ту державную традицию, тот несчастливый образ жизни и тот тип государственности вопреки личности, которые и определили жизнь России в XX веке, фигуру Сталина и особенности созданного им режима.

Недостаточно грозный

Сталин считал, что Иван Грозный великий государственный деятель, но он допускал ошибки: был религиозен и испытывал угрызе-

ния совести — казнил врагов, а потом каялся. В общем, для Сталина Грозный был недостаточно грозен.

Групповой портрет эпохи

Фельетонист газеты «Правда» Г. Рыклин рассказывал. В начале 30-х годов состоялась встреча советских журналистов со Сталиным и другими руководителями партии и правительства. Я был на этой встрече. В конце ее мы коллективно сфотографировались и я был запечатлен рядом с вождем.

Шли годы, и шли аресты. Хранить фотографию врагов народа стало небезопасно. И я начал резать: брал в руки ножницы и отхватывал сначала по одному опальному члену ЦК и руководителю на два-три журналиста. Потом репрессии стали более массовыми, и я отрезал все больше и больше. Вожди и журналисты постепенно исчезали с фото. В конце концов остались только Сталин и я. После XX съезда я отрезал Сталина и остался один.

Манипулятор сознанием масс

Сталин был политиком XX века, хорошо понимавшим значение массовых коммуникаций для современного общества. Вся обработка сознания народа велась Сталиным еще до концепций «масс-медиа» Маклюэна по законам манипулирования сознанием масс. Идея просвещенного монарха-коммуникатора и реципиента-массы, восходящая к наивному Вольтеру, успешно воплощалась в деятельности Сталина, Гитлера, Мао Цзэдуна и других лидеров массовой коммуникации. Вольтер — Маркс XVIII века, духовный вождь-прожектер Великой Французской революции. Робеспьер и Наполеон — ее функционеры. Сталин сочетал в себе свойства и функционера-бюрократа, и циничного идейного вождя, виртуозно манипулировавшего сознанием народа. Он владел искусством афористического лозунга, умением броско формулировать социальные идеи: «Техника решает все», «Кадры решают все». Сталина не заботила противоречивость выдвигаемых лозунгов или их нереальность. Главное, чтобы слова овладели массами и толкнули их в нужную сторону. Ярким проявлением его мистификаторства было наименование строительства канала «Волго-Дон» и ряда ГЭС «великими стройками коммунизма». Весь ужас, цинизм, сатанинская ложь этих слов состояли в том, что это великое коммунистическое строительство на девять десятых велось руками заключенных, в том числе и политических — осужденных по 58 статье.

Речевые приемы

Для Сталина не существовало проблемы плагиата, не было морального барьера перед чужим текстом, и он легко присваивал этот текст, придавая ему свою стилистику. Так, известный лозунг: «Жить стало лучше, жить стало веселее, а когда весело живется — работа спорится»— взят, по крайней мере, в первой части, из письма родителей академика Лысенко к Сталину.

Еще в семинарии Сталин усвоил веками выработанные методы обращения к пастве и управления ею. Речь отца народов полна церковных и проповеднических оборотов и риторических фигур. Особенно хорошо он владел риторикой повторов. История партии была построена им по типу библейских притч. При этом исторически малозначительные эпизоды вырастали до огромных размеров и преподносились в популярном и назидательном виде. Обращение Сталина в трудную минуту начала войны —«Братья и сестры, к вам обращаюсь я, друзья мои»— имеет проповеднический характер. Столь же «церковны» его слова: «Пусть осенит вас в этой борьбе священное знамя . . .»— и так далее.

Недоучившийся семинарист успел освоить приемы придания слову назидательного, повелительного смысла для управления огромной массой. Опыт проповедничества Сталин умножил на огромное чутье аудитории, использовал митинговые приемы подчинения себе сознания и воли людей, способы и уловки «ведения» их за собой. Однако церковную форму он лишал органически присущего ей содержания христианской духовности, гуманизма, милосердия, совести, а из революционно-митингового пафоса изымал его устремленность к социальной справедливости и свободе.

Гений или ничтожество!

Чтобы держать в полном подчинении огромную державу, Сталин должен был быть личностью, конечно, злой, негодяйской, палаческой, но крупной. Это же чушь несусветная считать, как это делают некоторые современные прогрессисты, что Сталин был глуп, туп, ничтожен, бездарен. Он был злодей, но он был гений злодейства. Дурак и ничтожество никак не мог бы переиграть и уничтожить таких людей, какими были деятели революции, гражданской войны и индустриализации, не мог бы управлять такими отъявленными бандитами, как Ягода, Берия и другие. Сталин — масштабное явление, но огромных масштабов может быть не только океан, но и пустыня, и гнилое болото.

Это один взгляд на Сталина. А вот другой.

Чтобы убить миллионы людей, большого ума не надо. В тоталитарной системе кто взял палку, тот капрал. Взять же в руки палку могла догадаться и обезьяна. Однако для того, чтобы сделать палку орудием убийства, недостаточно смекалки обезьяны, необходима еще совесть шакала. Такой была совесть Сталина. Обезьянья смекалка надоумила его взять в свои руки «палку» карательных органов, а шакалья совесть позволила обратить их против его политических соперников. Так что для «победы» над ними Сталину вовсе не нужно было быть гением, достаточно было быть заурядным злодеем. Прав Пушкин: «Гений и злодейство — две вещи несовместные».

Полезный отдых

На даче у Сталина была лошадь — смирная, невысоких кровей. Ездил он на ней почти каждый день, не столько ради удовольствия,

сколько для встряхивания позвоночника. Лошадь эта пережила Сталина.

Трудовое самовоспитание

Сталин считал, что для продления жизни нужно копать землю. Каждое утро он брал в руки лопату, и каждый вечер охранники затаптывали сапогами вскопанный участок. Это был сизифов труд вождя и его телохранителей. Некоторые из них сходили с ума, не в силах снести «надругательства» над плодами трудов их божества.

Любимые люди

Во время отдыха на озере Рица Сталин иногда ездил на рыбную ловлю. Рыбу глушили динамитом. Телохранители лезли в воду и собирали «улов». Однажды сам Сталин, несмотря на протесты присутствовавшего врача, полез в воду и, промочив сапоги, собрал у берега рыбешек. Когда продрогшие охранники выбирались на берег, Сталин лично наливал им по рюмке коньяку. Обычно они отнекивались и лишь после нескольких предложений с удовольствием и страхом выпивали рюмку.

Однажды Сталин даже предложил телохранителю съесть с ним цыпленка табака. Охранник смутился и решительно отказался.

Сталин пошутил:

— Цыплят надо есть, а то из них курицы вырастут.

— Как же курицы,— рассмеялся охранник,— ведь они жареные!

Охранники были особо доверенные и близкие люди, к которым Сталин относился лучше, чем к другим.

Ни тебе здрасьте . . .

Один из племянников Екатерины Сванидзе рассказывал, что Сталин никогда не здоровался с окружающими:

— Входишь, говоришь: «Добрый день, товарищ Сталин», а он молчит, даже головы не поднимает — то ли сердится на тебя, то ли подчеркивает, что ты никто и ничего для него не значишь. Ты теряешься и не знаешь, как себя вести дальше.

Сталину была нужна такая «потерянность» человека.

Шаляпин о Сталине

Шаляпин несколько раз встречался со Сталиным на квартире Демьяна Бедного и в Кремле. Великий артист говорил о вожде:

— Этот человек не станет шутить. Он столь же легко, как легка его беззвучная кавказская поступь в мягких сапогах, взорвет храм Христа Спасителя, почту или телеграф. Взорвет все, что угодно. Это проявляется в жесте, движениях, в выражении глаз, в интонациях речи Сталина. Он не злодей, он таким родился.

Каким точным оказалось провидение Шаляпина.

Характеристики

Во второй половине 50-х годов Константин Симонов и Александр Твардовский разговаривали о Сталине. Симонов сказал: «Он был велик и ужасен». Твардовский сформулировал: «Сталин был гроссмейстер политической игры».

Мнение врага

Бывший руководитель отдела пропаганды на Россию в Третьем рейхе Пунк говорил, что Сталин был великим императором, создавшим новую монархическую структуру России. В России все образуется и вернется к привычным формам жизни: члены партии станут новым дворянством, а их глава — самодержцем.

Мнение союзников

Переводчик-англичанин, участвовавший в правительственных переговорах союзников, свидетельствует.

Глаза у Сталина были, как у кошки. Он знал все факты и сохранял свежесть ума. Умел и любил унижать людей. С иностранцами был вежлив, но старался застигнуть врасплох и поставить в трудное положение. Окружение Сталина боялось его. Сталин — человек целенаправленный, скрывающий мысли и намерения под маской уверенности и спокойствия. Тщеславие и страх доминировали в нем. На Потсдамской конференции Сталин всегда стремился занять центральное место. Темный, коварный и жестокий человек.

Черчилль характеризовал Сталина как крупного политика. А может быть, хитрил: Черчиллю нужен был такой союзник, как Россия. А путь к России был через Сталина. Учитывая социально-психологические претензии Сталина, английский лидер хвалил его. После войны он многое пересмотрел в своих прежних мнениях, но кое-что уже вошло в традицию его мышления и не поддавалось переоценке.

Обобщенный образ Сталина, или Гениальный монтаж

Находясь в Москве, знаменитый польский кинорежиссер Анджей Вайда должен был просмотреть ряд интересующих его кинодокументов. Случайно киномеханик запустил не тот ролик. В нем по распоряжению какого-то бюрократа для удобства хранения были собраны вместе и склеены все кадры, запечатлевшие участие Сталина в похоронах видных государственных деятелей. Вот Сталин и его соратники несут гроб с телом Кирова, вот в другую сторону несут гроб с телом Горького, вот навстречу зрителям — гроб с телом Орджоникидзе, вот — Куйбышева, Жданова и т. д.

Когда-то Гегель задавался вопросом: сколько раз нужно просыпать наборный шрифт, чтобы сложилась строка «Илиады»? Может ли чистая случайность породить смыслонагруженный образ, несущий высшую гармонию и красоту? Киноролик государственных похорон дает ответ на этот вопрос: случайность создала выдающийся по

своей художественной выразительности и философской глубине образ Сталина — разносчика смерти.

Призыв из застенка

Чекист Артузов — организатор операции «Трест» был во второй половине 30-х годов арестован. В тюрьме он вскрыл вены и написал на простыне кровью: «Настоящий коммунист, убей Сталина!»

Честность — достояние спящего

В 1947 году в Переделкино Борис Пастернак сказал:
«Среди этого моря лжи люди все же видят честные сны».

Социальная сущность сталинизма

Сталин создал пост вождя пролетариата и утвердил себя на этом посту. Поскольку, согласно ортодоксии, пролетариат выражает общечеловеческие интересы, Сталин оказывался вождем всего «передового и прогрессивного» человечества. Оставлю в стороне эту софистику и задамся простым вопросом: чьи интересы выражал Сталин? Крестьянства, которое он раскрестьянил? Рабочих, которых он арестовывал за двадцатиминутное опоздание на работу, которые, получая гроши, в массе своей жили в бараках и коммуналках? Интеллигенции, которую он отучал творить и принуждал служить, отправляя одних в лагеря и развращая других незаслуженными гонорарами и высокими должностями? Нет. Сталин был истинный выразитель интересов бюрократии. Он любовно ее создавал и растил, расширяя сферу ее влияния и умножая ее ряды, награждая и ублажая дачами и конвертами (деньги сверх зарплаты), пайками, персональными машинами, квартирами и званиями. Бюрократия при Сталине стала истинным хозяином жизни или, вернее, делила плоды власти с единственным Хозяином. Бюрократия и только она пировала во время чумы сталинизма, хотя иногда и несла потери от капризной логики своего властелина. Общественная собственность де-юре была народной, а де-факто находилась в распоряжении Сталина и созданной им бюрократии. Только демократизация способна изъять коллективную собственность из-под контроля бюрократии и вернуть ее в руки народа. Именно поэтому, много говоря о демократии, Сталин жестоко карал любое ее проявление. Демократия выбила бы из-под ног Сталина социально-экономический фундамент его власти — бюрократический характер владения собственностью, которая числилась народной. Власть была главной собственностью Сталина и его бюрократии. Власть обменивалась на все и давала все, обеспечивала любые блага.

Я помню мой спор с Ильей Эренбургом. Он говорил, что ничего нельзя понять в сталинской эпохе, так как все документы утрачены. Я же возражал ему, что, как палеонтолог по одному зубу может восстановить полный облик ихтиозавра, так и будущему историку достаточно будет даже одного документа, вроде распоряжения: «Передать швейную машину, принадлежащую пошивочной мастерской № 1, фабрике № 7. И. Сталин». Здесь видна такая степень

концентрации власти, такое единовластие, такое единоначальное распоряжение мельчайшими объектами общественной собственности, что вся структура общества хорошо просматривается и можно понять его суть не располагая другими данными.

Сова на вершине пирамиды

Как известно, люди делятся на сов и жаворонков. Сталин был явной совой — человек ночной жизни. Он вставал в 12—13 часов дня, ложился в 3—4 утра. До этого времени чаще всего ходил из комнаты в комнату, иногда работал, иногда звонил по телефону. В каждой из четырех комнат его дачи были белые телефоны, имевшие один номер. Телефоны выходили на большой коммутатор, который мог соединять абонента с любым городом страны. Эти ночные звонки держали в готовности весь партийный и государственный аппарат. Секретари обкомов, министры и их заместители, директора крупных заводов не спали, дежуря у телефона на случай звонка и запроса.

Аппарат при Сталине жил в страхе, благодаря чему не распускался, не местничал особенно сильно, не зарывался, блюл не только свои, но и некоторые государственные интересы. При этом аппарат создавался из исполнителей, а не из инициативных людей. Инициатива поощрялась только в рамках того коридора, который прокладывало указание Сталина. Централизация была столь последовательной, что общество походило на платоновскую пирамиду, на вершине которой был Сталин. Бюрократия находилась в первом высшем слое пирамиды, там, где у Платона помещались философы. Однако бюрократия наша была отнюдь не философична. Она знала лишь таблицу умножения философии сталинизма — четвертую главу («О диалектическом и историческом материализме») «Истории ВКП(б). Краткого курса». Ниже находились рабочие, крестьяне и интеллигенция. Подножьем же сталинской пирамиды были рабы, миллионы заключенных — люди подневольного труда.

Индивидуальное учебное пособие

Сталин запретил книгу Макиавелли о единовластии. В своем экземпляре этой книги Сталин делал пометки.

Новое в рекламе

Во всем мире принято рекламировать товары. Сталин совершил открытие и в этой области. Он, не преодолевая товарный голод, стал рекламировать политику. Новой формой рекламы стали броские и категоричные политические лозунги.

Концепция личности

Краеугольный камень сталинской концепции человека: личность должна быть обезличена, находиться в непрерывной борьбе и должна безраздельно принадлежать государству и служить ему. От этого ее не должны отвлекать ни религия, ни приусадебные участки, ни личная жизнь.

В сталинскую эпоху половина жизни человека уходила на обоснование его права на жизнь, на убеждение власти в его социальной благонадежности, на доказательство того, что он не верблюд.

Динамическое равновесие

Один из историков прошлого века риторически спрашивал: что делают на Руси? И сам себе односложно отвечал: воруют.

Сталин сурово карал воровство, особенно у государства. Подняв на колхозном поле бесхозный колосок, голодный человек мог получить 10 лет. При этом уходящая в глубь веков традиция обворовывания государством труженика была Сталиным развита и усовершенствована. Низвергнутый в глубокую нищету трудовой человек был вынужден приворовывать даже под страхом тюрьмы. В послесталинское время эта взаимность прикарманивания трудящимся у государства и государством у трудящегося усугубилась. Сталинская экономика создала динамическое равновесие: государство воровало у народа, народ у государства. Тем самым устанавливалась своеобразная социальная справедливость. К тому же динамическое равновесие — это формула жизни.

Социально близкие

Многие (в том числе и В. Шаламов, и Е. Гинзбург, и А. Солженицын) с удивлением отмечают то обстоятельство, что для воров и бандитов в лагерях были созданы более мягкие условия, чем для «политических». Эти преимущества предоставлялись блатным и уркам, так как они считались «социально близкими элементами», а «политические» квалифицировались как СОЭ (социально опасные элементы) или как социально враждебные. Такова была сталинская концепция зазеркалья общества, структура низших его слоев, состоящих из его отверженных сынов. Однако никто не задумывался, почему блатные были социально близки Сталину. Ответ на этот вопрос удивителен и громоподобен: Сталин ощущал себя паханом, стоящим во главе банды, дорвавшейся до большой власти над фраерами. Интересно, что, не формулируя эту проблему столь резко и остро, Игорь Ильинский именно так актерски трактовал Сталина, готовясь играть его роль в фильме по моему киносценарию «Воскресший из живых» (см. подробнее об этом в альманахе «Киносценарии» № 1, 1988 г.). Ильинский, войдя в образ Сталина, изображал вождя, стоящего на трибуне Мавзолея. Внизу проходят тысячи. Сталин стоит в величественно самодовольной позе повелителя. Одна рука вождя заложена за борт «кителя». Другой он якобы приветствует проходящих у подножья Мавзолея демонстрантов. Жест этой руки неописуемо выразителен: он не столько машет, сколько брезгливо отмахивается от назойливого, надоевшего ему быдла, официально именуемого народом, но на деле являющегося для вождя-пахана сборищем фраеров, не заслуживающих ничего,кроме того, чтобы быть обманутыми и обворованными.

Пахан

У Сталина была психология и жизненные принципы пахана. Только все паханские высказывания он умело переводил с блатного языка урок на политический язык большевизма. При этом паханская интонация оставалась. Однако ее не улавливал народ, ожесточенный событиями мировой и гражданской войны, голодом, разрухой, конфискациями, уплотнениями, продотрядами, военным коммунизмом, уполномоченными. Сталин способствовал тому, чтобы всплывали на поверхность жизни булгаковские Шариковы. Одно из самых ранних неофициальных высказываний о Сталине я услышал в 35—36 годах и от удивления запомнил на всю жизнь. Я учился в 4—5 классе. В выходной мы поехали с отцом к его приятелю, пожилому адвокату, невысокому, полному, рыжему человеку. Фамилии его я не помню. Однако хорошо помню: мы с отцом в большой комнате стоим у рояля, а рядом рыжий толстячок. И он говорит чудовищные, с моей тогдашней точки зрения, слова:

— Сталин разговаривает в своем кругу только матом. Он ведет себя, как главарь банды . . .

Я чувствую, что отец согласен с этим, но не хочет говорить об этом при мне. В моем сознании под слоем ежедневных восхвалений Сталина в газетах, по радио, в школе на долгие годы осталась эта фраза.

Мнение папиного приятеля через много лет подтвердил кинорежиссер Михаил Ильич Ромм. Он рассказал мне, что однажды во время правительственного приема был приглашен в небольшую комнату, где Сталин под аккомпанемент пианино исполнял матерные частушки.

Амплуа соратников

При Сталине у всех членов Политбюро были свои строго определенные обязанности по отношению не только работы, но и досуга. Так, «Никита» был специалистом по гопаку и по мановению брови Сталина должен был плясать. У «Анастаса» была своя шутовская обязанность. Всякий раз во время застолья ему предлагалось произнести какой-нибудь тост, для чего следовало встать с поднятым бокалом. Когда «Анастас» вставал, его сосед (и это повторялось из года в год!) клал в его кресло торт. «Ничего не подозревающий» Анастас под всеобщий смех садился в торт. Как потом этот костюм отмывала жена?! Или костюм выбрасывали? Говорят, Микоян, идя на банкет к Сталину, брал с собой запасные брюки.

Истинно царская забава! Весьма интеллектуальная и со вкусом!

Звериное и человеческое

В животном мире, где действуют биологические законы, властвование сильной особи над другими нормально. Дикари, еще не оторвавшиеся от биологических закономерностей, имеют своих вождей. Однако диктаторы, фюреры, вожди в развитом обществе — анахронизм, возврат от человеческого к звериному или дикарскому состоя-

нию. Христос говорил ученикам: «Князья народов господствуют над нами, и вельможи властвуют ими; но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим, а будет вам слугою».

Исторически близкие

Все материалы, касающиеся Нечаева, были изъяты из архивов и стали предметом пристального внимания Сталина. Он чувствовал близость к этому политическому авантюристу, экстремисту и, вероятно, учился у него цинизму и бесовству. Был близок Сталину и Иван Грозный. Вождь считал, что суждения о жестокости и бесчеловечности этого царя есть клевета буржуазных историков.

Параллели

Сталин учит: «Исторические параллели рискованны». Ну что же, рискнем.

Фонвизин говорил: «Кто может — грабит, кто не может — ворует». Эта формула помогает понять различие между Сталиным и сталинщиной, с одной стороны, и Брежневым и брежневщиной — с другой. Еще одну формулу, выявляющую похожесть сталинской эпохи на постдекабристскую Николая I, можно найти у Пушкина:

> На всех стихиях человек
> Тиран, предатель или узник.

Хорошо схватывает суть эпохи Николая I подлая формула Клейнмихеля: «Зачем общественное мнение? Разве у вас, Ваше величество, своего мнения нет?» Это речение также в силу схожести эпох метит в сталинщину.

Интересно, что николаевская эпоха началась в 1825 году и кончилась в 50-х, как и сталинская в XX веке.

Картины-близнецы

Художественное произведение неповторимо и принципиально оригинально. За всю историю мировой художественной культуры ни разу не появилось двух одинаковых произведений. Правда, один случай, будто бы опровергающий эту закономерность, описан Низами в его поэме «Искандер-наме».

Александр Македонский завоевал какую-то восточную страну и приказал построить в честь победы триумфальную арку. Два художника — румиец и китаец, соревнуясь в мастерстве, расписывали внутренние противоположные стены арки. Их разделял полог. Работа была окончена, и Александр Македонский пришел определить победителя. Когда полог сняли, роспись обеих стен оказалась абсолютно одинаковой: тончайший кружевной орнамент левой стены линия в линию, краска в краску совпадал с рисунком правой. Пожелав понять, в чем дело, Александр Македонский приказал снова повесить полог,— на одной из стен орнамент остался, а на другой — исчез. Художник превратил стену в зеркальную поверхность, отра-

зившую прекрасный рисунок. Курьез, подтверждающий уникальность художественного произведения.

И все же двум художникам, жившим в разных странах — в России и Германии, удалось нарушить закон эстетики.

Я был в Центральном Доме литераторов на первом просмотре фильма Ромма «Обыкновенный фашизм». В фильме, как известно, широко использована кинохроника, в том числе и немецкая, показывающая ужасы фашизма. Но один кадр поразил аудиторию больше, чем самые страшные картины лагерей смерти. На художественной выставке в фашистском Берлине демонстрировалась картина, увидев которую, зал ЦДЛ ахнул не иносказательно, а реально, вслух. На картине на фоне процветающей Германии был изображен одетый в защитный френч Гитлер, уверенно и оптимистично глядящий в будущее. Вздох потрясения вырвался из сотен писательских душ потому, что это гениальное полотно точь-в-точь походило на другое — на получившую в свое время Сталинскую премию картину «Утро нашей родины». Картина изображала индустриально-колхозный пейзаж (поле колосящейся пшеницы, металлические опоры высоковольтных линий, шагающие через поле, и так далее). На фоне этого великолепия стоял добрый и радостный генералиссимус в белом кителе, с плащом на руке. Вождь бодро смотрел в ближнее и далекое будущее и, судя по сиянию глаз, видел там светлые дали коммунизма. Сюжет, композиция, художественная концепция картин двух услужливых художников — немецкого и русского — были удивительно схожи. Однако плагиата тут не было. Идентичность картин — следствие шаблонности мышления тиранов и угодных им художников и непритязательности художественного вкуса и тех и других.

Придет антихрист . . . человек греха, сын погибели . . . беззаконник . . . Дана будет ему власть над всеми народами . . . Сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога . . . Пришествие, по действию сатаны будет со всякою силой и знамениями и чудесами ложными, и со всяким неправедным обольщением погибающих.

Библия. Книга Нового завета

II

КТО БЫЛИ ВАШИ РОДИТЕЛИ? ЧЕМ ВЫ ЗАНИМАЛИСЬ ДО 17 ГОДА?

(вопросы анкеты сталинской эпохи)

Черный день календаря

Распространенное в персидском ареале поверье предписывало убивать детей, рожденных 21 декабря, так как это дети зла. Иосиф Виссарионович Сталин родился 21 декабря 1879 года.

Странная версия

Существует легенда, что Сталин сын Пржевальского.

Основания легенды: во-первых, Пржевальский и Сталин очень похожи друг на друга, во-вторых, два года до рождения Сталина Пржевальский провел в Гори, в-третьих, у Пржевальского где-то был незаконнорожденный сын, которому он помогал материально.

Эти доводы совершенно несостоятельны, а легенда ни исторической, ни художественной ценности не имеет, однако значима как свидетельство затемненности происхождения Сталина.

Впрочем, не все считают эту легенду неправдоподобной. Анатолий Дмитриевич Голубов провел замечательное исследование и выяснил: в 1878—1879 годах Пржевальский жил в Гори. Пржевальский имел обыкновение ежедневно подробно записывать в дневник все свои поступки и все события. Из архива Пржевальского в годы господства Сталина было изъято все, что касалось периода его пребывания в Гори. Однако в расходной книге недостаточно внимательный изыматель архива оставил страницы, на которых зафиксированы расходы: деньги, пересылавшиеся в 1880 и 81 годах в Гори матери Сталина. Позже пересылка денег была прекращена. В 40-х годах кинорежиссеру Э. было настоятельно предложено создать фильм о Пржевальском. Для создания этого фильма режиссер отправился по следам путешествий Пржевальского в Китай. Там, встретившись с Чжоу Эньлаем, режиссер попросил у него помощи в организации массовых сцен. Политический деятель ответил:

— Пржевальский был врагом китайского народа. Никакой помощи в съемках фильма об этом недостойном человеке мы не окажем.

Режиссер в растерянности сообщил об этом в советское посольство в Пекине. Через некоторое время Сталин позвонил Мао Цзэдуну, и тот пригласил режиссера и сказал ему:

— Вы собираетесь снимать фильм о великом друге китайского народа — Пржевальском. Все, что нужно вам для работы, мы обеспечим. Если нужно, выделим миллион человек для массовых сцен. Работайте.

Вполне возможно, что даже мать Сталина не знала, кто его отец.

Легенды об отце и братьях

Согласно одной из легенд, отцом Сталина был не сапожник Виссарион Иванович Джугашвили, а князь Эгнаташвили, у которого мать Сталина служила экономкой. От позора Джугашвили вскоре покинул свою семью: любовный треугольник для восточного сознания абсолютно непереносим. Сталин и рос, и формировался в обстановке полного презрения к зачатому в грехе, незаконнорожденному ребенку. Отсюда, возможно, истоки сталинского комплекса

неполноценности, органично перераставшего в желание властвовать и подавлять. Рассказывают, когда Сталин в начале 30-х годов был в Тбилиси и у него спросили, как поживает его мать, он ответил: «Меня совершенно не интересует, как живет эта старая . . .». Напротив, два брата Эгнаташвили пользовались уважением и благосклонностью Сталина. Он сделал их значительными людьми — членами Верховного Совета Грузинской ССР.

После XX съезда во Франции объявился эмигрант, назвавший себя одним из сыновей князя Эгнаташвили и братом Сталина. Раньше, по словам этого человека, он не признавался в таком родстве из страха за свою жизнь.

Безотцовщина

В 1939 году музей Сталина в Гори трижды запрашивал Сталина, посылая фотопортрет Джугашвили, изображен ли на фото его отец. Трижды Сталин не ответил.

Национальность

Строчка стихотворения Мандельштама «И широкая грудь осетина . . .» свидетельствует о том, что в 30-е годы о национальности Сталина существовали неофициальные сведения. Однако они разноречивы: по одним — осетином был Джугашвили, по другим — Эгнаташвили, по третьим — наполовину осетинкой была мать Сталина. После войны во имя создания образа императора всея Руси Сталин не раз подчеркивал, что он русский грузинского происхождения.

Легенда о матери

Виссариона Ивановича Джугашвили поили вином, когда его жена Екатерина Георгиевна уходила к князю. Однажды, протрезвев раньше времени, Виссарион Иванович избил вернувшуюся домой жену. За ним пришли какие-то люди, и он навсегда исчез. Получив власть, Сталин вырезал многих жителей Гори, опасаясь, что в их памяти сохранились неофициальные сведения о его рождении. Князь был религиозным деятелем, и маленького Сосо отдали в духовное училище (1888 г.), а затем в Тифлисскую духовную семинарию (1894), которая была довольно сильным учебным заведением. Принимали туда после собеседования. Непрошедших отправляли домой с выпиской: «К ученью туп». (Откровенность и определенность суждений завидная.) Плохо подготовленному Сосо удалось избежать этой формулировки благодаря природной сообразительности и заступничеству князя. Говорят, здесь же учился тбилисский армянин Гурджиев — создатель одного из суфийских учений, очень популярных в мусульманских странах на Среднем и Ближнем Востоке. Издевательства и унижения, которые по причине своего сомнительного происхождения терпел Сталин в семинарии, толкнули его на первый «революционный» поступок: он перебил семинарские окна, за что и был в 1899 году исключен. Оказавшись на воле, он стал заниматься воровством и разбоем. Попадал в тюрьмы. Связался там с жандармерией и сделался наводчиком на воров. Там же познакомился с

политическими и начал работать на жандармерию, против них. Шесть побегов из ссылки — это не без помощи жандармов.

Вполне возможно, что все это неправда. Однако важно, что бытующая в народе легенда рисует образ юного вождя в очень невыгодном освещении. Отрицательная ценностная ориентация народного сознания — неопровержимый факт истории.

* * *

В советское время мать Сталина жила в Тбилиси в огромном вице-губернаторском дворце, который стал потом Домом пионеров. Эта когда-то красивая женщина в бархатной шапочке с белой вуалью, в черной грузинской национальной накидке в сопровождении приживалок ходила по городу. Любила заходить в закрытый магазин — распределитель, где, выбирая продукты, обнюхивала каждый кусок мяса или рыбы (южная традиция: в жару все быстро портится). Палкой она указывала куски, которые ей нравились, и продавец подобострастно подавал их.

«Ты жива еще, моя старушка!»

Старый член партии, бывший одно время председателем СНК Аджарии Сулейман Диасамидзе рассказывал.

— Довелось мне как-то в 30-х годах с группой руководящих грузинских товарищей поехать в Москву. Зашли мы к Серго Орджоникидзе. Был с нами и Филипп Махарадзе. Он обратился к Серго: «Как бы нам встретиться со Сталиным и поговорить с ним? Может быть, ты спросишь у него?» Серго позвонил Сталину по вертушке. Произошел разговор: «Сосо, в Москве группа наших старых товарищей, они хотят встретиться с тобой, ты мог бы их принять?»—«А кто здесь?»— Серго назвал.—«Где они?»—«Сидят у меня».—«Что же,— сказал Сталин,— я сам к вам приду, подождите меня». Действительно, через некоторое время появился Сталин, оживленный, веселый. Приветливо поздоровался со всеми за руку, запросто называя по имени. Острил, рассказывал анекдоты. Затем, обращаясь, к Махарадзе, спросил: «Филипп, а как там поживает Кэ-Кэ?» Так называли мать Сталина Екатерину Георгиевну Джугашвили, урожденную Геладзе. Махарадзе замялся: он не встречался с матерью Сталина и просто не знал, как она живет. Сталин вдруг сказал: «Ну что же ты молчишь, стесняешься правду сказать? Наверное, она, по-старому, все развратничает? (Сталин выразился по-грузински еще грубее.) Махарадзе промолчал. Всем стало как-то неловко. Сталин почувствовал неодобрение и через некоторое время после этой беседы поехал в Грузию и там встретился со своей матерью. Наша печать писала тогда об этом, а по партийным организациям прошла кампания «За хорошее отношение коммунистов к своим родителям».

Похороны

Сталин не приехал в Тбилиси на похороны матери. Это была огромная пышная процессия. Народу было так много, что какой-то арестованный, шедший под конвоем, нырнул в толпу и легко скрылся.

На могиле

На могиле матери Сталина был установлен памятник: черная мраморная урна, с которой ниспадало белое мраморное покрывало. Люди объясняли смысл изображения: она была прачкой.

Однажды в Тбилиси кинорежиссер Параджанов столкнулся с группой приезжих, осматривавших почетные захоронения. Стихийно Параджанов стал их гидом и, дойдя до могилы Екатерины Георгиевны Джугашвили (Геладзе), сказал: «А вот могила матери деспота. Деспот ни разу здесь не был».

Небезопасный мальчик

Подростком Сталин всегда ходил с пистолетом, так что никто не отваживался его обидеть.

Старые горийцы в конце 50-х годов рассказывали, что однажды в дом, где были только женщины и дети, вошел Сталин и потребовал деньги «для революции». Испуганные женщины подчинились и дали деньги, с которыми юный Сосо ушел «в революцию дальше».

Поэтический псевдоним

Свои юношеские стихи Сталин подписывал именем Сосело. Сосо — уменьшительное от Иосиф, Сосело — уменьшительное от Сосо. (Иосиф — Иося — Иосик — соотношение примерно такое.)

Поэт

В 16—17 лет Сталин под псевдонимом И. Дж-швили и Сосело печатает стихи в газетах «Иверия» и «Квали». В лирическом стихотворении «Луна» он пишет:

И знай, кто пал золой на землю,
Кто был так долго угнетен,
Тот станет выше гор великих,
Надеждой яркой окрылен.

В этих строках живет ощущение социальной неполноценности автора и честолюбивая идея стать выше гор. Эта идея пройдет через жизнь Сталина, определив его характер и мировоззрение. Так, во второй половине 20-х годов он предлагал Бухарину разделить с ним власть и возвыситься над всеми, как Гималаи.

Поэты и диктаторы

В художественной среде встречаются замечательно талантливые, благородные и добрые люди истинно рыцарского достоинства. Однако одновременно художественная среда — самая гнусная, так как две трети ее бездарны, неудачливы, претенциозны и обижены судьбой. Несостоявшиеся художники и поэты — ужасные люди: они претендовали на общечеловеческое внимание к их голосу, а на их

писк не оглянулся даже сосед. Жажда славы гложет изнутри и разрушает этих людей. Сальеризм и смертельная ненависть ко всему, что выше посредственности,— удел этих авторов и суть их мироотношения. Из неудавшихся художников рождаются диктаторы.

Муссолини был несостоявшимся поэтом и актером.

Гитлер — несостоявшимся живописцем.

Сталин и Мао Цзэдун начинали свою жизнь с попыток стихотворчества, и только абсолютная власть, к которой они прорвались, сделала их стихи предметом интереса сначала льстецов, а потом и всех современников.

Первая любовь

Было это в начале нашего века. Друзьям юности — Сталину и Сергею Ивановичу Кавтарадзе поручили произвести экспроприацию денег в банке в пользу партийной кассы. До экса оставались сутки. Гуляя по городу, молодые люди встретили гастролировавших артистов. Сталину очень понравилась одна молодая актриса. Познакомились, разговорились, и артисты пригласили молодых людей на вечерний спектакль.

Спектакль прошел с большим успехом. Сталин не спускал с понравившейся девушки глаз. Все хлопали, не хлопал только он. Кавтарадзе спросил: почему? Сталин ответил: все равно она не узнает, что я хлопал.

Ночевали молодые люди в сквере. Кавтарадзе проснулся и увидел, что Сталин не спит и смотрит в небо.

— Почему ты не спишь? О чем думаешь?— спросил Кавтарадзе.

— Не сплю, потому что влюбился, а думаю об этой звезде, что мне до нее никогда не дотянуться.

Экспроприатор

До революции РСДРП проводила эксы (экспроприации, конфискации денег для партийной кассы). Это были налеты на банки, на экспедиции, везущие деньги, и т. д.

Легенда повествует об одном из таких эксов. Раз в три месяца по маршруту Новороссийск — Гудауты — Сочи на военной яхте везли деньги для военных и государственных чиновников Закавказья. В Сочи деньги перегружали в карету и в сопровождении сотни казаков переправляли в Тбилиси. Этот путь и был изучен экспроприаторами. В команду яхты ввели своего моториста и штурмана. Кроме команды на яхте было еще 15 солдат. Во время стоянки в Гудаутах к яхте подплыли восемь абреков. Моторист и штурман закрыли тринадцать солдат в кубрике, а двоих часовых выбросили за борт. После этого абреки перебили команду и застрелили моториста и штурмана. Около полутонны золота и серебра перегрузили на баркас, а затем на ожидавшую в Гудаутах арбу и повезли в горы. По дороге четыре абрека по приказу старшего из них застрелили четырех остальных. Поехали дальше, и два абрека убили двух спящих других. Наконец, когда два последних абрека-конвоира утром стали умываться, один из них выстрелил другому в затылок. Осмотревшись

по сторонам, стрелявший увидел, что все это происходило на глазах маленького пастушка, оказавшегося с козой в этом глухом месте. Стрелявший долго досадливо смотрел на мальчика, но до него было далеко — ни добежать, ни попасть. Человек махнул рукой, сунул в карман наган и погнал лошадей с арбой в горы. Партия никогда не увидела этих денег. Они достались единственному из оставшихся в живых исполнителей экса — Сталину.

Много десятилетий спустя Сталин был в гостях на даче у своего любимца — грузинского актера Хоравы. Проходя по саду, он остановился и резко спросил у садовника:

— Где я тебя видел?!

— Нигде, батоно . . .— растерялся садовник.

Сталин пошел дальше, потом вернулся и вновь спросил:

— Где я тебя видел?

— Нигде, батоно,— ответил садовник вновь.

Сталин расспросил Хораву, откуда у него этот садовник. Хорава рассказал, что он из дальних, глухих мест Грузии. Сталин не вспомнил давнюю историю экса и не узнал в садовнике бывшего пастушонка. Садовник же узнал в Сталине абрека, но благоразумно промолчал.

Предание утверждает, что в 1906 году Сталин привлекался к партийной ответственности за то, что не сдал партии деньги, конфискованные во время одной из экспроприаций.

В 1918 году по представлению видных меньшевиков Мартова и Светлова Сталин был предан партийному суду по обвинению в анархических и корыстных эксах, проводившихся им в первое десятилетие нашего века в Закавказье. Поскольку вопрос был поставлен меньшевиками, большевики приняли сторону Сталина, и он был оправдан.

Особая примета

Говорят, что в документах царской полиции среди особых примет Сталина значилось, что у него не хватало одного пальца ноги. Когда, где, при каких обстоятельствах он потерял этот палец? Правдиво ли это сообщение?

Провокатор!

По слухам, в 1903 году в жандармское управление Батуми была послана из Баку телеграмма: «Провокатор Джугашвили выезжает к вам для продолжения работы». По другим рассказам, Сталин начал сотрудничать с охранкой только с 1906 года.

Опасные сведения

У польских социал-демократов были сведения о сотрудничестве Сталина с жандармерией. В 30-х годах это стоило жизни многим коммунистам Польши.

В доме повешенного не говорят о веревке

В «Собеседнике» (№ 46, 1988) опубликован обнаруженный профессором МГИМО Ф. Волковым документ № 2838 Охранного отделения от 13 июня 1913 года, в котором говорится: «. . . административно-ссыльный, высланный в Туруханский край, Иосиф Виссарионович Джугашвили, будучи арестован в 1906 году, дал начальнику Тифлисского главного жандармского управления ценные агентурные сведения . . .»

Казалось бы, все ясно. Однако я больше склонен верить психологическим доказательствам: документы подделывались царской охранкой так же, как и сталинской администрацией. Поэтому достоверность даже самых убедительных документов далеко не абсолютна.

Вскоре после революции Лев Борисович Каменев потребовал от Петросовета специального рассмотрения предъявленных документов, разоблачающих его как агента охранки. Свидетелями защиты по этому делу выступали Троцкий и Сталин. Из-за обострения общей обстановки разбирательство не закончилось, однако подложность документов и невиновность Каменева в основном были доказаны.

Когда же в 1936 году Каменев в числе других партийных руководителей оказался на скамье подсудимых, то по сценарию Сталина он был обвинен во всевозможных партийных грехах и государственных преступлениях, кроме сотрудничества с охранкой. Между тем, из всех фальшивых обвинений это было самым доказуемым и именно оно должно было в первую очередь прийти в голову Сталину. Более того, мотив сотрудничества с охранкой не возникал ни на одном из непосредственно контролируемых Сталиным процессов над «врагами народа»: такое обвинение предполагало обращение к архивным материалам. В доме повешенного не говорят о веревке — это удостоверяет связь Сталина с жандармерией гораздо убедительнее, чем найденные Ф. Волковым документы.

Ольга Шатуновская в свое время была секретарем Шаумяна. В конце 30-х годов ее арестовали и она сидела в одной камере с близким другом моих родителей Марией Демченко.

Шаумян был арестован на конспиративной квартире, о существовании которой, кроме него, знал только Сталин. Среди старых большевиков существовало устойчивое мнение, что Сталин в дореволюционное время был жандармским провокатором. Это была одна из главных причин жесточайшей расправы Сталина со старыми большевиками.

Когда в середине 50-х годов Демченко вышла из заключения, она часто посещала дом моих родителей, и я от нее слышал утверждение о провокаторской деятельности вождя.

«Воронье»

Недоучившийся бурсак Сталин болезненно ощущал свою культурную неполноценность и поэтому не любил интеллигентных людей. Вернувшись с Пятого съезда партии (1907 г.), он сказал: «В Лондон слетелось воронье — интеллигенты-литераторы, а не партийные бойцы».

Сталину были близки антиинтеллигентские настроения, широко охватившие страну после революции: «мы университетов не кончали», «мы диалектику учили не по Гегелю». (Впрочем, лет в сорок пять Сталин все-таки попытался совладать с Гегелем в устном изложении Стэна.) Интеллигенция вытравлялась Сталиным из жизни и заменялась «красной профессурой», «призванными в литературу ударниками» и другими «образованцами». В конце концов интеллигент в империи Сталина стал белой вороной.

Собачья болезнь и кошачья любовь

Грузинский поэт Илья Чавчавадзе выступал с отрицанием роли классовой борьбы в жизни маленького народа, который должен стремиться к единению, а не к расколу. Это противоречило концепции большевиков. Огромный же авторитет Чавчавадзе обеспечивал его взглядам большую распространенность и влияние на широкие народные круги. Большевики всегда были очень ревнивы к влиянию на массы, и на заседании партийной ячейки под руководством Орджоникидзе, Махарадзе и Сталина было решено устранить Чавчавадзе. Руководители ячейки стояли на стреме, когда боевики убили Чавчавадзе.

В 1988 году один из школьных учителей Грузии раскрыл эту давнюю историю, покрывающую позором всех активных и пассивных убийц национального поэта Грузии. Разгневанные грузины обрушили с пьедестала памятник Махарадзе, стоявший в Тбилиси рядом с монументом Чавчавадзе. Только огромные размеры статуи и ее усиленная охрана не позволили ниспровергнуть фигуру Орджоникидзе. В знак протеста ее стали пачкать краской.

Впрочем, в деле охраны памятников исторически опозоренных деятелей в Грузии нашли замечательные средства. Была исполнена сигнализационная система, сообщавшая в участок о всяком прикосновении к монументу, после чего на площадь сейчас же прибывала милиция задержать мстителя за Чавчавадзе. Грузины облили постамент, на котором стоял Орджоникидзе, валерьянкой, и сбежавшееся скопище кошек вывело всю сторожевую систему из строя. Вокруг памятников Сталину борьбы не было, так как все они к тому времени были уже порушены.

Кстати, именно Чавчавадзе приветливо принял в свой журнал ученические стихи Сталина. Сталин поступил, как всегда, «благодарно». По поводу благодарности Сталин высказался однозначно. В 1925 году Зиновьев добился того, что Сталин остался на посту генсека, несмотря на ленинское завещание. Когда через несколько лет Сталин провел решение об исключении Зиновьева из партии, тот напомнил о своих заслугах. «Знает ли товарищ Сталин, что такое благодарность?»— вопрошал Зиновьев.—«Конечно, знаю,— отвечал Сталин.— Благодарность — это такая собачья болезнь».

На отсутствие собачьей болезни у Сталина и его соратников по отношению к национальному поэту Чавчавадзе грузины ответили кошачьей любовью к валерьянке.

Товарищ по ссылке

До революции Дмитрий Булатов был вместе со Сталиным сослан в Сольвычегодск. Там он оказал будущему вождю множество услуг. В середине 30-х годов Булатов работал в ЦК и ведал там кадрами НКВД. В 1936 году по приказу Сталина его расстреляли.

Незаячий тулуп

В ссылке Сталин познакомился с неким анархистом, также отбывающим наказание. Анархист — артист и литератор из Петербурга — по возможности пытался продолжить богемную жизнь и в ссылке. Когда Сталин задумал бежать, он уговорил анархиста уступить ему добротный овечий тулуп (на какой-то картине времен культа Сталин изображен бегущим из ссылки в тулупе).

После революции анархист вернулся из ссылки и во время нэпа разбогател. В конце 20-х годов был сослан в лагерь. По освобождении поселился в Москве в жалкой каморке. Постаревший и больной, он жил бедно, на скудные деньги, которые давали переводы. Однажды он написал письмо Сталину. Через некоторое время к нему пришли двое молодых военных и установили личный телефон. А вечером того же дня раздался звонок.

— Алло, это говорит Сталин.

— Да, товарищ Сталин, я вам писал. Помните тулуп? . .

— Да, помню, такое не забывается.

И Сталин повесил трубку.

Той же ночью беднягу отправили туда, где старый романовский тулуп ему бы очень пригодился.

Благородные разбойники прошлого, получив даже заячий тулуп, так не поступали . . .

Предумышленная легенда

Ложные легенды создавались столь же активно, как документы.

Когда Сталин сидел в тюрьме под Баку, в ответ на протест политических против условий заключения было решено сурово наказать их. Принимая назначенные ему 32 шпицрутена, Сталин шел сквозь строй с раскрытой книгой в руках. Этим экзекуция была сорвана: бессмысленно бить человека, если он не кричит, а читает.

Молчание — золото

В 1967 году в Переделкино Вадим Кожевников рассказал мне историю, в которой принимал участие его отец.

Сталин собирался бежать из ссылки, рассчитывая на грузинское землячество, но дисциплина требовала пользоваться содействием только товарищей по партии. Оказать эту помощь обязали Михаила Кожевникова. Долгие годы старый большевик скромно молчал о своем участии в организации побега Сталина и лишь после смерти

вождя рассказал об этом сыну. Вадим Михайлович сокрушался: «Что же ты натворил! Я бы на этом такой бизнес сделал!»

Возможно, и сделал бы. Однако не только скромность заставляла Кожевникова-отца молчать: тираны не любят тех, кто помнит их в мизерабельном виде, и особенно тех, кто им помогал.

Ледяная купель

Сталин решил бежать из ссылки летом. Попросил у деда лодку. Тот не дал. Пришлось бежать зимой, по льду. Провалился в прорубь. Выбрался. Для болевшего туберкулезом Сталина такое купание могло стать роковым. Однако в сочетании с восьмикилометровой до ближайшего жилья пробежкой в обледенелом тулупе оно дало неожиданные последствия: Сталин не только не погиб, но и излечился от туберкулеза. Когда открылся музей, посвященный его персоне, Сталин назначил туда смотрителем деда, не давшего лодку, а его бабку взял на подмосковную дачу подавать пищу. Опыт же побега в дальнейшем помог Сталину создать такую ссылку, из которой далеко не убежишь.

Первый брак

Прозаик Неля Туманова рассказала мне, что сразу после войны она жила по соседству с Кето Кутабеладзе, которая в начале века дружила с первой женой Сталина Екатериной Сванидзе. Невольно Кето стала свидетельницей одного семейного эпизода.

Двери всех квартир по-южному выходили на общий балкон, который заканчивался умывальником. Сванидзе болела. Стоя на балконе, Кето слышала, как она долго просила мужа дать ей пить. Наконец Сталин выскочил на балкон с большой бутылкой, наполнил ее водой и скрылся. Тут же Кето услышала крик Сванидзе и вбежала в комнату: разозленный Сталин вливал в рот захлебывающейся жене воду. Кето вырвала из рук Сталина бутылку, он же грубо оттолкнул непрошеную заступницу.

При таких взаимоотношениях брак не мог оказаться счастливым.

* * *

Старожилы Баку говорят о дореволюционном прошлом: «Кто в то время интересовался Сталиным? Его никто не знал». И все-таки знали и кое-какие предания сохранились. Одно из них рассказывает, что первая жена Сталина Сванидзе была увлечена каким-то приказчиком. Находясь в ссылке на Севере, Сталин на скудные деньги слал ей в Баку телеграммы — любил.

Это предание ставит под сомнение происхождение сына Екатерины Сванидзе Якова и перекликается со свидетельствами о холодном отношении к нему Сталина. Предание, очевидно, ложно.

Жизнь продолжается

В северной ссылке в Сольвычегодске (1908—1909) Сталин жил в доме не то жандарма, не то купца. Его жена родила от Сталина

сына. До войны он работал в Ленинграде, на кафедре философии какого-то технического вуза. Лекции читал хорошо. Когда Георгий Федорович Александров укрепился в ЦК и узнал о происхождении этого человека, он неожиданно для всех пригласил его на ответственную работу в Москву. После этого у внебрачного сына вождя были взлеты и падения. Однако даже в самые трудные времена, например, после исключения из партии и в ожидании ареста, он не обращался к Сталину, говоря: он обо мне знает и, если сочтет нужным, вмешается сам. Проявив терпение и выдержку, он действительно дождался заступничества, восстановившего его в партии. Затем он занимал разные руководящие должности в сфере культуры (в издательстве «Искусство» и на телевидении).

* * *

Одна из жительниц Курейки, куда был сослан Сталин, родила от него сына, который там и вырос. Молодой человек был похож на отца и хвастался всем, что он сын Сталина, за что в 30-х годах его арестовали. Освобожден он был еще при жизни Сталина и вернулся в родные места. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Внебрачных детей, родившихся в ссылке, Сталин не признавал и, придя к власти, ни об одном не вспомнил.

Первоисточник

Историк Турок обнаружил, что в работе Сталина о национальном вопросе есть ряд неточно переведенных цитат из работ Карла Реннера и Отто Бауэра. Турок занялся происхождением этих цитат и выяснил, что Сталин в 10-х годах в Вене жил в семье большевика Трояновского, и гувернантка по просьбе Сталина перевела ему ряд отрывков из книг австромарксистов.

На удивительное сходство сталинских положений по национальным проблемам с идеями Реннера и Бауэра обращал внимание и мой отец Борис Семенович Борев — автор книги «Марксизм и национальный вопрос» и монографии об австромарксистских взглядах на национальные проблемы, изданных в начале 30-х годов в Харькове. Эти издания были изъяты из библиотек и отправлены в спецхран, а когда в конце 40-х годов поднялась новая волна арестов, моя мать настояла на том, чтобы отец сжег имевшиеся в нашем доме авторские экземпляры его книг.

Карьера сокамерника

Андрей Януарьевич Вышинский был меньшевиком. По поручению своей организации он убил провокатора. В те времена провокаторам не сочувствовали, кроме того, у обвиняемого было мощное заступничество: отец — богатый ювелир, поэтому суд присяжных вынес мягкое наказание — трехлетнее заключение.

Соседом по камере оказался маленький рыжий грузин с оспинками на лице. Грузин оголодал. Отец передавал Вышинскому посылки с продуктами, и он делился с сокамерником.

В дальнейшей судьбе Вышинского этот тюремный эпизод сыграл решающую роль. Восхождению Вышинского по карьерной лестнице до поста Генерального прокурора и звания академика Сталин способствовал вовсе не из благодарности за тюремные хлеб-соль. Вождь предпочитал опираться на людей с подмоченной репутацией — ими легче было управлять. За Вышинским же числилось меньшевистское прошлое, отягчаемое слухами о связях с охранкой. Поскольку такие слухи упорно ходили и о Сталине, он видел в Вышинском близкого по духу человека. Эта ситуация не раз повторялась и в судьбах других людей: слухи о связях Берия с мусаватистской охранкой немало способствовали его кровавой карьере.

В ссылке

В сибирской ссылке Сталин был вместе со Свердловым, который жаловался на его крайний антисемитизм. В Грузии традиций антисемитизма не было, и к грузину эти настроения могли прийти через связь с жандармерией.

Рассказывают, что в ссылке однажды состоялся суд чести над Сталиным, распространявшим недостойные слухи про Свердлова и других большевиков. Суд чести опроверг эти слухи и вынес Сталину порицание.

Верноподданный

Говорят, в первые годы после революции Свердлов рассказывал, что в 1912 году из ссылки Сталин послал приветствие Николаю I по поводу трехсотлетия дома Романовых. Тогда же Свердлов предлагал исключить Сталина из партии. По другим сведениям, именно в 1912 году Сталин прекратил сотрудничество с охранкой, что делает такое поздравление маловероятным.

Встреча Нового года

Новый 1913 год Ленин, Сталин и Троцкий встречали вместе в Кракове. После застолья заиграла музыка, и Ленин воскликнул:

— Ты, грузин, пляши!

И Сталин пустился в пляс.

Не по-сталински

В Туруханский край на четыре года Сталин был сослан в 1913 году. Именно к этому времени он, по преданию, прекратил сотрудничество с охранкой, и примечательно: его ссылка уже ни разу не прерывается удачным побегом. Ни одного побега за четыре года — это не по-сталински.

«Я не стану . . .»

Жила в Туруханском крае неподалеку от Сталина одна молодая безотказная женщина. Взаимностью она не ответила только Сталину.

Как не вспомнить стихи Марины Цветаевой:

> Целовалась с вором, с нищим, с горбачом,
> Со всей каторгой гуляла —
> Нипочем! . .
> Я не стану целоваться с палачом.

Видимо, у сибирячки был тот же разбойно-вольный характер и брезгливость, что и у героини цветаевского стиха. И тогда удивительна интуиция: за четверть века до 1937 года женщина угадала в Сталине палача.

Цитата

Между февральской и октябрьской революциями в Петрограде шли споры и митинги. Сталин принимал в них участие. Однажды он прочитал в книге Сергея Булгакова цитату из Библии и привел ее в споре с меньшевиком Ноем Жордания, приписав эти слова Марксу. Жордания был обескуражен и стушевался.

— Из какой это работы Маркса?— спросили потом у Сталина.

Он ответил:

— Откуда я знаю? В борьбе все средства хороши!

Еще одно средство классовой борьбы

Заведующий кафедрой философии Московского областного педагогического института Илья Деомидович Панцхава в 1949 году рассказывал.

В 1917 году, в разгар схваток между партиями на одном из митингов с нападками на Ленина выступал известный меньшевик Ираклий Церетели. В первом ряду сидел Сталин. Когда Церетели стал особенно красноречиво критиковать большевиков, Сталин начал негромко, так что слышал только выступающий, матерно ругать его по-грузински. Оратор сбился, потом попытался овладеть собой, однако Сталин продолжал ему мешать. Тогда Церетели покинул трибуну, сказав, что среди хулиганов выступать не будет.

В те годы Панцхава рассказывал эту историю с пиететом по отношению к Сталину: вот какой ловкий, умный, боевой человек. Так же воспринимал и я этот рассказ, записывая его тогда. А теперь думаю: хороши приемы классовой борьбы!

Княжеский жест

В начале революции Сталин скрывался в Петрограде в доме одного революционера-подпольщика. Однажды он надолго остался в доме с сыном хозяина — девятилетним Мишей. Они беседовали. Наконец раздался стук в дверь — пришла мать. Мальчик хотел открыть, но Сталин остановил его и ударил по щеке. Миша испугался и собрался плакать. Сталин сказал: «Не плачь, не плачь, Миша. Запомни: сегодня с тобой разговаривал Сталин».

Мальчик запомнил это на всю жизнь. Оказывается, в горах есть такой обычай: если князь посещает дом крестьянина, то отец зовет

старшего сына, дает ему пощечину и говорит: запомни этот день — у нас в доме был князь.

Рассказывавший в 1963 году мне эту историю Ромм заключил: Сталин шел в революцию с намерением стать князем.

Первотолчок

В 1917 году с целью скомпрометировать большевиков усиленно распространялся слух о том, что, возвращаясь из эмиграции через Германию, Ленин якобы взял у немцев деньги на развитие революционного движения. По расчетам немцев, оно должно было привести к ослаблению воюющей с ними России. Этот слух был очень опасен для Ленина, потому что в обработанном пропагандой обывательском сознании господствовали идеи оборончества. В конце весны 1917 года Ленину стало известно, что газеты Петрограда собираются широко публиковать версию о немецких деньгах. Все нити этой акции оказались в руках председателя Петросовета Николая Чхеидзе. Договориться лидеру большевиков с лидером меньшевиков было почти невозможно. Тогда Ленин остановил свое внимание на Сталине, который мог найти контакт с Чхеидзе по национально-земляческому принципу. И действительно, Сталин сумел уговорить Чхеидзе остановить публикацию. Столь ценная услуга Сталина, а также его приобщенность к информации, которая могла иметь для Ленина неблагоприятные последствия, придали незначительной в глазах людей того времени фигуре некоторый авторитет.

...Швондер и есть самый главный дурак
Он не понимает, что Шариков для него
более грозная опасность, чем для меня.
Ну сейчас он всячески старается натравить
его на меня, не соображая, что если
кто-нибудь в свою очередь натравит
Шарикова на самого Швондера, то от
него останутся только рожки да ножки

М. Булгаков. Собачье сердце

III

1917—1928. НА ПУТЯХ К ВЛАСТИ

ПЕРВЫЕ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ

Адрес

Приехав в Петроград 12 марта 1917 года, Сталин поселился по адресу: 10-я Рождественская, 17-а.

Буддистский храм

В 1917 году в петроградском буддистском храме остановилась на постой воинская часть и древние рукописи пошли на раскурку. В 1938 году Сталин завершил это разорение. Храм был закрыт, и в нем разместили физкультурную базу.

Сталин в дни революции

Рассказывают, что еще в первые недели революции Сталин любил появляться в Смольном на всякого рода заседаниях и приемах как-то неожиданно, из боковых или задних дверей. «Зачем вы это делаете?»— спросил Сталина один из большевиков. «Больше бояться будут»,— ответил Сталин. Эта привычка сохранилась у него на всю жизнь.

Искатели «Правды»

Вячеслав Михайлович Молотов рассказывал в 1974 году.
В 17-м году вместе с Георгием Пятаковым Сталин захватил редакцию газеты «Правды», практически отстранив от руководства его, Молотова. Дело вели самостоятельно, позволяя себе редактировать статьи и заметки Ленина и даже делать в них купюры.

Калиф на час

В декабре 1917 года переутомленный напряженной работой Ленин уехал за город на краткий отдых. Исполнять обязанности Председателя Совета Народных Комиссаров на эти четыре дня он оставил Сталина, а его помощником назначил А. Г. Шляпникова.

Бакинские комиссары

Летом 1918 года Ленин попросил Сталина, находящегося в Царицыне, помочь бакинским комиссарам. Шаумян сказал: «Я знаю Кобу по Тифлису, он мне не поможет». Формально Сталин не ослушался Ленина и послал отряд в Баку, но отряд был мал и бессилен что-либо сделать.

Сталинская топонимика

В 1918 году в честь крупных партийных деятелей был переименован ряд городов и появились: Ленинск, Зиновьевск, Троцк... Обошли вниманием только «вождя революции», который, придя к единовластию, взял реванш и усеял карту Советского Союза произ-

водными от своего имени: Сталинабад, Сталинград, Сталино, Сталиногорск.

Троцкист

В статье «Правды», посвященной первой Октябрьской годовщине, подчеркивалось, что победой вооруженного восстания партия обязана Троцкому. Далее говорилось много хвалебных слов о реальных и мнимых заслугах Троцкого, и он превозносился как создатель Красной Армии. Такова была эта явно «троцкистская» статья. Начиная со второй половины 30-х годов обладателя «Правды» за 7 ноября 1918 года полагалось расстреливать на месте, газету сжигать и к делу не приобщать. Было заявлено, что эту статью с провокационной целью подбрасывают фашисты, а на самом деле, мол, такой статьи не было. Однако она существовала и ее автором был «троцкист» ... Сталин. В 1918 году он еще не знал, на кого опираться и с кем бороться, чтобы достичь единовластия.

Сталин в Вятке

В конце 30-х годов Сталин вызвал к себе первого секретаря обкома города Вятка и, не отвечая на приветствие, ошарашил:

— У вас, как всегда, непролазная грязь на улицах?

Вятский руководитель растерялся, а Сталин продолжил:

— В Вятке грязь такая, что скорее ногу из сапога вытащишь, чем сапог из грязи.

Это воспоминание Сталина связано с одним эпизодом гражданской войны. В 1919 году чехи и колчаковцы прорвали фронт и взяли Пермь. Возникла угроза Вятке с последующим ударом на Москву. В Вятку, где командовал армией Блюхер, прибыли Сталин и Дзержинский с широкими полномочиями от ЦК. Без особых разбирательств они сурово карали за сдачу Перми. Многие были расстреляны.

Рабочие моменты

В 1977 году я был в гостях у Иосифа Леонидовича Прута и услышал его рассказ.

В ноябре 1920 года он привез из Владикавказа в Москву письмо к наркому по национальным вопросам Сталину. Наркомат был на пятом этаже. Лифт не работал. Пришлось подниматься пешком. Нашел дверь с табличкой «Нарком» и постучал. Никто не ответил. Прут открыл дверь. Секретаря на месте не оказалось. Тогда он прошел в глубь комнаты и постучался во вторую дверь. Из-за двери пригласили войти.

Сталин сидел за столом.

— У меня к вам письмо от товарища Кирова,— сказал Прут.

Сталин взял письмо, положил, не распечатывая, на стол и спросил:

— Когда вы приехали?

— Два часа назад.

— Где остановились?

— В третьем доме Моссовета.

— Койку получили?

— Да.

— Талоны на продовольствие получили?

— Получил, товарищ нарком.

— Чаю хотите? Голодный?

— Нет. Я завтракал. Спасибо.

После проявленной заботы Сталин прочел письмо и спросил:

— На словах ничего не передавал?

— Товарищ Киров просил передать, что в боях за Кавказ принимало участие много достойных людей, а орденов Красного Знамени прислали только 300 штук. Просит прислать хотя бы еще столько же.

Сталин сказал:

— Постараюсь. Больше никаких поручений?

— Нет.

— Можете идти.

Когда Прут дошел до двери и взялся за ручку, Сталин окликнул его:

— Сколько вам лет?

— Двадцать, товарищ нарком.

— Хотите, дам вам совет, который может пригодиться вам в жизни? Постарайтесь сделать что-нибудь для революции, а если какой-нибудь канцелярист не включит вас в наградной список, то не надо на это обижаться.

— Вот уже 57 лет я и не обижаюсь,— закончил свой рассказ Прут.

По заслугам каждый «награжден»

После окончания гражданской войны было решено наградить Троцкого орденом Боевого Красного Знамени как одного из главных военных руководителей молодой республики. Ленин предложил дать такой же орден Сталину. Кто-то из членов Политбюро возразил: за что же Сталину военный орден? Ведь Сталин провалил Царицынскую операцию, только недавно вся польская операция и поход на Варшаву чуть не кончились полной катастрофой!

Ленин ответил: мы даем орден Троцкому, а Сталин очень не любит, когда у кого-нибудь что-нибудь есть, а у него этого нет. Надо дать орден и ему. Все согласились.

В Большом театре состоялся торжественный вечер, посвященный окончанию гражданской войны. После доклада вручали ордена. Понимая, что он удостоился ордена при комедийных обстоятельствах, Сталин, чуткий к вопросам почета и почестей, не пришел на вручение.

Всегда начеку

Во время работы в Наркомнаце Сталин, уходя из кабинета, старался запомнить, как лежат на столе бумаги. Если, вернувшись, замечал перемену, то гневно выговаривал своим помощникам.

Приходя домой, Сталин внимательно осматривал каждый угол своей комнаты и, опуская лампу, висевшую на длинном подвижном шнуре, заглядывал под кровать.

Диалог о роли сапожника в истории

В первые годы революции Сталин и один старый большевик беседовали о проблемах власти. Сталин сказал:

— Я объясню вам на примере. Мой отец был сапожником, и я знаю: пока притрутся и станут моими новые сапоги, дело доходит до мозолей, а иногда и до крови. Так же и новый строй.

— Философия сапожника.

— Сапожники тоже люди. Более того, без них не было бы философов или, по крайней мере, они философствовали бы на босу ногу.

— Но что это за сапожник, если сделанные им сапоги до крови стирают ноги?! Такого сапожника нужно переводить в дворники.

— А если он этого не хочет?

— Тогда нужно брать в руки метлу и самому выметать такого сапожника.

— Когда дело доходит до того, что кого-то надо выметать, метла оказывается в руках у сапожника. В этом весь фокус.

Наркомнац

В 1918 году Сталин затеял создание Татаро-Башкирской национальной автономной республики, простирающейся от Казани до Уфы, включающей все малые народы Поволжья (мордву, чувашей и др.). Он созвал делегатов от этих мест, однако делегаты-большевики приехали с наказами своих партячеек не одобрять объединения, при котором возникал бы большой мусульманский регион и многие малые народы теряли бы свою автономию. На совещании разгорелись острые споры, и Сталину не удавалось провести нужную ему резолюцию. Тогда он умело оскорбил большевистскую часть делегатов, и те, обидевшись, покинули заседание. Своим голосом и голосами националистов, левых эсеров и других некоммунистических делегатов Сталин провел свою резолюцию. Делегаты-большевики обжаловали действия Сталина в ЦК. Там сказали: коммунисты должны бороться за свою линию, несмотря на любую обиду. Однако назначили комиссию для пересмотра резолюции. Вскоре началась гражданская война, и решение о создании Татаро-Башкирской республики не было ни отменено, ни осуществлено.

Одним из борцов против сталинского прожекта в то время был латыш Грасис, неоднократно выступавший с разоблачением недемократических и интриганских методов Сталина.

В бытность наркомом по делам национальностей Сталин часто опирался на националистов и старался скомпрометировать наиболее авторитетных партийцев.

Первая автономия на Кавказе

До 1921-го года на Кавказе существовала единая горная республика, в которую входили Дагестан, Чечено-Ингушетия, Кабардино-Балкария и т. д. В 21-м году, отдыхая в Нальчике, Сталин подружился с руководителем Кабардино-Балкарии, а также с Орджоникидзе

и Кировым. Благодаря вмешательству Сталина Кабардино-Балкария первой на Кавказе получила автономию. Позже руководитель Кабардино-Балкарии был убит, однако его социальный статус остался неприкосновенным, как и у Орджоникидзе, и у Кирова.

Дружеская встреча

Старый большевик Лев Новицкий в 1959 году рассказывал.

— В 1920 году Аршак Семенович Александров, организовавший (1902 год) вместе со Сталиным знаменитую забастовку в Батуми, пригласил меня на партийную Северо-Кавказскую конференцию. Мы приехали во Владикавказ, и первым, кого мы встретили, был Сталин. Он подошел к Александрову, дружески хлопнул его по плечу и сказал:

— Здоров, Аршак! Как поживаешь?

На конференции выступал Молотов. Оратор он был неважный, к тому же заикался. Я скоро ушел. Вечером я заметил в Аршаке большую перемену: он приуныл, нахмурился. Я спросил:

— Что с тобой, Аршак?

Он ответил:

— Ты видел, как меня встретил Сталин?

— Видел, очень дружески.

— Дружески? А потом подошел ко мне и говорит:

— Аршак, а почему мы тебя не расстреляли?

— А за что, товарищ Сталин?

— За что — всегда найдется,— сказал Сталин и отошел.

Почему Сталин стал генсеком

У французов есть поговорка: «Власть можно доверять только тому человеку, который ею немного тяготится». Если бы это знали в России, Сталин, наверное, никогда не стал бы диктатором.

В 1922 году Сталин был назначен Генеральным секретарем ЦК РКП(б). Уже через несколько месяцев Ленин заметил, что он сосредоточил в своих руках «необъятную власть». Как это могло случиться? Ведь Сталин не был ни самым известным, ни самым любимым партийным руководителем. Много авторитетнее его были Ленин, Троцкий, Бухарин, Зиновьев, Свердлов, Калинин, Петровский. Я слышал разные объяснения восхождения Сталина к вершинам власти. Думаю, что каждое из них недостаточно и лишь в своей совокупности они отражают реальную картину. Вот эти суждения.

Когда Сталин стал Генеральным секретарем, это место не было ни ключевым, ни престижным. Секретарями ЦК были не наиболее авторитетные руководители, а относительно скромные фигуры: К. Новгородцева, Е. Стасова, Н. Крестинский, В. Молотов.

Генеральный секретарь не был идеологически ведущим партийным лицом. Основные проблемы решались на съездах советов. Сталин расширил функции, сферу деятельности, власть Генерального секретаря.

Когда уже после смерти Ленина стали понятны политические возможности поста Генерального секретаря, Сталина, несмотря на

завещание Ленина, не сместили: Троцкий не хотел видеть на этой должности Бухарина, Бухарин — Зиновьева, Зиновьев — Троцкого и т. д. Сталин был гениальной посредственностью, которая всех устраивала. Властолюбие, хитрость, умение вести интриги и полученные организационные возможности позволили Сталину расставить на ключевых постах своих людей и подчинить себе карательные органы государства. Все это помогло генсеку расширить «необъятную» внутрипартийную власть до самодержавной и абсолютной.

Партийной и околопартийной массе, в большинстве своем состоявшей из социальных низов царской России, неинтеллигентный, грубый и жестокий Сталин был понятен и близок. В этой среде «интеллигент» было почти ругательным словом.

По понятиям тех лет жестокость Сталина была в порядке вещей: крутые меры при решении военных, хозяйственных и даже культурных проблем воспринимались как необходимые.

СТАЛИН И ЛЕНИН

Больше света!
Предсмертные слова Гете

Благодарность

В начале 1922-го года Ленин заступился за жену Сталина — Надежду Аллилуеву, когда во время очередной чистки ее хотели исключить из партии за общественную пассивность. Осенью того же года Сталин ответил любезностью на любезность: он грубо обругал Крупскую. Поводом было то, что она записала под диктовку Ленина письмо к Троцкому и передала его адресату.

Сталин вызвался исполнить партийное поручение — следить за соблюдением Лениным установленного врачами режима. Под этим предлогом Сталин фактически создал для больного режим домашнего ареста.

Завещание Ленина

Сталин настоял на том, чтобы завещание Ленина не зачитывалось на XIII съезде, а было обсуждено по делегациям. Когда Московская партийная организация знакомилась с текстом, Сталин бросил раздраженную реплику:

— Не мог умереть, как честный вождь!

Членам ЦК текст завещания роздали 22 мая 1924 года, а ночью отняли: приезжали представители ГПУ и под расписку требовали сдачи документа.

Когда после XIII съезда на пленуме формировали секретариат, Сталин, просчитав возможную раскладку голосов, проделал традиционный российский безошибочно выигрышный церемониал отказа от престола:

— Если товарищи считают, что завещание — такой документ, который лишает меня всякого политического доверия, я уйду с поста генсека.

Положение спас Зиновьев. Он заверил ЦК, что Сталин осознал свои ошибки и больше их не повторит.

Вопреки воле Ленина завещание не было опубликовано, а Сталин остался генсеком. В 30-х годах за упоминание или хранение завещания давали не менее 10 лет.

Чудеса фотомонтажа

Рассказывают, что фотография «Ленин и Сталин в Горках», на которой они сидят рядом на скамейке,— плод фотомонтажа. Отношение Ленина к Сталину в это время было столь неприязненно, что дружеская беседа была невозможна. Этот снимок как бы защищал Сталина от завещания Ленина, демонстрируя их близость друг к другу. Когда в 1952 году я работал в журнале «Театр», автор какой-то публикации принес мне фотографию: Сталин и Молотов сидят на той же скамейке в Горках в тех же позах, что Сталин и Ленин на известном снимке. Заметив удивительное сходство сюжетов и композиции, я с недоумением обратился к главному редактору драматургу Николаю Федоровичу Погодину.

Был закат сталинской эпохи, шли особенно интенсивные аресты. Склонив голову набок, Погодин хмуро и нехотя дал мрачное по возможным последствиям указание:

— Да, странный монтаж. Об этом надо написать в ЦК или куда следует. Очень часто бывает в таких случаях, что где-то сидит какой-то старой закалки наборщик и протаскивает какое-то вредительство . . .

При чем тут наборщик, я по молодости и несмышлености не понял. Времена были хуже и страшнее некуда. Может быть, Погодин специально давал какое-то темное указание, боясь воздержаться от верноподданнической акции, но при этом не желая ее совершать. Фотографию я печатать не стал. Но никуда ее и не переслал.

Только сейчас, многое узнав об этой эпохе, могу представить те гонения, расследования, аресты, которые вызвала бы публикация или пересылка в инстанции такой фотографии.

Если увидеть этот факт в контексте конца сталинской эпохи, когда Молотов и другие старые соратники вождя были на грани ареста, то можно предположить, что фотография была не случайно заброшена в журнал. Может быть, я уклонился от роли детонатора в адской машине, которая должна была взорвать одного из соратников вождя? Или если можно сделать фотомонтаж «Сталин и Ленин в Горках сидят на скамейке», почему нельзя сделать другой фотомонтаж, сменив одного из персонажей? Однако первая фотография была нужна Сталину, чтобы визуально подтвердить преемственность его власти от Ленина. А кому нужна была фотография «Сталин и Молотов»? Молотову для доказательства близости к Сталину? Неубедительно: ведь плагиат композиции явно выдавал фотомонтаж. Молотову это фото могло только повредить. Скорее всего, это было фото изначальным и реальным и послужило когда-то первоисточником для политической фальсификации: Молотова сменили на Ленина. Вероятно, автор статьи наткнулся на редкий снимок и переснял его для журнала, доверившись подлинности архивного материала.

Странный треугольник

В 1961 году в Переделкино литературовед Валерий Яковлевич Кирпотин делился со мною воспоминаниями.

— Сталин рассказывал писателям на даче у Горького, что Ленин, чувствуя приближение болезни, взял со Сталина честное партийное слово, что тот в случае паралича даст ему яд. Когда Ленин действительно был парализован, Сталин обратился в Политбюро с просьбой снять с него слово, данное Ленину. Специальным решением Политбюро освободило Сталина от этого обязательства.

Странный треугольник: Сталин — Ленин — яд.

Налаженный канал информации

Второй экземпляр всех написанных Лениным во время болезни документов тут же попадал к Сталину. Согласно преданию, делала это личный секретарь Ленина — Лидия Александровна Фотиева, подчинявшаяся распоряжениям Сталина.

Загадочная гибель

Камо погиб в 1922 году в Тбилиси при загадочных обстоятельствах. Он был сбит машиной (чуть ли не единственной в городе), когда ехал на велосипеде. Еще в те годы существовало подозрение, что он был устранен Сталиным: Камо хотел пробиться в Горки и освободить Ленина из-под домашнего ареста.

Бальзамирование

Я выступал в Доме ученых на вечере, посвященном мемуарам Ильи Эренбурга «Люди, годы, жизнь». По окончании Илья Григорьевич говорил мне, что в истории есть много загадок, которые, наверное, уже не удастся разгадать. Например, никто никогда не узнает, почему на Политбюро в 1924 году такие разные люди, как Бухарин, Зиновьев, Сталин, Троцкий, Каменев вопреки русской национальной традиции, вопреки коммунистическому мировоззрению, вопреки взглядам самого Ленина и его желанию быть похороненным рядом с матерью, вопреки слезам и просьбам Крупской решили строить мавзолей, бальзамировать тело Ленина и таким фараонским способом увековечить его память. Причины, вероятно, были разными и смешанными: для одних — это дань памяти, для других — желание укрепить себя и свою власть тенью авторитета, для Сталина, наверное, в этом решении были зачатки идеи культа личности. Как бы там ни было,— закончил Эренбург,— ничего нельзя уже понять точно: ни одного участника этого события нет в живых.

БЫТ И НРАВЫ, КУЛЬТУРА И РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Он здесь бывал. Еще не в галифе.
В пальто из драпа. Сдержанный, сутулый.
Арестом обитателей кафе,
Покончив позже с мировой культурой.

И. Бродский

Времяпровождение

По свидетельству критика Ильи Фейнберга, поэт Владислав Ходасевич рассказывал, что Сталин имел привычку часами лежать на кушетке и плевать на наличник над дверью. Это очень не нравилось его жене Надежде Аллилуевой, и она ругала и стыдила его даже при посторонних.

Расселение

Сталин вместе с другими руководителями и высокими партийцами жил в Кремле в так называемом Белом коридоре. Его непосредственным соседом был Демьян Бедный, а где-то рядом жил Каменев и другие вожди (я еще помню «честное пионерское всех вождей», потом уже образовался только один вождь — Сталин). В конце 20-х годов Сталин стал отселять соседей в особняки. «Воронья слободка» вождей, их коммуналка, их общее поселение ликвидировалось, они были расселены по Москве. Демьян Бедный, например, получил весь особняк графа Панина, у которого служил секретарем Фонвизин.

Дела семейные

Старый член партии Полина Семеновна Виноградская в 1980 году в Доме ветеранов кино (Матвеевское) рассказывала.

— В Царицыне Надежда Аллилуева была секретарем Сталина. Она была светлая, солнечная девушка, верящая в добро. Никто никогда не мог понять ее выбора. История же этого брака многое объясняет. В 1918 году Сталин был направлен в Царицын с широкими полномочиями по заготовке продовольствия для Петрограда, Москвы и других городов. Он ехал в особом поезде, в котором были и другие партийцы, в частности, старый большевик Аллилуев и его дочь Надежда — машинистка Совнаркома. Ночью Аллилуев проснулся от шума, доносившегося из купе его дочери. Аллилуев стал рваться туда. Ему отворили не сразу. Когда он вломился в купе, то увидел недвусмысленную картину. Аллилуев вытащил пистолет и хотел застрелить Сталина, но тот упал на колени и стал просить пощады, уверяя, что хочет жениться на Надежде. Та, плача, отвечала, что не желает выходить за него замуж. Вскоре выяснилось, что она беременна. В начале 1919 года, когда Сталину было 40 лет, Надежда Аллилуева стала его женой и вскоре родился сын Василий.

Тайна этой женитьбы тщательно сохранялась. В ней одна из причин гибели Аллилуевой и ареста большинства ее родственников. Не был

посажен только Аллилуев-отец. Он зарыл в саду бумагу с рассказом об этом. А дочь Анастасия (та, что писала воспоминания), выйдя после смерти Сталина из лагеря, по секрету рассказала эту историю адвокату, занимавшемуся делом посмертной реабилитации ее мужа.

Один из рецензентов моей рукописи резко протестовал против публикации этого предания, недоказанного, документально не подтвержденного. В отличие от рецензента я не считаю, что публиковать это предание недопустимо.

1. Поэт писал:

> Мы живем, под собою не чуя страны,
> Наши вздохи за десять шагов не слышны.

Мы долгие годы ничего не знали о себе, о стране, о своих руководителях. Жалкие сведения и те приходили к нам «идеологически» обработанными. Как говорил другой поэт:

> Все пропаганда, весь мир пропаганда.

Теперь, страшными усилиями преодолевая свою слепоту и социальную лень к прозрению, психологические барьеры и моральные шоры, мы начинаем постигать наше настоящее и прошлое. И как привычно это постижение ограничить рамками дозволенного «приличия». Однако куда деть неприличное? Необходимо ли его просто выбросить из истории? Или во имя неповторяемости его следует осмыслить?

2. Многие сведения о нашем недавнем прошлом не могут быть сегодня документально подтверждены. Однако разве это довод против их публикации с указанием на вероятный, а не достоверный характер? Достоверность таких сведений в процессе исторической проверки будет либо повышаться, либо понижаться. Однако для того, чтобы сведения были проверены, они должны быть введены в культуру.

3. Эта книга призвана дать художественный образ эпохи, а не ее документальное описание. Трудно поверить, что Полина Семеновна Виноградская выдумывала: она была человеком без фантазий, в ее рассказе были подробности, которые не придумаешь. Если же в предании, сообщенном мне Виноградской, все же содержится выдумка, то и она ценна, потому что важно направление и характер этой выдумки.

4. В истории, рассказанной здесь, Аллилуева предстает как вызывающая сочувствие, а осуждения заслуживает Сталин.

5. Мы до тех пор не будем свободными людьми, пока не научимся раскрепощенному, в том числе и фривольному, отношению к своему прошлому и его персонажам. Пример такой свободы и даже фривольности показал Ф. Искандер в «Моем бедном Марате». Герой повести оказывается любовником любовницы Берия. Описывая донжуанские похождения героя, балансирующего над пропастью, автор не просто сообщает пикантные подробности жизни одного из самых страшных соратников Сталина, но и передает ужас бесправия людей.

Не смогли бы французы выйти из состояния духовной несвободы, если бы Вольтер не совершил непомерно смелого кощунства — не осмеял ни много ни мало национальную героиню Франции Жанну д'Арк. И фривольность этого осмеяния столь великолепно свободна, безоглядна, что, прочитав это, нельзя было больше оставаться верноподданным рабом короля и аристократии. Такая фривольность обрекала нацию на свободу.

Я хочу раскрепостить и себя, и моего читателя и разрешаю себе быть свободным, в том числе и от мнения моих рецензентов.

Руководитель культуры

Во второй половине 20-х годов наркомом просвещения Закавказья стал с благословения Сталина бывший грузчик. Он говорил своему другу носильщику: «Видишь, я нарком просвещения! Представляешь, кем бы я стал, если бы был грамотным?!» Писать резолюции он вскоре все-таки научился. Когда в Наркомат прислали бюст Ленина, нарком написал: «Просим прислать бюст с ногами». Когда Наркомату достались два новых унитаза, нарком решил, что это вазы для фруктов, и во время очередного революционного праздника эти «вазы» были с большим трудом установлены на столах.

В конце 20-х годов в вузах ввели плату за обучение. Одна вдова прислала письмо с просьбой освободить ее сына от платы за обучение. Нарком написал резолюцию: «Бесплатный социализм кончился».

В 30-х годах этого наркома расстреляли. Видимо, на новом этапе для разрушения культуры потребовались люди с более высокой, чем у грузчика, квалификацией. В эти же годы был арестован и другой бывший грузчик — Гронский, руководивший культурой и литературой в Москве.

Что такое КУТВ!

Карл Радек определял КУТВ (Коммунистический университет трудящихся Востока) следующим образом: учебное заведение, в котором польские и немецкие евреи по-английски читают лекции китайцам о том, как делать революцию по-русски.

Соперничество меценатов

В 1926 году в кооперативном писательском доме близ улицы Герцена собралось много литераторов старшего и младшего поколения. В те поры некоторые писатели были в контактах с Троцким, который старался играть роль мецената. Видимо, из чувства соперничества, понимая значение писателей в жизни культурного слоя России, Сталин тоже стал делать попытки сблизиться с живой современной литературой. Поэтому он пришел на литературные посиделки. Там и состоялся разговор Сталина, Всеволода Иванова и Фадеева.

Сталин спросил у Всеволода Иванова:

— Что у вас выходит в ближайшее время?

— Выходит новая книга.

— Хотите, я напишу к ней предисловие?

— Зачем? Если книга плохая, ее не спасет никакое предисловие, а если хорошая, то она не нуждается в рекомендациях.

Сталин обратился к Александру Фадееву:

— А вы такого же мнения?

— Нет. Предисловие очень важная вещь. К моей книге предложил написать предисловие Троцкий, но мы с ним люди разных жизненных восприятий, и я отказался. А вот если бы вы, товарищ Сталин, написали, я был бы рад.

— Хорошо. Напишу.

Этот разговор имел решающее значение в жизни Фадеева и Иванова. Сталин не написал предисловия к фадеевской книге, но не забыл его согласия, как не забыл и отказа Иванова и хоть не преследовал его, но держал на расстоянии от высших литературных сфер и благ.

Эта история имела прямое продолжение. Во второй половине 30-х годов Сталин приглашал Иванова на приемы, сажал напротив себя и угощал: сам пил из рюмки вино, а гостю наливал в бокал водку. Писатель послушно и молча пил, не стараясь ни расположить к себе, ни объясниться. Это было похоже на экзамен на покорность. Возможно, именно смиренность Иванова в сочетании с прямотой спасли его.

«Смешная история»

Рассказывал Кирпотин.

— В конце 20-х — начале 30-х годов на одной из встреч писателей со Сталиным Всеволод Иванов читал свой малоизвестный и позднее не печатавшийся рассказ «Дите». Содержание рассказа таково. Красный партизанский отряд идет по пустынным степям. Партизаны видят проносящуюся вдали упряжку, в которой сидят два белогвардейца. Начинается стрельба. Приблизившись к упряжке, партизаны увидели, что убит белый офицер и одетая в офицерскую форму женщина, а на дне повозки лежит младенец. Партизаны долго думают, что делать с ребенком, и наконец решают, что, поскольку он ни в чем не повинен, его надо растить при отряде. С этой целью из соседнего кишлака привозят кормящую мать-киргизку. Она плачет и отказывается кормить чужое дитя. Разъезд возвращается в кишлак и привозит оттуда грудного сына киргизки. Она кормит обоих. Однако молока у нее не очень много, и партизаны начинают замечать, что своего ребенка мать прикармливает больше, чем приемного. Боясь, что это будет стоить жизни сыну отряда, партизаны убивают родного сына женщины.

Сталин слушал рассказ очень внимательно, а в конце весело расхохотался, восприняв эту историю как комедию.

О «Беге»

Сталин сказал: «Бег» Булгакова в том виде, в котором он есть, представляет антисоветское явление».

Ложная легенда, прикрывающая политическое убийство

В середине 40-х годов я слышал историю смерти Котовского. В 1925 году Котовскому приглянулась молодая красивая жена одного из подчиненных ему командиров. Однажды вечером Котовский отослал этого командира с каким-то пакетом в штаб округа, а сам пришел к его жене. Неожиданно муж вернулся и, застав Котовского в неблаговидной ситуации, застрелил его.

Сегодня выясняется, что эта ложная легенда распространялась преднамеренно. Биограф полководца Виктор Козаков и сын — Г. Г. Котовский (см. «Знамя» 1989, № 5) рассказывают, что Котовского без видимых причин убил некто Зайдер. Убийца отделался легким наказанием, а затем был устранен. Это свидетельствует, что он действовал по воле какой-то очень высокой и полновластной силы. Следует особо отметить, что Котовский был приглашен новым наркомвоенмором Фрунзе быть его заместителем. Почти одновременно Сталин устранил трех героев гражданской войны — Фрунзе, Котовского, Склянского, стремясь абсолютно подчинить себе армию.

Погашенные жизни

«Повесть непогашенной луны» Бориса Пильняка правдиво отражает обстоятельства гибели красного полководца, согласившегося на предписанную ему, но на деле ненужную операцию. И автор, и напечатавший эту повесть в «Красной Нови» редактор журнала Александр Константинович Воронский поплатились жизнью за эту публикацию. Сталин боялся наркома по военным и морским делам Михаила Васильевича Фрунзе. Последний принимал участие в беседе крупных военачальников и политиков, состоявшейся в 1925 году в пещере около Кисловодска. Там высказывались мнения о необходимости смещения Сталина. Выдал всех присутствовавший при разговоре Ворошилов. Позже, году в 1927, Сталин высмеивал участников этой беседы, называя их «пещерными людьми».

Источники повести

О роли Сталина в устранении Фрунзе с помощью хирургической операции Пильняку рассказал Воронский. Сталин же обвинил в этом чекиста Якова Сауловича Агранова. В 1937 году его арестовали и заставили признаться в этом «преступлении», которое по понятным причинам подтвердил и арестованный Пильняк.

Тихий уход из жизни

Склянский был в гражданскую войну заместителем наркома по военно-морским делам и заместителем председателя Реввоенсовета республики Троцкого. После войны он был переведен на работу в Главшерсть и в 1925 году послан в США. Там он при странных обстоятельствах утонул в озере близ отеля вместе с другим крупным хозяйственником.

В начале 60-х годов на могиле Склянского поставили памятник.

Полковник Какурин

Полковник царской армии Какурин в начале 20-х годов вступил в ряды Красной Армии и вскоре стал помощником командующего Западным фронтом. В конце 20-х годов он выпустил книгу «Как сражалась революция» и начал работу над теоретическим трудом по военным вопросам. Сталину донесли, что Какурин анализирует военные операции гражданской войны и раскрывает ряд военных ошибок Сталина. По распоряжению Сталина Какурин был арестован.

Быстрый успех

На одного из учеников Бехтерева падает подозрение в отравлении своего учителя. Настораживающая деталь его карьеры: вскоре после смерти Бехтерева (1927 г.) этот ученик был принят в партию без кандидатского стажа.

Путь к решению проблем

В середине 20-х годов, просматривая газету, Сталин прочел сообщение об отравлении одного из лидеров оппозиции в Персии. «Вот видишь,— сказал Сталин Ворошилову,— как они решают вопрос об оппозиции».

Что опаснее

У Сталина спросили: «Какая оппозиция опаснее: правая или левая?» Сталин ответил: «Та, с которой перестают бороться».

Политика и нравы

После XX съезда на партсобрании в Госплане Георгий Петровский рассказал о заседании в ЦК летом 1925 года, на котором председательствовал Калинин, а в президиуме сидели Сталин, Дзержинский, Каменев, Зиновьев и Орджоникидзе. Неожиданно Дзержинский взял слово и в повышенном тоне стал обвинять Каменева и Зиновьева в двурушничестве. Во время его возбужденной речи Зиновьев вышел, Каменев помрачнел, а Сталин сидел, посмеиваясь и поглаживая усы. Выступление Дзержинского не содержало никаких конкретных фактов и вызвало у присутствовавших шок. На несколько минут воцарилась тишина. И вдруг Орджоникидзе закричал, наступая на Сталина: «Это ты подбил его на такое выступление! Зачем ты это делаешь?! Ты провокатор!» Сталин, съежившись, в недоумении разводил руками, мимикой и жестами показывал на Дзержинского: он-де, Сталин, здесь ни при чем.

Помощник

Помощником генсека с 1923 по 1928 год был Бажанов. Обладая правом входить без доклада, он невольно стал свидетелем того, как Сталин по секретной трубке подслушивал разговоры членов Политбюро между собой.

Бажанов бежал за границу и печатал там статьи о Сталине. Вождь требовал, чтобы эти статьи срочно присылались ему, и изучал их. Он организовывал на беглеца покушение, но неудачно.

Заманчивое предложение, которое нужно забыть

Жена бывшего секретаря Сталина В. Кюссе в конце 50-х годов рассказывала.

— В 1928 году Сталин предложил Бухарину:

— Ты будешь главным теоретиком партии, а я — главным организатором и руководителем. И мы оба, как Гималайские вершины, будем возвышаться над всеми.

Секретарь Сталина сказал жене: забудь, что мы слышали эту фразу. Однако предусмотрительность не спасла их: его расстреляли, она 17 лет просидела в тюрьме.

Аллилуйя

Митрополит Сергий в 1929 году выступил с проповедью: все беды Сталина — наши беды, все наши успехи достигнуты благодаря ему. Отца Сергия поддержали четыре митрополита, а священнослужителей, выразивших протест, арестовали.

Промашка

Уже через месяц после высылки Троцкого из страны Сталин пожалел, что изгнанному сопернику было разрешено вывезти архив.

Эпиграмма

Во второй половине 20-х годов Ворошилов обвинил Радека в том, что он плетется в хвосте у Льва Троцкого. Радек ответил эпиграммой, которая кончалась словами:

Уж лучше быть хвостом у Льва,
Чем задницей у Сталина.

Письма

В 1925 году была создана комиссия в составе Дзержинского, Орджоникидзе, Кирова для расследования истории чудом спасшегося двадцать седьмого бакинского комиссара — Микояна. В Баку в составе комиссии вместо Дзержинского поехал Михаил Кедров. Комиссия признала Микояна невиновным. Вместе с тем, она наткнулась на данные, позволявшие заподозрить в Берии провокатора, и выразила ему политическое недоверие.

Потом все члены этой комиссии — кроме Дзержинского, умершего в 1926 году,— погибли насильственной смертью.

Кедрова держали в тюрьме с 1937 по 1941 год. Берия добивался у него ответа на один вопрос: где письма, которые присылались из Баку Дзержинскому? Кедров отвечал, что не знает. В 1941 году Берия без соответствующего решения суда расстрелял Кедрова.

Кого интересовали эти письма: Берия? Багирова? Сталина? Почему? Не был ли заинтересован еще не вышедший в 1934 году на всесоюзную орбиту Берия в смерти Кирова?

Блюститель российской традиции

Старый коммунист Петр Чагин, в прошлом один из видных работников Ленинградской партийной организации и близкий Кирову человек, рассказывал о разговоре, который состоялся в 1926 году на обеде у Кирова вскоре после избрания его секретарем Ленинградского губкома. Кроме Кирова, Чагина и некоторых других ленинградских большевиков присутствовали Сталин и Томский. Застольная беседа, как часто в то время, свелась к теме: трудно партии без Ленина. Все согласились с тем, что партией следует руководить коллективно. Сталин не участвовал в разговоре, но потом встал и, обойдя вокруг стола, сказал: «Не забывайте, что мы живем в России — стране царей. Русский народ любит, когда во главе стоит какой-то определенный человек,— подумав, Сталин добавил:— Конечно, он должен выполнять волю коллектива». Тогда еще никто не подумал, что Сталин предлагает в такие цари себя.

Лозунг

Лозунг на Соловках: «Железной рукой загоним человечество к счастью»— отражение логики сталинских действий.

Ни один самый смелый и гениальный провокатор ... для дискредитации ... социализма, для взрыва его изнутри не мог бы придумать ничего лучшего, чем руководство Сталина и его клики ... Позорно и постыдно для пролетарских революционеров дальше терпеть сталинское иго, его произвол и издевательство над партией и трудящимися массами. Кто не видит этого ига, не чувствует этого произвола и гнета, кто не возмущается им, тот раб ...

М. Рютин. «Ко всем членам ВКП(б)»

IV

1929—1934
НА ПУТЯХ К ЕДИНОВЛАСТИЮ

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ И ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ

«Дайте селам устроиться своим умом,— и Россия останется спокойною, и правительству будет легче, и народу будет легче».

Н. Огарев

Оскорбление

Однажды, объезжая деревни, выясняя положение с хлебом и оказавшись во дворе зажиточного мужика, Сталин спросил, почему он не дает хлеба. Тот ответил:

— Спляши — дам.

Оскорбленный Сталин ушел со двора.

Сталин любил рассказывать эту историю, из самолюбия заменяя себя неким пропагандистом.

Классовая ненависть к кулакам у Сталина замешана и на личной обиде.

Отверг

Сталин отверг Троцкого с его идеей сверхиндустриализации . . . и осуществил эту идею. Сталин отверг Преображенского с его идеей превращения деревни в колонию, обеспечивающую экономическое развитие страны . . . и осуществил эту идею.

Провидец

«Руководить — значит предвидеть»,— мудро говорил Сталин. Однако великий руководитель и провидец Сталин не сумел предугадать простейший жизненный ответ крестьян на обобществление скота — его забой.

Дошкольное воспитание

В конце 1929 г. мне было 4 года и я ходил в младшую группу детского сада. Воспитательница просвещала нас:

— Дети, в нашей стране идет коллективизация. Раскулачивают кулаков — сельских богачей. Это остатки классовых врагов. Они сопротивляются. Товарищ Сталин учит, что перед тем как погаснуть, свеча вспыхивает особенно ярко. Сопротивление кулаков — последняя вспышка обостряющейся классовой борьбы.

Как ребенок поколения политически и идеологически обработанного, я хорошо запомнил слова воспитательницы. Только классовая борьба не кончилась с «последней вспышкой» кулацкого сопротивления. Впереди были еще борьба с троцкистами, с бухаринцами, с оппозиционерами всех мастей, с врагами народа, с меньшевиствующими идеалистами, с вульгарными социологами, с формалистами,

с вейсманистами-морганистами, с космополитами, с врачами-убийцами и т. д.

Все мое детство я — ребенок, росший при электрической лампочке,— хотел проверить, правда ли, что свеча ведет себя столь странно? И все же главная странность, что этот пример убедил не только детей, но и взрослых.

Ироды и младенцы

В конце 50-х годов, учитывая возраст и литературоведческую бесплодность, научного сотрудника Института мировой литературы Ивана Ивановича Чичерова отправили на пенсию. В этом Чичеров видел вопиющую несправедливость к нему — старому большевику. В числе пережитого Иван Иванович вспоминал, как он, молодой коммунист, по партийному призыву поехал в деревню проводить коллективизацию. При нем был небольшой вооруженный отряд. Они выгоняли всех, кого считали кулаками и подкулачниками, из изб и отправляли в гибельную ссылку. В этих насильственных действиях, по мнению Чичерова, была жесткая классовая необходимость. Выселение сопровождалось еще более ужасным событием. Обреченные на испытания люди понимали, что младенцы не выдержат мытарств. В ночь перед высылкой матери задворками пробирались к сельсовету и клали детей на крыльцо в надежде, что их — невинных — вырастят односельчане, чужие люди или государство. Этих детей, рассказывал Чичеров, собирали у порогов всех окрестных сельсоветов, свозили в самую большую комнату самого крупного сельсовета и клали там на пол. Умевшие ползать ползли, не умевшие лежали на половицах в чем мать родила или в чем принесла. Послали «наверх» запрос, что делать с младенцами. Вскоре получили распоряжение: не позволять ни кормить, ни брать детей, так как, во-первых, младенцы классово чуждые, а во-вторых, следует пресечь порочную эксплуататорскую практику кулаков подбрасывать своих детей государству или беднякам. Какое-то время дети жалобно плакали, потом уставали и лишь изредка судорожно всхлипывали и, наконец, угасали от голода. Их хоронили в общей могиле.

Именно за участие в этом ужасе строитель нашей государственности и борец за классовые интересы Чичеров требовал к себе милосердного отношения.

Раскулаченная судьба

Галина в детстве жила в деревне на Украине. Ее отец — участник гражданской войны, красный командир, награжденный боевым орденом, пользовался уважением односельчан. Семья жила в ветхом домике, который к концу 20-х годов стал заваливаться набок. Пришлось его оставить и временно поселиться в одной из комнат большого кирпичного дома, принадлежащего Галиному дяде. Однажды в отсутствие Галиного отца к дому подошли вооруженные люди в шинелях, сопровождаемые активом бедноты, выгнали всех его обитателей и отвели под конвоем на сборный пункт за колючую проволоку. Когда бывший красный командир узнал, что его семья

(жена и трое детей) и семья его брата выселены из дома, он ворвался к начальнику сборного пункта, потрясая своими военными документами и убеждая, что он не кулак и даже не имеет своего жилища. Слушать его не стали, побили и перебросили через проволоку в загон для людей. Вскоре раскулаченных повезли в теплушках в Вологду. Здесь прибежищем невольных скитальцев стала церковь с выбитыми окнами и проваленным куполом. В ней было холодно и ветрено, как на улице. Переселенцы голодали. Изредка кто-нибудь из сердобольных вологодцев бросал в окно кусок хлеба или картофелину. Ежедневно десятки сосланных умирали. Вскоре умерли меньшие брат и сестра Гали, и нельзя было достать ни одного гроба, чтобы их похоронить. Месяц мертвые дети лежали на одной подстилке с Галей, и мать укрывала их одним одеялом. Другие семьи тоже долго спали вместе со своими мертвыми. Трупы не разлагались, потому что в церкви было очень холодно.

Весной часть сосланных вывезли в тайгу и выбросили на голых полянах. Местные жители, не утратившие еще милосердия, помогали переселенцам чем могли, пока самые выносливые из них не обрели своего крова и пропитания, а слабые не погибли. Ссыльных же, оставшихся в городе, поселили в подвалах и иногда за ничтожную плату использовали на черных работах. Семью Гали, в которой осталось теперь три человека, поселили вместе с другой раскулаченной семьей в маленьком, холодном и сыром подвале, полном крыс. Вскоре соседская семья вымерла. А потом умер и Галин отец, и только благодаря помощи жалостливых людей удалось по-человечески — в гробу — похоронить его. Галя стала учиться в первом классе, ее приняли в пионеры, и вместе с остальными детьми она благодарила товарища Сталина за счастливое детство.

Писатель В., не вняв предостережениям доброжелателей (смотри: она же из кулацкой семьи!) женился на Гале еще в сталинское время и даже сделал карьеру, а в 70-е годы стал редактором крупного печатного издания. В. ожесточен и винит во всех бедах и деревни, и всей страны не сталинщину, не тиранию, не бюрократию, не невежество и фанатизм преобразователей общества, а евреев. Так оно понятнее и самому писателю, и широким читательским массам, и начальству. Имея такого подставного виновника, можно было даже в застойные годы говорить правду о реальных бедах деревни, и высшее начальство терпело и даже порой поощряло эти публикации. Логика «славянофильской» борьбы с западниками использовала правду о коллективизации; о сталинизме, о трагедии народа в групповых интересах патриархальщиков. В результате деятельность честного и мужественного В. оборачивалась разобщением сил, способных принести обществу экономическое процветание и духовное просветление. Громоотвод для народного гнева вновь найден в стороне от истинных виновников народных бедствий, что грозит их неизбывностью. В подобном случае об одном, к сожалению, горбатом поэте, много потрудившемся на ниве жидоедства, была создана эпиграмма:

Поэт горбат, стихи его горбаты.
Кто виноват? Евреи виноваты.

Существует исторический опыт Германии конца 30-х и Польши конца 60-х годов. Обе страны в разное время, по разным причинам и в разных формах освободились от евреев, и это не решило ни одной из социальных проблем и не привело их народы ни к счастью, ни к процветанию. Великий русский писатель и кумир нынешних «славянофилов» Достоевский, утверждающий всесветность русской духовности, зовет человечество в ту же гуманистическую сторону единения, в какую зовут его кумиры западников — Гете и Бетховен, призывающие «обняться миллионы».

Время осознать простейшие библейские истины. Известные заповеди дают нравственную основу человечества и определяют суть добра и зла, между которыми идет борьба. И не она воплощается в спорах современных «славянофилов» и «западников». «Славянофилы» утверждают историческую память и национальную самобытность народа, сохранение которых есть гарант его бытия. «Западники» преодолевают национальный изоляционизм —«Нам внятно все: и острый галльский смысл и сумрачный германский гений»— и показывают, сколь важно для обогащения культуры своего народа вобрать культурные ценности других наций. Граница, отделяющая зло от добра, лежит не между славянофилами и западниками, а идет поперек спорящих партий культуры. Межа эта отсекает от славянофилов не западников, а тех, кто ненавидит инородцев и иноверцев, а от западников — всех не внемлющих голосу русской культуры. Процесс духовного развития перегруппирует людей культуры, и противостанут друг другу не славянофилы и западники, а носители добра и зла.

Фундамент абсолютной власти

Коллективизация не была экономической акцией: она не решала хлебные и вообще продовольственные проблемы; коллективизация была акцией политической. Собственник и труженик — крестьянин должен был стать тружеником-колхозником. Общественная собственность должна была воцариться не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. При демократическом строе эта общественная собственность могла контролироваться народом. При насаждаемом Сталиным бюрократическом строе — общественная собственность контролировалась только бюрократией и в конечном счете попадала в полновластное распоряжение к нему самому, как высшему бюрократу. Эта структура создавала абсолютистскую власть, охватывающую не только политику, но и экономику. Коллективизация была важнейшим шагом к созданию самодержавной империи, в которой лет через семнадцать классовый принцип был заменен национальным. Сталин стал императором всея Руси.

Новый обряд

В колхозе идет общее собрание. За столом сидит президиум: председатель колхоза, парторг, представитель райкома, агроном и так далее. Председатель предлагает выбрать в почетный президиум все Политбюро во главе с товарищем Сталиным. Одна из колхозниц охнула:

— А где же мы их посадим?!

Стройки

Сталин интересовался историей России и особенно теми эпохами, когда правители любой ценой стремились к усилению власти и развитию государственности: царствованием Ивана IV, Петра I, Николая I.

Беломорско-Балтийский канал, Волго-Дон, «Москва — порт пяти морей»— все эти ненужные в XX веке, экономически бездарные прожекты были во многом списаны с неосуществленных замыслов Петра. Сталин считал, что эти стройки придадут ему историческое величие. Однако то, что в первой четверти XVIII в. имело смысл, в середине XX века было почти бессмысленно. По Беломорско-Балтийскому каналу из Москвы в Ленинград на судах никто, кроме туристов, не ходит, так как существует железнодорожное и авиационное сообщение. По трудоемкости и экономической никчемности строительство этих каналов равно сооружению пирамид, которые все же имели культовое значение. Они строились рабами. Впрочем, заключенные — те же рабы, труд которых вне современной экономики.

Кроме канала Волго-Дон, Петр был озабочен отысканием водного пути в Индию. Какое счастье, что эти замыслы не попали на глаза великому вождю, он обязательно стал бы рыть канал-туннель в Индию через Памир и Гималаи.

СЕМЬЯ, БЫТ, НРАВЫ

Когда он входит, все они встают.
Одни по службе, прочие от счастья.
Движением ладони от запястья
Он возвращает вечеру уют.

И. Бродский

Любимый цвет

Сталин распорядился покрасить в черный цвет загородную дачу. Его жена Надежда Аллилуева плакала, уговаривая дать даче любую другую окраску. Сталин настаивал и только благодаря уговорам Ворошилова разрешил перекрасить дачу.

Большой шутник

Анастас Иванович Микоян после XX съезда в землячестве армян рассказывал:

— Спрашиваете, какой был Сталин? Умный, интересный, волевой человек, преданный партии. Шутить любил.

Однажды сидим мы с Аллилуевой во время вечеринки, о детях разговариваем, а Сталин заметил и говорит:

— Товарищи члены Политбюро, смотрите, Микоян за моей женой ухаживает. Если я его убью, он сам в этом будет виноват.

Мне неловко, страшно. В следующий раз стараюсь сесть подальше от Аллилуевой, а она подходит и что-то спрашивает. Сталин говорит:

— Видите, Микоян снова за моей женой ухаживает.

И гневно говорит, так что страшно становится. Я даже когда возвращаюсь домой, все еще переживаю. Говорю однажды Аллилуевой:

— Давайте вместе не садиться, не будем раздражать товарища Сталина.

Она смеется и соглашается. Садимся в следующий раз совсем в разных концах стола, не разговариваем. Сталин говорит:

— Видите, Аллилуева и Микоян в разных концах сели, не разговаривают — маскируются. Убью!

Да, Сталин любил шутить. Только от его шуток иногда было страшно, потому что в шутку мог и убить.

Версия гибели Аллилуевой

Иван Михайлович Гронский рассказывал о смерти Надежды Аллилуевой.

— Глубоким вечером Сталин сидел в своем кабинете, просматривал какие-то бумаги. Вдруг он услышал за спиной тихие шаги и выстрелил, не оборачиваясь. Оказалось, что это Аллилуева, стараясь не беспокоить, несла ему чай.

Гронский и Молотов долго ждали, что Сталин даст официальную версию события. Однако Сталин не появлялся. Тогда Молотов и Гронский на свой страх и риск сообщили органам информации, что Аллилуева умерла от приступа аппендицита.

Тот же Гронский излагал обстоятельства смерти Аллилуевой и по-другому.

В роковой вечер во время застолья Сталин ухаживал за женой Тухачевского. Аллилуева разнервничалась, расплакалась. Сталин швырнул в нее мандарином. Видно, это была последняя капля в ее горестной жизни.

Есть еще одна подробность. Незадолго до гибели Аллилуева ходила по саду с женой Молотова — Жемчужиной. Они что-то взволнованно обсуждали. Потом Аллилуева пошла объясниться со Сталиным. И это объяснение завершилось ее смертью. Либо она покончила с собою, либо ее убил Сталин.

По одной версии, Аллилуева умерла от выстрела в висок, по второй — от пулевого ранения в живот. Первая версия подкрепляется сведениями о том, что у лежавшей в гробу Аллилуевой была необычная прическа, закрывающая висок. Вторая версия могла появиться под влиянием официальной информации об аппендиците как причине смерти.

Прощание

Сталин не хотел подойти к гробу жены попрощаться. Уступив настояниям родных, он приблизился, посмотрел на покойницу и, толкнув гроб со словами: «Ты меня предала»,— ушел.

Что это означало? Или: ты меня предала, и я тебя справедливо убил? Или: ты покончила с собой в трудную для меня минуту и тем самым предала меня?

Аллилуева

Я знал Ксюшу Аллилуеву, двоюродную сестру Светланы Сталиной. Когда в конце 40-х годов арестовали ее родителей, ей было лет шестнадцать и она жила с двумя братьями в знаменитом доме на набережной. Эту милую и всегда голодную девочку подкармливали товарищи по школе и знакомые. В доме было запустение. Одну из комнат опечатали при обыске, и туда были свалены книги, ковры и многие другие вещи. Из щелей двери вылетали стайки моли, питавшейся коврами.

Ужас опустевшего дома

В середине 30-х годов дом, в котором жили Аллилуевы и вся партийная элита, начал пустеть. Матери, жены, дети брошенных в тюрьмы пытались получить помощь и защиту у Аллилуевых, не зная того, что они бессильны кому-либо помочь и не имеют никакого влияния на ход событий. Семьи «врагов народа» выселяли или арестовывали. Вскоре в доме остались жить одни Аллилуевы. Это было очень страшное ощущение — жить в пустом доме. Страх и отчаяние в сталинской империи были безысходны.

Судьба заключенных не миновала многих и из семьи Аллилуевых.

Выбор подруги

Когда Светлана Сталина училась в школе, ей была «подставлена» официальная подруга — дочь чина НКВД. Девочка сидела со Светланой за одной партой и единственная из всего класса ходила к ней в дом и ездила на дачу. Там Сталин любил разжигать костер и смотреть, как девочки прыгали через него. Светлана боялась. Сталин кричал и заставлял прыгать, ставя в пример подругу.

С кем же было дружить дочери вождя, если не с дочерью охранника? Человеческие связи регулировались и обрывались (позже даже любовные и семейные). Отец этой подруги остался жив, хотя служил в учреждении, состав которого часто пропалывали.

Свои трудности

Дача Сталина была где-то у Завидово, близ реки. Однажды Светлана и ее подруга поехали со Сталиным кататься на лодке. Через некоторое время Сталин перестал грести и застыл в печальной задумчивости. Девочки притихли. Поймав тоскливый взгляд отца, Светлана спросила: «Папа, почему ты такой грустный?» Сталин сказал: «Жизнь трудная и грустная штука!»

В деспотической системе счастья нет ни у кого, даже у деспота. Вспоминается максима Ларошфуко: «Поскольку всех счастливее в этом мире тот, кто довольствуется малым, то власть имущих

и честолюбцев надо считать самыми несчастными людьми, потому что для счастья им нужно несметное множество благ».

Детское мышление в массы!

Однажды Светлана и ее подруга гуляли в саду на даче у Сталина. Вдруг их позвали в комнату, где члены Политбюро обсуждали варианты нового ордена «Знак Почета». Сталин предложил девочкам выбрать из множества рисунков наиболее понравившийся. Светлана выбрала. Сталин сказал: «Этот утвердим».

Для Сталина сознание народа — детское сознание, что нравится ребенку, то понравится и народу, наивному в мыслях, примитивному во вкусах. Сталин — один из первых политиков XX века, учитывавший массовую психологию и использовавший массовые коммуникации.

Сталинский быт в народном восприятии

Соседская домработница Даша в 36-м году пела:

> Ой, калина-калина,
> Много жен у Сталина,
> А еще у Рыкова
> И у Петра Великого.

Я, как идейный мальчик, возражал:

— Откуда ты, Даша, взяла, что у Сталина много жен? Это неправда.

— В деревне люди говорят, а люди все знают.

Сапожник, так и не ставший руководителем

Проезжая на поезде какой-то город в Закавказье, Сталин обмолвился, что здесь жил друг его юности. Человека нашли. Он оказался директором сапожной мастерской. Его назначили секретарем райкома, а через некоторое время — заведующим отделом кадров ЦК республики. Но друг юности вождя был полуграмотным, он не понимал, чего от него хотят, и все время просил отпустить назад в сапожную мастерскую. Так прошло полгода. Убедившись, что из этого человека большого начальника не получится, его вернули на прежнее место.

Кипарисы и москиты

Однажды в Крыму вождя укусил москит. Сталин огляделся и сказал: «Москиты — вредные насекомые. С ними нужно раз и навсегда покончить. Они живут в кипарисах. Чтобы освободить нашу всесоюзную здравницу Крым от вредного присутствия москитов, нужно срубить все кипарисы». И кипарисы срубили. Вместо них по указанию Сталина стали сажать эвкалипты. Они приживались трудно. На эти посадки ушло много миллионов рублей.

Застолье

Однажды после вечера, на котором присутствовали только военные, Сталин сказал Сергею Матвеевичу Штеменко, что надо расширить круг застолья. Штеменко предложил пригласить балерин.

— Нет, женщин за стол не надо. Давайте пригласим старых большевиков.

На следующее пиршество привезли трех старых большевиков из разных городов.

Они робко сидели, смотрели и слушали. Потом один из них осмелел и произнес тост:

— Я открытый человек и скажу правду, что было немножко обидно: мы, люди, делавшие революцию, были долго в тени. Но вот теперь товарищ Сталин, благодаря гениальной чуткости, такой же, как у Ленина, обратил на нас внимание. Я пью за великого Сталина, великого продолжателя дела Ленина.

Все выпили. Сталин тоже выпил, по привычке не допив бокал.

Видя, что его тост принят, старый большевик, еще более осмелев, подошел к Сталину и стал вспоминать революционное прошлое, называя Сталина «Дорогой наш Сосо».

Сталин отставил бокал, презрительно посмотрел на говорившего и сильно ударил его кулаком в живот. Пожилой человек согнулся от боли, и его тут же уволокли.

А Сталин долго не мог успокоиться:

— Хм, я для него Сосо, видите ли . . . Сосо нашел здесь . . .

Прекрасные слова вождя

На одном из совещаний по среднеазиатским делам маленькая Мамлакат — школьница-хлопкороб 30-х годов — подошла к Сталину с приветствием. Он, улыбаясь, взял ее на руки. Сейчас же и Сталина, и девочку усыпали цветами, и фотографы сделали десятки снимков. Один из них обошел всю страну, сопровождаемый надписью: «Сталин — лучший друг советских детей». У этой истории есть изнанка. Держа девочку на руках и не убирая улыбку с уст, Сталин сказал Берии по-грузински: «Мамашоре эдль алиани!» Мамлакат с благоговением запомнила слова вождя, сказанные на незнакомом ей языке, и хранила их в памяти многие годы, а когда подросла, узнала их значение: «Убери эту паршивку!»

Много славы — хуже бесславия

В середине 30-х годов бывший чекист, секретарь Ростовского обкома пошел на прием в Кремль, надев целый иконостас орденов. Сталин сказал:

— Вам, товарищ секретарь, вторую грудь нужно будет заказать.

Тот самый

Однажды Сталин позвонил в «Известия». Трубку снял наборщик-еврей.

— Это говорит Сталин.

— Как, тот самый?— удивленно сказал наборщик и от испуга повесил трубку.

Обмен фотографиями

Сталин сказал Буденному:

— У меня нет твоей фотографии. Почему ты не даришь мне свою фотографию?

— Я, товарищ Сталин, с большим удовольствием. Сейчас надпишу,— Буденный задумался.

Сталин пришел на помощь:

— Что думаешь?! Пиши: «Создателю Первой конной армии товарищу Сталину».

Буденный сделал эту дарственную надпись.

— А теперь я тебе подарю мое фото,— сказал Сталин, вытащил фотографию и надписал: «Действительному создателю Первой конной армии товарищу Буденному — Сталин».

На Северном флоте

Году в 32-м Сталин вместе с Ворошиловым выехал на Северный флот в Мурманск. Флот был слабым. Гости обосновались на небольшом военном суденышке, где его политкомиссар стал вертеться вокруг высокого начальства, стараясь попасть на глаза Сталину. Когда это удалось, политкомиссар, не зная, что сказать, выпалил, указывая пальцем на зачехленное орудие:

— А это пушка.

— Вижу, что не пистолет,— равнодушно ответил Сталин, и беседа не состоялась.

ФЕЛЬДФЕБЕЛЯ — В ВОЛЬТЕРЫ

Путь в классики

В конце 20-х годов ученики Деборина Митин, Юдин и Ратцель по наущению Сталина посетили своего учителя и предложили ему, авторитетнейшему философу-марксисту, высказаться о том, что Сталин является крупнейшим теоретиком партии, классиком марксизма. Деборин ответил, что рад это сделать, но у Сталина нет никаких серьезных философских работ. Ученики заявили, что, если Деборин хочет, чтобы они продолжали относиться к нему как к учителю, он должен по чисто политическим соображениям высказаться в пользу Сталина. Деборин отказался и предложил Сталину «союз»: мол, в свое время в лице Маркса и Энгельса слились воедино теория и практика марксизма — пусть это произойдет и сегодня путем объединения его, Деборина-теоретика, со Сталиным-практиком революции.

Когда Сталину передали это предложение, он хмыкнул: «Тоже мне, Энгельс нашелся»,— не задумываясь определив себе место Маркса.

Суета сует и всяческая суета! Не поделили! Вскоре за эти прегрешения Сталин объявил Деборина меньшевиствующим идеалистом. И печать подхватила эту броскую и невнятную характеристику. Придуманный Сталиным бессмысленный термин стал инструментом уничтожения или отстранения от активной деятельности многих неугодных философов.

Учитель философии «классика» марксизма

Ян Стэн был умен и философски образован. Во второй половине 20-х годов он по просьбе Сталина читал ему персональный курс лекций по философии Гегеля. Сталин многого не понимал и многое путал. На редкость темпераментный для латыша учитель хватал его за лацканы пиджака и тряс, таким не лучшим педагогическим приемом вкладывая в своего ученика положения Гегеля. В кругу друзей Стэн не раз говорил о посредственных теоретических способностях Сталина. До последнего доходили эти нелестные оценки. Во второй половине тридцатых годов Стэн был уничтожен, а Сталин провозглашен классиком марксизма.

Философские беседы

Когда Стэн был уже под особым наблюдением, Сталин вызвал Юдина и спросил его:

— Вы бываете у Стэна — о чем вы с ним беседуете?

Не задумываясь Юдин ответил:

— О бабах, товарищ Сталин.

Сталин рассмеялся.

Корифей всех наук и философия

После ареста Стэна Сталин без указания автора включил конфискованную у него при обыске статью о диалектике в «Краткий курс» истории партии в качестве четвертой главы, обработав и огрубив первоначальный текст. Позже Сталин присвоил себе авторство этой исковерканной стэновской работы.

Угадал

Во второй половине 30-х годов Сталин вызвал философа Марка Борисовича Митина и показал ему статью.

— Это написал один старый партиец и попросил меня ознакомиться. У меня нет времени, и я прошу вас посмотреть и оценить, все ли здесь правильно.

Дни и ночи с риском ошибиться изучал Митин эту работу. Наконец, он сказал Сталину:

— Это гениальная работа. Она написана человеком, находящимся на вершине марксистской философии.

Сталин улыбнулся и признался, что работа принадлежит ему. Это была философская глава «Краткого курса» истории партии.

Чутье царедворца не подвело Митина. Он преуспел, стал академиком и долгие годы имел целый штат людей, писавших «его» фило-

софские труды. Однако поскольку рабский труд непроизводителен вообще, а в сфере духа в особенности, все его работы умерли задолго до смерти самого академика.

Кругозор обезьяны

Сталин сказал, что когда обезьяна слезла с дерева, ее кругозор расширился от прямохождения и она стала человеком. Один академик возразил: да, но с дерева больше видно. Его арестовали. Другой академик сказал, что его коллега пошутил. Сталин изрек: шутка — вещь серьезная, а если не серьезная, то просто смешная. Второго академика тоже арестовали.

Так пишется история

В 1931 году Сталин назначил Ивана Павловича Товстуху заместителем директора вновь созданного Института Маркса — Энгельса — Ленина. По указанию Сталина Товстуха уничтожал документы Ленина, невыгодные для Сталина, и собирал материалы против его соперников и врагов. Сталин поручил Товстухе изучить также бюллетени XIII съезда, и графологи из ЧК определяли, кто из делегатов съезда голосовал против Сталина и вписывал в бюллетени другие фамилии.

Друг советских физиков

У молодого ученого Петра Леонидовича Капицы в 20-х годах умерла жена. Капица был подавлен, и Абрам Федорович Иоффе — тогдашний учитель нового поколения советских физиков — решил поддержать талантливого ученого и отправил Капицу к Резерфорду в Англию. Капица понравился английскому физику и получил в его институте лабораторию. Там он работал, изредка приезжая на родину.

Во время очередного приезда в начале 30-х годов его вызвали в НКВД и спросили, не считает ли он, что пора жить дома. Капица ответил, что ему лучше работать в Англии, где у него есть лаборатория. Ему же посоветовали не думать подобным образом. А вскоре Сталин пригласил его к себе и спросил, при каких обстоятельствах он мог бы успешно работать на родине. Капица ответил, что для этого ему нужен свой институт. Сталин согласился. Однако Капица объяснил, что иметь в Советском Союзе институт с необходимым оборудованием невозможно, поэтому ему лучше вернуться в Англию. «Почему невозможно?»— возразил Сталин.— Мы можем выделить валюту для покупки необходимого оборудования. Что вам нужно?» Капица представил предусмотрительно приготовленный список и добавил, что хотел бы быть в этом институте полным хозяином.

— Я хотел бы принимать на работу только тех, кого сочту нужным, и назначать зарплату по своему усмотрению. Контроль за расходованием средств должен сводиться к одному: не злоупотребляю ли я деньгами в личных целях. В остальном я должен ими распоряжаться по своему усмотрению, в интересах дела.

Сталин согласился, и Капица получил в свое распоряжение институт. Деятельность директора началась с такого эпизода. Войдя во двор института и увидев кучу мусора, Капица вызвал начальника отдела кадров.

— Сколько у нас дворников?

— Три.

— Сколько они получают?

— По пятьдесят рублей.

— Позовите одного из дворников.

Пришел пожилой человек и представился дворником. Капица спросил:

— Если вам определят зарплату в 120 рублей, будет чисто?

— Да.

— Тогда договорились.

Так началась работа института.

Для улучшения научной работы

Устав Российской академии наук содержал пункты, неудобные для Сталина. Самостоятельное, без участия «широкой общественности» и вмешательства инстанций выдвижение и выборы кандидатов и членов академии. Издание трудов АН без цензуры. Бесплатное и беспрепятственное отправление за рубеж материалов и изданий, а также любых грузов. Самостоятельная беспошлинная закупка зарубежных приборов и книг. Освобождение от таможенного досмотра на границе. Сталин лишил академию всех этих вольностей.

Под нажимом властей академия избрала новых академиков, многие из которых, хотя и были широко образованными людьми, но не имели прямого отношения к академической науке (А. Деборин, Н. Лукин, В. Фриче, Г. Кржижановский, А. Луначарский, Н. Бухарин и т. д.). В подобных акциях Сталину было важно не столько возвысить этих деятелей,— некоторых из них он вскоре уничтожит или отстранит от активной работы,— сколько унизить и подчинить академию. Вскоре утратившая независимость академия станет пополнять свои ряды людьми, совершенно лишенными научных достоинств (Т. Д. Лысенко, Г. Ф. Александров, А. М. Еголин, М. Б. Митин и другие).

Безбожник

В 32-м году Сталин объявил «безбожную пятилетку», результатом которой должна была стать ликвидация церкви, духовенства, религии, веры.

Борьба с религиозными предрассудками

До революции в России было 40 тысяч мечетей. Сталин уменьшил их количество в 40 раз.

В Монголии по указанию Сталина уничтожили 700 монастырей, погибло три четверти лам.

На севере нашей страны тоже боролись с религиозными предрассудками: шаманов заживо сжигали в их чумах вместе с культовой и ритуальной утварью.

СТАЛИН, ГОРЬКИЙ И ДРУГИЕ

Опасная вакансия

Ленин настаивал на отъезде Горького за границу. «Он больше года с поразительным упрямством настаивал, чтобы я уехал из России»,— это сказано в очерке Горького о Ленине. Забота о больном? Вероятно, однако есть еще и другой аспект! Крупный писатель — всегда беспокойство для власти. Горький приносил ей немало хлопот своим заступничеством за арестованных интеллигентов, просьбами о помощи деятелям культуры, несвоевременными мыслями. Борис Пастернак писал:

Напрасно в дни великого совета,
Где высшей власти розданы места,
Оставлена вакансия поэта,
Она опасна, если не пуста.

Горький уехал на Капри. Потом вернулся, и встала та же проблема. Быть может, Сталин решил ее по-своему. Сталин обвинил в смерти писателя своего верного холуя Ягоду и врачей. Это почти саморазоблачение перед лицом истории.

Возвращение Горького

Горький вернулся на родину из долгой эмиграции. Высказывая ранее «несвоевременные мысли», он осуждал террор и жестокость революции и расценивал убийство Урицкого и Володарского как возмездие палачам. Как же он решился вернуться в сталинскую Россию? Кроме ностальгии должны были существовать другие причины. Прежде всего, временное смягчение жестокости режима или по крайней мере уменьшение информационного потока на эту тему. Некоторую роль в возвращении Горького могли играть материальные дела. Основным источником доходов Горького были публикации в России, а в случае продолжения эмиграции эти публикации могли прекратиться. Нажимал на отца и Максим, которого приезжавшие из Москвы гости уговаривали вернуться и сулили подарить автомобиль. Возвращение предполагалось не окончательным, пробным, и лишь через несколько лет пребывания в Москве выяснилось, что путь назад отрезан. Существовала еще одна неизвестная и важная деталь, о которой независимо друг от друга, что повышает ее достоверность, рассказывали Юрий Карлович Олеша и Корней Иванович Чуковский: Сталин предложил Горькому, а тот согласился,— соправление. Горький возвращался как соправитель России! И действительно, подчеркнутое уважение к Горькому как к основоположнику новой культуры и литературы, привлечение его к решению кардинальных вопросов, приемы в его особняке создавали реальное поле его власти, которое постепенно сужалось и в конце концов дошло до нуля и даже отрицательной величины — до домашнего ареста, осуществляемого с помощью особо полномочного секретаря Крючкова. Однако на первых порах Сталин очень льстил Горькому. Однажды он был в гостях у писателя. Застолье затянулось за полночь. Выхватив из

книжного шкафа книгу Горького, Сталин с сильным грузинским акцентом стал декламировать поэму «Девушка и смерть». Горький сконфузился и попросил: «Не читайте эту ученическую вещь». Однако Сталин упрямо продолжал выразительное чтение. А закончив, написал на книге: «Эта штука сильнее, чем «Фауст» Гете. Любовь побеждает смерть». Перед «чем» он забыл поставить запятую и, кажется, написал «любовь» без мягкого знака. К этой похвале даже во времена культа личности относились без особого доверия: плоскую по мысли вещь Горького нелепо сравнивать с шедевром мировой классики.

Безмерно завышенная оценка поэмы Горького отражала и уровень художественных вкусов Сталина и политические игры вождя с авторитетным писателем, попытку его «купить». И все же Горький не стал писать очерк о Сталине. Отказался делать это и Михаил Кольцов, по словам Олеши, понимавший, что Сталин этого не простит. Так и оказалось — Кольцов был арестован и погиб. Видимо, Сталин не простил отказа прославить его и Горькому. Пролетарский вождь боялся пролетарского писателя. Фигура Горького становилась неудобной для Сталина, ибо мешала фальсификации истории в пользу Сталина и таила опасность протеста против расширяющейся кампании большого террора. Горький умер накануне 1937-го. Не случайна версия убийства его Ягодой и врачами.

Встречи с интеллигенцией начала 30-х

В начале 30-х годов литературовед Юлиан Григорьевич Оксман оказался в гостях у Горького, когда там был Сталин. Горький, только что приехавший из-за границы, считал нужным проявлять общественную активность и говорил Сталину о необходимости коллективного руководства страной. Оксман понял, что Горькому ничего не будет за эти слова, а ему, Оксману — их свидетелю,— не поздоровится. И в самом деле его посадили.

Общение

Валерий Яковлевич Кирпотин рассказывал.

— В доме Горького с писателями Сталин был любезен и обходителен, а с Бухариным суров и груб. Хватая его за бороду, Сталин спрашивал, как он относится к тем или иным вещам, и заставлял произносить угодный ему ответ. Только что была арестована группа близких Бухарину людей: Стеклов и другие. Сталин спросил Бухарина, следует ли их наказывать. Бухарин ответил: «Если они виноваты — следует».

Сталин стал спрашивать сидевших за столом писателей: искренне ли говорит Бухарин? Большинство ответило: конечно, искренне. Авербах и некоторые другие сказали то, что, очевидно, хотел услышать Сталин: нет, не искренне. Ирония судьбы: именно Авербах и другие угодники позже погибли сами.

Один из писателей (автор романа «Бабьи тропы») произнес тост за Сталина. Тот не принял прямой лести, посуровел. Писатель осекся, и всем стало неловко.

Отвергнутая лесть

Сталин не любил откровенной лести. Так, однажды он пресек неумеренное восхваленье со стороны таджикского поэта Абулькасима Лахути.

Гнев Сталина по такому же поводу испытал на себе сибирский писатель Владимир Яковлевич Зазубрин. Сидя за столом вместе со Сталиным, Кирпотиным и другими писателями на приеме у Горького в 32-м году, Зазубрин стал славословить Сталина:

— Вы ходите в простых брюках и в простом костюме, у вас оспинки на лице, но при всей вашей скромности и неброскости вы великий человек . . . и т. д.

Лицо Сталина, по рассказу Кирпотина, сделалось глухо-неприступным: он не принял такую очевидную лесть, которая, к тому же, задевала изъяны его внешности.

В 1938 году Зазубрин не избежал участи многих.

Ориентация в пространстве

Художник, собиравшийся работать над историческим полотном, спросил у Гронского:

— Вы присутствовали на квартире Горького при беседах Сталина с писателями. Скажите, пожалуйста, где сидел Сталин во время этих бесед?

— Это очень легкий вопрос. Сталин всегда и везде садился лицом к двери. Он не любил сидеть к двери спиной.

Плагиат

Виктор Шкловский рассказывал мне в мае 1971 г. в Переделкино, что афоризм «Писатели — инженеры человеческих душ» был высказан Олешей на встрече писателей со Сталиным в доме Горького. Позже Сталин корректно процитировал эту формулу: «Как метко выразился товарищ Олеша, писатели — инженеры человеческих душ». Вскоре афоризм был приписан Сталину, и он скромно примирился с авторством.

Поручение

Во время Первого съезда писателей Фадеев подошел к Олеше и сказал:

— Приветствие товарищу Сталину хорошо было бы зачитать вам. Он вас любит.

Олеша согласился.

Клуб писателей

У московских писателей не было клуба, и в начале 30-х годов они попросили Горького помочь им его организовать. Горький передал желание писателей Сталину и получил ответ, что для этого нужно лишь найти подходящее здание. Перебрав все здания рядом с Союзом писателей, Сталин остановился на бывшем особняке графа

Олсуфьева, принадлежащем посольству США. «Америка плохо относится к нам,— сказал Сталин.— Заберем этот дом у американцев, отдадим его писателям, а когда Америка изменит свое отношение, мы дадим американцам другое здание».

Судьба РАППа

За неделю до постановления ЦК о роспуске РАППа Сталин встретился с руководством этого объединения писателей. На встрече Сталин сказал, что РАПП должен стать единственным активным проводником политики партии в литературе. РАПП был приподнят, поддержан, возвеличен и утвержден в высоком статусе. Авербах ликовал. Тем не менее через неделю РАПП был распущен. Можно предположить, что за эту неделю Горький и другие противники РАППа оказали на Сталина влияние.

Замечания по докладу

Горький подготовил к I Съезду писателей доклад и передал его для ознакомления Сталину, который вскоре пригласил Горького и в присутствии Гронского высказал замечания: доклад слишком уходит в историю, отвлекается от актуальных проблем настоящего и современных задач писателей, не отражает связь литературы с жизнью.

Горький, независимо — нога на ногу — расположившись на диване, с обидой пробасил:

— А вот возьму и откажусь делать доклад. Вот и будет скандал на весь мир.

Сталин примирительно сказал:

— Ну что вы, Алексей Максимович, выступайте, как находите нужным.

О ком это!

В очерке «О Ленине» (Воспоминания. Заметки. М., 1930, с. 212) Горький писал по поводу убийства интеллигентов в ходе революции: «Месть и злоба часто действуют по инерции. И, конечно, есть маленькие, психически нездоровые люди с болезненной жаждой наслаждаться страданиями близких». О ком это? Не о Сталине ли? Все характеристики совпадают. Интересно, принял ли Сталин этот пассаж на свой счет? Легко проверить: надо посмотреть, остались ли эти строки в позднейших изданиях. Проверил. Сталин эти слова не заметил.

Похороны Луначарского

Сталин не пришел на похороны Анатолия Васильевича Луначарского (в 1933 году). Он также никак не высказал своего отношения к этой смерти. Несколько лет перед смертью Луначарский был в опале. Маркус Борисович Чарный утверждал, что Горький не выступил с некрологом под влиянием Сталина. На вопрос Розанель,

почему Горький не почтил память Луначарского, Мария Александровна, мать Екатерины Пешковой ответила: «Он плачет».

Примечательные штрихи

При том, что Горький часто болел, сообщений о его здоровье не было. В 1936 году, когда он заболел не более, чем обычно, сразу же в печати появились бюллетени. В день смерти Горького воспитательница увезла его внучек — Марфу и Дарью кататься на лодках и долго не отпускала, даже когда дети просились домой. Лишь дождавшись сигнала с берега, она причалила к пристани. Дома дети узнали о смерти дедушки.

Было решено урну с прахом Горького замуровать в Кремлевской стене на Красной площади. Волей Алексея Максимовича было лежать рядом с сыном Максимом, и поэтому Екатерина Пешкова попросила часть праха. Однако ей отказали. Повторилась история с Бехтеревым, прах которого не дали родственникам.

В почетном карауле

Поэт Александр Прокофьев вспоминал:

— Умер Горький. Вызвали меня из Ленинграда и прямо в Колонный. Стою в почетном карауле. Напротив Погодин, рядом Федин. Слезы туманят глаза. Вижу: Федин слезу смахивает, Погодин печально голову понурил, насупился. Вдруг появляется Сталин. Мы все встрепенулись и . . . зааплодировали.

«Покараульте мои сосиски . . .»
(рассказ Владимира Полякова)

Было это в 1936 году. Я, никому не известный литератор, очень хотел попасть в Колонный зал на похороны Горького. Попросил Зощенко достать пропуск. Иду по Москве к Колонному залу, и вдруг — продают горячие сосиски в пакетиках. Зачем мне сосиски? Новинка ведь! У меня привычка: покупать новые, даже ненужные вещи. Я купил пакетик с сосисками и довольный вошел в Колонный зал. Думаю, где-нибудь в гардеробе оставлю. Но у меня пропуск оказался такой — проводят сразу в круглую комнату за сценой. Вижу: за столом сидят Ворошилов, Молотов, Калинин, другие вожди и вокруг много известных писателей. Вскоре меня вызывают по фамилии. Военные надевают мне на руку траурную повязку и ведут на сцену — стоять в почетном карауле. А у меня сосиски, значит, я первому попавшемуся, полуобернувшись, говорю:

— Пока я там откараулю, покараульте мои сосиски . . .

Оборачиваюсь, чтобы передать сосиски в надежные руки. Человек с трубкой внимательно смотрит на меня . . .

— Не беспокойтесь, ваши сосиски будут в полной сохранности.

Тут меня окружают военные и вместе с другими ведут в почетный караул. Стою — волнуюсь. Откараулив, возвращаюсь. Подходит ко мне военный в больших чинах — с ромбами, отдает честь и рапортует:

— Вот сосиски, товарищ Поляков, в полной сохранности.

СТАЛИН И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА

Не прошел!

Исаак Бабель напоминал мудрого и доброго сома: толстая, плохо поворачивающаяся шея, большие веки . . . Он очень хотел встретиться со Сталиным и попросил об этом Горького. Тот однажды позвал писателя к себе в дом у Никитских ворот. Бабель оказался за столом с Горьким, Сталиным и Ягодой. Пили чай. По собственному признанию Бабеля, он очень хотел понравиться Сталину.

— Вы же знаете, я хороший рассказчик, а тут я еще очень старался. Вспомнил встречу с Шаляпиным в Италии. Шаляпин после выступления вытирал с огромного, прекрасного и уже постаревшего лица грим. Я у него спросил: «Не хотите ли вернуться в Россию?» А он мне ответил: «Большевики отняли у меня дом и автомобиль. Что мне делать в России?»

Сталин слушал молча, а тут начал громко размешивать сахар в стакане, ложечка так и зазвенела о стекло. И сказал Сталин:

— Мы, большевики, строим дома, наш автозавод начал выпускать автомобили. А Шаляпин все равно гордость и голос народа.

И я понял, что не прошел. Тогда я стал стараться еще больше и рассказал о моей поездке в Сибирь, на Енисей. Очень красочно расписал сибирскую ширь реки — Европе и не снились такие просторы и такая несказанная красота . . .

Слышу, ложечка опять недовольно заходила по стакану и Сталин сказал:

— В Сибири реки не в ту сторону текут.

Смущенно покашливая, Горький встал из-за стола, вышел в другую комнату и, откашлявшись там, вернулся. А Ягода уставился на меня сорочьими глазами и долго не мигая смотрел. И я понял, что провалился.

Предчувствие

В середине 30-х годов Бабель говорил: «Гитлеру противостоит волк — Сталин. Скоро Сталин будет в Берлине».

Бабель рассказывал, что на одном из приемов он ощутил страх и даже ужас перед Ягодой и вдруг увидел, как Ягода залебезил перед вошедшим Сталиным.

Впрок ли!

Андрей Платонов написал повесть «Впрок». Дал прочитать ее Фадееву на предмет публикации. Тот прочел и подчеркнул ряд мест ему или понравившихся, или, с его точки зрения, идеологически ошибочных.

Издательство приняло вещь в производство, и вскоре появилась верстка, в корректуре подчеркнутые места были набраны курсивом. В таком виде повесть попала к Сталину. Он прочел, возмутился, квалифицировал Платонова как кулацкого писателя и высказался: «Эта вещь впрок автору не пойдет». После этих слов Платонов

оказался в тени, в полуизгнании, в забвении. Его на многие годы перестали печатать. И то счастье, что остался жив.

Соответствие эпохе

Из XIX века в XX, от Кьеркегора к религиозным русским философам, к Ясперсу и Хайдеггеру, к Сартру и Камю тянется традиция экзистенциалистского видения мира как абсурдно-бессмысленного и целостного бытия, как закономерно трагического существования личности в пограничной ситуации — между жизнью и смертью. Целостность бытия в экзистенциалистской картине мира приводит к тому, что философская мысль развивается в образной (у Кьеркегора, Сартра, Камю) или в терминологически усложненной философско-синтетической (у Ясперса и особенно у Хайдеггера) форме. Глубинно-экзистенциалистской оказалась и поэзия Мандельштама, и этим она полно соответствовала сталинской эпохе: Сталин придал бытию целостно абсурдный характер и поставил народ в пограничную ситуацию между жизнью и смертью. Однако меньше всего вождь хотел, чтобы его эпоха получила правдивое и адекватное поэтическое воплощение, и ему не нужен был поэт, утверждающий, что век, как волкодав, бросается на горло человеку.

Актуальные идеи поэтов

Поэт Эдуард Багрицкий писал о новой эпохе:

> И если она прикажет убить — убей,
> И если она прикажет солгать — солги.

Эпоха не преминула широко воспользоваться этим предложением. Пригодилась и поэтическая идея Николая Тихонова:

> Гвозди бы делать из этих людей —
> Крепче бы не было в мире гвоздей.

Это пожелание даже получило творческое развитие: из людей стали делать винтики.

Восторг

Эдуард Багрицкий в начале 30-х годов говорил критику Александру Лейтесу: «Я с большим уважением смотрю на мою руку: ее вчера пожал Сталин».

Совершенно секретно

Когда Сталин хотел встретиться с кем-нибудь из писателей, он передавал приглашение через своего помощника, который предупреждал литераторов о неразглашении этого события. Так, однажды у Багрицкого сидел в гостях Марк Борисович Колосов, и Багрицкий не знал, под каким предлогом ему проводить гостя, чтобы уйти на встречу.

Под острым углом

В 1929 году на праздновании пятидесятилетия Сталина остро выступил Демьян Бедный. Он противопоставил Сталину, всегда разузнававшему, кто, что, как и при ком о нем говорил, Ленина, которого это никогда не интересовало. Из полученных сведений Сталин делал «оргвыводы», вознаграждая восхваляющего и карая критикующего.

Сталин и Булгаков

Году в 44-м в доме моего приятеля Аркадия Кеслера я познакомился и потом иногда встречался с молодым человеком лет двадцати двух-двадцати трех. Был он то ли актером МХАТа, то ли студентом Школы-студии МХАТ. Он переживал какие-то актерские неудачи и, по словам Аркадия, нервничал и иногда пил. Звали его Сергей. Аркадий тогда мне рассказывал, что это пасынок писателя Михаила Булгакова, сын Елены Сергеевны Шиловской, а его отец крупный военный.

От Шиловского непосредственно, а отчасти через Аркадия, а также от профессора логики Павла Сергеевича Попова, у которого я учился, будучи аспирантом МОПИ, и в доме которого неоднократно бывал, я слышал историю взаимоотношений Булгакова со Сталиным. Мне сейчас трудно отделить, кто что говорил, и трудно понять, где кончалась реальность и начиналась знаменитая игра Булгакова, любившего писать письма Сталину, но не отправлять их, а самому отвечать себе от имени Сталина. Трудно понять, что тут было от легенды и фантазии, что от истории. Перескажу все, что осталось в моей памяти от этих рассказов (старая моя запись исчезла, как Коровьев слизал).

В начале 30-х годов Булгакова не печатали и не принимали на работу. В отчаянии он отправил письмо Сталину, в котором говорилось: поскольку его — писателя — не печатают на родине, он просит спасти его от голодной смерти и вынужденного литературного молчания, равного погребению заживо, и просит выслать его за границу, ибо это вторая по жестокости мера наказания после смертной казни, которую над ним совершают.

Через некоторое время пришел краткий ответ, в котором Булгакова просили позвонить товарищу Сталину и сообщался номер телефона. Булгаков позвонил из автомата, так как личного телефона у него не было. Пока Булгакова соединяли со Сталиным, очередь у телефонной будки стала проявлять нетерпение. Когда же Булгаков объяснил, что он разговаривает со Сталиным и просит чуть-чуть подождать, ему стали кричать: «Кончай издеваться! Не ври! Повесь трубку!» Булгаков вынужден был поведать именитому абоненту о ситуации, и ему сказали: идите домой — вам позвонят.

«Как позвонят, когда у меня нет телефона?— подумал раздосадованный Булгаков и отправился домой. Вскоре пришли какие-то военные, протянули временную связь и установили телефон, а еще через некоторое время раздался звонок. Неторопливый голос с грузинским акцентом спросил:

— Товарищ Булгаков? . . Вы нам писали?

— Да, товарищ Сталин, писал . . . Понимаете, меня не печатают . . . меня не принимают . . .

— И вы решили уехать . . . за границу?

— Нет, товарищ Сталин. Я много думал и решил, как бы ни было трудно, я не уеду, даже если мне суждено на родине умереть от голода. Место русского писателя в России.

— Вы . . . правильно . . .

Сталин говорил с большими паузами между словами и с еще большими паузами между фразами. Булгакову казалось, что голос исчезает, что его разъединяют. Писатель начинал нервничать и дуть в трубку, пока не понял, что это манера говорить. Через минуту разговора писатель научился терпеливо ждать следующее слово и следующую фразу вождя:

— Вы . . . правильно . . . решили . . . товарищ . . . Булгаков . . . Не следует . . . писателю . . . покидать родину . . .

— Да, я остаюсь. Однако у меня большие трудности. Меня никуда не принимают на работу.

— А вы . . . попробуйте . . .

— Пробовал — не берут.

— А вы попробуйте обратиться . . . во МХАТ . . . Почему бы вам не стать заведующим литературной частью МХАТа? Разве это плохая работа? . .

— Товарищ Сталин, да меня и в дворники туда не возьмут, не то что в заведующие литературной частью.

— А вы попробуйте . . . Очень вам советую . . . попробовать.

— Я попробую, но не уверен в успехе.

— Ничего. Мы вам . . . немного поможем . . . в этом деле. Кое-какое влияние у нас есть.

— Спасибо, товарищ Сталин.

— Какие еще у вас проблемы?

— Не печатают. Цензура ничего не пропускает.

И тут Сталин, то ли забыв историю, то ли, наоборот, подражая известному прецеденту, повторил фразу, сказанную Николаем I Пушкину:

— Я буду вашим цензором. Присылайте мне все ваши произведения.

На этом разговор закончился. Булгакова сразу же приняли во МХАТ заведующим литературной частью. Вскоре он написал пьесу «Кабала святош» и биографический роман о Мольере. В этих произведениях Булгаков пытался смоделировать отношения великого художника с абсолютным монархом. Получалась концепция: абсолютная власть спасает художника от произвола тупой толпы, но мучает его и губит собственным произволом. Такова диалектика власти и искусства. Для защиты от черни художник нуждается в покровительстве монарха и одновременно страдает и в конце концов гибнет от его своеволия. Этими произведениями Булгаков искренне пытался примириться с диктатурой Сталина, осознать его как самодержца, найти свое место в системе абсолютной власти и выстроить с ней терпимые для творчества взаимоотношения.

Однако Сталин не одобрил эти произведения, они вызвали ненужные ассоциации и сопоставления с современностью и высвечивали его фигуру как деспота. При этом Сталин не объяснил, чем не понравились ему произведения Мастера. Спектакль о Мольере после нескольких постановок был снят.

Булгаков трудно переживал неуспех этой работы и задумал написать пьесу непосредственно о Сталине, чтобы не путем аллюзий, а путем прямой характеристики этой фигуры добиться расположения монарха. Драматург написал пьесу «Батум» о детстве Сталина, представив его выдающимся ребенком, имевшим замечательные задатки. Произведение было послано на цензурный просмотр Сталина. Создавая эту пьесу, Булгаков впервые совершил насилие над собой, что потребовало известных нервных напряжений, их усугубляло томительное ожидание решения именитого цензора. Ответа всё не было, а из ЦК от Жданова стали доходить неблагоприятные сведения, предвещавшие запрет на постановку пьесы.

Булгаков заболел. Ожидание, неясность, безнадежность усугубляли его состояние. Тогда мхатовцы написали Сталину письмо, которое, кажется, подписали и крупные артисты других театров (помнится, называлось имя Яблочкиной). В письме говорилось о болезни Михаила Булгакова и о том, что он нуждается в помощи. Только вы, товарищ Сталин, писали актеры, вашим авторитетом поддержав Булгакова, можете вернуть ему надежды на творческий успех, поддержать в нем веру в жизнь и спасти от гибели. Зная о вашем гуманизме, о том, что вы являетесь лучшим другом советского театра, мы просим вас помочь в трудные минуты его жизни замечательному драматургу Михаилу Булгакову. Это вернет ему силы и поставит его на ноги. Примерно так писали актеры Сталину. Однако Булгаков был уже не нужен.

Повторилась история с Мандельштамом. Диктатор стремится сломить художника, заставить его написать восхваление божественной особы вождя. Это восхваление войдет в историю или как отражение реальных достоинств, или как свидетельство всемогущества тирана, способного подчинить своей воле любого Поэта и любого Мастера. Когда восхваление написано — дело сделано. И Поэт, и Мастер теперь могут умереть. И не только могут, но и должны, ибо неровен час, опамятуются и найдут в себе силы отречься от невольничьих строк: захотят и успеют отречься от недобровольно и неискренне произнесенной хвалы. И Булгаков умер, умер, не отрекшись от пьесы «Батум» и не воплотив ее в сценические образы. Никакого ответа на письмо актеров по поводу Булгакова от Сталина не последовало. Сразу после смерти Булгакова раздался запоздалый звонок от Сталина, возможно, нарочно запоздалый: «Правда ли, что писатель Булгаков умер?» Неясно, что в этой истории от реальности, что от легенды, в которой, по словам Булгакова, всякий великий писатель нуждается.

Правда и целесообразность

Дело было в 1932 году. Демьян Бедный набрал в «Известиях» кучу авансов, а стихи отдавал сразу в несколько газет. «Легкая кавалерия»

поручила Рыклину написать об этом фельетон. Опубликовала его стенгазета известинцев «Рулон». Все бы не беда, но фельетон перепечатала ленинградская «Смена». И это бы не беда. Его перепечатали эмигрантские «Последние новости» Милюкова. Бедный пожаловался Сталину, и тот вызвал Рыклина и Гронского. В Кремле их провели в просторный кабинет, усадили за большой стол и дали блокноты и карандаши. Вскоре появились Сталин, Молотов, Ворошилов, Каганович и другие члены Политбюро. Сталин сел среди них. Покуривая трубку и пуская дым сквозь усы, он медленно произносил слово за словом:

— Правильный фельетон? Правильный. Мы давно знаем, что Демьян любит деньгу. Еще до революции в «Правде» мы никому не платили гонорар, а ему платили. Целесообразно ли было печатать фельетон? Нецелесообразно. Не все, что правильно — целесообразно.

Вот, например, Горький приехал из Италии. Мы знаем, как он себя вел. Плохо вел. Есть материалы о его ошибках и плохом поведении. Правильно ли это? Правильно. Целесообразно ли сейчас вспомнить об этом — нецелесообразно. Так что фельетон печатать не следовало. (Гронскому). Сколько вы платите Демьяну за строчку? Пять рублей? Достаточно будет 2 рублей 50 копеек.

Рыклин и Гронский ушли обрадованные, так как ждали жестокого разноса. Сталин не любил Бедного, и это предотвратило его гнев.

Урок гласности

В 1933 году Е. М. Весенин и другие журналисты «Крокодила» подготовили интересный материал, разоблачающий ротозейство руководящих должностных лиц. Журналисты специально организовали фиктивный трест «Главметсор», предупредив об этой мистификации органы ГПУ. Трест обрел печать «взамен утерянной» и был призван производить сбор металлолома из «обломков метеоритов», читать популярные лекции о заготовках металлов на основе предсказания места падения внеземных тел. Для выезжающих к этим местам членов далеких экспедиций были получены редкие в те годы патефоны и пластинки. Все бумаги треста подписывал его руководитель с характерной фамилией О. Бендер. Столь же заметные фамилии носили и другие работники этого учреждения — Коробочка, Хлестаков, Собакевич. Взрослые дяди, завороженные официальными запросами на бланках с печатью, принимали все всерьез. Завершилась мистификация тем, что какой-то умный чиновник заподозрил обман. Но десятки начальников попались. Все они разоблачались «Крокодилом» как ротозеи и невежды, глупцы и головотяпы.

Фельетон получился очень смешным. Его передали в высшие инстанции. Все Политбюро очень смеялось, одобряло, но выпустить в свет без благословения Сталина никто не решался. Сталин же в это время отдыхал где-то под Сочи. Послали материал к нему. Он посмотрел и сказал: «Какая страшная Россия». Печатать не велел. Однако приказал наказать конкретных виновников, разоблачавшихся в фельетоне.

Жест великодушия

В начале 30-х годов в городе Нежине жила дочка уборщицы, проявлявшая музыкальные способности, однако у нее не было рояля и она написала об этом Сталину. Через некоторое время девочке прислали рояль. Весь город и все его дальние и ближние окрестности немедленно узнали об этом и бурно обсуждали это событие, что способствовало популярности Сталина.

В те же годы молодой литературовед Ульрих Рихардович Фохт был не у дел, без работы и не мог публиковать свои труды. Он очень переживал это. В 29 лет его парализовало. В неврологической клинике его выздоровление шло медленно. Однажды лечащий врач попросил больного рассказать все обстоятельства его жизни, и Фохт поделился своими бедами. Тогда доктор посоветовал ему обратиться к Сталину. Так как Фохт еще плохо координировал движения, послание с просьбой о помощи написал врач. Затем он, водя руку пациента своей, подписал это письмо. Через несколько дней курьер привез Фохту ответ Сталина, имевший два адреса: Бубнову — копия Фохту. Сталин просил Бубнова предоставить Фохту работу. Фохт пришел на прием к Бубнову, и тот предложил ему или быть его помощником, или идти в Московский областной педагогический институт заведующим кафедрой. Фохт предпочел последнее. Во время этого посещения Фохт совершил оплошность: чтобы секретарша пропустила его к Бубнову, Фохт показал и забыл на столе копию письма Сталина. Так он лишился документа, который на долгие годы мог стать для него охранной грамотой.

«Самоубийца» Эрдмана

Сталин, познакомившись с пьесой Николая Эрдмана «Самоубийца», написал Станиславскому:

«Многоуважаемый Константин Сергеевич! Пьесу Н. Эрдмана «Самоубийца» прочитал. По моему мнению и мнению моих товарищей, она пустовата и даже вредна. И. Сталин».

После этого письма Эрдман был выслан из Москвы — время большого террора еще не настало.

«Хлеб» Киршона

В 30-х годах Сталин и другие члены Политбюро посетили театр и посмотрели спектакль «Хлеб» Владимира Киршона. Автор ждал, что его пригласят в правительственную ложу, однако этого не произошло. На следующий день Сталин был у Горького, где оказался и Киршон. Он подошел и при всех спросил Сталина:

— Как вам понравился спектакль «Хлеб»?

— Не помню такого спектакля.

— Вчера вы смотрели спектакль «Хлеб». Я автор и хотел бы знать о вашем впечатлении.

— Не помню. В 13 лет я смотрел спектакль Шиллера «Коварство и любовь»— помню. А вот спектакль «Хлеб» не помню.

Лучший друг советского театра

Станиславский был педантичным и импульсивным человеком. Однажды во время репетиции ему понадобилась веревка, а в реквизите театра ее не оказалось. Станиславский вспылил:

— Невозможно работать в такой неорганизованной обстановке . . .

В приливе чувств он бросился к телефону.

— Товарищ Сталин, нет никакой возможности вести работу: нужна веревка — в театре нет веревки.

Сталин спокойно и терпеливо выслушал его и спросил:

— Сколько вам нужно веревки?

— Метра три,— ответил растерявшийся от конкретности вопроса Станиславский.

— Хорошо, товарищ Станиславский, работайте спокойно.

Через два часа к театру подъехал грузовик с трехтонной бухтой веревки.

Забывчивые люди

Станиславский звонит Сталину.

— Товарищ Сталин, извините, забыл ваше имя-отчество . . . Ах, да, спасибо. Иосиф Виссарионович, вы хотели сегодня прийти к нам на спектакль, однако мы вынуждены сделать замену. У нас Ольга Леонардовна заболела.

Сталин что-то ответил. Станиславский закрывает трубку рукой и говорит присутствующим в комнате:

— Совсем заработался товарищ Сталин — забыл, кто такая Ольга Леонардовна . . . Книппер-Чехову не помнит!

Разрешение на выпуск фильма

В 30-х годах на Украине разругали и запретили к показу на экране фильм Довженко «Арсенал». Тогда кинорежиссер сообщил телеграммой, что законченный им фильм «Арсенал» он посвящает съезду партии.

Пришло приглашение. Довженко привез фильм, который показали в Кремле делегатам съезда и правительству. Фильм был немой. Музыку к нему написал Игорь Бэлза и исполнял ее сам, как тапер. Сталину фильм понравился. Сразу все стали хвалить картину. Сталин же сказал: «Надо сказать доброе слово и о композиторе». Фильм и его авторы триумфально вернулись в Киев.

Запрет на съемку фильма

В 1933 году Андре Мальро написал антифашистскую книгу «Условия существования человека». Эйзенштейн решил сделать по ней фильм. По этому поводу французский писатель приезжал в Россию и встречался с Эйзенштейном. Однако Сталин запретил снимать этот фильм. Эйзенштейн говорил, что он мог рисковать, когда был молодым и работал над «Броненосцем Потемкиным», а сейчас вынужден беспрекословно подчиниться: «После того, как он мне сказал, я больше к нему не обращаюсь».

Запретил Сталин и показ в России антифашистского фильма Чаплина «Диктатор», понимая, что сатира этого фильма изобличает не только Гитлера.

Правительственный концерт

Борис Михайлович Филиппов был «домовым»— директором Центрального Дома работников искусств. Он однажды организовал концерт, который понравился Ворошилову. Году в 1933 накануне 1 мая от имени Ворошилова к Филиппову позвонили и попросили сформировать праздничный концерт для военного училища ВЦИК, расположенного в Кремле. Он посетовал на то, что до концерта осталось меньше суток. Его успокоили: мы поможем — дадим машины, привезем артистов.

Филиппов поднял лучшие силы. В назначенный час публика собралась в зале, но концерт не начинался. Лишь после того, как появились Сталин, Орджоникидзе, Молотов и другие члены Политбюро, на сцену вышел конферансье Александров. Он извинился за задержку и имел глупость объяснить, что произошла она не по вине актеров, приехавших давно, а по техническим причинам.

Концерт прошел удачно. Пела Нежданова, Козловский, выступали лучшие музыканты и артисты.

Во время банкета Сталин подошел к участникам концерта. Потрогал пиджак Козловского и сказал:

— Хитрый хохол, костюм небось из английского материала?

— Да, товарищ Сталин, из английского.

— Ну ничего, скоро мы свой хороший материал будем делать.

Тут Александров спросил:

— Товарищ Сталин, как вам понравился конферанс?

Сталин был раздражен тем, что задержку концерта объяснили не опозданием занятого великими деяниями вождя, а «техническими причинами». Он буркнул:

— Конферанс должен быть лаконичным.

Это замечание определило судьбу конферансье — вскоре он исчез.

Натуралистический реализм портретов

В 1956 году художник Евгений Александрович Кацман продемонстрировал литературоведу Марку Яковлевичу Полякову извлеченную из дивана серию портретов членов коллегии ЧК. Когда живописец разложил ее на полу, перед пораженным зрителем предстали люди в кожаных куртках, туго перетянутых портупеями, с фанатично ожесточенными, порой тупыми, порой умными, но всегда злыми и недоверчивыми лицами. Поляков воскликнул:

— Это бесценная коллекция. Вы показали никем не запечатленный облик истории.

Портреты были очень выразительны: Кацман — бесхитростный реалист-натуралист — именно при создании портретов железных, деревянных, каменных людей оказался как художник особенно социально результативен.

Характерна в этом отношении история с портретом Ворошилова. Командарм был нарисован во весь рост, и его до блеска начищенные сапоги выглядели более привлекательно и выразительно, чем лицо, которое не было освещено ни мыслью, ни чувством. Критик Алексей Александрович Федоров-Давыдов иронично назвал картину: «Портрет сапог». Ворошилов, услышав об этом нелестном отзыве, рассердился. К этой вине присовокупилась еще и другая: пересказ Федоровым-Давыдовым слуха о неблаговидных увеселительных развлечениях Сталина и Ворошилова. За все это Федоров-Давыдов был сравнительно мягко наказан высылкой из Москвы в Ярославль. Случись это позже середины 30-х годов, кара была бы много суровее.

Вхождение в литературу

Сергей Михалков вспоминает, как он вошел в литературу: «Правда» опубликовала его стихотворение «Светлана», посвященное любимой девушке. Михалкова пригласили в ЦК и сообщили: ваши стихи понравились товарищу Сталину, он поинтересовался, как вы живете,— пишет Михалков.— Так благодаря случайным стечениям обстоятельств, в том числе, что дочь Сталина звали Светланой, моя жизнь изменилась». Михалкову здорово повезло! Предание же не верит в случайности и утверждает: стихотворение было опубликовано в «Правде» в день рождения Светланы Сталиной.

Реконструктор

Сталин руководил созданием Генерального плана реконструкции (разрушения исторической застройки!) Москвы.

СТАЛИН В АБХАЗИИ

Рассказ охранника Василевского

Нестор Лакоба и Берия в начале 30-х годов принимали Сталина в Абхазии. На один из вечеров назначили большой пир. Пригласили всех секретарей райкомов, обкомов и крайкомов Закавказья и каждому поручили привезти что-нибудь характерное для его района. Секретари везли баранов, осетров, икру, вина, коньяки и другие яства. Огромный стол под открытым небом ломился от тяжести гастрономических излишеств. На банкете было 70 гостей, не считая большого числа охранников и прислуги. У ворот стоял Василевский и сверял документы приезжающих со списком приглашенных гостей.

Вдруг на линкольне подъехал один из старейших большевиков Грузии Буду Мдивани, которого не было в списке приглашенных. Василевский растерялся, не зная, как поступить в столь сложном случае. Тем временем линкольн проехал на территорию, где начинался банкет. Василевский отправился выяснять, что ему делать. Оказалось, что список составлял Берия, а он не любит Мдивани.

Мдивани же, узнав о приеме, взял у какого-то крупного работника линкольн и приехал на свой страх и риск. Он уже с кем-то оживленно

беседовал, когда к нему подошел Вячеслав Рудольфович Менжинский и сказал:

— Товарищ Мдивани, вы хотели уехать — машина ждет вас у ворот, пройдите, пожалуйста, туда.

Мдивани все понял и удалился.

Неизменность решения

Году в 33-м встречали Сталина в Абхазии. Его приветствовала большая толпа народа. Много охранников в штатском обеспечивало безопасность встречи. Василевский приметил человека со свертком под мышкой, правая рука его была в кармане. Человек казался подозрительным. Охранник на всякий случай расположился за его спиной и заложил руки себе за голову, чтобы быть готовым моментально схватить подозрительного человека. Сталин приблизился к этому месту. Человек начал вынимать руку из кармана. Тут-то Василевский и вцепился в него. Подоспели помощники и быстро упрятали подозрительного в кутузку на колесах и отвезли куда надо. Выяснилось, что человек — член ВЦИКа, шел со свертком в баню. Член ВЦИКа был очень возмущен, что его скомпрометировали перед многими людьми. Его, извинившись, отпустили.

Когда Василевский доложил о случившемся своему начальнику Яну Христофоровичу Петерсу, тот никак не оценил эпизод, а лишь наставительно определил принцип действия охранника: решение надо принимать быстро, действовать стремительно и никогда не менять решения.

Это наставление можно было бы понять и так: все было сделано правильно, так надо действовать на всякий случай всегда. Единственной ошибкой было то, что невиновного выпустили («никогда не менять решения»). Этот принцип: арестован — отсиди независимо от виновности — стал действовать годом-двумя позже. И сам начальник познал его на своей судьбе.

Прихоть

Однажды, находясь в Абхазии, Сталин спросил: «Когда-то до революции здесь был вкусный лимонад Лагидзе, сохранился ли он?»

Был поздний вечер. Охранник Василевский отправил за этим лимонадом своего подчиненного километров за сто в Сухуми. Операция эта не только дальняя, но и сложная: нужно было присутствовать при изготовлении лимонада, с помощью специалиста проверить его формулу и снять пробы — не отравлен ли. Посланец долго не возвращался, и Василевский уже ночью выехал к нему навстречу. Вскоре он увидел машину, в которой везли два ящика долгожданного напитка. Василевский попробовал его и обнаружил, что это грушевая вода, а не лимонад. Раздосадованно стал выговаривать посланцу, а тот оправдываться:

— Ну какая разница, это же тоже вроде лимонада.

— Мы должны совершенно точно выполнять указания вождя.

И гонец был послан снова. Срочно нашли старика, умевшего изготовлять лимонад Лагидзе, и под наблюдением чекистов, ночью

он приготовил несколько бутылок воды. Напиток был опробован, проверен и доставлен в резиденцию Сталина.

Утром Сталин позавтракал и спросил: нашли ли лимонад Лагидзе.

— Нашли. Подать?

— Нет, не надо. Пускай стоит, потом, может быть, мы попробуем.

Видимо, был важен не столько лимонад, сколько вышколенность обслуги и ее умение точно удовлетворять прихоти вождя.

Салют гостеприимству

В начале 30-х годов Сталин выезжал на машине после богатого пира у закавказского партийного деятеля Лакобы. Он сидел рядом с шофером, сзади начальник охраны, и за спиной шофера Лакоба. У ворот машина остановилась. К удивлению охранников, контролировавших въезд и выезд на территорию резиденции, Сталин расстегнул шинель, правой рукой достал из-под левой подмышки пистолет и, высунув руку из окна машины, разрядил всю обойму вверх. Это дикий горский обычай — уезжая из гостей, палить в воздух. Лакоба тоже полез за своим наганом, но начальник охраны сильно толкнул его в бок: «Ты что, с ума сошел?» и приказал ехать. Сталин даже не обернулся, и машина тронулась.

Робинзонада

Сталин — с Василием и Светланой — был гостем Лакобы. Вместе они совершали прогулку на морском катере, высадились на острове, гуляли. Потом Сталин с детьми уехал на лодке к катеру, оставив Лакобу на острове. По команде Сталина катер снялся с якоря и ушел. Лакоба с трудом выбрался с острова.

Коварство и любовь

Сталин благоволил к Лакобе. Он чувствовал в нем близкую натуру и с удовольствием бывал у него в гостях. Они много и весело пили, и Лакоба умел развлечь Сталина. Любимой забавой была стрельба из нагана. Лакоба был виртуоз этого дела. Напившись, он вызывал во двор своего повара, ставил его у стенки и клал ему на голову куриное яйцо. Потом отходил на некоторое расстояние и стрелял. Желток заливал лицо повара.

Бедный повар не знал, да если бы и знал — не посмел бы напомнить, что в прошлом благородные разбойники стреляли не в яйцо, а в яблоко, и клали его на голову не прислуги, а собственного сына. Так-то оно было ответственнее . . .

Берия ревновал Сталина к Лакобе. Однажды на банкете Берия предложил Лакобе выпить с ним вместе. Лакоба отказался. Берия настаивал, уговаривал, убеждал, что нужно выпить в знак примирения. Лакоба выпил. По дороге домой он почувствовал себя плохо. Шофер едва довез его до гостиницы и стал звонить в скорую помощь, но в это время появился Берия и положил руку на рычаг телефона.

Лакобе были устроены пышные похороны. Объявили, что он умер от разрыва сердца. Вдова покойного, подозревавшая что-то нелад-

ное, настояла на вскрытии, и сухумский врач установил, что Лакобу отравили. Врач поехал в Москву рассказать об этом, но в дороге погиб.

Через год-два Лакоба был объявлен врагом народа. Берия арестовал жену, всех близких и родных Лакобы и подготовил обширное «доказательство» его виновности.

Вдова Лакобы, несмотря на пытки, не подтвердила виновность мужа. Тогда на ее глазах стали пытать сына. Он умолял мать подписать бумагу, но неграмотная и суровая горянка сказала: «Потерпи, сынок, за отца. Так надо». Ей выкололи глаза, потом убили, а Лакоба все равно был объявлен врагом народа, и нашлось много свидетелей, подтвердивших, что он хотел устроить покушение на Сталина.

Покушений никаких он, конечно, не готовил, но когда я вспоминаю о залитом желтком лице повара, я думаю, а может, он и впрямь был враг народа? Во всяком случае не друг же?!

ПОДГОТОВКА БОЛЬШОГО ТЕРРОРА

«Научное» обоснование репрессий

В 1930—1931 годах было арестовано много инженеров и других специалистов, клеветнически обвиненных в шпионаже и другой враждебной деятельности. В эти же годы прошло несколько процессов «вредителей» и «националистов» в Москве и республиках. Многим была очевидна невиновность подсудимых, которых заставляли давать ложные показания. Один из старых большевиков обратился за разъяснением к Сталину. Для чего нужны эти аресты специалистов?

Сталин ответил:

— А чем мы хуже медиков? Они же делают маленькую прививку, чтобы избежать большой болезни.

Не отставать от «них»!

Сталин выдвинул идею: нельзя гуманно относиться к политическим арестованным и к подозреваемым в шпионаже. Буржуазная полиция применяет к революционерам все способы насилия. Мы не можем быть в этом вопросе либерально-мягкотелыми, иначе предадим дело революции.

Отработка методов следствия

В 1931 году Сталин в связи с делом меньшевиков Суханова, Громана, Шери и других сказал начальнику Экономического управления НКВД: «Навалитесь на них и не слезайте до тех пор, пока они не станут сознаваться!»

Законность вне закона

Старейший революционер, один из основателей партии, сидевший на II съезде в президиуме рядом с Лениным, Петр Ананьевич

Красиков в 1921 году стал заместителем наркома юстиции, в 1924 году прокурором Верховного суда, а в 1933 году Красикова назначили заместителем председателя Верховного суда СССР. Вскоре домашние заметили в нем перемену: он бывал то нервно возбужден, то задумчив, а то начинал заговариваться или разговаривать сам с собой. В остальном вел себя нормально.

Однажды Красикова пригласил к себе Сталин, и юрист в лучшем костюме отправился на аудиенцию. Во время беседы он сказал Сталину, что ему приходится подписывать много протоколов и приговоров по несправедливым обвинениям и часто уже постфактум, когда человек расстрелян или сослан, судя по делу, невинно. Сталин спросил: «Вы так думаете?» Красиков подтвердил. Тогда Сталин на его глазах вычеркнул его из списка членов ЦИКа. Красикова и его семью переселили из привилегированного правительственного дома. В 1939 году ему предложили поехать в санаторий, где Красиков и умер при странных обстоятельствах.

Покушения

Несколько раз начиная с 1925 года на Сталина якобы готовились покушения. Однако всякий раз перед тем, как в его письменном столе или в салон-вагоне обнаруживалось взрывное устройство, из Музея революции исчезал экспонат — адская машина начала века (без взрывателя). Это была инсценировка или во славу Сталина (какой борец!), или во славу ГПУ (умеет раскрыть любой «заговор»!).

ДЕЛО КИРОВА

Обреченный

Владимир Петрович Затонский председательствовал в счетной комиссии на XVII съезде партии, состоявшемся в конце января — начале февраля 1934 года. Голосование оказалось неблагоприятным для Сталина. У Кирова ситуация была много лучше. Растерянный Затонский посоветовался с Кагановичем. Тот поговорил с Молотовым и Сталиным и велел сообщить подложные результаты голосования. Затонский это сделал. В знак благодарности в 1938 году его арестовали. Когда его уводили из общей камеры на заседание тройки, он отдал свой пиджак и свитер сокамерникам со словами:

— Мне не на что надеяться: я был в счетной комиссии XVII съезда партии.

Страсти вокруг власти

Во время XVII съезда Киров поделился со Сталиным:

— Группа делегатов предлагает мне взять власть и стать генсеком.

Сталин ответил:

— Ну что же, если можешь, возьми . . .

В конце съезда Киров сказал, что Сталину придется посчитаться с голосованием не в его пользу. Сталин пригрозил Кирову, что сотрет его в порошок. Киров пожаловался в Комиссию партийного

контроля. Куйбышев, к которому попала эта жалоба, начал всерьез ею заниматься, однако вскоре, в 1935 году, умер. Погиб и Киров.

В свете этих преданий трудно понять восхваляющую Сталина речь Кирова на съезде.

Откуп

Восхваление Сталина в последних речах Кирова в 1934 году есть способ политического и физического самосохранения. Такие слова произносили все руководители тех лет, в том числе и те, кто ненавидел и боялся Сталина. Эти выступления Кирова не исключают его отрицательно-критического отношения к Сталину.

Роковое опоздание

Поэтесса Инна Лиснянская рассказала, что в детстве, летом 34-го года, она присутствовала при разговоре Саркисова, Кирова и Микояна. Впрочем, Микоян читал газету и молчал. Саркисов говорил:

— Как мог всплыть Берия? Во время революции выяснилось, что он — провокатор. Его поймали, посадили. Однако Багиров его выпустил. А теперь Берия с помощью Нинки-подстилки делает карьеру. (Лиснянская говорила, что долго и тщетно пыталась выяснить у домработницы, что значит «подстилка». Имелось в виду, что Берия свою молодую и красивую жену Нину передавал Сталину.)

Киров сказал:

— Теперь об этом поздно говорить.

Для Кирова действительно было поздно говорить об этом: 1 декабря 1934 года его убили.

До и после выстрела

Предания свидетельствуют, что Киров перевел красивую жену инструктора обкома Николаева к себе в аппарат и сделал ее секретаршей. Поговаривали об их связи. Николаев учинил в обкоме скандал и вскоре его арестовали. Просидел он недолго. Все это похоже на намеренно созданный слух: жена Николаева Мильда Драуле не была красивой женщиной, и ни она не работала секретаршей в обкоме, ни он там — инструктором. Есть малодостоверное предание, что Николаев встречался со Сталиным и что Сталин лично (зачем это нужно было делать лично?) сказал:

— Вы ведете себя правильно. Вы должны вести себя как мужчина. То, что Киров большой человек — ничего не значит. Вы имеете право на месть, и мы поймем вас как мужчину.

После этого Николаев получил доступ во все «коридоры власти» Ленинграда.

30 ноября 1934-го года, за сутки до рокового вечера, Киров находился в Москве в гостях у Орджоникидзе, с которым приятельствовал. Киров рвался в Ленинград на какое-то важное заседание. Орджоникидзе очень уговаривал его остаться (предчувствовал?). Более того, когда Киров ехал на машине Орджоникидзе на вокзал, машина действительно или мнимо испортилась. Однако Киров поспешил на трамвай и на городском транспорте, что непривычно для

человека его ранга, добрался до вокзала. Утром 1 декабря 1934 года он был в Ленинграде, а вечером того же дня в примыкающем к правительственной ложе коридоре, куда вход для всех, кроме Кирова, был закрыт. Николаев разрядил в него свой пистолет. Телохранителя Кирова при этом задержали у входа. Выстрелив, Николаев бросил пистолет и якобы сказал: так будет с каждым, кто захочет спать с моей женой. Более вероятна версия о том, что убийца впал в истерику.

Совершенно недостоверное предание говорит, что Николаева застрелил Сталин, пришедший на допрос.

Когда арестованного телохранителя Кирова везли на допрос, один из сопровождавших вырвал из рук шофера руль и направил машину в стену. Однако водитель успел предотвратить удар. Телохранителя убили ручкой нагана и привезли в поликлинику НКВД. Врач, проводивший экспертизу, оказался родственником писателя Бориса Володина, рассказавшего мне эту историю. Врачу предложили подписать бумагу, что телохранитель погиб в автомобильной катастрофе. Однако он ответил, что нанесенная рана слишком характерна — на черепе хорошо виден след от рукоятки нагана,— чтобы он мог подписать такой акт. Вскоре врача посадили. Просидел он лет двадцать. Шофер же, поняв, что дело нечисто, бежал и долгое время жил скрываясь, благодаря чему остался в живых.

Диалог с бывшим генералом МГБ

Поэт Яков Козловский спрашивал у бывшего генерала МГБ, отсидевшего много лет в сталинских тюрьмах, а после XX съезда работавшего в Союзе писателей:

— Виктор Николаевич, неужели вы, опытный и умный человек, могли в те годы поверить, что Кирова убили оппозиционеры, а не Сталин?

Генерал ответил:

— Ваши цадики сочинили такой сценарий, что даже я поверил.

Одно из свидетельств по делу Кирова

При Кирове отделом культуры Ленинградского обкома заведовал Родионов. Его жена — дочь бывшего губернатора Алма-Аты — в 30-м году ездила домой к матери. Поезд не доходил до города, и приходилось добираться на подводе. Вдоль дороги лежали тела кулаков, не доехавших до места ссылки и погибших от голода и болезней. Иногда попадались и трупы лошадей. Все останки высохли на солнце до мумиеобразного состояния — кожа и кости. Вернувшись в Ленинград, Родионова рассказала об этом мужу. Тот, как идейный партработник, отчитал ее: это в тебе говорит твое дворянское происхождение. Ты не можешь понять логику и правду классовой борьбы. Она возмутилась и пообещала уехать на Дальний Восток работать по специальности — картографом — в экспедиции академика Владимира Леонтьевича Комарова.

Размолвка усугублялась. Киров, узнав о ее причинах, пригласил Родионову и, внимательно выслушав, осторожно, однако недвусмысленно дал понять, что он тоже не одобряет эти неоправданные жертвы и сочувствует ее смятению. Кирову удалось добиться примирения супругов.

В день гибели Кирова Родионов ожидал его с подготовленной на подпись бумагой. Он стоял спиной к коридору, в момент выстрела сразу обернулся, успел подхватить падающего Кирова. В ту же секунду Николаев, стрелявший в Кирова, выстрелил в себя, однако не в сердце, как можно было ожидать, а в руку. И потом, упав на пол, отталкиваясь ногами, он стал быстро отползать от места события. В кем-то разработанном сценарии происшествие должно было выглядеть так: кто-то третий стрелял в Кирова и в Николаева, ранив его в руку. Это ранение должно было стать основанием для его алиби. Однако охранники, очевидно, руководствовавшиеся другим сценарием, схватили Николаева и поволокли к выходу. Все это время Николаев кричал:

— Я не виноват. Я по приказу!

Поскольку Родионов в момент выстрела уже не работал в обкоме, в первую «кировскую» волну посадок его не арестовали. И все равно он — делегат рокового XVII съезда — был обречен. Вскоре за ним пришли. Во время следствия жена каждую неделю носила передачи и забирала в стирку белье. Однажды передачу у нее не приняли, и она ушла домой, не получив очередной порции белья. Ночью раздался телефонный звонок, и на нее грубо накричал какой-то охранник:

— Какого черта не забираете ваше вонючее белье? Мы, что ли, должны с ним возиться?

Наутро она забрала белье и отдала стирать домработнице. Вдруг из ванной комнаты раздался крик. Когда хозяйка вбежала, испуганная домработница держала окровавленную одежду с прилипшими к ней кусками кожи.

Вскоре Родионова вывезли на барже в открытое море, где заключенных расстреливали прямо на борту, и тела их падали в воду. Немногим позже арестовали и его жену. Одно время она сидела вместе с женой Бухарина.

Непраздное любопытство

Когда Сталин приехал в Ленинград после покушения на Кирова, он целый час один на один разговаривал в тюрьме с убийцей Кирова Николаевым.

Круглосуточное дежурство

В камере арестованного Николаева посменно дежурили два офицера НКВД, круглосуточно следя за тем, чтобы арестант не мог ничего над собой сделать. Позже оба офицера были расстреляны: общаясь в камере с Николаевым, они могли узнать от него не подлежащие разглашению подробности убийства Кирова.

Прикасавшийся к кировскому делу

В 1938 году был уничтожен глава НКВД Дальневосточного края. На его место Сталин назначил Люшкова, особо «отличившегося» в составе ежовской бригады, разбиравшей дело об убийстве Кирова. Однако вскоре пришла очередь Люшкова, так как никто, соприкасавшийся с делом Кирова, не должен был остаться в живых. Люшкова, только что принявшего дела в Дальневосточном крае, вызвали в Москву. Как опытный работник органов, он знал, что значит такой вызов. С группой сотрудников Люшков поехал на инспекцию границы. Там сказал, что должен встретить нашего агента в Японии, которого никто не должен видеть. Оставив группу, Люшков вышел на мост, соединяющий наш хребет с маньчжурским. Вскоре Люшков уже выступал по харбинскому радио, рассказывая, как по заданию Сталина он уничтожал людей в Москве и Ленинграде. Жену, с которой перебежчик предусмотрительно развелся, и родителей Люшкова замучили. Самого же его японская разведка некоторое время использовала в своих пропагандистских и информационных целях, а потом начальник штаба Квантунской армии убил его за ненадобностью.

Поездка на место преступления

Кинохроникер Ласкин рассказал своему брату Борису Ласкину, а он — мне в Переделкино (октябрь 1972).

После убийства Кирова Сталин поехал в Ленинград в поезде из трех вагонов, в одном из которых расположился он сам, в другом — группа кинохроникеров, в третьем — охранники. Через каждые 50 метров вдоль всей железнодорожной линии Москва — Ленинград стояли солдаты с ружьем на караул.

По прибытии поезда в Ленинград Сталин вышел из вагона. К вождю строевым шагом подошел командовавший почетным караулом руководитель Ленинградского отделения НКВД Медведь. Он начал рапорт:

— Товарищ Сталин, почет . . .

Сталин отвернулся, пренебрежительно махнул рукой и пошел, не дослушав рапорт. У Медведя кровь отхлынула от лица: он понял, что приговорен.

Когда тело Кирова провожали к поезду, Сталин шел за гробом. Весь его путь был отгорожен от собравшегося народа двойными шеренгами солдат.

Странное сумасшествие

Жена Кирова Софья Львовна Маркус говорила, что ее муж убит Сталиным. Ее тут же, в 1934 году посадили в сумасшедший дом, где она прожила вплоть до 42-го. Там она все время повторяла свою версию убийства мужа, а в остальном вела себя как здоровый человек.

Частушка

Огурчики, помидорчики,
Сталин Кирова убил в коридорчике!

Одинаковость приемов

Убитый Киров стал подожженным рейхстагом Сталина: для расправы с коммунистами и демократическими силами Германии Гитлер в 1933 году поджег рейхстаг; для расправы с отечественными коммунистами и демократическими силами Сталин в 1934 году спровоцировал убийство Кирова.

И стал народ врагом народа,
И он один народом стал.

А. Твардовский

В каждом веке есть свое
средневековье.

Ежи Лец

V

1935—1938
БОЛЬШОЙ ТЕРРОР

ДИКТАТУРА ЛИЧНОСТИ И РЕПРЕССИИ

Рациональная сторона террора, или Кого Сталин вычеркивал из жизни

Сталин преследовал определенные социальные группы.

Прежде всего уничтожались старые большевики, получившие власть не из рук Сталина, знавшие его мизерабельное прошлое, способные на борьбу с узурпацией власти. К ним присоединялись латышские стрелки и другие люди, творившие революцию. Они раздражали Сталина своей бескорыстностью, верой в идеалы, фанатической преданностью идеям, а не лицам. Истреблялись и высшие партийные руководители, соперничавшие со Сталиным, претендовавшие на какую-то долю власти, способные ограничить абсолютную самодержавность Сталина. Репрессии обрушивались и на высшие военные кадры, располагавшие возможностью силой оружия вмешаться в политическую борьбу. Упреждающе уничтожались военные с независимым политическим мышлением, имевшие политический авторитет или связанные со старой докультовой партийной традицией. Жертвами становились зажиточные крестьяне, составлявшие мощную экономическую и в потенции политическую силу; люди, ранее принадлежавшие к другим партиям, в силу их способности к инакомыслию; национальные политические силы, имевшие традиции независимости; интеллигенция старшего поколения (не «образованцы»), исповедовавшая идеи гуманизма; духовенство, проповедовавшее равенство всех перед богом и религиозные нравственные ценности.

Разумное и безумное

Эренбург в 1939 году был на краю пропасти. Находящегося в тюрьме Мейерхольда заставили дать против него ложные показания. Все же Эренбург не был арестован. Он называл это случайностью и сравнивал с выигрышем в лотерею. Если это и верно, то лишь отчасти. Сохранить жизнь помогло Эренбургу его творчество: ироническая фигура Ускомчела (Усовершенствованного коммунистического человека), а также обличение высшего слоя старых партийцев нравились Сталину.

В сталинском терроре была и непредсказуемость лотереи, и определенная логика.

Французский писатель Альбер Камю различал рациональный террор Сталина, осуществляющий политические цели и имевший известную логику, и иррациональный террор Гитлера, осуществляющий подсознательные немотивированные установки и алогичный. Мне же кажется, и в том и в другом случае причудливо переплеталось рациональное и иррациональное, прагматичное и бескорыстно злое, логическое и алогическое.

Одно из объяснений

Леонид Осипович Утесов объяснял смерть Мейерхольда и Бабеля так: Сталин не любил знаменитых людей, которые своей славой не были обязаны ему. Только из рук Сталина слава должна была приходить к человеку.

Наслаждение мужчины

На одной из вечеринок во второй половине 30-х годов Сталин задал тему для беседы: каково наивысшее наслаждение для мужчины?

Все высказывались: женщины, работа, польза отечеству и т. д. Сталин ответил весьма оригинально:

— Высшее наслаждение — найти для себя врага и раздавить его, а потом выпить бокал хорошего грузинского вина.

Наслаждаться, так всласть!

Крупных партийных деятелей, которые были осуждены как враги народа, Сталин приказал сфотографировать в момент расстрела. Потом он любовался этими снимками.

Нежное предупреждение

Сталин настаивал: «Везде есть враги народа, а у Косарева в комсомоле — нет?! Уклоняется от борьбы товарищ Косарев!»

— Не уклоняюсь, товарищ Сталин, но врагов не вижу.

— Поощряет врагов Косарев.

Сталин подошел к Косареву, нежно обнял за плечи и тихо сказал: «Я тебя раздавлю».

Главный следователь, прокурор и судья

Сталин не только давал указания об арестах, но и внимательно следил за ходом следствия по делу многих видных большевиков, просматривал протоколы допросов. Известны случаи, когда он лично допрашивал некоторых из арестованных и устраивал у себя в кабинете очные ставки.

На допрос к Сталину привели Станислава Косиора — рассказывал Григорий Иванович Петровский. В кабинете были Молотов, Каганович, Ворошилов. Косиора посадили на стул. Он сидел подавленный, было видно, что перенес немало. Петровский спросил Косиора: «Стасик, зачем ты клевещешь на меня и себя?» Косиор ответил: «Я дал показания и от них не откажусь». Тогда Сталин торжествующе заметил: «Вот видишь, Петровский, а ты не верил, что Косиор стал шпионом. Теперь ты веришь, что он враг народа?» На это Петровский ответил: «Да, верю, он такой же враг, как и я». Тогда Сталин велел принести дело Петровского и показания на него Косиора. Следователь внес дело, и в нем оказалась всего одна бумажка. Сталин раздраженно спросил: «И это все?» Ему ответили: «Да, все». После

этой очной ставки Петровский уехал на Украину, где его отстранили от работы, отняли квартиру и дачу.

Единожды убивши...

Александр Твардовский рассказывал.

— В 37-м году один из деятелей спросил Сталина:

— Не слишком ли круто мы ведем репрессии?

Сталин ответил неожиданно:

— Теперь вы говорите о репрессиях. А что же вы молчали, когда мы проводили коллективизацию, во время которой было репрессировано и погибло 2 миллиона человек!

Показания неизбежны

Между Сталиным и следователем, отчаявшимся получить показания от арестованного, произошел такой разговор:

Сталин. Каков вес Советского Союза?

Следователь. Он должен выражаться в астрономических цифрах.

Сталин. Может ли какой-либо человек выдержать этот вес?

Следователь. Нет.

Сталин. Значит, показания будут.

Манипуляция следственными материалами

Следователь заставил Исаака Рейнгольда показать, что Зиновьев и Каменев готовили покушение на Сталина, Молотова, Ворошилова, Кагановича и других вождей. Ознакомившись с протоколом, Сталин собственноручно вычеркнул из него Молотова. Вождь оставлял для себя возможность политического маневра. Это показывает, что в середине тридцатых годов положение Молотова на какой-то момент пошатнулось.

Порядок

Обычно Сталин не подписывал бумаги об арестах и казнях, уступая это другим руководителям. В личной компетенции Сталина оставались только члены ЦК и Политбюро. В репрессиях тоже была своя номенклатура и иерархия, свой бюрократический распорядок, своя бухгалтерия. И все же в 1937 году Сталин лично подписал около 400 списков с сотнями фамилий приговоренных к расстрелу в каждом. Им были узаконены расстрелы несовершеннолетних и пытки.

В 1937—38 годах было арестовано 4700 тысяч человек, из них 800 тысяч приговорено к смертной казни. Эвфемизмом расстрела, зашифровкой смертного приговора была формула: «десять лет без права переписки».

Предсказание обреченного

Обреченный Буду Мдивани, председатель Совнаркома Грузии, сказал допрашивавшему его следователю:

— Сталин не успокоится, пока всех не перережет, начиная от своего непризнанного ребенка и кончая своей слепой прабабушкой. Это так. Я знаю Сталина тридцать лет.

Как кот с мышью

Октябрьский парад 1936 года уже опальный Бухарин наблюдал с трибуны для гостей, когда сотрудник НКВД передал приглашение Сталина занять место на Мавзолее. Бухарин присоединился к членам Политбюро, оставив на гостевой трибуне жену.

«Известия» опубликовали официальный материал ТАСС о том, что Бухарин шпион. Газета была подписана Бухариным как главным редактором.

Сталин играл со своими жертвами, как кот с пойманной мышью . . . Когда Бухарин находился уже в преддверии гибели, Сталин предложил ему поехать в Париж, чтобы купить архив Маркса. Приехать туда разрешили и молодой жене Бухарина. У Сталина был беспроигрышный расчет. Если бы Бухарин остался, это дало бы повод для разгрома его сторонников и всех людей его типа и ранга, неугодных Сталину. С другой стороны, Сталин мог достать и убить человека и за рубежом. Вернись Бухарин, и его, по замыслу Сталина, ждал процесс и расстрел. Бухарин вернулся. Предвидя готовящийся удар, он не явился на пленум ЦК и объявил голодовку. Ему позвонил Сталин:

— Слушай, Николай, на кого ты обиделся? На партию? Против партии объявил голодовку? Как тебе не стыдно? Неужели ты думаешь, что мы дадим тебя в обиду? Приходи завтра и попроси у партии прощения — все будет в порядке.

Бухарин поверил Сталину, пришел на заседание, попросил прощения, но его исключили из ЦК партии, а потом арестовали и расстреляли.

Еще одна «мышь»

Видный деятель партии, историк и публицист Юрий Михайлович Стеклов, обеспокоенный идущими в стране арестами, позвонил Сталину и попросил о приеме. «Приходи, конечно»,— ответил Сталин.

— Ну что ты,— сказал Сталин Стеклову при встрече,— партия тебя знает и доверяет, тебе не о чем беспокоиться.

В тот же вечер к Стеклову явились работники НКВД с ордером на арест.

Снять напряжение

Ильин был молодым офицером НКВД, когда попал на глаза своему командиру и получил от него срочное задание:

— Сейчас привезут арестованного Бухарина. Он будет ждать первого допроса. Мы его не отправим в камеру. Твоя задача: беседовать с ним на любые темы, чтобы расслабить его. Нужно снять с него напряжение первых часов ареста.

Ильин старался. Бухарин оказался очень демократичным и общительным, охотно поддерживал разговор на политические, экономи-

ческие и литературные темы. В заключение он похвалил молодого командира за широкую эрудицию и порадовался тому, что в органах работают такие образованные чекисты. Беседа длилась часа 3—4. Затем Бухарина увели на первый допрос.

Отработка форм обвинения

Агранов сказал Сталину: «Боюсь, что мы не сможем обвинить Александра Смирнова в том, что он входил в троцкистско-зиновьевский центр. Ведь Смирнов уже несколько лет сидит в тюрьме».

Сталин ответил:

— А вы не бойтесь. Не бойтесь — только и всего.

Жажда масштабности

Проведя несколько провокационных процессов (шахтинский, промпартии и другие), Сталин считал эти акции недостаточными и искал новых врагов. Он говорил:

— Не то, не то. Не может быть, чтобы в украинском университете не свили гнезда украинские националисты. Не может быть, чтобы они не связались с пилсудчиками.

Приглашение в команду

Сталина привлекали экономические знания и способности Пятакова. Он пытался перетянуть его на свою сторону и противопоставить Орджоникидзе. Однако Пятаков презирал Сталина и не шел на сближение и включить его в свою команду не удалось. Позже Пятаков был уничтожен.

Новая судьба Соловков

В июле 1937 года Соловецкий лагерь превратили в Соловецкую тюрьму. Мест в ней было меньше, чем в лагере, и часть заключенных, неперспективных для работы, уничтожили. Способных к работе, но не помещавшихся в тюрьме, отправили на материк. Среди уничтоженных был и Павел Флоренский.

Словарь сталинского террора

Необыкновенная и жестокая действительность сталинского террора создала и свой официально-бюрократический язык. Наряду с общеизвестными — ОГПУ, НКВД, МГБ, ГУЛАГ — существовали и такие аббревиатуры, понятия и знаки, которые сегодня уже нуждаются в расшифровке и пояснении.

АИР — агент иностранной разведки
Алжир — Ак-кий лагерь жен изменников Родины
АСА — антисоветская агитация
АСД — антисоветская деятельность
БУР — барак усиленного режима
ВМН — высшая мера наказания

зэка	— вначале «заслуженный красноканалец», затем обрело расширительное значение —«заключенный»
КПЗ	— камера предварительного заключения
КРА	— контрреволюционная агитация
КРД	— контрреволюционная деятельность
КРТД	— контрреволюционная троцкистская деятельность
№ 1	— резолюция Сталина на деле арестованного, означающая приговор к расстрелу
ОЗАР	— «Отомстим за родителей»— мифическая подпольная организация, придуманная НКВД для расправы с детьми врагов народа
ОЛП	— отдельный лагерный пункт
ОСО	— особое совещание — судебный орган, штамповавший приговоры врагам народа
Охматмлад	— «охрана материнства и младенчества», место помещения младенцев врагов народа
ПШ	— подозрение в шпионаже
РУР	— рота усиленного режима
сексот	— секретный сотрудник, осведомитель, стукач
сослан без права переписки	— расстрелян
тройка	— оперативная судебная группа, штампующая приговоры,— важное звено конвейера смерти
ЦПП	— центральный пересыльный пункт
ЧСИР	— член семьи изменника Родины
ШИЗО	— штрафной изолятор

Слова на ветер

В 38-м Сталин сказал: «Сын за отца не отвечает». После этого вовсе не перестали сажать сыновей «врагов народа».

Что посеешь . . .

Сталин лично допрашивал Павла Петровича Постышева. Он тряс его за плечи и кричал:

— Кто ты, Постышев?! Признавайся! Кто ты есть?!

— Большевик, товарищ Сталин, большевик я.

А лет за десять до этого на XV съезде партии Постышев кричал те же слова в лицо Раковскому. И сам Постышев, и зал, и голоса из зала отвечали:

— Меньшевик Раковский, предатель!

Мой отец рассказывал, что милый и всеми любимый Постышев, будучи первым секретарем ЦК Украины, разрешил своей красивой любовнице-секретарше вписывать в уже утвержденные на расстрел списки неугодных ей лиц. И при всем том, Постышев был один из немногих, кто вступился за Бухарина и Рыкова.

И тот же Постышев в начале 30-х годов установил на Украине обстановку террора, уничтожившего многих политических деятелей и работников культуры. По вине Постышева сталинский 1937 год

начался на Украине досрочно. Одно из преданий говорит, что Постышев был внезапно арестован и расстрелян, потому что он невольно оказался приобщенным к тайне: один из работников НКВД наткнулся в Киеве на архивный документ о сотрудничестве Сталина с охранкой в 1906—1912 годах. Впрочем, чтобы погибнуть, Постышеву не нужно было ни заступаться за несправедливо арестованных, ни знать секреты биографии Сталина, достаточно было быть незаурядной и популярной личностью.

Недоброе предзнаменование

Незадолго до гибели Орджоникидзе на него было совершено какое-то странное покушение, в результате которого он был ранен. Есть даже снимок Орджоникидзе в чалме. После этого покушения жена Орджоникидзе сразу же позвонила Сталину. Он прибыл и сказал, что дело нужно будет расследовать. Однако расследования не было, не было и сообщений в прессе.

Гнев соратника

Однажды Сталин пригласил на обед Орджоникидзе и старого большевика Ш. Сталин, умевший это делать виртуозно, грубо оскорбил Орджоникидзе. Тот вспылил, подскочил к Сталину и стал его душить. Они вместе упали на ковер. Сталин задыхался и хрипел. Орджоникидзе отпустил его и, в гневе хлопнув дверью, ушел. Ш. подскочил к лежащему Сталину, стал брызгать ему в лицо холодную воду и приводить его в чувство. Позже старые большевики кляли Ш. за то, что он на погибель народам спас вождя народов.

Сопротивление

Орджоникидзе сопротивлялся узурпации власти Сталиным. Сталин не раз остро спорил с ним.

Однажды разгорелся спор на грузинском языке. В комнате случайно оказался Тевосян. Не желая быть невольным свидетелем этой ссоры, Тевосян попытался уйти. Сталин остановил его и спросил:

— Товарищ Тевосян, кто прав?

— Я не знаю грузинского языка.

— Кто прав?!

— Вы, товарищ Сталин.

Во время другой ссоры Сталин сказал Орджоникидзе:

— Я не хочу пачкать твое имя, поэтому постарайся умереть сам.

Гибель

Сразу же после самоубийства Орджоникидзе, среди ночи его жена позвонила Сталину:

— С Серго то же, что с Надей.

— Хорошо, мы сейчас будем.

Помощник Орджоникидзе быстро ушел, чтобы не оказаться свидетелем событий.

Вскоре Сталин вместе с Молотовым, Кагановичем и другими соратниками прибыл на квартиру Орджоникидзе. Приехали сюда и врачи. Они констатировали смерть и вопросительно смотрели на Сталина. Помолчав, он сказал:

— Очевидно, сердечный приступ.

Жена Орджоникидзе запротестовала:

— Серго боролся за правду, и о нем нужно сказать народу правду.

— Молчи, дура.

Орджоникидзе погиб за два дня до февральско-мартовского Пленума, на котором должно было слушаться дело Бухарина. Пленум перенесли на четыре дня.

«Не я». А кто же!

Орджоникидзе находился дома. Его жена разговаривала по телефону. Мимо нее прошел в кабинет наркома его помощник Б-ов и сообщил, что происходит что-то неладное: или на него — Орджоникидзе — готовится покушение, или его собираются арестовать. Помощник быстро ушел, а вскоре явился новый шофер. Жена Орджоникидзе открыла ему и, на минуту прервав телефонный разговор, поинтересовалась, где же старый. Получив какой-то маловразумительный ответ, она вернулась к прерванному разговору. Шофер прошел в кабинет. В это время там раздался выстрел и шофер попятился из комнаты, держа обе руки впереди себя и как бы отталкиваясь ими от воздуха. При этом он с отчаянием твердил: «Это не я, это не я, это не я . . .» Он вырвался из двери и побежал вниз. Что означали эти слова? Он сам застрелился?— или — Мне приказали это сделать?

Версии гибели

Существуют три версии гибели Орджоникидзе.

Когда к Орджоникидзе пришли с обыском, он позвонил Сталину. Сталин ответил, что такая серьезная организация, как НКВД, может обыскать кого хочет, даже его, Сталина. Тогда Серго застрелился.

Его убили пришедшие с обыском, или заходивший помощник, или шофер.

После телефонного разговора со Сталиным у Орджоникидзе не осталось сомнений в том, что Сталин узурпатор. Схватив револьвер, Орджоникидзе пошел расправляться с ним и был убит.

Версия смерти от сердечного приступа не заслуживает серьезного внимания.

Ловись, рыбка, большая и маленькая

Однажды Сталин сказал о старом партийце Алиханове: эта рыба, как щука — зубастая. Узнав об этой характеристике, Алиханов подтвердил: да, я рыбка не из аквариума.

Все это стоило Алиханову жизни.

Какой должна быть окончательная версия!

После того как Хрущев официально сообщил, что Орджоникидзе покончил с собой, к нему стали стекаться сведения (от Гинзбурга, от семьи Орджоникидзе) о том, что Орджоникидзе был убит Сталиным. Хрущев отказался внести поправку в информацию: неудобно, недавно сказали, что Орджоникидзе застрелился, а теперь станем утверждать, что его убили — нас не поймут.

Переименования

Город Владикавказ был основан в 1784 году как крепость, охраняющая Военно-Грузинскую дорогу. В 1931 году город был переименован в Орджоникидзе. В 1944 году Сталин перепереименовал его в Дзауджикау. После смерти Сталина, в 1954 году городу было возвращено имя Орджоникидзе. История этих переименований бросает отсветы и на характер отношения Сталина к Орджоникидзе, и на обстоятельства его гибели.

Все сокрыто

Сталинская империя была полна тайн. Даже знаменитый полярный академик Отто Юльевич Шмидт, неоднократно общавшийся со Сталиным и его соратниками в 30—40-х годах, по словам его сына Сигурда Оттовича, лишь после XX съезда узнал, что Орджоникидзе умер не от болезни.

Последние часы на свободе

Наталья Рыкова — дочь известного партийного деятеля, погибшего в конце 30-х годов, просидела 17 лет и в свои 43 года выглядела старше. Она рассказывала, что ее отец в последние годы жизни приходил домой мрачный. После одного из заседаний, на котором уже отстраненный от большой власти Рыков (он был теперь «наркомпочтелем») подвергся усиленной проработке, к нему приехал Серго Орджоникидзе и жизнерадостно прокричал:

— Не расстраивайся! Мы тебя в обиду не дадим! Я поговорю с Климом, с Анастасом, мы все за тебя заступимся, и все будет в порядке.

На следующем заседании Политбюро Сталин резко выступил против Рыкова, обвиняя его в том, что он неразоружившийся правый. Орджоникидзе горячо заступился за Рыкова и обратился за поддержкой к Ворошилову, Микояну и другим членам Политбюро, но они, потупя взор, молчали.

Увидев разногласия в оценке Рыкова, Сталин объявил этот вопрос неподготовленным и несозревшим. Обсуждение было перенесено. Орджоникидзе вновь успокаивал Рыкова: «Мы не дадим тебя в обиду!» Однако Орджоникидзе умер якобы по причине сердечной недостаточности. Рыков сказал: «Серго нет. Я погиб».

Вскоре на заседании Политбюро Сталин опять поставил вопрос о правотроцкистском уклоне Рыкова, и за него уже никто не заступался.

Рыков вернулся домой почти невменяемым. Он молча ходил по комнате, хватался за голову, произносил что-то невнятное.

Жена Рыкова позвонила Сталину. Подошел Поскребышев. Она сказала, что ее муж в отчаянии, он хочет честно работать, и она просит товарища Сталина принять его, чтобы он мог объясниться и рассеять недоразумение. Поскребышев попросил подождать и отошел узнать мнение Сталина. Через несколько минут вернулся к телефону и сказал:

— Товарищ Сталин примет товарища Рыкова. Машина послана.

Через полчаса пришла машина. Рыков уехал к Сталину. Семья больше никогда его не видела. Вскоре и жену, и дочь Рыкова арестовали.

Новый Моисей

Карл Радек сказал: «Моисей вывел евреев из Египта, а Сталин — из Политбюро».

Впрочем, одного оставил: Лазаря Моисеевича Кагановича — абсолютно своего человека. В связи с этим вспоминается мысль Гейне: хороший еврей лучше самого хорошего христианина, плохой еврей хуже самого плохого христианина. Не знаю, насколько верна эта общая характеристика, но по отношению к плохому еврею Кагановичу она более чем справедлива.

О том, как Радек доказывал, что он не верблюд

В 1936 году в связи с делом Каменева и Зиновьева на партсобрании в редакции «Известий» прорабатывали Радека. Зачитали написанное им письмо, клеймившее «убийц и предателей» Каменева и Зиновьева, осуждавшее троцкизм. Руководство «Известий» получило от Сталина предписание не принимать раскаяния Радека и осудить его как двурушника, поэтому сразу же после чтения письма выступил секретарь парторганизации и сказал, что Радек не разоружился перед партией, его письмо неискренне и собрание не может принять его.

Радек стал спорить:

— Почему неискренне? Я искренне осуждаю врагов народа, осуждаю троцкизм и критикую себя за прежние ошибки.

Секретарь партбюро возразил:

— Ваши заявления неискренни, мы не можем им поверить. Правильно, товарищи?

Большинство сидело опустив глаза. Некоторые выкрикивали: «Правильно! Неискренен! Не разоружился перед партией!»

Радек вновь взял слово:

— Товарищи. Я же не рядовой член оппозиции. Я был вторым человеком после Троцкого. Я не мальчик, и если я отмежевываюсь от чего-то и осуждаю что-то, то я делаю это ответственно. Какие у вас основания не верить мне?

Секретарь партбюро вновь возразил:

— Вы неискренни, вы не разоружились перед партией.

Радек настаивал:

— Я еще раз повторяю: я не рядовой член оппозиции. Если вы не принимаете мое письмо, понимаете ли вы, на что вы меня обрекаете? Ну вот ты, товарищ Селих, разве ты мне не веришь?

— Понимаешь, Карл, все-таки . . .

— Но ты лично мне веришь?

Не смея ослушаться Сталина, Яков Селих пробормотал:

— Все-таки . . .

Радек махнул рукой, поняв бессмысленность своих препирательств. Партсобрание заклеймило его как двурушника и неразоружившегося троцкиста. Вскоре он был арестован, осужден (в отличие от всех, «всего лишь» к десяти годам) и погиб, как все.

Неравный обмен

Радек говорил: «Я Сталину — цитату, а он мне — ссылку».

Последний анекдот

Предание утверждает, что автором анекдотов о Сталине был Радек. На пороге небытия, в безысходно трагической ситуации он создал свой последний анекдот: на скамье подсудимых Радек признался, что он и другие подсудимые лживыми показаниями, запирательствами и обманами мучили самоотверженных следователей НКВД, этих исполнителей воли партии, защитников народа от его врагов, чутких и гуманных друзей арестованных.

Такова последняя горькая шутка Радека.

Это был анекдот для истории.

Ни мира, ни войны

Незадолго до начала процесса Зиновьева и Каменева на квартиру к Томскому неожиданно пришел Сталин с бутылкой вина в руках — «мириться». Томский, однако, мириться отказался и обвинил Сталина в истреблении партийных кадров и в стремлении к единоличной власти. «Тебе же будет хуже»,— заявил Сталин и ушел со своей бутылкой. Через несколько часов после посещения Сталина Томский застрелился.

Почему Томский, как и Орджоникидзе, как и Гамарник стреляли в себя, а не в Сталина? Внутренняя дисциплина старых партийцев? Невозможность прибегнуть к крайним, морально нечистым методам? Технические трудности осуществления? Нежелание нанести вред партии? Загадка!

Все справедливо

После руководящей деятельности в комсомоле Александр Иванович Мильчаков работал у Кагановича. Тот вызывает его к себе ночью и спрашивает:

— Где первый руководитель комсомола?

— Произошла трагическая ошибка, его посадили.

— А где следующий руководитель комсомола?

— Это тоже трагическая ошибка. Он арестован.

Подобные вопросы и ответы чередуются раз пять. Затем Каганович спрашивает:

— А где Чаплин?

— Посадили.

— А кто был руководителем комсомола после Чаплина?

— Я.

— Как же так несправедливо получается? Все руководители комсомола сидят, а ты не сидишь?

— Товарищ Каганович, но я же честный партиец.

— Да нет, ты не беспокойся. Пока Сталин и я тебе верим, ты можешь не волноваться. Иди и спокойно работай.

— Спасибо, товарищ Каганович. До свиданья.

На следующее утро Мильчакова снова вызвал к себе Каганович:

— Здравствуй, садись. Вот посмотри фотографию. Узнаешь?

— Да, это коллектив Главзолото.

— Правильно. Вот видишь, все, кто помечен крестиком, уже сидят. А теперь посмотри внимательней! На ком нет крестика? Крестика нет только на тебе. Справедливо ли это? Все сидят, а ты не сидишь?

— Так я же честный . . .

— Ничего-ничего. Иди работай. Не беспокойся. Пока Сталин руководит партией, а я ему помогаю — все будет справедливо.

Скоро справедливость была полностью установлена и Мильчакова отправили в лагерь, где он просидел 16 лет.

Ненависть и ее истоки

Сталин ненавидел Тухачевского еще со времен гражданской войны. На польский фронт, которым командовал Тухачевский и где противник располагал большими кавалерийскими частями, срочно была переброшена Конная армия Буденного. В ее руководство входили Сталин и Ворошилов. Они не захотели подчиняться Тухачевскому, вели, несмотря на его протесты, самостоятельные боевые действия и пошли на Варшаву. На подступах к польской столице Конармия была побита и бежала чуть ли не до Киева.

В середине 20-х годов в военном журнале, редактируемом Фрунзе, была помещена статья, резко критикующая Тухачевского за провал операции на польском фронте. Через некоторое время Тухачевский выступил в Военной академии и с фактами в руках доказал, что в провале операции виноваты Буденный, Сталин и Ворошилов. На основе этого выступления Тухачевский написал статью и опубликовал ее. Ознакомившись с нею, Сталин пришел в ярость, но ничего сделать Тухачевскому в то время не мог.

Тень

Почти все легенды с большой симпатией рисуют образ Тухачевского. Однако в одном из преданий на этот образ ложится тень бесчестья и жестокости. Оно утверждает, что во время взятия Крыма Тухачевский, Бела Кун и Раиса Азарх (другие предания называют Пятакова и Землячку) дали слово офицерам армии Врангеля, что если они сложат оружие, то будут помилованы. Поверившие обеща-

нию десять тысяч офицеров сдались на милость победителя и были расстреляны из пулеметов. Рассказал об этом один из немногих спасшихся, бывший штаб-ротмистр Семеновского гвардейского полка, живший в Софии и работавший в ресторане. Предание говорит, что решительность и жестокость проявил Тухачевский при подавлении Кронштадтского мятежа и антоновщины.

Французская борьба

В 36 году командующего одного из округов Тимошенко без всяких объяснений срочно вызвали в Москву. Прибыть было приказано одному без оружия и адъютанта. Похоже было на вызов для ареста. Тимошенко вылетел в Москву. Через три часа его встретил начальник штаба и повез в особняк Буденного.

Там Тимошенко застал странную картину.

За пышным столом сидели Сталин и высшие командиры Красной Армии, а перед ними на ковре вспотевший и уставший, в одной рубахе стоял Тухачевский. На протяжении нескольких часов он по прихоти Сталина боролся и положил на лопатки всех командующих и маршалов. Эти победы привели Сталина в негодование. Тут-то и призвали Тимошенко. Сталин сказал ему, что сын трудящегося должен победить помещичьего сына. Ситуация осложнялась тем, что Тухачевский был начальником Тимошенко.

С большим трудом Тимошенко удалось победить уставшего Тухачевского. Сталин радовался, а Тимошенко огорчился тому, что Тухачевский ударился головой и лежит оглушенный. Сталин рассмеялся и успокоил: «Ничего, голова ему теперь не скоро понадобится». Тухачевского под мышки уволокли из комнаты. Вскоре его расстреляли, а маршалом, наркомом обороны назначили Тимошенко.

Пророчество

В 37 году, находясь в камере смертников, Тухачевский написал: «Фашистская Германия нападет на Советский Союз весной 1941 года силой до 200 дивизий».

Беспощадность

Сталин прислал секретарем крайкома в Приморский край одного из бывших секретарей Московского комитета партии и наказал ему быть беспощадным. Этот секретарь вел совещания так. Докладывает, например, директор мясокомбината: поставки такие-то выполнены, а такие-то нет, потому что . . . Секретарь смотрит на Блюхера, тот кивает головой. Тогда секретарь смотрит на начальника краевого НКВД, тот снимает телефонную трубку и говорит: прислать конвой. Через пять минут директора мясокомбината уводят навсегда.

По поводу этого предания я услышал вполне резонные слова: «Нигде и никогда ничего подобного о Блюхере слышать не приходилось. Уместно ли это приводить?» А я слышал. Не знаю, правдива ли эта история, однако нельзя отвергнуть ее только потому, что Блюхер «жертвою пал». Многие погибшие в сталинском аду — люди своей эпохи, и фанатизм, ожесточенность, беспощадность были нормаль-

ным проявлением их жизнедеятельности. Именно потому, что общественное сознание было готово к восприятию бесчеловечных норм социального бытия, Сталин мог возникнуть, удержаться и укрепиться. Относится ли это к Блюхеру, пусть разберется история. Впрочем, кое-что проясняет следующий эпизод, имеющий высокую степень достоверности.

По сценарию Сталина Блюхер и Гамарник должны были стать судьями в процессе над Тухачевским, Уборевичем, Якиром. Утром 11 июля 1937 года Василий Константинович Блюхер был у Яна Борисовича Гамарника. Они долго обсуждали это изуверское задание. Гамарник был очень возбужден. Он сообщил Блюхеру, что уже уведомил власти о своем отказе участвовать в этом судилище. Блюхер уехал ни с чем. Вскоре пришел заместитель Гамарника Булин и сказал, что опечатали его сейф. Прошло немного времени, и за Гамарником и Булиным приехали машины. Понимая, что все это значит, сорокатрехлетний Гамарник застрелился. Булина тут же арестовали и увезли. Блюхер же принял участие в суде, но и это его не спасло. Он был расстрелян.

История самоубийства Яна Гамарника мне известна от его семьи, с которой мои родители дружили, начиная с 20-х годов; сестры Гамарника, Клара и Фаина, были посажены и провели в заключении 17 лет. В апреле 1989 года Фаине Борисовне Гамарник исполнилось 90 лет, и мы с моей сестрой поздравили ее телеграммой. Удивительное долголетие человека расстрелянного поколения.

Спасенный

От Марии Демченко я услышал историю (не знаю, насколько реальную) об адъютанте Василия Константиновича Блюхера. Маршал, понимая, что ему грозит арест, отпустил от себя своего адъютанта. Этот человек, изменив фамилию, начал жизнь сначала, вторично вступил в партию и в Отечественную войну получил офицерское звание.

Блюхер должен работать

Когда китайцы напали на наши границы, красный полководец, командир Особой Дальневосточной армии Василий Константинович Блюхер организовал рейд, дошел до Харбина и роздал там все запасы продовольствия населению. Блюхер был популярен в народе, любим армией и мог противостоять культу Сталина.

В 1938 году Блюхер по вызову прибыл в Москву. Оставив вещи на вокзале, он поехал в Кремль. Там на Политбюро его обвинили во всех смертных грехах. В заключение выступил Сталин и сказал, что Блюхер — совесть армии и должен работать. Слова Сталина оказались фарисейскими: Блюхера вскоре арестовали и уничтожили. Жену его отправили в лагерь, где она пробыла в многолетнем заключении. Дочь под чужим именем отдали в детдом.

Судьба командарма Дальневосточной

Истреблением командного состава Особой Дальневосточной армии в 37—39 годах занимались Мехлис и Фриновский, работник Лубянки, вскоре ставший на время наркомом Военно-Морских Сил.

Военный конфликт на Амуре летом 1937 года отсрочил арест Блюхера. Все события у озера Хасан были спровоцированы уничтожением офицерского корпуса Особой Дальневосточной армии. В этой ситуации японцы попытались реализовать свои территориальные претензии. Сразу после окончания боевых действий у озера Хасан Блюхера вызвали в Москву и отстранили от командования. Ворошилов пригласил его отдохнуть на даче в Сочи. Там 22 октября 1938 года Блюхер был арестован. Предание говорит, что допросы были очень жестоки и маршалу выбили глаз и что приведенный в кабинет Берия Блюхер бросился на палача и был убит на месте.

Тяжко жить

Маршал Александр Егоров в 1938 году сказал Сталину:

— Почти все высшие командиры Красной Армии расстреляны. В случае войны некому выполнить мобилизационный план. Сейчас дивизиями часто командуют старшие лейтенанты. Так больше нельзя ни жить, ни работать.

— Значит, ты своей жизнью тяготишься?— спросил Сталин.

И сам ответил на этот вопрос, лишив в 1939 году маршала Егорова жизни.

На следствии

В 1937 году Иона Якир был арестован. Он тщетно пытался убедить следователя в своей невиновности:

— Посмотрите мне в глаза. Разве вы не видите, что здесь происходит. Вы же хорошо понимаете, что я не могу быть шпионом.

Приведенный на очную ставку с Якиром крупный командир сказал ему:

— Иона! Перестань! Перед кем ты бисер мечешь?

Тогда Якир обратился к следователю:

— Дайте мне бумагу, я напишу письмо Сталину.

На свое письмо он ответа не получил.

Когда Якира и других командиров расстреливали, один из них воскликнул:

— Вы стреляете не в нас, а в Красную Армию!

«Двурушник»

Якир же за миг до залпа крикнул: «Да здравствует товарищ Сталин!» Когда после казни об этом сообщили Сталину, он ухмыльнулся:

— Какой фальшивый был человек.

Нас не касается

В 37 году Ока Городовиков сказал Буденному:

— Семен! Берут всех подряд! Что же будет?

Буденный ответил:

— Не всех, а только умных. Нас с тобой это не касается.

Несостоявшийся арест

Во второй половине 30-х годов к загородному дому Буденного подъехали машины. Из них стремительно выскочила группа захвата и оцепила дачу. Маршал приказал своим ординарцам и адъютантам занять круговую оборону. В окна выставили пулеметы, из которых открыли огонь. Прибывшие залегли, прячась за деревья. Сам Буденный побежал к телефону и доложил Сталину обстановку. Сталин спросил:

— Полчаса продержишься?

— Думаю, продержусь.

— Хорошо.

Через полчаса прибыла еще одна машина, и гости были отозваны. Сталин позвонил Буденному и, узнав, что все в порядке, сказал:

— А пулеметы ты сдай.

Два пулемета Буденный сдал, но четыре все-таки оставил на чердаке.

Арест Гая

Настоящее имя командира железной дивизии Гая — Гайк Бжишкян. Это его дивизия взяла ко дню рождения Ленина его родной город — Симбирск. Во второй половине 30-х годов он жил и работал в Белоруссии и был женат на белоруске. Однажды пришли работники НКВД, арестовали его и выслали в теплушке с эшелоном в Сибирь. По дороге Гай — по преданию — бежал и добрался до Москвы, до самого Сталина. Гай начал жаловаться вождю, что его — героя гражданской войны — арестовали и, наверное, Сталин ничего не знает о том, что происходит. Сталин здесь же, в своем кабинете, застрелил Гая.

Арест Примакова

Во второй половине 30-х годов Сталин вызвал в Москву героя гражданской войны, руководителя красного казачества Примакова. Тот выехал с двумя адъютантами и заместителем. В дороге — техника была отработанная — в вагон вошло несколько человек, кто в штатском, кто в военной форме, чтобы арестовать Примакова. Он воскликнул:

— Какой арест?! Я еду по вызову товарища Сталина!

— Ничего не знаем, у нас ордер на арест и предписание.

— А ну, хлопцы,— обратился Примаков к своим адъютантам,— покажем этим переодетым белогвардейцам, что такое красные казаки!

Хлопцы скрутили и повязали ремнями всю команду, прибывшую на задержание. На ближайшей станции Примаков сдал «белогвардейцев» властям.

Идейный и наивный Примаков не был приобщен к большой политике. Он тут же позвонил Сталину и сообщил, что на него совершено нападение переодетыми белогвардейцами, которых удалось задержать и сдать в НКВД. Он же — Примаков — ждет дальнейших указаний. Указание последовало: ехать дальше, а насчет белогвардейцев не беспокоиться — ими займутся.

В Москве на вокзале героя гражданской войны встретила более внушительная и более расторопная команда «переодетых белогвардейцев». Примаков и его сопровождающие были арестованы и препровождены в НКВД. Больше их никто никогда не видел.

«За кулисами»

Всеволод Иванов был в Октябрьском зале Дома союзов на одном из заседаний большого политического процесса. Допрашивали Ягоду. Писатель сидел в первых рядах и обратил внимание, что в стене над судьями расположены иллюминаторы, затянутые голубой тканью. «И вдруг я решил, что за голубыми иллюминаторами кто-то есть»,— рассказывал Иванов. Когда звучало последнее слово подсудимого Ягоды, в одном из иллюминаторов вспыхнула спичка и возник знакомый силуэт человека, прикуривающего трубку.

Новый оберпалач

Расстрелянного Ягоду сменил на посту маленький, невзрачный, безвольный человек Ежов, из фамилии которого возникло новое понятие «ежовщина». Обыгрывалась эта фамилия еще в лозунге: «Держать врага в ежовых рукавицах». Эта надпись сопровождала плакат, на котором был нарисован Ежов в виде благородного богатыря с НКВДешными петлицами. Правая рука его была одета в ежовую рукавицу, которой богатырь удушал мертвой хваткой контрреволюционную гидру и врагов народа. 37-й год и Ежов вошли в историю как близнецы, рожденные Сталиным.

Следствие с юмором

Переводчица Татьяна Гнедич (потомок «того самого» Гнедича — современника Пушкина, переводчика Гомера) была вызвана в органы, где ей сказали:

— У вас сестра в Лондоне. Если бы вы попали в Англию, вы захотели бы остаться. Поэтому мы вынуждены вас посадить.

Гнедич резонно возразила:

— Позвольте, но это все равно, что сказать старой деве, что если бы она была женщиной, она была бы проституткой.

Следователь понимал юмор. Он улыбнулся, и Гнедич получила 10 лет. В лагере она по памяти перевела на русский язык первые главы «Дон Жуана» Байрона. Таким же образом литературовед Шилллер создавал в заключении монографию о творчестве своего великого однофамильца.

Отражение в детях

Литературовед профессор Александр Сергеевич Мясников преподавал в конце 30-х годов в правительственной школе. Он рассказывал, что нередко несколько парт пустовало — обыски, аресты, допросы. Учителя были вышколены и никогда ни о чем не спрашивали. Иногда с допросов возвращались старшеклассники. Ужас стоял в их глазах, лица были зелено-бледными.

Сибиряк

Когда писатель Вольпин сидел в сибирском лагере, он подписывал свои письма матери: «Мамин-Сибиряк».

Преступление

Мальчик написал на снегу слово «Сталин». Отцу мальчика дали 10 лет.

Распределитель

В Ленинграде, на улице академика Павлова, в красном доме, где сейчас больница, был детский распределитель. Туда после ареста родителей свозили детей. Потом их размещали по интернатам. В распределителе все они плакали. От страха плакали тихо, в подушку. Однако поскольку тихо плакало сразу много детей, в воздухе стояло какое-то напряжение — шум, как у моря. Так обернулось дело с детской слезинкой, ценой которой, по мнению Достоевского, нельзя покупать даже счастье всего мира. Детских слез стало так много, что они шумели морским прибоем, счастья же в мире от расстрелов врагов народа не прибавилось.

«Как все»

Бывшая домработница Ежовых, много лет хранившая молчание, уже после войны рассказала, что жена Малюты Скуратова 1937 года незадолго до его ареста умерла при странных обстоятельствах. До этого за ней ухаживал один известный писатель, которого пугало и влекло происходящее. И за женой Ежова он ухаживал не только из-за ее женской привлекательности, не только из гусарского стремления соблазнить жену главного сыщика, жандарма и палача королевства, но и из любопытства, которое ему внушали «тайны мадридского двора»— кремлевские коридоры власти.

Фамилии писателя бывшая домработница Ежовых не помнила, но, однажды увидев в книге портрет Бабеля, сказала: «Это он». Осведомившись, жив ли этот человек, и услышав отрицательный ответ, она поинтересовалась: «А он погиб на фронте или как все?»

Бабель погиб «как все». В его аресте большую роль сыграл литературовед Яков Ефимович Эльсберг, доносивший на него по специальному поручению органов. Позже этот литературовед сыграл столь же губительную роль в судьбе своего близкого приятеля востоковеда, профессора истории Евгения Штейнберга. Когда, отси-

дев семь лет, Штейнберг после XX съезда вернулся, Эльсберг встретил его букетом белых роз. А до этих подвигов Эльсберг был личным секретарем Каменева и осуществлял слежку за ним. Совершал он все эти деяния с энтузиазмом и добросовестностью доносчика-профессионала, впрочем, не добровольно, а под страхом ареста. После XX съезда выведенный Эльсбергом на пенсию Иван Иванович Чичеров добился через Московское отделение Союза писателей раскрытия и обнародования роли Эльсберга в судьбе ряда арестованных писателей. За донос в особо крупных размерах Эльсберга в порядке исключения исключили из Союза писателей.

В гостях у Леонидзе

Когда я гостил у Леонидзе, он, истинно восточный хозяин, устроил для меня нечто вроде приема-банкета в Белом духане. Леонидзе объяснил, что Белый духан — место встречи гостей из России. Расположен этот знаменитый кабачок у въезда в Тбилиси по Военно-Грузинской дороге. Здесь грузины принимали и Пушкина, и Лермонтова. По крайней мере, таково предание. Сейчас русский человек попадает в Тбилиси, как правило, с аэродрома, то есть со стороны, прямо противоположной Белому духану и Военно-Грузинской дороге, но гостя через весь город везут на машине в Белый духан и лишь потом — обласканный и, как говорят поляки, задоволенный, он может ступить на землю Тбилиси.

Когда я выразил свое восхищение умением Леонидзе вести стол, поэт подробно объяснил мне значение этого ритуала как национальной традиции. Получалось, что за столом эта нация решает все политические, государственные, торговые и прочие возможные дела. Стол — и вече, и Государственная дума, и кабинет, и приемная, и гостиная грузина.

Леонидзе отвел от себя мое восхищение и сказал, что куда лучшим тамадой был Табидзе. Это прозвучало великодушно. Наверное, для грузинского поэта трудно сказать, что другой человек как тамада лучше его. От Леонидзе я услышал историю гибели Табидзе.

В тот вечер тамадой был Табидзе. За столом сидело еще четыре литератора, в том числе и Леонидзе. Шел широкий веселый и вдумчивый пир, услащенный красным терпким вином, свежим шашлыком и откровенной мужской беседой. Один из писателей назвал Берия кровавой собакой.

На следующий день каждого из присутствовавших поодиночке вызывали к Берия, которому стало известно об этом высказывании, но он не знал, кому оно принадлежало. Когда вызвали Леонидзе, Берия спросил, как он к нему относится. И поэт произнес по-восточному аргументированный одический тост в его честь, хотя разговор происходил в служебном кабинете и вина не было. Льстивой прозой поэт воспел государственную мудрость и ум Берия. Поразительнее всего, что Леонидзе был столь велик и его мышление столь по-восточному непосредственно, что он не стеснялся рассказывать о себе то, что выдавало не только его ум, но и его коварство, и способность на неискренность и прямую ложь.

Очевидно, в том же духе отвечали на вопрос Берия и другие литераторы. Никто не выдавал сказавшего, но и никто не признавался в сказанном. Когда был вызван Табидзе, он в глаза Берия ответил: «Да, вчера я сказал, что ты кровавая собака. Ты бандит и убийца, тебя проклянут потомки». «Зачем такой сердитый?» — спросил Берия и отпустил Табидзе. А через несколько дней поэт был арестован и расстрелян.

Почему Табидзе так поступил? Ведь он взял на себя вину другого человека. На пиру он не говорил этих слов. Быть может, он взял на себя ответственность за все, что происходило за столом, ведь он был тамада? Или он был умен и достаточно расчетлив, чтобы понять: если все откажутся, то все пять человек, сидевших за столом, могут погибнуть? Или, поскольку после допроса Табидзе оставался лишь один человек, он своим отказом обрекал его на смерть? Тайна его рыцарского поступка до конца не будет раскрыта никогда.

Подальше от земных дел

Мой учитель, друг Пастернака профессор Валентин Фердинандович Асмус был энциклопедически образованным философом. Он преподавал историю философии, логику, эстетику, этику и мог преподавать еще много дисциплин. Курьезно, что Асмус читал лекции по философии, не будучи членом партии (в этом отношении я пошел по его стопам).

Во второй половине 30-х годов над Асмусом нависло черное облако обвинений в неком неопределенном идеологическом преступлении, которое Сталин поименовал «меньшевиствующий идеализм» и отнес ко многим образованным философам. В 37-м году туча должна была разразиться грозой. Но странным образом Асмус избежал своей неминуемой участи. Спасла его то ли хитрость, то ли отчаянность. Как-то в Таджикистане я услышал историю о чудом спасшемся во время землетрясения в районе Хорога человеке: от подземных толчков надломилась и стала падать гора: все, побежавшие от нее, стали ее жертвой, а человек, побежавший прямо к горе, остался жив. Так в 37-м году получилось и с Асмусом, когда к числу своих научных занятий и знаний он задумал прибавить еще и астрономию. Однако дисциплина требовала инструментов. Асмусу понадобился небольшой телескоп, приобрести который можно было только в Иене на заводе Цейса. Асмус написал туда (в фашистскую Германию!) письмо и получил любезный ответ, что в случае перевода определенного количества марок телескоп будет немедленно выслан заказчику. В поисках возможности обменять рубли на немецкие марки профессор отправился по разным учреждениям и инстанциям. Бдительные чиновники шарахались от странного посетителя — то ли провокатора, то ли сумасшедшего. Наконец кто-то сказал, что правом обмена рублей на валюту обладает только Молотов. Асмус написал в этот заоблачно-высокий адрес письмо и вскоре получил оттуда разрешение на обмен валюты и на покупку телескопа. И еще до конца 37-го года он телескоп получил.

Вся эта опасная суета и сохранила жизнь обреченному «меньшевиствующему идеалисту»: его контакты с гитлеровской Германией осуществлялись при благорасположении Молотова.

Так Асмус пережил страшный 37-й год. А цейсовский телескоп я видел на его даче в Переделкино и даже смотрел в него на небо.

Черная неблагодарность

Когда арестовали Флоренского, его жена пришла за заступничеством к Екатерине Пешковой. Та сурово сказала: «Вам оставили сыновей, и будьте довольны». И впрямь, что за неблагодарность! Ведь у Ахматовой, например, и мужа убили, и сына арестовали. А бывало и того хуже.

Грузчик

Сталин любил Ивана Михайловича Гронского. Гронский был из грузчиков. В нем не было ни тени интеллигентности. Он был старый партиец из пролетариев, и Сталин поручал ему руководство важными участками культуры.

Когда во второй половине 30-х годов арестовали Тухачевского, Гронский позвонил Сталину и сказал:

— Я могу ручаться за Тухачевского. Он не виноват.

Сталин ответил:

— Слушай, не лезь не в свое дело! Ты в этом ничего не понимаешь!

Тем дело и кончилось.

Когда арестовали Блюхера, неугомонный, честный, бесхитростный Гронский вновь позвонил Сталину и попытался объяснить, что Блюхер ни в чем не виноват. Сталин повесил трубку.

Вскоре Гронского арестовали. Во время следствия, чтобы добиться нужных показаний и признаний, к нему применяли разные методы — уговоры, угрозы, битье и психологическое давление. В качестве психологического давления на интеллигентных заключенных часто применялся такой странный способ допроса. Заключенного вводили в комнату, где за столом следователя сидела прелестная, хорошо одетая молодая женщина. Она кокетливо начинала фривольную беседу, а потом на полуслове обрывала ее и кричала, пересыпая почти каждое слово отборным матом:

— Будешь . . . давать . . . показания . . .

Гронский с удивлением посмотрел на следовательницу и сказал:

— Дорогая, я портовый грузчик и умею ругаться матом, как тебе и не снилось,— и запустил длинную тираду, убедительно доказывающую его безусловное превосходство в высоком искусстве матерщины.

Стало ясно, что такое психологическое давление на Гронского непригодно. Впрочем, как бы там ни было, свои бессрочные десять лет он получил и был вызволен из лагеря только смертью Сталина и XX съездом.

Друг детей

Люди моего поколения с детства знали и любили фотопортрет вождя с черноволосой девочкой на руках. Вождь умиленно улыбает-

ся. Девочка восторженно сияет. Это бурятка Геля Маркизова. Ее родители, не зная, на кого оставить маленькую дочь, взяли ее на прием к Сталину. Девочка подарила вождю цветы и оказалась у него на руках. Все детские учреждения страны украшали фотопортрет вождя с Гелей на руках и лозунг: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство». Большое спасибо! От Гели особенно большое: ведь она скоро осиротела, ее отца — наркома земледелия Бурят-Монгольской АССР — арестовали, а вслед за ним и мать ушла в лагеря.

В тридцатых годах Сталин издал приказ о том, что уголовной ответственности, вплоть до расстрела, подлежат дети, начиная с 12 лет. Тем не менее все мое поколение с детства знало, что товарищ Сталин — лучший друг советских детей.

Знатная родственница
(рассказ Марии Демченко)

Дело было в 1937 году. Однажды утром тюрьма узнала, что к нам переводят ближайшую родственницу Троцкого. В тюрьме скучно. Книг нам не давали. Новости просачивались скупо (все больше с новыми заключенными), и я с интересом ждала прибытия «знатной родственницы». Эта кличка появилась у нее, когда в камерах еще только обсуждали ее предстоящее прибытие. Гадали: в какую камеру она попадет. Относились к событию по-разному, но все его ждали: как-никак — родственница Троцкого! Человек, наверно, интересный, прошла большую жизненную школу. Очевидно, старая революционерка.

Наконец, к нам в камеру робко вошла средних лет женщина. Это была Седова — сестра жены Троцкого. Я, как староста камеры, вышла навстречу прибывшей и предложила ей располагаться на одной из коек.

Старая большевичка Либерман запротестовала против такого соседства:

— Я не хочу спать рядом с родственницей Троцкого,— заявила она.

Седова, еще на воле смирившаяся с пренебрежительным к себе — «родственнице Троцкого»— отношением, предложила:

— Я лягу на полу.

Но я запротестовала против нарушения распорядка тюремной жизни — вновь прибывшую следовало устроить как положено. После долгого спора я вызвала дежурного по тюрьме. Узнав, в чем дело, он мудро рассудил:

— Здесь все заключенные и все равны.

«Знатная родственница» оказалась женщиной глупой, полуграмотной, но очень доброй и мягкой. Она всем помогала, даже «идейной» Либерман. Заключение восприняла как должную кару за грехи родственников, охотно рассказывала о себе — всегда длинно и путано, но беззлобно. Троцкого она сроду не видела или, вернее, видела его, как она выражалась, «только в лампочках»— на портретах во время праздников. Единственно, кого осуждала Седова, это свою сестру:

— Вообще она дура, против царя буитовала и вышла замуж за жида! Разве чего путевого от такой сестры дождешься?

После третьего допроса она укладывалась спать. И когда кто-то полушутя сказал: «Ты не укладывайся, не укладывайся, еще позовут», она ответила: «К нечистой силе и то только три раза вызывают!»

Была она прачка. Даже намека на политическое мышление у нее не было. Но она получила свои пожизненные десять лет за политику по 58 статье.

Честь

В 1905 году в Красноярске недолго, но славно держалась республика. Во главе ее стоял молодой армейский офицер капитан Полынов. Когда республика пала, Полынов бежал. Был объявлен всероссийский розыск его как государственного преступника. Его ждал расстрел. Полынов бежал во Владивосток и укрылся в семье своих друзей, намереваясь поутру сесть на пароход и уехать за границу. На беду, в этот дом пришел в гости полковник жандармерии, который был непосредственно обязан задержать Полынова, приметы которого были сообщены по всей России. Жандармский полковник не мог не узнать в госте государственного преступника. Визит полковника был настолько неожиданным, что бежать Полынову было уже поздно. Опасность грозила и гостю, и хозяевам. Несколько секунд колебаний — и Полынов встал навстречу полковнику и, лихо щелкнув каблуками, представился: «Капитан Полынов». Вызывающая смелость поступка была столь велика, что жандармский полковник после недолгой паузы принял протянутую руку, улыбнулся и сказал, очевидно, привычную фразу: «Ну-с, так не сгонять ли нам пульку?» И они до поздней ночи сражались в карты, отдаваясь бескорыстному азарту игры.

Даже у жандармов была своя профессиональная и человеческая честь. Наутро Полынов беспрепятственно отплыл в Японию, где и прожил 15 лет. Вернувшись в Советскую Россию, он не скоро обрел место в жизни, но в конце концов стал преподавать японский язык в Институте Востоковедения. Во второй половине 30-х годов его взяли. Очевидно, в этом тоже была честь, ибо Полынова на всякий случай расстреляли. И действительно, Красноярская республика была неопределенной ориентации, да к тому же человек долго жил в Японии — мало ли что он мог думать?

Нагрудный портрет

Среди заключенных бытовало наивное заблуждение: если при расстреле приговоренный обнажит грудь с татуированным портретом Сталина, солдаты не станут стрелять. Многие заключенные делали такую татуировку.

Обиход смерти

Расстреливали из кольта в затылок. Врач давал заключение о смерти, и дежурный комендант составлял акт. К большому пальцу трупа привязывали бирку с номером дела. Часто трупы вывозили

в ящиках для снарядов и сжигали в крематории, а пепел хоронили в общей могиле. В Москве на такой могиле стоит плита с надписью:

«Общая могила № 1. Захоронение невостребованного праха за период 1930—1942 г. включительно».

Двенадцать Шмулей Шмулевичей

Было это все в тридцать седьмом.

Когда Иванова ввели в камеру, он оказался тринадцатым. «Тьфу, чертова дюжина»,— подумал он и стал знакомиться.

— Александр Иванов.

— Шмуль Шмулевич.

— Александр Иванов.

— Шмуль Шмулевич.

И так двенадцать раз.

— Что за чертовщина? Вы что, родственники?— спросил Иванов маленького черненького Шмуля Шмулевича.

— Нет.

— А как же вас подбирали?

— Так и подбирали, гражданин Иванов, по фамилии.

— Зачем?

— Не знаем.

Через пару недель, когда всех двенадцать Шмулей Шмулевичей протащили сквозь следствие, все более или менее разъяснилось.

В Москве на следствии один из арестованных, «вспоминая» все свои преступные связи, назвал и некоего Шмуля Шмулевича из Бердичева. Из Москвы в Бердичев последовала телеграмма арестовать Шмуля Шмулевича как троцкиста и врага народа. Но в городе оказалось двенадцать Шмулей Шмулевичей — один скорняк, другой мясник, третий портной, и ни одного близкого к политике. Однако приказ есть приказ. На всякий случай арестовали всех и все двенадцать получили свои стандартные десять лет.

Беня Шик из Тирасполя

Еврей-контрабандист из Тирасполя не ел трефного, а ел только кошерное: питался одними галетами, отказываясь от тюремной похлебки. Он назвал своего сообщника — Беня Шик из Тирасполя. Через неделю его вызвали на допрос.

— Этот?— спросили у него.

— Нет,— сказал контрабандист.

— А кто же твой сообщник?

— Беня Шик из Тирасполя.

— Так это же Беня Шик из Тирасполя.

— Может быть, но это не он.

— Так кто же твой сообщник?

— Беня Шик из Тирасполя.

Ситуация повторилась: вскоре нашли третьего Беню Шика из Тирасполя.

И вот уже четыре еврея не ели в камере трефного и ели только кошерное. Вскоре их стало десять. И на этом приток сообщников прекратился: Беней Шиков в Тирасполе больше не было.

Контрабандист получил пять лет по статье за контрабанду. А так как у девяти Беней состава преступления не было, по нормальной статье осудить их было нельзя, а выпускать — неудобно, то всем тираспольским евреям дали по десять лет как политическим — благо для такого обвинения аргументы не были нужны.

В это время за контрабанду давали пять, а ни за что — не меньше десяти лет.

Благодарность

Артист МХАТа Борис Петкер и его жена Лидия рассказывали мне о судьбе их приятеля.

Иван Григорьевич Канашвили был в Грузии крупным врачом, лечил Сталина и Берия. Однажды его вызвали на дачу к Сталину. Приехавшие за ним люди в штатском осмотрели содержимое чемоданчика с инструментами и лишь после этого повезли Ивана Григорьевича на дачу. Его провели в комнату, в которой лежал личный секретарь Сталина. У больного оказался дифтерит. Врач распорядился провести в доме дезинфекцию и попросил Сталина уехать, чтобы не заразиться. Секретаря удалось вылечить.

Через некоторое время Канашвили ехал из Москвы домой в Тбилиси. В его купе вошли два человека в штатском и объявили ему, что он арестован. Канашвили, высокий —2 метра 5 см — и сильный человек, вытолкал этих людей из купе и благополучно доехал до Тбилиси, где его встречала жена. Но на вокзале Ивану Григорьевичу предъявили ордер на арест, подписанный Сталиным и Берия, «арестовать и усиленно допросить».

Усиленно допрашивал Ивана Григорьевича следователь П., предъявивший самые нелепые обвинения: отравление воды в источниках Боржоми человеческими экскрементами (курорт на месте этих источников был детищем Канашвили), взрыв моста в местах, где Иван Григорьевич никогда не был, и т. д. Перебив ему ноги, его заставили подписать признание в контрреволюционной деятельности. Канашвили расстреляли. Жену посадили. Она работала в казахстанских лагерях чабаном, а потом штукатуром (строила свинарники). Вскоре умерла. Их дочь дожила до реабилитации и во второй половине 50-х присутствовала на суде, приговорившем следователя П. к расстрелу. От всего того, что она услышала на процессе, она лишилась чувств, и ее вынесли из зала суда.

В МЕЖДУНАРОДНОМ МАСШТАБЕ

Охват иностранцев

Сталин сказал, что на процессе по делу о поджоге рейхстага было три тактики: первая — Димитрова, который защищал свою партию.

Это была истинно марксистская тактика. Вторая — Попова и Танева: тактика личной защиты, и третья — тактика предательства.

Попова и Танева по прибытии в СССР арестовали.

* * *

Попов, сотоварищ Димитрова по процессу, руководитель болгарского комсомола, оказался в одном лагере с Мильчаковым — руководителем советского комсомола. Он говорил своему советскому коллеге по работе и судьбе: «Я сидел в тюрьмах царской Болгарии, в австрийских тюрьмах, в тюрьмах немецких фашистов — разве же это тюрьмы? Курорт!»

* * *

В 1937 году болгары, жившие в эмиграции в СССР, пришли в Коминтерн к Георгию Димитрову и попросили его сообщить Сталину, что Ежов враг и предатель, он арестовал многих болгар и, если этого изверга не уберут, они, болгары, многие из которых работают в органах, убьют Ежова.

Димитров ответил, что дело здесь совсем не в Ежове.

Вскоре с этим вопросом было покончено: большинство болгар-эмигрантов было арестовано, а Ежов снят и расстрелян.

Проблемы Коминтерна

В Советском Союзе жило много эмигрантов, бежавших из своих стран от преследований, среди них немало немецких антифашистов. Некоторые из эмигрантов работали в Коминтерне. Во второй половине 30-х годов большинство из них было репрессировано. Особо нежелательными стали эти люди после заключения договора с Германией.

Есть версия о том, что в Испании Сталин решал (и решил!) одну важную для себя задачу: уничтожение старых, идейных, неконтролируемых, инициативных кадров зарубежных компартий. Эти кадры привлекались в интербригады — там они перемалывались: на фронте; с помощью внутреннего террора, который вели спецотделы, расстреливая «предателей»; путем прямых боевых действий преданных частей против интербригад.

Когда эта, основная задача испанской кампании была решена, Сталин потерял особый интерес к испанским событиям, и республиканский фронт, ослабленный междоусобицей, потерпел поражение. В Испании воцарился генерал Франко. Эта диктатура была для Сталина более приемлема, чем возможное демократическое многопартийное государство на социалистическом фундаменте.

Беседа

Ромен Роллан, как и Лион Фейхтвангер, встречался со Сталиным. Существует запись Роллана об этой беседе. Зафиксированные Ролланом впечатления очень остры. Они еще не опубликованы полностью.

Вот если бы Ромен Роллан

В конце 30-х годов Илью Эренбурга спросили:

— Вам понравилась книга Фейхтвангера «Москва, 1937»?

— Эта книга ничего не значит, потому что у Фейхтвангера нет достаточного имени. Вот если бы такую книгу написал Андре Жид или Ромен Роллан — было бы другое дело.

Это понимал и Сталин. Он очень заигрывал с известными зарубежными писателями и старался заполучить их в союзники и летописцы его эпохи. Однако ни тот, ни другой не снизошли до описания доблестей или благородных качеств тирана.

Сын Чан Кайши

Сталин стремился к тому, чтобы иностранные деятели, близкие к социализму, посылали своих детей учиться в СССР. Многие отцы и дети охотно шли навстречу этому стремлению. Так, автор книги «Сын народа» генеральный секретарь Французской компартии Морис Торез послал своего отпрыска в МГУ, где студенты звали его «внуком народа». Вообще-то это средневековый обычай: у властителя-вассала брали сына, и он был заложником — гарантом верности его отца сюзерену. Учился в Москве и сын Иосипа Тито. Он женился здесь на русской девушке, и им вовремя, до крайнего обострения советско-югославских отношений, удалось уехать в Белград. Жили в Москве и другие дети из знатных иностранных семей. Среди них был и сын Чан Кайши. Он прибыл к нам в конце 20-х годов. Женился на комсомолке в красной косынке. Вскоре вступил в ВКП(б) и отрекся от отца, с 1927 года ставшего главой гоминьдановского режима. Вначале сын Чан Кайши стал председателем какого-то колхоза. Потом — редактором газеты «Уральский рабочий», а затем — заместителем директора Челябинского тракторного завода. В середине 30-х годов его арестовали. После личного обращения Чан Кайши к Сталину его сына освободили и отправили в Китай. Позже войска Чан Кайши отступили из материкового Китая на Тайвань и там после смерти отца сын унаследовал власть. Он отверг убеждения своей молодости, с ужасом вспоминал дни, проведенные в сталинской тюрьме.

Выявление врага

В 1937 году в Улан-Баторе было срочно созвано совещание высших военачальников. Вел его главнокомандующий монгольской армией — герой революционной борьбы. Во время совещания пришло срочное сообщение: по имеющимся сведениям, среди присутствующих находится крупный шпион, которого следует немедленно разоблачить. Главнокомандующий приказал не расходиться, пока не будет выявлен враг. Военачальники, умирая от усталости, жажды и голода, сидели, глядя друг на друга несколько суток. Наконец пришла группа захвата и арестовала самого главнокомандующего.

Дипломат

Вдова Преображенского Полина Семеновна Виноградская рассказывала мне в конце 70-х годов.

Федор Федорович Раскольников не поехал из-за границы на вызов Москвы, понимая, что его убьют, и написал знаменитое письмо-обвинение Сталину. Во Франции он, согласно преданию, был выброшен из окна — месть адресата. Это все сцены из трагедии, кончившейся смертью ее героя — мужественного человека.

А вот комическая деталь этой трагической судьбы. Первой женой Раскольникова была Лариса Рейснер. Она полагала, что муж не сможет справиться без нее с той ответственной дипломатической миссией, которая ему поручалась. Когда Раскольников стал послом в Афганистане, Рейснер перед королевским приемом сказала мужу: «Ты, Федя, молчи, я сама буду все говорить, а то ты хорошо не сможешь». И она приветствовала короля сама:

— Ваше императорское величество, я в восторге от вашего мужества и других достоинств. Я хотела бы, чтобы мой сын был во всех этих качествах похож на вас.

— Это можно сделать,— сказал великодушный король.

Предание о гибели Раскольникова

Сталин был разгневан открытым письмом Раскольникова и распорядился убрать автора. Органы выполнили это задание через двух белоэмигрантов, сотрудничавших с советской разведкой — мужа Марины Цветаевой Эфрона и Сезмана. Они были последними посетителями Раскольникова перед тем как он оказался выброшенным («выбросившимся») из окна больницы.

Это предание расходится с действительностью: Раскольников погиб на юге Франции, когда Эфрон давно уже вернулся в Россию. И все же я привожу эту историю, связующую в один сюжетный узел известные имена,

— и потому, что Эфрон был причастен к такого рода акциям;

— и потому, что для той эпохи ничего невероятного нет: можно на неделю отправить человека за тридевять земель для выполнения задания и затем вернуть его в Москву;

— и потому что, даже называя вымышленных исполнителей террористического акта, предание говорит о насильственном устранении врага Сталина, что не только не исключено, а является закономерностью. Осуществлению этой закономерности могла помешать лишь случайно настигшая Раскольникова — странная по тем временам — естественная смерть от болезни.

Еще раз о смерти Федора Раскольникова

На «Неделю совести» (19—26 ноября 1988 года) в день Союза кинематографистов пришла вдова Раскольникова, немолодая, но по-западному ухоженная женщина, гражданка Франции, живущая в Париже. Ее спросили, как погиб ее муж.

Она сказала: Федор Федорович израсходовал на письмо к Сталину много духовной энергии. Письмо, переданное в агентство печати пошло гулять по газетам мира. Мы с Федором Федоровичем после этого уехали из Парижа на юг Франции, понимая, что нам следует отойти в тень. Вскоре Федор Федорович заболел и его положили в больницу. Там на моих руках он умер.

Через несколько минут вдова Раскольникова получила записку из зала: я не могу вас осуждать, наверное, вы обещали не говорить правду и боитесь ее сказать, однако Раскольников погиб насильственной смертью — Сталин отомстил ему; долг памяти перед Раскольниковым, долг правды должен возобладать над страхом.

Вдова Раскольникова ответила: я ничего не боюсь. Я рассказала, как умер Раскольников — у меня на руках. Я не могу утверждать, что его убили, и не могу утверждать, что его не убили — у меня на эту тему нет никаких сведений.

Задание

Сталин решил устранить Троцкого и приказал создать несколько независимо друг от друга действующих террористических групп.

Библейски красивая еврейская девушка Джульетта, студентка ИФЛИ, была послана нашей разведкой за океан. Очаровав секретаря Троцкого, она помогла организовать убийство бывшего партийного лидера. Символическая деталь: на столе у Троцкого была в ту пору рукопись его книги о Сталине, и кровь автора залила страницы этой книги. Когда Джульетта вернулась на родину, ее наградили, а потом посадили. Влюбленный в нее молодой генерал НКВД написал Сталину, что любит эту женщину и готов пожертвовать всеми своими званиями и орденами ради любви. Сталин сделал широкий жест: генерала лишили звания и орденов, а Джульетту выпустили, и пылкий Ромео смог соединить с ней свою жизнь. Они прожили довольно счастливую приватную жизнь. И даже, кажется, живы были еще в 1972 году, когда я записал эту историю.

Отсидев долгий срок, убийца Троцкого Рамон Меркадер уехал из Мексики и попросил убежища в Чехословакии, некоторое время жил в СССР под фамилией Лопес, потом переехал на Кубу. Сидя в тюрьме, Рамон женился на мексиканке. Когда он умер, вдова перевезла его прах в Москву и захоронила на Кунцевском кладбище. На могиле стоит памятник с надписью: «Герой Советского Союза Лопес Рамон Иванович 1915—1978».

Современное оправдание репрессий

Сегодня девяностошестилетний Каганович оправдывает репрессии 30-х годов тем, что: кулаки были буржуазным элементом в деревне; если бы оппозиция пришла к власти, то поступила бы «с нами не лучше, чем мы с нею» (даже у демократа Бухарина были высказывания о том, что революции без крови и массовых расстрелов не бывает); важная роль в проведении репрессий принадлежит внешней обстановке, угрозе фашизма — не очистив тыл, мы погибли бы во время войны.

Вместе с тем Каганович признается, что в вину многих арестованных и расстрелянных он не верил. Однако понимал необходимость вздыбить, взбодрить Россию, которая должна была любой ценой выйти к войне с хорошими экономическими показателями.

Все эти аргументы в пользу репрессий столь смехотворны, что их можно было бы даже не опровергать. И все же кратко отвечу на эти аргументы.

Уничтожая кулаков «как класс», Сталин и его соратники на много лет вперед разрушили сельскохозяйственную жизнь страны. Само уничтожение класса обернулось мучениями и гибелью сотен тысяч людей, в том числе детей, женщин, стариков, никакого отношения к классовой борьбе не имевших. Сотни тысяч будущих солдат были уничтожены Сталиным и его приспешниками еще до 1941 года, из тысяч были подготовлены будущие власовцы.

У Бухарина и других старых партийцев, несмотря на признание и даже применение принципа насилия и известной жестокости, трудно предположить способность массово уничтожать своих соратников по партии. Кроме того, репрессии столь широко охватили все население страны, что аргумент о страхе Сталина перед жестокостью оппозиции — чистая демагогия.

Внешняя обстановка — приход к власти фашистов, надвигающаяся война — совершенно не диктовали уничтожение большой части офицерского корпуса Красной Армии. Вся международная обстановка могла бы быть более благоприятной, если бы Сталин не вел жесткой внешней политики и жестокой кровавой политики репрессий внутри страны. Ему легче было бы найти союзников на Западе. За рубежом, в том числе и в Германии, в начале 30-х годов не создавалась бы благоприятная обстановка для «ястребов», если бы там не боялись «ястребиной» политики Сталина.

Вся политика Сталина, способствуя относительно быстрой индустриализации, вела к созданию той административной системы, которая, в конечном счете, губительно сказалась на всем экономическом развитии страны.

Нужно полностью отдать себе отчет в том, что смысл репрессий для Сталина был не в том, чтобы решить какие-либо социальные, экономические, международные дела страны, а в том, чтобы решить проблемы личной власти, ее создания, упрочения, ее безграничного распространения. Испытывая тяготы этой личной власти Сталина, его соратники широко пользовались ее неограниченными благами и потому поддерживали диктатора.

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И ЛЮДСКИЕ СУДЬБЫ

Выдвижение новых кадров

В 1933—34 годах Сталин и его приближенные нередко собирались на даче у сестры Кагановича. Здесь-то впервые молодой Хрущев и появился в окружении Сталина. Хрущев нравился Сталину своим умением рассказывать анекдоты и веселить русскими плясками.

Сталин приблизил к себе Хрущева за его активность в борьбе с правой оппозицией.

В присутствии Сталина шло обсуждение статьи в то время начинающего историка Анны Михайловны Панкратовой. Выступление аспиранта Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко понравилось Сталину. У него была цепкая память на кадры: при очередном назначении он вспомнил о Пономаренко, тот пошел в гору. В 1938 году стал первым секретарем ЦК КП Белоруссии, а в 1948— секретарем ЦК ВКП(б).

Книга — двигатель карьеры

Некто Бедия опубликовал небольшую работу о начале социалистического движения в Закавказье. Эта книжечка содержала выгодную для «отца народов» концепцию: Сталин в Закавказье занимался тем же делом, что и Ленин в России, шел тем же путем, действовал теми же методами. Получалось, что Сталин не только верный соратник Ленина, но и равная ему фигура.

Убив автора книги, Берия присвоил ее себе, вписав в нее маленькую главку. Он распространил версию, что в бытность секретарем ЦК Закавказья считал неудобным публиковаться под своей фамилией. С таким объяснением книга была послана Сталину и понравилась ему, что потом сыграло роль при переводе Берия в Москву. Когда Берия хотел выглядеть привлекательным (особенно перед женщиной), он показывал книгу и, скромно потупясь, говорил: «Это я написал».

Новая смена палачей

В 1937 году Ежов достиг большой власти и в порыве шпиономании стал замахиваться на многих видных людей. В частности на Берия.

Маленков послал в Тбилиси гонца предупредить Берия о возможном аресте и вызвал его в Москву. Когда Берия приехал, Маленков устроил ему встречу со Сталиным. Вождь разговаривал с гостем ни много ни мало 20 часов подряд. После этого Сталин потребовал Ежова и сказал: «Тебе нужно отдохнуть, ты устал».

К власти в НКВД пришел Берия, а Ежова на непродолжительное время назначили наркомом водного транспорта, после чего уничтожили.

Монстр

После устранения Ежова Берия выпустил кое-кого из заключенных, и пошла молва, что наконец ошибки исправляют. Все считали: со мной, с моим отцом произошла ошибка, а вообще все аресты правильны. Мало кто представлял себе масштабы репрессий. Очень многие верили, что Сталин не знает о несправедливостях. Однако лучше, чем в анекдоте, о палачестве Сталина и Берия не скажешь: «Человек увидел Берия в аду: стоял он по колено в крови. Человек спросил у Берия, почему он, Берия, стоит в крови только по колено? И ответил Берия: потому что я стою на плечах товарища Сталина».

Чудесное спасение

Рассказывал мне бригадир Василий Васильевич Темин, работавший в 1946 году на восстановлении завода «Запорожсталь».

Костя работал на стройке прорабом. Умел рисовать. Однажды ему поручили оформить стенгазету. Он написал заголовки, приклеил картинки и статьи и вывесил газету. Вызывает его парторг, строго и осуждающе говорит: «Перерисуй»— и пальцем в газету тычет. А там статья: «Смерть врагам народа». Заголовок подчеркнут чертой-молнией, острие которой,— если обратить внимание,— указывает на статью о наркоме Ежове и на его портрет. Костя ужаснулся, но сообразил: если он что-либо исправит, значит признает свою вину.

Проходят сутки. Секретарь встречает Костю и спрашивает: «Ну как, исправил?» Костя делает вид, что не понимает, о чем речь. Тогда секретарь говорит: «Ты дурака не валяй. Исправляй!» По стройке уже слухи покатились. Тот, кто раньше с Костей в домино играл, теперь играть опасается, другой вдруг про Англию и Германию расспрашивает. Костя вторую ночь не спит, ареста ждет. И понимает, что его рисунок можно расценить как политическую ошибку, однако не сдается и стенгазету не переделывает: переделаешь — значит был виноват. И все-таки чудо спасло . . .

Я перебиваю рассказчика и говорю: «Ежова сняли и объявили врагом народа».

— Нет, до этого еще год оставался и не одна голова с плеч слетела. Произошло вот что. В безвыходной ситуации Костю осенило. Встречает его на следующий день секретарь и уже при народе спрашивает: «Ты переделал?» «Нет,— говорит Костя.— Я сходил в НКВД, рассказал, что вы ко мне придираетесь, и там сказали: «А пошли ты этого дурака . . .» И адрес дали на тот случай, если сами не догадаетесь. Так что выполняйте указание». Тем дело и кончилось. Секретарь отстал. А Костя дней через десять на всякий случай уволился и уехал. На другой стройке он к стенгазете и близко не подходил.

Дворянин

Рабинович был правительственным фотографом — снимал членов Политбюро, членов ЦК, партийные съезды, международные конгрессы. Летним утром 1937 года он устанавливал свой треножник на одной из дорожек Кремля. К фотографу подошел Сталин:

— Что же это вы, гражданин Рабинович, скрыли, что вы из дворян.

Рабинович от страха упал в обморок.

Сталин был пристально внимателен к биографиям окружавших его людей и узнал, что предок Рабиновича выполнил какое-то важное поручение Петра I и царь удостоил его дворянством.

Рабинович продолжал работать в Кремле. Через некоторое время к нему вновь подошел Сталин и сказал:

— Товарищ Рабинович, а вы пугливы!

«Не вытекает»

Поскребышев насмотрелся на преуспеяние высшего партийно-чиновного круга и решил тоже кое-что приобрести. Заикнулся Сталину,

тот велел написать заявление. Сидит Сталин, смотрит на заявление, водит синим карандашом, пометки ставит, тихо ворчит:

— Так, дачу, значит, хочешь, машину хочешь . . . Дача ему, видите ли, понадобилась . . .

Поскребышев холодеет от ужаса. Неожиданно Сталин размашисто пишет: «Удовлетворить». Поскребышев радостно берет в руки бумагу и вдруг от избытка чувств чмокает Сталина, неловко попадая поцелуем за ухо вождя. Тот на мгновение теряется и удивленно говорит: «Не вытекает».

Обсуждение кандидатов

Во время первых выборов в Верховный Совет обсуждался вопрос, кого бы выдвинуть из писателей. Скатов предложил Алексея Толстого. Маленков пошутил: от графов. Сталин сказал: «Лучше Шолохова».

Интервью

Перед открытием метрополитена главный редактор «Вечерней Москвы» сообщил, что следующий номер будет посвящен откликам трудящихся на это славное событие. Сотрудники разошлись собирать отклики. В кабинете редактора задержался репортер Трофим Юдин: ему в голову пришла сногсшибательная и дерзкая мысль взять интервью у Сталина, совершившего накануне ознакомительную поездку в метро. Он подошел к вертушке и сделал вызов. Ответил сам Сталин.

— Здравствуйте, товарищ Сталин, это говорит работник «Вечерней Москвы».

— Кто-кто?

— Трофим Юдин, товарищ Сталин, из газеты «Вечерняя Москва».

— Что вам надо, товарищ Юдин?

— Я хотел бы взять у вас интервью, как вам понравилось метро.

— Записывайте: метро понравилось. Московское метро лучшее в мире. Сталин.

— Спасибо́, товарищ Сталин.

— До свиданья, товарищ Юдин.

Когда об этом интервью узнал главный редактор, он растерялся: печатать страшно — вдруг Юдин врет, не печатать — нельзя: вдруг это действительно слова Сталина. Редактор неистовствовал:

— Ты мне добудь подтверждение, подпись, не то уволю!

Тогда Юдин, улучив момент, снова позвонил Сталину.

— Меня увольняют — не верят.

— Скажите, что я не велел вас увольнять.

Юдина не уволили, и он пересидел в газете не только этого редактора, но еще шестерых.

Из академиков в уголовники и обратно

В 1935 году Сталин дал следователю Молчанову указание, чтобы физик академик Абрам Федорович Иоффе фигурировал в показаниях по процессу об оппозиции. А когда ему доложили, что арестованный Федотов дал показания на Иоффе, Сталин сказал Молчанову:

«Вычеркните Иоффе. Он еще может нам понадобиться». Сталинская власть была замечательна тем, что за пять минут могла из кого угодно сделать кого угодно.

История моего отца

Мой отец — Борис Семенович Борев вместе с моей матерью участвовал в гражданской войне, потом учился. В начале 30-х годов заведовал кафедрой философии в Харьковском университете, работал профессором ВУАМЛИНа (Всеукраинская ассоциация марксистско-ленинских научных институтов), главным редактором Партиздата Украины. Директором этого издательства была Мария Демченко — жена будущего первого секретаря Киевского обкома, в подчинении у которого некоторое время работал Хрущев и который затем станет наркомом заготовок СССР и погибнет в 37-м году.

Поздней осенью 1934-го года отец отдыхал в Крыму. В столовой санатория за соседним столиком сидел Бухарин и его молодая жена. Однажды утром Бухарин открыл газету, прочел какое-то сообщение и побледнел. Он что-то сказал жене, и они ушли не завтракая и в тот же день уехали из санатория. Газета писала об убийстве Кирова. Вернувшись в Харьков, отец узнал, что в числе 32-х других профессоров он исключен из партии и все исключенные, кроме него и профессора Козаченко, также отсутствовавшего, уже расстреляны. Когда отец шел по университету, от него шарахались, как от выходца с того света. Некоторые боялись с ним здороваться, чтобы не оказаться его «сообщником». Кто-то простодушно спросил: «Борыс! Хиба тэбэ нэ знышчилы?»—«Как видишь, пока не уничтожили!»— ответил отец. Его исключили из партии, как русского шовиниста: читал лекции на русском языке. Его коллег исключили за украинский национализм: читали лекции на украинском. Кроме того, отца обвинили в том, что он — ученик «украинского националиста», известного философа, академика Владимира Юринца, незадолго до этого арестованного. Отец поехал в ЦК партии Украины обжаловать решение об исключении (столицу только что перевели из Харькова в Киев). Те, кому он звонил, надеясь на помощь, не отважились его принять. Только завотделом пропаганды ЦК КП(б) Украины Килерог (псевдоним-перевертыш настоящей фамилии — Горелик) предложил прийти после рабочего дня.

Горелик сказал отцу:

— В Харьков не возвращайся, даже не заезжай домой, затеряйся в каком-нибудь маленьком городке и начинай жить сначала. Не мельтешись. Не добивайся восстановления. Сейчас в связи с делом Кирова пойдет большая волна. Многих она накроет.

— А как же ты?

— Я останусь до конца, буду стараться помогать людям.

Человек, спасший отца, вскоре погиб.

Я, сестра и мать остались одни. Отец уехал, но не в маленький городок, где он был бы как на ладони, а в Москву. Он сменил профессию философа на профессию юриста — благо было второе образование — и начал с нуля. Однако жизнь выталкивала его наверх, и скоро он был уже заместителем главного арбитра в Московском

областном госарбитраже. Осенью 36-го мы переехали к нему. Не зная за собой никакой вины, отец жил в страхе. По настоянию матери он ради безопасности семьи сжег остававшиеся у него авторские экземпляры двух его книг по философии, изданных еще в прежней, харьковской жизни. Многое из судьбы отца я узнал лишь после XX съезда: отец берег мое сознание, боясь ввергнуть меня в катастрофический конфликт с официальной точки зрения.

Новое в национальном вопросе

Сталин ввел паспортизацию с жесткими принципами определения национальности не по вере, не по культуре и языку, не по самосознанию человека, а по крови. Обыкновенный расизм.

Вопрос на засыпку

В конце 30-х годов во время заключительного приема по поводу окончания декады искусства одной из среднеазиатских республик Сталин вышел на балкон в Большом зале Кремля и сказал: «Вот вы славословили Ленина, а когда он умер — забыли его. Теперь вы славословите меня, а когда я умру — забудете меня». Воцарилось молчание. Хлопать — неуместно. Опровергать — тоже, ведь для этого нужно было признать, что Сталин все-таки умрет.

Сопротивление культу личности

Галина Серебрякова рассказывала, как в бытность ее женой наркома финансов Сокольникова у них однажды собрались гости. Это были крупные военные и партийные деятели того времени. Мужчины удалились в кабинет хозяина. Курили и разговаривали. Когда Серебрякова вошла в кабинет, неся кофе, она услышала реплику Алеши Сванидзе, брата первой жены Сталина:

— Коба зарвался, надо его ликвидировать.

Неясно, было ли это на самом деле или этот эпизод возник в сознании Серебряковой после ареста, во время суровых допросов, по требованию следователей.

Вождь учится говорить

Майя Владимировна Зарва — преподаватель русского языка МГУ — готовила Сталина к выступлениям на XVIII и XIX съездах, никогда не видя вождя. Делалось это так. За Зарвой неожиданно приезжали и увозили невесть куда и невесть на сколько. В помещении стояли три магнитофона. На одном была записана речь Сталина. На другом — всякая фраза, требующая исправления записывалась в исполнении Майи Владимировны. На третьем все это фиксировалось вместе и отсылалось Сталину. При этом произношение и ударения Зарвой еще кем-то проверялись, и иногда ее поправляли, ей делалось внушение за то, что ее поправка речи вождя была неточна. Сталин внимательно перерабатывал неправильно произнесенные фразы, но не всегда это ему давалось сразу. Поэтому

преподавателю приходилось повторять одну и ту же фразу два-три раза.

Регламент

До войны нарком сельского хозяйства Украины был вызван в Москву на Политбюро доложить о каком-то сложном вопросе. Он спросил:

— Как я должен докладывать: коротко или подробно?

Сталин ответил:

— Как хотите. Можете коротко, можете подробно, но регламент ваш три минуты.

Свадьба с генералом

Несколько преданий по-разному варьируют один и тот же сюжет, вероятно, повторявшийся в судьбе разных людей. Один из крупных работников женится на красивой молодой девушке. Свадьба проходит весело и пышно. Присутствует Сталин. Это больше, чем свадьба с генералом, молодые и гости выражают вождю высшие знаки внимания и почета. Он весел, произносит щедрые слова, поднимает прекрасные тосты за жениха и невесту. Часа в два ночи веселье кончается, гости расходятся, покидает гостеприимный дом и Сталин, говоря добрые прощальные слова и последние поздравления. Супруги остаются одни. Среди ночи, часа через полтора-два после ухода Сталина раздается громкий стук в дверь, входят люди в военной форме. Обыск, арест молодого мужа.

Душегуб-жизнелюб

В конце 20-х — в начале 30-х годов художник Кацман писал портреты Сталина и Ворошилова, был обласкан их вниманием и стал их доверенным человеком. Его приглашали на загородную дачу, где устраивались оргии. Там было нечто вроде римских терм, где нагие вакханки приносили яства и возлежали рядом с вельможами. Впрочем, были и отличия от Рима, выдающие северную топографию действа и паханский вкус ее главного организатора: над помещением «термы» висел большой моржовый фаллос. Видимо, людоед был большим жизнелюбом. Кацман глухо рассказал об этом Федорову-Давыдову. Тот, в свою очередь, еще более глухо упомянул об этом кому-то. Последний сообщил Куда Надо. Федорова-Давыдова на время выслали в Ярославль, а Кацмана отлучили от доверия.

Мягкость наказания объясняется ранней датой события и тем, о чем поведал Кацман: «Ворошилов обругал меня: мы тебе доверяли, мы тебя приблизили, а ты оказался болтун и дерьмо. Ты пренебрег доверием! Скажи спасибо, я тебя спас от гнева Сталина. Но смотри, если будешь болтать . . .»

Личная жизнь вождя

Во второй половине 30-х годов сестра Кагановича какое-то время была на положении полужены Сталина. Ее карточка в правительственной поликлинике лежала в ящичке семьи вождя.

Существует и другое предание о личной жизни Сталина. Ему приводили молодых девушек. Родителям сообщали, что их дочь погибла при выполнении важного задания. Подобные секс-истории о Берия ныне известны документально, что придает некоторую вероятность этому преданию.

СТАЛИН И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА

Мудрое решение

У Сталина спросили:

— Что делать с писателем N? Его обвиняют в троцкизме. Однако имеются доказательства его невиновности. Как решить проблему?

Сталин ответил:

— Есть человек — есть проблема. Нет человека — нет проблемы.

Охранная грамота

Художник Сарьян рассказывал, что, принимая в Москве армянскую делегацию, Сталин спрашивал о поэте Чаренце и говорил, что его не нужно трогать. А через несколько месяцев Чаренц был арестован и убит.

Организация поддержки

Сталин пригласил поэта Николая Асеева в Кремль. Когда тот пришел, завел разговор о поэзии и даже прочитал отрывок какого-то стихотворения на французском языке. Премии еще не были объявлены, тем не менее Сталин сказал:

— Поздравляю вас, товарищ Асеев, с премией, которую они называют Сталинской, за поэму «Маяковский начинается».

Великодушно приняв благодарность, Сталин продолжил:

— Мы живем в бедной крестьянской стране. У нас прошла коллективизация. Один молодой поэт, стихи которого вам, наверное, не понравятся, написал поэму «Страна Муравия». Я очень прошу вас поддержать эту поэму и написать на нее рецензию.

Асеев согласился. Как только он пришел домой, ему позвонил Мехлис:

— Я слышал, что вы хотите написать рецензию на поэму Твардовского. «Правда» готова предоставить вам свои страницы. Мы ждем рецензию.

Без них было бы спокойнее

Мариэтта Шагинян в 1937 году говорила о «гнилых интеллигентах»: «Посадили несколько человек, а они подняли крик».

Двадцатая ступенька

1937 год. Двадцатая годовщина революции. Арестовали Осю — брата Льва Кассиля — автора «Кондуита и Швамбрании», ра-

ботавшего в «Известиях». Сразу же вызывает его приятель — ответственный секретарь редакции и спрашивает:

— Лева, есть у тебя удостоверение?

— Есть.

— Покажи.

Приятель берет удостоверение и бросает в стол.

— К сожалению, ты уволен.

Со дня на день писатель ждал ареста. На всякий случай приготовил вещи. Сидел дома и считал ступени. От входа до его квартиры девятнадцать. Как только за дверью слышен шаг на двадцатую ступеньку — значит мимо. От нервного напряжения стали выпадать волосы. Телефон молчал: знакомые и приятели боялись звонить. Однажды вдруг раздался звонок:

— Лева, поздравляю, тебя наградили орденом «Знак Почета».

Кассиль возмутился:

— Нашел время шутить.

С досадой бросил трубку.

Вскоре раздался новый звонок. Опять поздравление. Потом позвонили из Союза писателей и пригласили на митинг по поводу награждения группы писателей орденами.

Фадеев рассказал, что Сталин просмотрел список писателей, представленных к награждению, и спросил:

— А где тот молодой писатель, который в 1932 году на встрече у Горького лезгинку танцевал?

Фадеев воскликнул:

— А, Лев Кассиль! Он пишет.

— Почему его нет среди награжденных?

— У него брат арестован, товарищ Сталин.

— Товарищ Фадеев, Союз писателей создавали, чтобы вы защищали писателей от нас, а нам приходится защищать интересы писателей от вас.

Старичок, испугавший Сталина

Был прием по случаю окончания декады таджикского искусства. Присутствовали Сталин, члены таджикского правительства, деятели искусства и литературы. Сталин встал и предложил тост:

— За великий таджикский народ, за его замечательное искусство, искусство Хайяма и Рудаки, Фирдуоси и . . .

Тут сидевший в конце стола маленький тщедушный старичок закричал:

— Бираф! Старый литературоведение капут!

На минуту все в ужасе замерли. Но Сталин сделал вид, что ничего не произошло, и начал тост снова:

— За замечательное таджикское искусство Хайяма и Рудаки, Фирдуоси и Джами . . .

Старичок снова закричал с другого конца стола:

— Бираф! Старый литературоведение капут!

Снова все в ужасе замерли. Старичок же вскочил и решительно направился к Сталину. Тот в страхе попятился, а потом полез под стол. Тут же два молодых человека в штатском скрутили старичка.

Сталин вылез из-под стола, сделав вид, что искал там трубку, и вновь спокойно расположился в своем кресле. Он обратился к секретарю ЦК Таджикистана Гусейнову, сидевшему около него, за разъяснением, что означают эти неорганизованные выкрики и кто такой этот агрессивный старичок. Гусейнов разъяснил:

— Старик этот известный писатель и литературовед Садриддин Айни. Он кричал: «Браво! Старому литературоведению пришел конец!» Айни много лет утверждал, что Фирдуоси таджикский поэт, и спорил об этом со сторонниками старых литературоведческих школ. Теперь он приветствует высказывание Сталина о принадлежности Фирдуоси к таджикской литературе.

Сталин вышел из-за стола и при напряженном молчании присутствующих приблизился к все еще скрученному аксакалу. По знаку бровей вождя старичка отпустили, Сталин у него спросил: «Вы кто?» Аксакал подобострастно склонился перед Сталиным, как перед падишахом, и сказал, что он недостойный Садриддин Айни. Сталин, уже получивший необходимую справку, спросил: «Айни — это псевдоним, а как ваша настоящая фамилия?» Айни сказал: «Садриддин Саид-Мурадзода». Тогда Сталин протянул ему руку и сказал: «Будем знакомы, Джугашвили».

Гомер воспевает Сталина

В Махачкалу в 36 году приехала бригада поэтов (Петровский и другие) переводить песни лезгинского поэта Сулеймана Стальского, которого восторженный и великодушный Горький назвал Гомером XX века. Вышел неграмотный старик, заиграл на струнном инструменте и запел песню о Сталине. Переводчики попросили рассказать, о чем идет речь. Им изложили содержание стихотворного текста:

О Сталин, ты — падишах падишахов.
Ты — султан султанов.
Ты — царь царей.
Ты — выше белого царя . . .

Сначала переводчики остолбенели, а потом обвыклись и перевели:

О Сталин, ты солнце народов,
Ты вершина гор . . . и т. д.

«Жирные пальцы»

В стихах Осипа Мандельштама о Сталине их герою показалось особенно оскорбительным упоминание о «широкой груди осетина» (он причислял себя к грузинам) и о пальцах, которые, «как черви, жирны». «Жирные пальцы» не только стоили жизни Мандельштаму, но и дорого обошлись Демьяну Бедному. Сей пролетарский писатель в начале 20-х годов жил в почете в Кремле и был большим библиофилом. Живший рядом Сталин брал у него книги и всегда возвращал с отпечатками пальцев на страницах. Библиофильская душа Бедного этого не выдержала, и он поделился с кем-то своим возмущением. Сталин узнал об этих высказываниях и, войдя в силу,

выселил Бедного из Кремля. Поэта проработали за поэму «Богатыри» и долгое время не печатали.

За Бедным была установлена слежка. Однажды он сидел в ресторане с женщиной, за которой ухаживал. К нему подсел соглядатай, и поэт дерзко передал ему салфетку, на которой написал:

Никуда не убегу:
У меня одышка.
Эту бабу . . .,
. . . — и крышка!

Салфетка пополнила досье Бедного.

Простое решение конфликта

Мандельштам был убежден, что он — поэт, живущий, как божия птица, вольно и впроголодь,— имеет право брать у всех все, что ему нужно. Однажды он взял взаймы деньги у прозаика Бродского. Через некоторое время заимодатель грубо, в оскорбительной для Мандельштама и его жены форме стал требовать деньги. Произошла ссора. Чтобы ликвидировать инцидент, был назначен товарищеский суд под председательством Алексея Толстого, о котором в 30-х годах говорили, что в его жилах течет половина графской и половина свинской крови. Когда я пишу эти слова, во мне все протестует против столь резкой и несправедливой оценки. Однако в предании прозвучала такая характеристика и я не считаю себя вправе быть ее цензором. Суд решил, что Мандельштам неправ, присудил его к возвращению долга и вынес общественное порицание. Тогда разгоряченный поэт встал, подошел к Толстому и со словами: «А это вам за ваш шемякин суд»,— дал ему пощечину. Толстой пожаловался в инстанции. Вскоре Мандельштама посадили. Однако несправедливо было бы винить в этом Толстого. У Мандельштама было «прегрешение» более опасное — стихи против Сталина. Молва же (нарушая логический закон: после не значит «по причине») связывала арест Мандельштама с эпизодом его протеста против «шемякина суда».

Погиб поэт

В 32-м году Мандельштам написал стихотворение о Сталине. О нем знали человек десять ближайших друзей.

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны.
А где хватит на пол-разговорца,
Там припомнят кремлевского горца.
Его толстые пальцы, как черви, жирны,
А слова, как пудовые гири, верны,
Тараканьи смеются усища
И сияют его голенища.
А вокруг него сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей,
Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
Он один лишь бабачит и тычет,
Как подковы, кует за указом указ —
Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому
в глаз.

Что ни казнь у него, то малина
И широкая грудь осетина.

Мандельштам был арестован. Перед этим он дал пощечину Толстому. Тот пожаловался Горькому. Горький возмущался: «Мы не допустим, чтобы били русских писателей». Никто не знал, за что посадили Мандельштама. Бухарин заступался за него, пока Ягода не показал ему стихи. После этого Бухарин перестал принимать родственников Мандельштама. Давая указание об аресте поэта, Сталин написал резолюцию: «Изолировать, но сохранить». О Мандельштаме долго хлопотал Пастернак. В разгар репрессий Пастернаку позвонил Сталин:

— Товарищ Пастернак, хороший ли поэт Мандельштам?

Не соотнеся свой ответ с драматической ситуацией, в которой находился Мандельштам, и опасаясь подозрения в знакомстве со стихотворением о Сталине, Пастернак стал путано рассуждать о достоинствах и недостатках поэзии Мандельштама.

— А как идут дела у поэта Мандельштама?

— Он сослан. Я хлопотал, но безуспешно.

— А почему вы не обратились ко мне? Я к своим друзьям отношусь лучше: если бы мой друг был в таком положении, я бы на стену лез.

— Но что же мне делать?

— Ну ничего, с Мандельштамом теперь все будет хорошо.

— Спасибо, Иосиф Виссарионович, я бы хотел с вами встретиться и поговорить.

— О чем?

— О жизни и смерти.

Сталин не ответил. В трубке раздались гудки отбоя. Пастернак, решив, что его разъединили, дозвонился до секретариата Сталина. Ему ответили:

— Вас не разъединили. Товарищ Сталин повесил трубку.

После первого ареста Мандельштам был освобожден. Он был напуган и написал оду в честь Сталина. Возможно, для этого его и освобождали. Вскоре его посадили снова, и он погиб в лагере. Это предание было записано мной в середине 50-х годов по многочисленным рассказам, ходившим тогда в писательской среде. Интересно, что сегодня, когда можно сличить предание с мемуарами Надежды Яковлевны Мандельштам, выясняется очень высокая степень совпадения в изложении фактов, даваемых этими двумя источниками. Стихи о Сталине были мною записаны с большим количеством отклонений от авторского текста (сейчас приведены в соответствие с ним).

Сообщение о смерти

В Союзе писателей шло заседание. Пушкиновед Илья Фейнберг стал шептать переводчику Румеру:

— Говорят, в лагере умер Мандельштам.

Румер довольно громко сказал:

— Не шепчите. Он ничего противозаконного не сделал.

Переводчик

Борис Пастернак не вписывался в литературный процесс сталинского времени. То, что при этом он не был арестован, предание объясняет тем, что в дореволюционное время (году в 1913) он якобы издал сборник переводов грузинских поэтов, где были опубликованы и переводы стихов молодого Сосо Джугашвили. Когда Сталину предложили в 30-х годах переиздать эти переводы, он отказался. Это предание — попытка упрощенно объяснить отсутствие традиционного финала в традиционном противоборстве тирана и поэта. Парадокс Пастернака в том, что он выжил в сталинскую эпоху и был надломлен и погиб в хрущевскую. Сравнивая эти эпохи, поэт говорил: «Раньше нами правил маньяк и убийца, а теперь невежда и свинья».

Тиран и небожитель

Генеральный секретарь Союза писателей Владимир Петрович Ставский привез Пастернаку письмо, приветствующее расстрел маршала Тухачевского. Пастернак поставить свою подпись отказался. Но на следующий день оно было напечатано в «Правде», и подпись Пастернака под ним стояла. Пастернак обратился к Сталину и объяснил, что он воспитывался в духе толстовских традиций, поэтому быть кому-либо судьей не может. Сталин по этому поводу сказал: «Не трогайте этого небожителя, этого блаженного».

Хлеб, колхоз и Пастернак

В середине 30-х годов Сталин спросил у Фадеева, что делает поэт Пастернак.

— Пишет стихи,— простодушно ответил Фадеев.

— Это хорошо,— сказал Сталин, помолчал и добавил:— Почему бы поэту Пастернаку не написать поэму о колхозе? Нужно воспеть нашего труженика, добывающего хлеб.

— Хорошо, товарищ Сталин. Я поговорю с Пастернаком, и он воспоет труженика.

— Создайте условия. Пошлите Пастернака в творческую командировку в колхоз. Пусть там поэт изучит жизнь.

— Хорошо, товарищ Сталин, Пастернаку будет очень полезно изучить жизнь, особенно в колхозе.

Фадеев тут же сообщил Пастернаку пожелание товарища Сталина. Пастернак был смущен, но вежливо согласился с предложением. Однако в командировку не поехал и писать ничего не стал.

Вскоре Сталин, памятливый на задания, вновь спросил, что делает поэт Пастернак. Фадеев снова ответил: пишет стихи. Сталин поинтересовался стихами о колхозе.

— Пока не написал,— искренне признался Фадеев.

— Это жаль,— сокрушался Сталин,— такая хорошая и важная тема.

— Да,— согласился Фадеев.— Я ему напомню.

— Напомните и дайте ему командировку в колхоз, чтобы изучил жизнь.

— Хорошо, товарищ Сталин, пусть изучает жизнь.

Пастернак получил командировку в колхоз, но никуда не поехал.

Когда в третий раз Сталин спросил у Фадеева, что делает поэт Пастернак и услышал в ответ, что тот так и не написал поэмы о колхозе, он очень рассердился:

— Мы просим Пастернака показать, как наши труженики добывают хлеб, а он не хочет. Ну что же, давайте немножко урежем хлеб у поэта Пастернака, раз его не интересует, как этот хлеб добывают.

И Пастернака перестали печатать. Он стал жить переводами.

Могущественный недруг

Фадеев приехал в Грузию на празднование юбилея Шота Руставели. В президиуме появился Берия, которого аудитория встретила овацией. В течение вечера Берия намеренно несколько раз выходил и входил вновь, и всякий раз его появление вызывало бурные аплодисменты. Вернувшись в Москву, Фадеев сказал Сталину: это было празднование не поэта Шота Руставели, а восточного князя Лаврентия Берия. Сталин вызвал Берия и спросил: «Слушай, Берия, не слишком ли много вождей у советского народа в Грузии?»

С тех пор у Фадеева появился могущественный недруг.

Став членом Политбюро и наркомом внутренних дел, Берия несколько раз пытался посадить Фадеева, однако Сталин препятствовал этому. Трижды Берия устраивал покушения на Фадеева. Одно из них было в Переделкино: грузовик сшиб машину Фадеева в кювет. Однако Фадеев остался жив.

Ревность, подозрительность и тщеславие

Панферов рассказывал, что однажды по приглашению Сталина он прибыл в его приемную. Сидит, ждет. Вылетает из кабинета Сталина взволнованный Шолохов.

— Что там, Михаил Александрович?

— А! ..— раздосадованно махнул рукой Шолохов и пошел из приемной.

Вызывают Панферова, он входит в кабинет. Сталин сидит один. Панферова сажает напротив, долго возится с трубкой, потом целую минуту или даже две пристально смотрит на Панферова и наконец спрашивает:

— Товарищ Панферов, как вы относитесь к товарищу Сталину? Любите ли вы товарища Сталина?— и пристально смотрит в глаза.

Панферов объясняет:

— Я люблю партию, народ, а их лучшим воплощением является товарищ Сталин, поэтому я люблю товарища Сталина.

Сталин встает, ходит, курит. Неожиданно останавливается рядом с Панферовым и спрашивает в упор:

— Как вы относитесь к Яковлеву? Что вы думаете о нем?

— Раз Яковлев арестован, значит, виноват перед партией и народом, но ко мне Яковлев относился хорошо, никогда не обижал и даже похвалил мои «Бруски».

— Похвалил ... Мы ему сказали наше мнение — и он похвалил. Похвалил ... Наше это было мнение, а не его.

Опять ходит, курит. Неожиданно останавливается и спрашивает, как на допросе:

— А каковы ваши отношения с Варейкисом? (Иосиф Михайлович Варейкис — секретарь одного из обкомов — был расстрелян, а о нем много писалось в первых частях «Брусков».) Почему вы в своем творчестве так много внимания уделяете Варейкису? Вы его любите?

Панферов начал сбивчиво оправдываться. Сталин, не дослушав, перебивает:

— Варейкис тебя вербовал?

Панферов теряется от такого странного и опасного вопроса. Он понимает, что любой ординарный ответ грозит смертью. Говорит, истово перекрестившись:

— Ей-богу, нет, не вербовал.

Ответ произвел на семинарскую душу Сталина впечатление, и он сказал:

— Правильно, Варейкис знал, кого надо вербовать.

Панферов понял, что Сталин «ревновал» и тщеславно хотел, чтобы в произведениях Панферова было написано о нем, а не о Варейкисе. В последних частях «Брусков» Панферов уделил Сталину необходимое внимание.

Взаимопонимание

Банкет в Кремле. Сталин прохаживается вдоль праздничного стола, попыхивая трубкой. Длинный величальный тост в честь Сталина произносит Алексей Толстой. Он говорит долго, употребляя все более и более превосходные степени и все более высокие эпитеты. Сталин ходит, слушает, потом останавливается около Толстого, хлопает его по плечу:

— Хватит стараться, граф.

Ковер и вдохновение

В 30-х годах Алексей Толстой посетил ВСХВ (Всесоюзную сельскохозяйственную выставку — ныне ВДНХ). В павильоне Узбекистана он долго стоял перед роскошным ковром. Его десять лет вручную ткали несколько десятков мастериц. Это было чудо коврового искусства. Писатель пошел к директору павильона и попросил продать ему этот ковер. Директор ответил, что при всем величайшем уважении к знаменитому литератору это невозможно, ведь ковер — народное достояние и музейная редкость.

Вернувшись домой, Толстой так затосковал по ковру, что решился позвонить Сталину и рассказал о своей работе над романом «Хлеб», над образом товарища Сталина. Затем Толстой пожаловался, что работа идет не всегда хорошо, так как он лишен уюта, который может создать приглянувшийся ему ковер. Однако, к сожалению, его нельзя купить.

«Ничего,— ответил Сталин,— мы постараемся помочь вашему творческому процессу, раз вы поднимаете такие актуальные и трудные темы. Ваш «Хлеб» нужен нам, как хлеб насущный. Вам не следует беспокоиться. Работайте».

К вечеру на квартиру к Толстому на двух грузовиках привезли сказочно богатый ковер. Эта сталинская забота вдохновила писателя, и вскоре он опубликовал роман «Хлеб», в котором Сталин восхваляется как спаситель России и революции от белогвардейцев, от голода и других напастей.

Не тот критик критикует не того, кого нужно

Сталин не любил заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Алексея Ивановича Стецкого. Стецкий обратился к Сталину с просьбой повлиять на Шолохова, чтобы тот изменил акценты в образе Григория Мелехова. Сталин с демагогическим простодушием ответил вполне верной (однако множество раз им нарушавшейся) формулировкой: «Нельзя вмешиваться в творческий процесс художника. Нельзя ему диктовать что-либо».

Одобренный ответ на критику

Однажды в компании Стецкий стал критиковать Шолохова за то, что его главный герой Мелехов — настоящая контра. И многое в том же духе. Потом он сказал:

— Ты, Шолохов, не отмалчивайся.

Шолохов спросил:

— Ответить вам как члену ЦК или лично?

— Лично.

Шолохов подошел к Стецкому и дал ему пощечину.

На следующий день Шолохову позвонил Поскребышев.

— Товарища Сталина интересует, правда ли, что вы ответили на критику Стецкого пощечиной?

— Правда.

— Товарищ Сталин считает, что вы поступили правильно.

Хождения над пропастью

В 1938 году секретари Ростовского обкома и все областное руководство были арестованы. Секретарю обкома комсомола (по другой версии, начальнику НКВД) удалось бежать. Через донские плавни он добрался до Шолохова и предупредил его о грозящем ему аресте. Шолохов срочно уехал в столицу. Поселившись в гостинице «Москва», он отправил Сталину письмо о том, что его хотят арестовать, а он не виноват, как не виноваты уже арестованные ростовские руководители. Не дождаясь ответа, Шолохов стал звонить в секретариат Сталина. Вскоре ему самому позвонили оттуда и пригласили приехать. Шолохов выразил удивление по поводу того, что его разыскали. В ответ самодовольно усмехнулись: когда надо — всегда найдем.

Письмо Шолохова было вынесено на рассмотрение Политбюро. За день до этого заседания Шолохов обедал с Фадеевым и попросил его о заступничестве. Фадеев отказался.

Начлось заседание. Все сидели, а Сталин ходил, попыхивал трубкой и говорил о поджогах и бесчинствах на Дону, и получалось,

что Шолохов в этом виноват. Писатель не сводил со Сталина глаз, пытаясь прочесть на его лице свою судьбу. Наконец Сталин сказал:

— Человек с такими глазами не может быть нашим врагом. Товарищ Шолохов, как вы могли подумать, что партия даст вас в обиду?

Шолохов был спасен и обласкан. Из тюрьмы в Кремль доставили ростовских руководителей. В ходе заседания они были признаны невиновными и получили назначения в Москве, однако по просьбе Шолохова им разрешили вернуться в Ростов. Фадеев же не мог себе простить отказа Шолохову в помощи.

Надпись на книге

Шолохов послал в подарок Сталину книгу, надписав ее: «Товарищу Сталину — М. Шолохов». Ему позвонил разгневанный Поскребышев и сказал, что товарищу Сталину книгу с такой надписью не передаст.

— А что же я должен написать?! «С кирпичным пролетарским приветом»?— обиженно ответил Шолохов.

Предусмотрительность

Во время поездки в Лондон в 1935 году Шолохов был в гостях у баронессы Будберг, урожденной Закревской, пользовавшейся вниманием многих знаменитых людей. У баронессы Шолохов забыл свою любимую трубку. Спохватившись утром, он запросил хозяйку, но ответа не последовало. Только по возвращении на родину Шолохов получил уведомление, что баронесса хочет навестить писателя в Вешенской и вернуть ему трубку. Однако эта встреча не состоялась, и трубка была переслана по почте. Вскоре Сталин пригласил Шолохова на Политбюро (пусть, мол, знаменитый литератор посмотрит, как решаются у нас народно-хозяйственные вопросы).

На заседании Шолохов не столько слушал, что говорят руководители, сколько со страхом гадал, зачем его пригласили. Когда все разошлись, писатель, оказавшийся рядом со Сталиным и Молотовым, услышал вопрос:

— Кто такая баронесса Будберг, которая просит разрешения посетить СССР? Следует ли давать ей разрешение?

Молотов ответил:

— Думаю, что не следует, так как Будберг франко-англо-немецкая шпионка.

На этом эпизод с трубкой и баронессой закончился. Стало ясно, зачем Сталин пригласил Шолохова на Политбюро: вождь любил держать людей в страхе и зависимости и намекнул писателю, что его связи со «шпионкой» известны.

Личный вкус как эстетический закон

Сталин посмотрел фильм «Три подруги» и сказал о прекрасной актрисе Жеймо:

— Почему в фильме играет эта карлица? Что она здесь делает? Что, у нас полноценных артисток нет?

Жеймо исчезла с экрана.

Увидев на экране Ладынину, Сталин сказал:
— Вот это настоящий тип русской женщины.

Живость восприятия

Сталин много раз с удовольствием смотрел фильм «Волга-Волга». Когда развитие действия доходило до определенной точки, он восторженно предсказывал:

— Сейчас она будет падать за борт!

Такое непосредственное эмоциональное восприятие было характерно для Сталина. Когда показывали «Юность Максима» он кричал:

— Наташа, куда же ты идешь! Туда нельзя! Ну разве так конспирируются!

Так же он переживал ковбойские фильмы. Когда пуля просвистела над головой героя, вождь воскликнул:

— Черт возьми, еще немножко, и попало бы! Чуть-чуть не хватило!

Жалобы родственников

Сергей Юткевич рассказывал, что Сталин спасал кинорежиссеров от родственников исторических персонажей. Так, создателей фильма «Чапаев» братьев Васильевых донимали родственники Чапаева. Довженко — постановщика фильма о Щорсе — преследовали родные этого героя гражданской войны.

На Юткевича пожаловались близкие Свердлова: мол, образ этого революционера в фильме искажен. Сталин написал на жалобе резолюцию: «На усмотрение режиссера. И. Сталин».

Свидетельства очевидцев

После создания фильма «Чапаев» критик Херсонский писал, что лента плоха, так как в ней мелкобытовое заслоняет героически эпохальное. Соратники Чапаева и члены его семьи тоже высказались неодобрительно: все было не так, Чапаев не похож на себя. Для фильма сложилась безысходная ситуация. Наконец его показали Сталину, передав мнение соратников и родственников Чапаева. Сталин походил, помолчал, попыхтел трубкой и сказал примечательные слова, выявляющие его эстетическую программу «жизненной правды»:

— Лгут, как очевидцы.

Слабонервных не приглашать

На правительственный просмотр фильма «Юность Максима» по традиции пригласили режиссеров Григория Михайловича Козинцева и Леонида Захаровича Трауберга. Однако Трауберг не смог прийти из-за болезни. Картина Сталину понравилась, но прежде чем похвалить ее, он высказал некоторые замечания. После второго замечания присутствующий кинорежиссер упал в обморок и его унесли. У художников слабые нервы,— решил Сталин и изменил традицию: режиссеров перестали приглашать на просмотры. Показ фильмов вменили в обязанность председателю Комитета по делам кинематог-

рафии Большакову. Он выслушивал замечания и соображения Сталина, а потом пересказывал их авторам фильмов.

Милостивое разрешение

В середине 30-х годов Сталин, собрав некоторых видных театральных и кинематографических деятелей (в их числе были Н. Погодин и М. Ромм), сказал, что не надо бояться показывать на сцене и на экране товарища Ленина и товарища Сталина.

После этого и появились фильмы и пьесы «Человек с ружьем», «Кремлевские куранты», «Ленин в 18 году», «Ленин в Октябре».

Совместитель

В 1936 году Сталин назначил взлелеянного им Генерального прокурора СССР Вышинского по совместительству с палачеством еще и генеральным надсмотрщиком над культурой.

В одном из докладов Вышинский высмеял кинорежиссера Пырьева и назвал его сумасшедшим за то, что Пырьев сказал, что на наших съемочных площадках нервозная обстановка.

— Так не потому ли, что сам Пырьев не в себе?— рассуждал Вышинский по логике трамвайной перебранки: «сам дурак».

Разрешение трудностей

Перед Всесоюзным слетом физкультурников Ласкина и еще одного ответственного работника кинохроники ночью вызвали в Кремль. В зале были Сталин, Молотов, Каганович и другие руководители. Сталин спросил, ужинали ли они.

— Спасибо, мы не голодны,— сказали оба.

Сталин настаивал: не стесняйтесь и не обманывайте. Из двери тотчас появились две официантки и принесли на подносах бутерброды и чай.

Давясь от неловкости, кинохроникеры жевали бутерброды и пили чай. Когда они закончили, Сталин спросил: «Что надо сделать, чтобы улучшить вашу работу?»

Осмелев, один из кинохроникеров сказал: трудно с билетами на поезд, а постоянно нужно отправлять операторов в командировки.

— А вы попросите товарища Кагановича — у него на транспорте большие связи.

Каганович сказал:

— Кинохронике во всех кассах будет оставляться броня на 10 билетов.

— Спасибо.

— Так, один вопрос решили. (Сталин загнул палец.) Еще какие трудности?

— Нужен хотя бы один аппарат звукозаписи. Обращались к товарищу Большакову, он давно обещал выделить 5000 рублей.

— А мы попросим нашего наркома финансов дать вам деньги на десять звукозаписывающих аппаратов.

Нарком финансов подобострастно подтвердил, что такие деньги будут выделены. Сталин загнул второй палец и спросил:

— Еще какие трудности?
— Не можем достать автомобилей для съемки с движения.
— В городе Горьком есть автозавод имени Молотова. Попросим товарища Молотова достать нам по знакомству десять машин.
Молотов поспешно заверил, что автомашины будут.
Сталин загнул третий палец.
— Какие еще трудности? Больше нет? Тогда идите и работайте. Желаю успехов.

Телефонный разговор

В кабинете раздался телефонный звонок.
— Алло.
— Директора театра мне.
— Я вас слушаю. Кто это говорит?
— Сталин.
Из трубки гудки «занято». Сталина опять соединяют с театром, отвечает секретарша директора:
— Алло.
— Мне директора. Почему он вешает трубку?
— Директор умер минуту назад от разрыва сердца . . .

Нарушитель

Леонид Утесов рассказывал мне.
— Выход на экраны фильма «Веселые ребята» сопровождался хвалебными рецензиями в «Правде» и «Известиях». Накануне публикации в эти газеты позвонил заинтересованный кинорежиссер и сказал: не указывайте фамилию актера, игравшего роль Кости-пастуха, так как этот актер пытался бежать за рубеж, нарушил границу и был пойман. И в «Правде», и в «Известиях» исполнитель центральной роли Утесов упомянут не был, что в ситуации середины 30-х годов прямо компрометировало его не только в профессиональном, но и в политическом отношении и породило множество слухов.
Вскоре Утесов случайно встретился в Сочи с Поскребышевым и на его вопрос: «Куда вы пытались бежать?»— ответил, что это нелепый слух, а затем обратился с просьбой погасить этот слух к редактору «Правды» Льву Захаровичу Мехлису. Газета опубликовала статью о музыкальных комедиях, где положительно упоминался Утесов и была дана сноска: мол, сплетни об этом известном артисте не имеют под собой никаких оснований. Однако в те годы даже столь внушительное опровержение оказалось недостаточным. Слух считался более достоверным и был авторитетнее официального сообщения.
В 1936 году экипаж Чкалова совершил беспосадочный перелет до острова Удд. В честь героев-летчиков устроили правительственный прием. На него пригласили Утесова с его оркестром. Из их сорокапятиминутного выступления и должен был состоять торжественный концерт.
За кулисами к Утесову подошел Ворошилов и сказал:
— Вы играйте на всю железку, а то тут о вас ходят дурные слухи.

Утесов, естественно, старался. Особый восторг аудитории вызвала сентиментальная песенка с незатейливым сюжетом: ивы смотрят в реку, как мы с тобой когда-то, теперь я без тебя грущу у реки. Этой немудреной песней Сталин был потрясен и аплодировал стоя. Присутствовавшие последовали его примеру.

Эстрада находилась в углу Грановитой палаты. Вдоль стены шел длинный стол, в центре которого сидел Сталин, по обе стороны от него — члены Политбюро, а напротив — Чкалов и его экипаж. В зале стояли столы для гостей, среди которых было много летчиков. Все хлопали, глядя на Сталина, определяя по нему меру рукоплесканий. Так как Сталин хлопал долго и энергично, началась овация. Тогда Утесов повторил песню. Сталин опять встал и долго хлопал, а за ним все остальные. Песня прозвучала в третий раз. Затем к Утесову подошел Ворошилов и попросил его исполнить блатную песню «С одесского кичмана бежали два уркана». Утесов ответил:

— Мне запрещено петь эту песню с эстрады.

— Кем?

— Одним из руководителей Комитета по делам культуры товарищем Млечиным.

— Ничего, пойте,— ответил Ворошилов,— товарищ Сталин вас просит.

Утесов спел. Теперь в восторге были летчики. Они бурно аплодировали и Сталин их поддержал. Утесов исполнил песню на бис.

Через несколько дней Утесов встретил Млечина и сказал ему:

— Вы знаете, я тут на днях выступал с концертом и спел «С одесского кичмана».

— Как! Я же запретил вам петь эту уголовную пошлятину! Я же предупреждал, что за нарушение закрою вам дорогу на эстраду! Запрещаю вам выступать полгода . . .

— Товарищ Млечин, меня очень просили спеть эту песню.

— Кто смел просить?! Какое мне дело до этого? Я же вам запретил!

— Меня просил товарищ Сталин. Ему я не мог отказать.

Млечин побелел.

— Что за глупые шутки!

И быстро ушел.

Искусство прикрывать тиранию

Во времена страшные и кровавые на трибуну Мавзолея были приглашены смотреть первомайский парад победители недавнего международного конкурса музыкантов Флиер, Зак и Оборин. Они стояли рядом со Сталиным. Это почти стандартный прием: все диктаторы покровительством искусству и наукам пытались прикрыть кровь и насилие.

Родство душ

Сталин смотрел постановку «Отелло». Главную роль исполнял Остужев. После спектакля руководство театра попыталось узнать мнение вождя об этой работе. Сталин долго молчал, потом сказал: «А этот, как его там, Яго — неплохой организатор».

Любимая песня вождя

Сталин любил «Сулико». В 30-х годах каждый день вся страна пела или слушала эту песню. В 1983 году Зиновий Паперный предлагал слова этой песни сделать эпиграфом к моему собранию исторических анекдотов о Сталине. Предложение не лишено резона. Ведь прекрасные слова этой песни, написанной еще в 1895 году Акакием Церетели, в России 30-х годов XX века звучали весьма в духе вождя: они в меру сентиментальны, в меру жестоки и обращены к могиле:

Я могилу милой искал,
Но ее найти нелегко.
Долго я томился и страдал,
Где же ты, моя Сулико?

Любимый оперный образ

Сталин любил «Пиковую даму» Чайковского. Проблема игры, судьбы игрока-авантюриста, человека, живущего вне нравственности, азартом выигрыша,— была близка Сталину.

Скульптура

Когда в 1937 году Вера Игнатьевна Мухина создала свою группу «Рабочий и колхозница», недоброжелатели скульптора стали писать привычные для того времени доносы: рабочий похож на Троцкого, образ этого проклятого деятеля вырисовывается в складках платья колхозницы и т. д. Вскоре на завод, где создавалась скульптура, приехал Молотов со свитой, а еще через несколько дней — Сталин. Он двадцать минут молча всматривался в скульптуру и, не сказав ни слова, уехал. Однако свое мнение Сталин определил. Вскоре все наветы отпали и скульптура Мухиной была отправлена на Всемирную Парижскую выставку.

Градостроители

Каганович вызвал архитектора Боровского и велел ему снести храм Василия Блаженного: загораживает вход на площадь, затруднен съезд техники во время парадов. Архитектор отказался: площадь превратится в проспект, будет уничтожен великий архитектурный памятник. Добавил, что, если это случится — он покончит с собой. Боровского посадили. Когда жена приходила к нему на свидания, он спрашивал: стоит? И, удостоверившись, что стоит, говорил:

— Тогда я еще поживу.

Другой, более послушный архитектор докладывал на Политбюро план перестройки Красной площади. Для наглядности он пользовался макетом:

— Снимаем ГУМ, выполненный в псевдорусском стиле, и строим здесь трибуны для гостей-зрителей демонстраций и парадов (он снимает с макета ГУМ и ставит трибуну). Снимаем выполненное в стиле псевдорусской готики здание Исторического музея и ставим здесь арку (на макете появляется арка). Снимаем храм Василия

Блаженного . . . (рука архитектора взяла храм за купол и приподняла его).

— Храм поставь на место,— сказал Сталин.

Архитектор испуганно опустил храм, и осталась площадь нетронутой.

Указание выполнено

Сталин проезжал по Москве мимо прекрасной белокаменной церкви Спаса-на-Бору (XV век). Рядом с церковью лежали дрова.

— Безобразие, убрать,— недовольно буркнул Сталин.

Поскольку переспрашивать, что именно убрать, никто не посмел, дрова вывезли, а церковь снесли.

Красные ворота

Группа жителей Москвы, в том числе и искусствоведы, написали письмо, где просили по историческим и художественным соображениям не разрушать Красные ворота. Все авторы письма были арестованы и сосланы.

Сталинский стиль архитектуры

В начале 1930-х годов произошла смена творческой направленности советского зодчества. Исследуя причины этого, Анатоль Копп (Франция), Кетрин Кук (Англия), Виери Квиличи (Италия) считают, что над народом еще слишком тяготело прошлое, чтобы он видел комфорт и красоту в других архитектурных формах, нежели те, которые украшали жизнь его угнетателей. Это утверждение убедительнее версии, связывающей изменения в архитектуре исключительно с личным вкусом Сталина. Вернее, вкус Сталина оказался «народным»: таким же исторически отсталым, как эстетические предпочтения постреволюционной черни, которую еще Пушкин отличал от народа.

Выбор проектных вариантов

Сталин дал задание: построить в центре Москвы гостиницу, носящую имя столицы. Архитекторы подготовили проект. Предполагалось, что Сталин выберет один из двух вариантов здания. Эти варианты были начерчены на ватмане и разделены осевой линией. Когда Сталину принесли на подпись этот лист, он, не разбираясь в проектных чертежах, поставил свою подпись прямо по осевой линии, так что нельзя было понять, какой вариант он выбрал и утвердил. Никто не отважился переспросить вождя. Так и построили асимметричное здание, если посмотреть со стороны Манежной площади.

Первая встреча Ильинского со Сталиным

Игорь Ильинский рассказывал.

— Меня впервые пригласили в Кремль на праздничный концерт после выхода фильма «Волга-Волга», где я исполнил роль Бывалова. На концерте присутствовал Сталин. Я очень волновался. Когда выходил на сцену, несколько людей в штатском ощупали меня глазами, двое из них остались стоять за кулисами и неотступно следили за мной. Я читал рассказ Чехова, но не чувствовал никакого контакта с залом и с ужасом сознавал, что проваливаюсь. Обстановка была непривычна: люди в зале сидели за маленькими столиками по четыре человека. Вдали стоял длинный стол, за которым сидели члены Политбюро, в центре — Сталин. Все ели, пили, переговаривались, и мне казалось, что меня никто не слушает. От этого я зажимался еще больше. Я читал почти механически, на актерских навыках и от волнения непрерывно вертел пуговицу на пиджаке. Вскоре пуговица отскочила и запрыгала по сцене, и я проследил ее прыжки, пока не потерял из виду. Продолжая выступление, я все время искал глазами мою пуговицу. Когда я закончил и ушел со сцены, ко мне подскочил один из молодых людей в штатском и строго спросил:

— Что вы там высматривали?

— Пуговицу,— и я показал на мой пиджак.

Совершенно растерянный, с ощущением актерского провала, я сел за столик рядом с певицей Шпиллер. Вскоре ко мне подошел Молотов и поблагодарил за выступление. Я немного успокоился. Тут к нашему столику приблизился вождь. Мы встали. Сталин похвалил певицу за исполнительскую деятельность, а затем сделал замечание:

— У вас плохо получается верхнее «до», вам нужно поработать над верхним «до».

Шпиллер поблагодарила и обещала поработать.

Потом Сталин повернулся к сопровождавшим его людям и сурово спросил, показывая на меня:

— А это кто такой?

— Известный артист Ильинский, товарищ Сталин.

— Кому известный?— недоумевал Сталин.— Мне не известный.

Я попытался объяснить, что я артист театра и кино Игорь Ильинский.

Но Сталин не слушал и гневно спросил:

— Как он сюда попал? Кто он?

Мне стало страшно. Наконец, человек, видимо отвечавший за то, что я попал сюда, в отчаянии пояснил:

— Это актер Ильинский. Он только что удачно сыграл в кинофильме «Волга-Волга».

И тут Сталин расплылся в улыбке, пожал мне руку и воскликнул:

— Товарищ Бывалов! Здравствуйте! Мы, бюрократы, всегда поймем друг друга . . .

Маленькие хитрости

В 30-х годах Сталин пригласил к себе четырех крупнейших кинематографистов и спросил, что им нужно для успешной работы: «Просите. Не стесняйтесь. Постараемся помочь».

Ромм пожаловался, что ютится в маленькой комнате, жена болеет, нужна квартира.

«Хорошо. Будет вам квартира»,— сказал Сталин.

Пудовкин объяснил, что он может работать только за городом — нужна дача.

«Хорошо. Будет вам дача»,— пообещал Сталин.

Пырьев сказал, что дача у него есть, но добираться туда трудно. Он устает, не может работать. Нужна машина.

«Хорошо. Будет вам машина»,— ответил Сталин.

Александров замялся: у него столь большая просьба, что он даже не решается ее произнести.

«Говорите, не стесняйтесь»,— подбодрил Сталин.

«Я хотел бы, товарищ Сталин, получить вашу книгу «Вопросы ленинизма» с автографом. Это меня будет вдохновлять».

«Хорошо. Будет вам книга с автографом»,— ответил Сталин.

Квартиру, машину и дачу Александров получил в качестве приложения к книге с автографом.

Сталин и Барбюс

Анри Барбюс полностью принял сталинизм и сказал: проблемы репрессий сводятся к тому, чтобы найти минимум, необходимый с точки зрения общего движения вперед. В 1935 г. Барбюс опубликовал публицистическое произведение «Сталин», восхваляющее заглавного героя этой книги. В этом же году Барбюс последний раз посетил Советский Союз. Здесь он и умер 30 августа. Существует легенда, что Сталин «убрал» Барбюса: боялся, чтобы он не отрекся от своей книги. Дело было сделано, и воспевший вождя писатель был уже не нужен.

Сталин и Ромен Роллан

Ромен Роллан симпатизировал нашей стране. Он находился в долгой дружеской переписке с Горьким, а приехав в Москву, часто с ним встречался. Французский мэтр заметил, что его русский коллега грустен и несвободен в общении. Откровенно поговорить Роллану и Горькому не удалось. По сталинскому указанию писателей всегда кто-то сопровождал.

Сталин и Андре Жид

Французский писатель Андре Жид интересовался жизнью СССР и приехал в Москву благожелательно настроенным. Однако приметливым писательским взглядом он проник сквозь пелену лжи и понял: сталинская власть противочеловечна, антидемократична и жестока. Однако Жид был достаточно умен, чтобы, находясь в Союзе, не признаваться в своих открытиях, восхвалял Сталина, а по возвращении в Париж остро и откровенно высказался о нем и его власти. В советской прессе «двуличный» Андре Жид был предан анафеме. Его сочинения объявили реакционными и до конца 80-х годов не переводили, не печатали и не упоминали сколько-нибудь положительно или хотя бы нейтрально.

Эпилог большого террора

В 38 г. Сталин сказал: «Чего бояться. Надо работать».

Таков эпилог большого террора. Однако большой террор, раз начатый во имя власти Сталина, не мог кончиться совсем иначе как с концом сталинщины. Из большого он становился не очень большим, средним, полусредним, но никогда не делался маленьким и порой вновь разгорался до большого.

Гори, гори ясно, чтобы не погасло . . .

Инквизиция в 1415 году приговорила к сожжению идеолога Реформации, ректора Пражского университета Яна Гуса, боровшегося за воцарение раннехристианского принципа равенства мирян и духовенства. Вскоре на площади состоялась страшная казнь. Когда огонь уже запылал и первые языки его стали лизать ноги привязанного к столбу Яна Гуса, к костру подошла старушка и бросила в него вязанку хвороста. В этой вязанке хвороста увязаны в один пучок все проблемы взаимоотношений народа, интеллигенции и власти в сталинскую эпоху. Отечественная интеллигенция сгорала на костре сталинских репрессий, и обманутый пропагандой народ в святой простоте подбрасывал в этот костер хворост.

«...безумная вакханалия не может продолжаться долго. Бесконечен список Ваших преступлений. Бесконечен список ваших жертв... Рано или поздно советский народ посадит вас на скамью подсудимых как предателя социализма и революции, главного вредителя, подлинного врага народа, организатора голода и судебных подлогов».

Ф. Раскольников
Открытое письмо к Сталину

VI

1939—1941. «ДЕРЖАВЕЦ ПОЛУМИРА»

НЕИЗБЫВНОСТЬ СТРАХА И ОТЧАЯНИЯ

Дополнительное теоретическое обоснование террора

В конце 30-х годов Сталин сказал: «Чтобы выиграть сражение, нужны сотни тысяч красноармейцев, а чтобы провалить этот выигрыш, достаточно нескольких шпионов. Из всех экономий самая дорогостоящая — это экономия на средствах борьбы со шпионажем».

Так бдительность превращалась в подозрительность, нагнеталась шпиономания, обосновывалась политика репрессий.

Живущий в страхе

Мой приятель О. Е. женат на дочери полковника МГБ в отставке. Полковник этот был близким другом Берия и многое повидал. Он рассказывал о совещании военных, которое состоялось в 1940 году в Кремле. Совещание вел Ворошилов. Сталин с трубкой во рту ходил по комнате. За столом сидели высшие армейские командиры, перед входом в зал заседания сдавшие оружие, и работники МГБ, одетые в военную форму с пистолетами в карманах. Полковник сидел за столом с Окой Городовиковым, получив простое и недвусмысленное задание: держать руку в кармане и стрелять в Городовикова без предупреждения, если тот встанет с места. Таким был страх Сталина перед своим генералитетом даже после того, как Тухачевский, Якир, Блюхер, Егоров и тысячи других командиров были убиты. Факт поразительный даже для нравов тех времен.

О вреде и пользе географии

Однажды я — начинающий литератор — сидел в ресторане ЦДЛ в ожидании обеда. Подсел поэт Николай Глазков. Мы поздоровались, и он представился. Я — тоже, но сказал, что ему представляться не следует: он — человек известный и хотя его стихи не публиковались, я знаю многие из них. В подтверждение продекламировал несколько «рубаи»:

Говорят, что окна ТАСС
Моих стихов полезнее.
Полезен также унитаз,
Но это не поэзия.

* * *

Я сам себе калечил жизнь,
Валяя дурака.
От моря лжи до поля ржи
Дорога далека.

Глазков слушал очень внимательно, как будто он знакомился с неизвестными ему стихами. Потом он сказал совершенно серьезно:

— А вы образованный человек — знаете стихи Глазкова.

И прочел стихотворение, которое я не знал и запомнил на слух, поэтому, возможно, не вполне точно:

— Вы географию учили?
— Да, учили.
— Там есть страна такая Чили.
— Да, есть Чили.
И его разоблачили . . .

Эти стихи очень точные. Разоблачить и посадить могли за что угодно, даже за излишние географические познания. Однако именно эти познания порой могли оказаться спасительными. Я слышал историю об одном человеке, которому предъявили обвинение в шпионской деятельности в пользу иностранной разведки. Поняв безвыходность своего положения, арестованный «раскололся» и, к удовольствию следователя, стал давать подробные показания о сотрудничестве с разведкой некоей связанной с фашистами страны Лапуты и признанием облегчил себе судьбу — его не мучили на допросах. На суд ему посчастливилось попасть в переломное время, когда обер-палачом стал Берия и некоторых из арестованных Ежовым освобождали. Тут-то и пригодилась страна Лапута, которую придумала фантазия Свифта и которой нет на карте мира. Суд оправдал находчивого арестанта, благо ошибки следствия можно было списать на ежовскую следственную администрацию.

Пощадил

Сталин вычеркнул из списков на арест Лилю Брик, сказав: «Не будем трогать жену Маяковского».

Испуг

Бывший охранник Сталина Василевский рассказывал в Переделкино.

Однажды, отдыхая у Черного моря, Сталин решил прогуляться на катере. Когда катер проходил мимо маленького острова, оттуда раздался пушечный выстрел. Испуганный Сталин приказал повернуть назад.

Инцидент расследовали. Выяснилось, что на острове находился небольшой гарнизон, лишенный связи с берегом. Случилось ЧП: получил увечья солдат. И чтобы вызвать моторную лодку, командир приказал дать холостой выстрел из пушки. Таким способом было принято в экстренных случаях вызывать морской транспорт.

Сталин ничего этого во внимание не принял. Он не мог простить виновнику выстрела свой испуг. И командир, отдавший приказ, и солдаты, стрелявшие из пушки, были арестованы, как покушавшиеся на жизнь вождя.

Покушение и спаситель

Пользуясь подозрительностью Сталина, Берия держал его в постоянном страхе. Это было для Берия средством политической карьеры. Однажды во время отдыха в Крыму Сталин совершал морскую прогулку. Когда катер шел вдоль гористого берега, группа переодетых сотрудников НКВД по тайному распоряжению Берия обстреляла катер холостыми выстрелами. Берия мужественно и решительно

загородил Сталина своим телом. А тем временем другой отряд НКВД отнюдь не холостыми выстрелами ликвидировал группу, инсценировавшую нападение. У Сталина осталось полное впечатление покушения на его жизнь и преданных и бесстрашных действий Берия, рискующего собой во имя спасения драгоценной жизни вождя.

Еще одно покушение и тот же спаситель

Однажды, придя в дом Сталина, Берия прошел на кухню и спросил у повара, есть ли у него пистолет. Тот сказал: «Нет, зачем он мне?»—«А вдруг нужно будет защищать товарища Сталина. Вы же входите в его ближайшее окружение. Вам обязательно нужно иметь оружие». Берия дал этому повару пистолет и велел никогда с ним не расставаться. Вечером повар внес в комнату Сталина ужин, Берия встал и, глядя повару в глаза, приказал: «Оружие сдать!» Испуганный человек начал вынимать пистолет, бормоча: «Вы же сами сказали . . .» Берия застрелил несчастного, не дав ему договорить.

Что же это за вождь!

Однажды в конце 30-х годов у Смирнова-Сокольского собрались эстрадные артисты. Один из гостей сообщил, что арестовали администратора Москонцерта Поздняка. Это был добрый, мягкий, деловой, совершенно отрешенный от политики человек, и поэтому все возроптали: мол, уж совершенно невозможно, чтобы Поздняк был врагом народа. Тогда расхрабрившийся хозяин к ужасу всех присутствующих позвонил какому-то начальнику НКВД и попросил срочно его принять. Смирнов-Сокольский был известный артист, и ему было разрешено немедленно приехать. Все отговаривали его от этой поездки, предсказывая самое худшее, однако отступать было поздно — и он отправился в учреждение, приводившее всех в ужас.

Принявшему его начальнику Смирнов-Сокольский сказал:

— Я уверен в невиновности Поздняка. Его арест — ошибка.

Начальник затребовал дело. Ему принесли папку, полную бумаг. Полистав дело, тщательно прикрывая его от глаз посетителя, начальник заключил:

— Все правильно. Поздняк арестован, так как он пытался скомпрометировать вождя.

Смирнов-Сокольский обмяк. Вся храбрость из него вышла, как воздух из проколотого мяча. Извинившись за беспокойство, артист ушел. Когда он вернулся домой, гости облегченно вздохнули и стали наперебой расспрашивать, что же сказали в НКВД. Смирнов-Сокольский объяснил, что Поздняк арестован правильно: он пытался скомпрометировать вождя.

Тогда конферансье Гаркави удивленно спросил:

— Что же это за вождь, если его может скомпрометировать Поздняк?

СТАЛИН И КРУПСКАЯ

У музея-квартиры

Михаил Ильич Ромм рассказывал мне в 1963 году.

— Во время съемок фильма «Ленин в 1918 году» у творческой группы возникла необходимость осмотреть квартиру Ленина в Кремле. Сопровождала Ромма и других участников фильма Крупская. Показывая квартиру, она обратила внимание на солдата-часового. «Тогда красноармейцы,— сказала она,— были, конечно, не такими. Ну разве это солдат революционной армии? Что написано у него на лице? «Так точно, слушаюсь!» И все это говорилось при красноармейце охраны, который продолжал стоять не шелохнувшись, как статуя.

С кем вы!

Профессор Авнер Яковлевич Зись рассказывал (1957) мне, что он работал с Крупской и часто виделся с ней. Однажды он высказал какое-то суждение, и Крупская оценила его как неправильное. Зись ответил:

— Так написано у товарища Сталина.

Крупская возразила:

— Ленин считал по-другому. Вы и решайте, с кем вы согласны: с Лениным или со Сталиным.

— С Лениным,— сказал Зись и оглянулся по сторонам.

Вдова Ленина

Профессор Илья Деомидович Панцхава рассказывал в 1949 году. «Крупская как-то возразила Сталину. Он рассердился и призвал ее к порядку:

— Не лезь! Иначе мы скажем партии и народу, кто действительно был женой Владимира Ильича.

Крупская попыталась что-то объяснить, Сталин перебил ее:

— Молчи, дура, а то назначим вдовой Ленина Фотиеву или Стасову.

Взаимность

Сталин называл Крупскую вдовствующей императрицей.

Крупская собиралась выступить на XVIII съезде партии с осуждением сталинского деспотизма. Кто-то из друзей сказал, что ей не дадут слова. Крупская ответила: «Тогда я поднимусь из зала и потребую слова, ведь я сорок лет в партии». О намерении Крупской стало известно Сталину. 26 февраля 1939 года Крупская отмечала семидесятилетие. С диагнозом «отравление» она была доставлена в больницу, где, не приходя в сознание, скончалась.

Предание говорит, что она отведала торт, присланный Сталиным ко дню ее рождения. Эта версия выглядит недостоверной: ведь торт попробовали и гости, а между тем, нет свидетельств, что кроме нее кто-либо еще отравился. Эту легенду опровергает и секретарь Крупской В. Дридзо — дочь С. Лозовского. Однако характерна сама

версия насильственной смерти, упорно бытующая в устных преданиях.

СТАЛИН И НАУКА

Корифей всех наук и история

Профессор Аркадий Самсонович Ерусалимский, у которого я был с матерью в гостях, рассказывал (1940) нам.

Он был автором предисловия к книге Бисмарка, изданной в 39-м году. Сталин внес в предисловие ряд поправок (например, вписал в характеристику Бисмарка слова «великий юнкер»). В связи с изданием этой книги Ерусалимский был приглашен к Сталину. Во время этого визита на столе Сталина лежала книга Платона на греческом языке. Это была бутафория: греческого языка Сталин не знал.

Покровительство историку

Однажды рано утром академик Евгений Викторович Тарле был разбужен телефонным звонком. Говорил Сталин:

— Вы читали сегодняшнюю «Правду»?

— Нет, товарищ Сталин. Еще не успел.

— Ну и хорошо! И не читайте. А то я недоглядел.

Сталин повесил трубку.

Тарле раскрыл газету и увидел, что в ней опубликована разгромная статья о его последней книге.

Все удивлялись, почему Тарле совершенно безболезненно перенес критику. А вскоре «Правда» опубликовала положительную статью о Тарле.

Корифей всех наук и генетика

Не желая сдаваться наступавшей лысенковщине, всемирно известный генетик, академик Николай Иванович Вавилов говорил: «Придется идти за науку на крест».

20 ноября 1939 года Вавилов был принят Сталиным.

С 10 часов утра до часа ночи Вавилов ждал приема. Наконец его пригласили. Он вошел. Поздоровался. Сталин ему не ответил и спросил:

— Ну что, гражданин Вавилов, будете заниматься цветочками или будете помогать нам?

Вавилов стал объяснять, чем он занимается.

— Вы свободны,— сказал Сталин.

Но Вавилов был свободен 9 с половиной месяцев. Вслед за ним были арестованы и его последователи.

Борьба генетиков была единственной сознательной оппозицией Сталину в конце 30-х годов.

Сталин и нужный физике человек

Пришел к Сталину академик Петр Леонидович Капица и говорит: арестован физик Ландау, прошу освободить — он мне нужен. Сталин

адресует просьбу присутствующему здесь Берия. Берия отвечает: Ландау арестован как англо-немецко-французский шпион. Сталин разводит руками, мол, ничего не поделаешь. Капица говорит: да, но он мне нужен. Сталин движением бровей переадресует заявление к Берия. Тот отвечает: Ландау признался в том, что он шпион. Сталин снова разводит руками: арестован, шпион, признался. Капица не отступает: да, но он мне нужен. Сталин вновь мимически отправляет реплику Капицы Берия. А тот отвечает: уже состоялся суд, и суд признал Ландау виновным. Сталин опять разводит руками: уж если и суд решил — ничего не поделаешь. Капица настаивает: да, но он мне нужен. Сталин теряет терпение и говорит Берия: слушай, Берия! Видишь, он человеку нужен! Раз нужен — отдай! И Берия ничего не остается, как освободить Ландау.

Пойди Капица по тривиальному пути: Ландау честный человек, не шпион,— и он, поставив под сомнение систему арестов, проиграл бы дело. Капица же говорил не политически, а прагматически: мол, все равно, однако рациональней использовать Ландау не в качестве удобрения почвы или в лучшем случае лесоповальщика, а для решения важных научно-технических задач.

Такова легенда. Сам же академик Лев Давыдович Ландау рассказывал, что Капица пришел к Сталину и сказал: арестован Ландау, а он может сделать жидкий гелий, Ландау нужно вернуть. Сталин распорядился.

Жидким гелием Ландау никогда не занимался, но, как обыкновенный гений, конечно же, быстро создал технологию приведения этого газа в жидкое состояние.

Непонятное задание

В 1940 году Сталин дал Павлу Федоровичу Юдину, возглавлявшему Институт философии АН СССР, задание:

— Хорошо было бы создать для массового читателя ряд книг по философским дисциплинам.

В Институте философии посовещались и решили делать хрестоматии высказываний классиков марксизма-ленинизма по разным вопросам (Авнер Яковлевич Зись, например, делал хрестоматию по этике).

Сталин посмотрел хрестоматии и сказал:

— Вы думаете, что только вы умные, а другие дураки. Сами читаете сочинения классиков, а другие пусть цитатками пользуются?!

И издание погорело.

Корифей всех наук и история культуры

В 1939 году Сталин высказал Юдину пожелание:

— Хорошо бы написать труд по истории культуры.

В руководимом Юдиным институте сразу же приступили к созданию проспекта первого тома (античная культура). Вскоре Юдин показал готовый проспект Сталину, который выразил недовольство:

— Вы не поняли. Я говорил о труде по истории культуры, а вы принесли проспект труда по истории гражданского общества. Исто-

рия культуры — это то, что было в первобытном обществе (!!!) до возникновения классов и государства (!!!).

Господь бог и война спасли философию и культуру от осуществления этого замысла.

Творческое задание

В начале 41-го года философ Юдин в очередной раз был у Сталина. Вождь спросил: чем советские философы порадуют партию и народ к 25-й годовщине Октябрьской революции?

Юдин простодушно ответил:

— Не знаю, товарищ Сталин. Посоветуйте, пожалуйста.

— Хорошо было бы, чтобы советские философы написали труд о советском государстве.

— Хорошо, товарищ Сталин. Мы постараемся.

Юдин создал в возглавляемом им Институте философии творческий коллектив из трех человек: он — руководитель и авторы — Зись и Францев. Коллектив начал работу, которую прервала война.

Философские суждения

Незадолго перед войной Сталин сказал:

— Гегель — аристократическая реакция на Французскую буржуазную революцию и французский материализм.

Диалектический закон «отрицание отрицания» он назвал отрыжкой гегельянщины.

Все эти высказывания противоречат не только всей мировой традиции в трактовке гегелевской философии, не только фактам культуры и истории, но и определениям Гегеля в работах Маркса и Ленина, продолжателем учения которых объявлял себя Сталин. Видимо, философ Стэн, обучавший генсека философии и жаловавшийся на теоретическую ограниченность своего подопечного, так и не смог преодолеть этой ограниченности: Сталину не удалось ни самостоятельно, ни с помощью Стэна освоить наследие Гегеля.

Не проявил бдительности

В 1938 году в Институте философии состоялось заседание партбюро. Оно рассмотрело персональное дело академика М., провинившегося в том, что слывущий любовником его жены человек арестован как враг народа. М. оправдывался:

— Товарищи, я же был не в курсе дела!

Ему вынесли выговор за утрату большевистской бдительности. Хитроумный М. обратился к товарищу Сталину с письмом по философским вопросам и был им принят, после чего выступил в Институте философии на специальном заседании. Его речь состояла из фраз:

— В беседе со мной товарищ Сталин . . . указал . . . подчеркнул . . . раскрыл . . .

Выговор с М. сняли, а протокол партбюро уничтожили.

Обсуждение преимуществ

В 1940 году на приеме у Сталина Иден высказал суждение о великих преимуществах советской экономики перед капиталистической.

— Так-то оно так,— сказал Сталин.— Преимущества, безусловно, есть. Только можете ли вы мне объяснить, почему в Выборге до нашего прихода была электростанция, на которой работало шесть человек (хозяин — он же директор — и еще пять инженеров и техников), а сейчас, при советской власти, на этой же электростанции работают 300 человек? И нельзя сказать, что от этого станция дает больше электроэнергии.

Любимые деятели

Любимыми русскими историческими деятелями Сталина были Иван Грозный и Петр I. «Чуткие» художники сняли о них фильмы и написали книги. В Грозном и Петре Сталин видел своих предшественников, близких ему по духу и типу исторической деятельности.

ЛУЧШИЙ ДРУГ ИСКУССТВА

Заступник

Как-то в присутствии Александрова Сталин спросил Любовь Орлову:

— Тебя муж не обижает?

(С женами Сталин разговаривал обычно «на ты».)

— Иногда обижает, но редко.

— Скажи ему, что если он будет тебя обижать, мы его повесим.

Тут, полагая ситуацию шутливой, Александров спросил:

— За что повесите, товарищ Сталин?

— За шею,— мрачно и серьезно ответил вождь.

Перевод Руставели

Сталин пригласил опального профессора Шалву Нуцубидзе и беседовал с ним целый вечер. Сталин знал, что Нуцубидзе перевел на русский язык «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели, и сказал, что он тоже перевел когда-то несколько строк из этой поэмы. Когда Сталин прочел эти строчки, Нуцубидзе, угадав его желание, попросил разрешения включить их в свой перевод. Разрешение он получил, и эти строки безымянно вошли в поэму. Впрочем, безымянно-то безымянно, но слух об этом пошел.

Это рассказал мне в 1947 году профессор Панцхава, зять Нуцубидзе.

Есть и другой слух: перевод принадлежит не Сталину, а другу его юности, участвовавшему вместе с ним в эксах и посаженному в лагерь.

Я знал Нуцубидзе. Это был человек большой культуры. В начале 30-х годов его упрекали в том, что он недостаточно освоил философс-

ке труды Сталина и все еще не перешел на платформу марксизма. Нуцубидзе отвечал: «Даже на вокзале только человеку без багажа легко и быстро переходить с одной платформы на другую. У меня же есть научный багаж».

Не понял конъюнктуру

Правнук поэта Тютчева литературовед Кирилл Васильевич Пигарев занимался поэзией декабристов, Баратынского, Тютчева. Однако в 1943 году увлекся фигурой знаменитого русского военачальника и написал книгу «Солдат-полководец. Очерки о Суворове». Книга так понравилась Сталину, что вождь приказал соединить его с автором, а поскольку телефона у того не оказалось, военные срочно провели временную связь. Сталин позвонил. Похвалил очерки Пигарева, поговорил о фигуре Суворова. Через полгода позвонил опять:

— Над чем работаете, товарищ Пигарев?

— Вернулся к изучению Тютчева.

Сталин раздосадованно бросил трубку и больше никогда не звонил Пигареву, оказавшемуся ненужным человеком — не понимающим конъюнктуру.

Конъюнктуру понял Константин Симонов, который, по меткому устному высказыванию Бориса Пастернака, был «внелитературно талантлив»: он написал поэму о Суворове задолго до Пигарева и не остановился на ней, а продолжал работать в нужном Сталину направлении.

Впрочем, второй вариант предания объявляет героем истории не Пигарева, а автора другого произведения о Суворове — Тихомирова. Его якобы уведомили из секретариата Сталина, что следует позвонить вождю. Он позвонил из автомата, разговор был прерван из-за невозможности продолжать его из телефонной будки. Тут же военные провели личный телефон в квартиру Тихомирова, там раздался звонок, и Сталин продолжил разговор:

— Следующее замечание: на 39 странице . . .

Письмо к Сталину о Бунине

Несмотря на то, что Бунин не любил Алексея Толстого и резко о нем отзывался, в конце 30-х годов Толстой обратился к Сталину с письмом-просьбой разрешить Бунину вернуться из эмиграции. Сталин ничего не ответил. В 1946 году возник устойчивый слух, что Бунин готов вернуться и получил на это разрешение. Возможно, это был запоздалый результат письма Толстого. Возвращение затянулось, однако после сталинских постановлений о журналах «Звезда» и «Ленинград» и проработки Ждановым Ахматовой и Зощенко Бунин возвращаться передумал. Алексей Толстой к этому времени умер и этот противокультурный шабаш уже не увидел. История же с Буниным свидетельствует о том, что Толстой был предан культуре, предан, несмотря на некоторые вынужденные отступления от ее высших идеалов, о чем повествуют некоторые предания.

«Низкопоклонство»

В сентябре 1939 года наши войска вошли в Западную Украину. Писатель Александр Остапович Авдеенко был военным корреспондентом. В Черновцах он сделал удачные приобретения, и ему очень понравилась жизнь самой восточной провинции «гнилого» Запада. Он написал в газету восторженный очерк, который разгневал Сталина. Сталин учитывал, что выход в Европу в 1812 году породил декабрь 1825-го. Постановления ЦК по литературе и искусству, борьба с космополитизмом и другие послевоенные проработочные кампании были упреждающим ударом против прозападных ориентаций, либеральных настроений и желания жить по-европейски. Позже — в 60-х годах Мао Цзэдун превентивно ударит по «дурному экономизму». Зародилась же эта идея у Сталина еще в 1940 году. Пробный упреждающий удар пал на Авдеенко. Его вызвали на заседание Политбюро. Сталин политически отрицательно охарактеризовал очерк Авдеенко и дал ключевое слово: «низкопоклонство». Это слово повторяли все выступавшие. Сталин по обыкновению ходил и слушал. Когда все выступили, он подошел к Авдеенко, стал прямо перед ним и, ткнув в него пальцем, спросил (это была традиционная сталинская формула):

— Кто ты, Авдеенко?

Энергия вопроса была столь мощна, предшествующая проработка так подействовала на психику бедной жертвы, а последствия происходящего были столь внятно ощутимы в их самом мрачном очертании, что Авдеенко, ничего не успев ответить, рухнул под стол без сознания.

Ситуация эта была обычна и, видимо, любима Сталиным. Авдеенко спас себе жизнь этим атавистическим механизмом оцепенения от ужаса. Охранники выволокли писателя с заседания и привели в чувство. Он ожидал ареста, которого, к счастью, не последовало. Просто писателя перестали печатать и замечать.

В 1941 году Авдеенко мобилизовали рядовым в минометную роту. С фронта он присылал очерки в «Красную звезду». Их боялись печатать. Александр Кривицкий посоветовал ему написать очерк о сильно проштрафившемся, но растворившемся в долге человеке, который в бою смывает своей кровью позор совершенного им проступка. Авдеенко написал такой очерк, вложив в него многие личные раздумья и биографические детали. Кривицкий дал этот очерк редактору «Красной звезды», который вначале и слушать не хотел об Авдеенко, но потом уступил и переслал очерк Сталину. Через несколько дней позвонил Поскребышев и сказал:

— Очерк можно печатать.

Это было прощение. Авдеенко стал корреспондентом «Красной звезды».

Добрый совет

Вернувшегося из Испании Михаила Кольцова вызвал Сталин. Присутствовал ряд неизвестных Кольцову лиц, и он спросил, можно ли говорить откровенно.

— Да, говорите откровенно, товарищ Кольцов.

Кольцов начал правдивый рассказ, перемежая факты самостоятельным анализом событий. Сталин внимательно слушал, поощряя искренность сочувственным вниманием. Когда рассказ закончился, Сталин спросил:

— У вас, кажется, была в Испании кличка? Как вас звали?

— Мигель.

— Ну что же, идите, Мигель.

Когда Кольцов был уже у двери, Сталин остановил его:

— Есть ли у вас личное оружие?

— Да, есть.

— А не приходила ли вам, Мигель, в голову идея застрелиться?

— Нет, товарищ Сталин.

— Советую подумать над этой идеей.

Воздержался

Ведущий режиссер Ленинградского ТЮЗа профессор Леонид Федорович Макарьев рассказывал.

— Сталин смотрел в Большом театре спектакль. В кабинете директора в антракте ему показали декорации театрального художника Федора Федоровича Федоровского к будущему спектаклю. Сталин листал альбом и молчал. Директор осторожно спросил, каково мнение вождя об этих декорациях. Сталин ответил:

— Если я скажу, что это хорошо, вы сделаете из этого установку, а если я скажу, что это плохо, вы выгоните товарища Федоровского из театра. Поэтому я не буду ничего говорить. Работайте.

Скромность

Во время посещения Сталиным МХАТа актер Борис Ливанов обратился к вождю:

— Товарищ Сталин, я хотел бы с вами посоветоваться: собираюсь играть Гамлета, прочел 50 книг о нем и еще не разобрался.

Сталин ответил:

— Почему вы думаете, что мнение одного неспециалиста поможет вам больше, чем мнение пятидесяти специалистов?

Приглашение в театр

В Малом театре пошла пьеса Александра Корнейчука «В степях Украины». Во время одного из правительственных приемов автор пригласил на спектакль Сталина.

— А когда я должен прийти?— спросил Сталин.

— Вы не должны, товарищ Сталин, а я прошу. Я приглашаю вас прийти и посмотреть спектакль.

— На какой день вы приглашаете?

— В будущем месяце спектакль будет идти четыре раза — по пятницам. Как вам будет удобно, товарищ Сталин.

— Не приду. Вы меня неправильно приглашаете. Надо было сказать: хочешь — приходи через пятьдесят лет, хочешь — через сто. Когда время будет — приходи.

Все зааплодировали столь мудрому суждению, а больше всех — Корнейчук.

Неудовольствие

Году в 1939 Утесов выступал со своим оркестром на правительственном приеме. Начиная концерт, он сказал:

— Вообще-то я люблю выйти на сцену и потрепаться. А здесь сидят такие люди, что я не знаю, как себя вести.

Сталин отвернулся, вслед за ним отвернулось все Политбюро. Больше Утесова никогда не приглашали.

Отзыв

Сталин на спектакле во МХАТе. После второго действия Константин Сергеевич Станиславский и другие руководители театра робко вглядываются в лицо вождя, мнутся и молчат. Сталин не помогает им выйти из затруднения. Кто-то все же решается:

— Как вам, товарищ Сталин, наш спектакль?

— Скучно . . .

На лицах у всех испуг, и, насладившись им, Сталин добавляет:

—. . . в антрактах.

Все смеются.

«Три сестры»

В 1940 г. Сталин посмотрел во МХАТе «Три сестры» и высказал мнение:

— Спектакль плох, Чехов устарел. Все это никому не нужная интеллигентщина. Вот мундиры на героях хороши. (Имелась в виду золотопогонная офицерская форма Вершинина и Тузенбаха.) Непременно одену так нашу армию.

Это было осуществлено в середине войны.

Наказание за нарушение указа

На рубеже 30-х и 40-х годов Сталин подготовил Указ Президиума Верховного Совета о тюремном наказании за опоздание на работу свыше чем на 20 минут. На следующий день после указа Василий Иванович Качалов опоздал на час во МХАТ. В театре возникла паника, никто не знал, что делать в столь сложном случае, и директор театра запросил указания у Сталина. В ответ пришел приказ Комитета по делам искусств объявить директору МХАТа строгий выговор за недоведение до сведения народного артиста СССР тов. Качалова Указ Президиума Верховного Совета СССР об ответственности за опоздание на работу.

Запрет на фильм

По поводу фильма Сергея Юткевича «Свет над Россией» (по «Кремлевским курантам» Николая Погодина) Сталин высказался так:

— Неужели Ленин был таким примитивным человеком, что, посмотрев на лампочку, пришел к идее электрификации России?! Не вижу ни света, ни России.

Фильм запретили, да и в спектакль стали вносить поправки.

Сами решили

Сталин всегда хотел быть неожиданным, мыслил от противного, отсюда в его действиях и словах всегда присутствовал антиштамп.

Сталин был в отъезде, и скопилось большое количество кинокартин, которые без его одобрения не выпускались в прокат. Наконец Молотов и другие члены Политбюро решили сами просмотреть один фильм и выпустить его, если он будет бесспорным. Так и сделали. Вернулся Сталин. Ему доложили, что без него разрешили фильм. Сталин посуровел и строго спросил:

— Без меня, значит, посмотрели и сами решили?! Без меня сами посмотрели и решили?

Эти вопросы нагнали на членов Политбюро ужас, и, когда они были уже окончательно запуганы, Сталин сказал:

— . . . и правильно сделали!

Сливки без молока

Перед войной Сталин принимал Николая Константиновича Черкасова — одного из своих любимых актеров — и расспрашивал его о художественных новостях. Актер простодушно рассказывал о готовящихся на ленинградской киностудии фильмах, и среди них упомянул картину о Карле Марксе.

Сталин неожиданно помрачнел и переспросил:

— Как о Марксе?

Он был рассержен тем, что такая серьезная художественно-политическая акция предпринимается без согласования с ним. Вскоре на Ленфильме был устроен разгром, а общее количество выпускаемых в стране фильмов свели к двенадцати в год: такое количество можно было легко проконтролировать. Сталин рассчитывал, что так каждый фильм станет советской классикой. После смерти Сталина Алексей Сурков не без остроумия сказал по поводу установки на сплошную классику: «Нельзя снимать сливки без молока».

На художественной выставке

В 1956 году художник Евгений Кацман рассказывал в Абрамцеве.

— В конце 30-х годов в Москве подготовили выставку «20 лет советской индустрии». У входа была поставлена большая скульптура к тому времени уже умершего наркома, непосредственно занимавшегося индустриализацией. Серго Орджоникидзе. За день до открытия выставки ее посетили члены Политбюро во главе со Сталиным. Обойдя экспозиционные залы, руководители и принимавшие их художники прошли наверх в большую административную комнату. Кацман обратился к Сталину с вопросом:

— Товарищ Сталин, разъясните нам, что такое социалистический реализм?

Сталин ответил:

— А откуда я знаю? Пусть об этом расскажут те, кто об этом пишет.

На этом «пресс-конференция» закончилась.

Когда на следующий день была открыта выставка и зрители вошли в зал, устроители выставки с удивлением обнаружили, что изваянная известным скульптором Шадром художественно ценная монументальная скульптура Серго Орджоникидзе исчезла. Как выяснилось, ночью она была разбита по приказу Сталина.

В этом сказалось отрицательное отношение Сталина к ушедшему из жизни Орджоникидзе, оставленному в официальном ареопаге вождей лишь для того, чтобы не множить ряды опальных большевиков ленинского окружения. Для Сталина было нестерпимо увидеть монументальную фигуру кого-либо, кроме себя.

Запреты на портреты

В первые годы революции Юрий Павлович Анненков создал галерею острохарактерных портретов видных партийных деятелей. Эти произведения были репродуцированы. Впоследствии по личному приказу Сталина это издание было запрещено и конфисковано из библиотек. Художник, «не так» рисовавший «не тех» вождей, не пострадал. Он еще в 1924 году уехал за рубеж.

Осторожность

Оказавшись в Париже, художник А. Герасимов увидел в театре своего учителя художника Константина Коровина и не подошел к нему. Испугался: «Эмигрант все-таки».

Тост

До войны в Одессе, в школе Столярского были воспитаны отличные музыканты, получившие первые премии на международных конкурсах. Все лауреаты были приглашены на прием к Сталину. Туда же привезли их учителя Петра Соломоновича Столярского. Это был пожилой еврей, плохо говоривший по-русски. Столярского научили, что после тоста Сталина нужно предложить тост за него и следует назвать его гением. После того, как Сталин поднял тост за лауреатов, встал Столярский и сказал:

— Предлагаю тост за товарища Сталина... которого следует назвать большим гением ...— Столярский растерялся и не знал, как закончить тост, а потом добавил:—... и за всех других шишек.

Дуэт

Сразу после спектакля Ивана Семеновича Козловского вызвали в Кремль, где шел заранее не планировавшийся банкет.

Знаменитый тенор очень устал, пел он весь вечер через силу, так как плохо себя чувствовал — болело горло. Однако отказаться ехать в Кремль Козловский опасался. Когда он явился, Сталин сразу же попросил его спеть «Сулико». И вдруг певец почувствовал, что его боязнь потерять голос еще сильнее, чем страх перед сталинским

гневом. Он отказался петь и объяснил свой отказ. Тогда находившийся в добром расположении Сталин благодушно сказал:

— Пусть Козловский бережет свой голос. И пусть послушает, как мы с Берия споем. Иди, Лаврентий, петь будем.

Они стали рядом и действительно запели. Это был прекрасный дуэт палачей. Как же глубоки должны быть певческие традиции Грузии, если даже худшие представители этого народа способны ладно спеть грузинскую песню! В фильме Тенгиза Абуладзе есть подобный дуэт.

Предписанное желание

После выступления Козловского члены Политбюро стали вызывать его на бис и предлагать свои программы:

— Спойте арию . . .

— Спойте романс . . .

Вмешался Сталин:

— Нельзя покушаться на свободу художника. Товарищ Козловский хочет спеть «Я помню чудное мгновенье».

Сталин, как всегда, не ошибся.

Райкин на правительственном концерте

В 1939 году после победы на конкурсе юмористов Аркадия Райкина впервые пригласили в Кремль на правительственный прием в честь шестидесятилетия Сталина. Артисту было трудно выступать, потому что зрители сидели к сцене кто спиной, кто вполоборота, ели и пили. Впрочем, ему удалось заинтересовать зрителей, и многие повернулись в его сторону. Он читал рассказ, в котором употреблялось слово «авоська» (на авторство этого неологизма претендовали и Райкин и юморист Владимир Поляков). Во время чтения рассказа Сталин не смеялся. Один раз он наклонился к Ворошилову, что-то у него спросил, и тот что-то ответил.

Когда Райкин закончил, воцарилась тишина. Никто не решался хлопать, потому что Сталин долго сидел неподвижно. Наконец, вождь зааплодировал, и раздались бурные аплодисменты. Райкина пригласили сесть за стол между Сталиным и Ворошиловым. Райкин спросил:

— Товарищ Ворошилов, во время моего выступления товарищ Сталин вам что-то сказал. Может быть, в этом высказывании было какое-то замечание, касающееся меня? Нельзя ли узнать, что сказал товарищ Сталин?

Сталин промолчал, а Ворошилов сказал:

— Товарищ Сталин спросил, что значит слово «авоська».

Вождь налил актеру полный бокал коньяка и предложил тост:

— За талантливых актеров!

Райкин выпил бокал.

Сталин снова налил и предложил второй тост:

— За Ленинград, дающий нам талантливых актеров!

Райкин выпил второй бокал и захмелел.

Его увели и отправили домой.

КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЕ

> Уходят, уходят, уходят друзья
> Одни в никуда, а другие в князья.
>
> А. Галич

Отпустите меня

В 40-х годах был на партийной работе Коновалов. Ему сообщили, что его собираются назначить секретарем Ростовского обкома. На предварительной беседе с Маленковым Коновалов сказал, что не хотел бы занимать эту должность, так как намеревался стать писателем. Маленков разъяснил, что его дело уже поставлено на Политбюро и отказываться поздно.

Заседание Политбюро вел Молотов. Сталин, как всегда, ходил и курил трубку. Молотов доложил данные Коновалова и положительно оценил его кандидатуру, однако заметил, что товарищ Коновалов возражает против назначения. Сталин спросил:

— Почему?

Молотов ответил:

— Говорит, что еще молод для такой ответственной работы и хочет стать писателем.

— Молодость — это тот недостаток, которому все завидуют.

А связь литературной работы с политикой — это то, что необходимо литературе.

Молотов сделал вывод из сталинского высказывания:

— Итак, есть предложение утвердить.

Тут Коновалов взмолился:

— Товарищ Сталин, отпустите меня. Я хочу быть писателем.

Он произнес это с почти детской интонацией отчаяния. Такое поведение на Политбюро было необычным. Сталин рассмеялся. Все рассмеялись. И Коновалова отпустили из крупных чиновников в не очень крупные писатели.

Новое назначение

В 1938 году Иван Степанович Исаков стал заместителем наркома Военно-Морского Флота. В 1946 году ему позвонил Сталин и сказал, что есть мнение назначить его начальником Главного Военно-Морского штаба.

Исаков ответил:

— Товарищ Сталин, я должен вам доложить: у меня есть серьезный недостаток — нет одной ноги.

— Это единственный недостаток, о котором вы считаете необходимым доложить?

— Да.

— У нас раньше был начальник штаба, у которого не было головы. Ничего, работал. А у вас ноги нет — это не страшно.

Засохший цветок

Женский авиаэкипаж Расковой, Гризодубовой, Осипенко в 1938 году совершил дальний перелет. Летчиц принимали в Кремле. Сталин подарил Марине Расковой большую красную гвоздику. Эту гвоздику летчица засушила, и в рамочке под стеклом цветок висел на стене ее комнаты. Я видел его.

В 1943 году Раскова погибла. Ее дочь была начинающей балериной. Театральная администрация говорила: мать была героиней воздуха, из дочери мы сделаем героиню сцены. Однако в искусстве ни известные родители, ни инкубационное выращивание таланта ничего не значат — талант, как гвоздика, или цветет, или вянет.

Неожиданное спасение

Крупный работник Комитета по делам искусств Шаповалов перед войной сделал доклад. Выпрямляя и огрубляя и без того грубый сталинский подход к искусству, докладчик разделил всех больших музыкантов тех лет на «механицистов» и «меньшевиствующих идеалистов». Музыканты написали письмо Сталину с жалобой на несправедливые обвинения. Сталин наложил резолюцию: «Тов. Щербакову разобраться и примерно наказать». Щербаков наложил резолюцию: «Тов. Гринину (это был секретарь по пропаганде) разобраться и примерно наказать». Гринин наложил резолюцию: «Тов. Зуевой (зам. зав. отд. пропаганды) разобраться и примерно наказать». Зуева такую же резолюцию наложила и адресовала письмо ниже — тов. Пановой. Та не успела осуществить указания. 22 июня 1941 года напавший на Россию Гитлер спас Шаповалова: он был призван в армию.

Взлет и падение

Щеглов был приглашен на работу в информационный центр Министерства иностранных дел СССР. В присутствии Молотова его принял Сталин. Он спросил:

— Товарищ Щеглов, кто, по вашему мнению, должен руководить информацией, вырабатывать ее концепцию в Министерстве иностранных дел?

— Товарищ Молотов, наверное?

— Нет, у товарища Молотова много других дел.

— Тогда товарищ Хавинсон из ТАСС, наверное?

— Нет, у товарища Хавинсона другие функции. Вообще этим делом должен заниматься товарищ Сталин, но он очень занят. А как вы думаете, товарищ Щеглов, как нам осветить итоги войны с Финляндией? В каком свете нужно подать эту информацию?

Щеглов очень толково, в духе времени и ситуации высказался по этому вопросу. Сталин остался доволен и сказал:

— Ну вот видите, вы сами все можете. Надо бы все это изложить в передовой «Правды» (такая статья вскоре была Щегловым написана и опубликована в качестве передовой). Вам и надлежит руководить информацией и вырабатывать ее концепцию.

Щеглов не ответил необходимым в этом случае сервильным поклоном-комплиментом, мол, все концепции вырабатывает товарищ Сталин, или что-либо в таком роде.

Тем не менее он тут же был назначен руководителем этого информационного центра (должность иерархически очень высокая). Полгода-год он успешно проработал, а потом «на ровном месте» был арестован и просидел до 56-го года.

Хорошо экипировался

Михаил Ильич Ромм рассказывал, что однажды его пригласили в Кремль: Сталин захотел посмотреть фильм «Ленин в Октябре». Когда кинорежиссер прибыл, оказалось, что на него забыли заказать пропуск. Какое-то время комендатура выясняла ситуацию, и в конце концов дежурный сам провел его в кинозал. Когда Ромм остался один, к нему подошел человек средних лет с военной выправкой, одетый в гражданское. Он одобряюще похлопал Ромма по плечу и сказал:

— Хорошо экипировался, грамотно. Твой будет сидеть во втором ряду с краю.

Ромм понял, что его приняли за секретного охранника.

Нетипичный случай

Эту историю рассказывал Сергей Иванович Кавтарадзе в 1958 году.

Кавтарадзе был с юности знаком со Сталиным. Возможно, это не устраивало Берия. Во всяком случае, Кавтарадзе вызвали из Ирана, где он был послом, арестовали на вокзале и сразу отправили в тюрьму. Здесь он сидел семь месяцев и никто его не допрашивал. Наконец его вызвал молодой следователь и грубо велел признаваться в предательстве Родины. Кавтарадзе возмутился и ответно нагрубил следователю. Тот прервал допрос и отправил арестованного в камеру. По пути, в коридоре, Кавтарадзе встретился с подполковником, который когда-то был спасен и воспитан им.

— Сергей Иванович?! Почему вы здесь?

— Не знаю.

Конвоир прервал разговор. Однако подполковник вскоре появился у Кавтарадзе.

— Чем я могу вам помочь?

— Мне можно помочь, только передав мою записку Сталину.

— Я постараюсь.

И заключенный написал записку:

«Сосо! Я арестован. Прошу тебя лично разобраться в моем деле. Кавтарадзе».

Долго не было никакого ответа, однако месяца через два Кавтарадзе подвели к большому лифту и подняли куда-то наверх. Затем он очутился в огромном кабинете. За большим столом сидел невысокий полноватый лысый человек. Это был Берия. Не глядя на вошедшего, он что-то писал. Арестованный долго ждал, что на него обратят внимание. Наконец, выдержав долгую психологическую паузу, Берия сказал:

— Ты сейчас поедешь к Сталину. Если ты что-нибудь скажешь против меня, я и тебя, и твою семью превращу в лагерную пыль.

Кавтарадзе молчал. Его увели. Дали возможность переодеться в свои вещи и вывели к машине. В большой правительственной машине они вместе с Берия ехали по Москве. Берия был напряжен и изредка поглядывал на угрюмого Кавтарадзе.

Вдруг на самой середине площади Берия остановил машину. Милиция перекрыла движение, и машина минут пять стояла посреди площади. Берия понимал ожесточенность Кавтарадзе и его готовность на все. Тогда по приказу Берия машина тронулась и пошла не в сторону Кремля, а в противоположном направлении. Вскоре они подъехали к дому Кавтарадзе.

— Можете зайти домой повидать семью. Через десять минут быть здесь!— приказал Берия.

Сергей Иванович поднялся домой. Его окружили жена и дети: плакали, радовались . . . Когда через десять минут Кавтарадзе спустился к машине, он был смягчен, сломлен, психологически перестроен на то, чтобы любой ценой купить жизнь и спокойствие своих близких. Берия сразу почувствовал перемену, и они поехали в Кремль.

Когда они прибыли к Сталину, он спросил у Берия: в чем дело, в чем обвиняется Кавтарадзе?

Берия ответил, что Кавтарадзе ни в чем не виноват. Была группа людей, которая хотела совершить на Кавтарадзе покушение, поэтому его пришлось временно изолировать. Эта группа уже ликвидирована, и Кавтарадзе свободен.

Тогда Сталин в сопровождении Берия сам повез Кавтарадзе к нему домой. Часть квартиры Кавтарадзе была отдана какой-то старой большевичке, лишенной своего дома. Когда на звонок новая жиличка открыла дверь и увидела Сталина, она попятилась и стала падать в обморок. Берия «заслонил» Сталина якобы от опасности, схватил бедную женщину, встряхнул.

— Ты что? В чем дело? Почему пятишься от вождя? . .

— Мне показалось, что на меня идет портрет Сталина . . .

БЫТ, НРАВЫ, УСТАНОВКИ

«Зато»

Художник-академик Евгений Александрович Кацман писал портрет Сталина. Он спросил у своего именитого натурщика:

— Какими иностранными языками вы владеете?

Сталин вспыхнул:

— Немного немецким, но зато я знаю историю человечества.

Этот ответ — свидетельство комплекса культурной неполноценности Сталина. Ощущая себя ограниченным в системе цивилизации, он не стал совершенствовать себя и догонять цивилизацию (это было трудно, и, может быть, невозможно), а стал переводить цивилизацию в иную систему — варварства и коварства, и в этой новой системе оказался первым.

Гостеприимство

По приглашению Сталина Хрущев приехал к нему на дачу. Сталин сидел в беседке и что-то писал. Не здороваясь, он предложил гостю сесть. По дорожке прошел Микоян. Сталин оторвался от дела и спросил:

— А что здесь делает Микоян? Что у него своей дачи нет?

Партия сказала: «Надо»

В 1938 году после ареста Косарева Сталин вызвал редактора «Комсомольской правды» Николая Александровича Михайлова и предложил ему стать первым секретарем ЦК ВЛКСМ. Михайлов высказал сомнение, что ему 32 года и он уже вырос из комсомольского возраста. Разговор Сталина и Михайлова происходил с глазу на глаз. Вдруг Сталин громко позвал Берия. Раздвинулась стена, и Берия появился.

— Лаврентий, есть такое мнение — назначить тебя секретарем ЦК ВЛКСМ.

— Слушаюсь, товарищ Сталин. Когда нужно принимать дела?

Сталин повернулся к Михайлову:

— Учись, сопляк, как надо отвечать!

Портрет

В палеонтологическом музее к рогам скелета какого-то ископаемого чудища был прикручен портрет Сталина. Один из посетителей возмутился этим кощунством и пошел к директору протестовать. Директор оправдывался:

— Все трудящиеся украшают портретом вождя свои лучшие достижения: новый паровоз, шахту, домну. Это ископаемое — наше высшее достижение. Таких скелетов всего два в мире. Поэтому мы украсили его портретом вождя.

Посетитель не был удовлетворен объяснениями директора и продолжал возмущаться непочтительностью, проявленной к портрету вождя. Тогда директор нашелся:

— Если вам угодно настаивать на вашей точке зрения, вот книга жалоб и предложений. Изложите в ней все ваши замечания.

Посетитель растерялся, писать не стал и ушел.

Сформулировать в письменном виде такого рода претензию было опасно.

Развлечения и кадровая политика в семье

По словам Зинаиды Гавриловны Орджоникидзе, Сталин любил поиздеваться над ближними. Объектом таких издевательств нередко был его секретарь Поскребышев. Однажды под Новый год Сталин развлекался таким образом: сидя за столом, он сворачивал бумажки в маленькие трубочки и надевал их на пальцы Поскребышева. Потом зажигал бумажки, подобно новогодним свечам. Поскребышев весь извивался и корчился от боли, но не смел сбросить эти трубочки.

. . . Жена Поскребышева была родной сестрой жены Седова — сына Троцкого. Рассказывают, что ордер на арест своей жены Поскребышев должен был лично передать Сталину на подпись. При этом он попытался взять ее под защиту. «Раз органы НКВД считают нужным арестовать твою жену,— ответил Сталин,— значит это необходимо». И подписал ордер. Увидев выражение лица Поскребышева, Сталин рассмеялся. «Ты, что, бабу жалеешь? Найдем тебе бабу». Действительно, вскоре в квартиру к Поскребышеву пришла молодая женщина и сказала, что ей поручили заниматься его хозяйством.

Благодарный зритель художественной самодеятельности

Сталин очень забавлялся, когда начальник его охраны Паукер разыгрывал в лицах расстрел Зиновьева. Два охранника вели под руки еле передвигающегося, повисающего на их руках Паукера, вошедшего в образ Зиновьева. Потом «актеры» отпускали его, и он рушился на пол, обхватывал сапоги охранников и умолял их пощадить его. Он выкрикивал жалкие, бессвязные слова.

Вскоре спектакль, разыгрываемый Паукером на утеху вождя, стал для «актера» реальностью: он знал много лишнего и был расстрелян.

Рожденные узниками

Женщин, рожавших в лагере, официально именовали мамками. Мамки работали, как все, но пока ребенку не исполнялся год, их отпускали с работы в часы кормления. Потом детей выводили из зоны и отдавали в ясли и детский сад и матерям разрешали свидания с ними раз в неделю. У входа в лагерный детский сад висел лозунг: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство».

Как приятно удивлять

Сталин любил Довженко и иногда приглашал его к себе. Порой они всю ночь проводили в беседах. Однажды они проговорили до 4-х утра, и Сталин решил сам проводить гостя. Большая машина привезла их по опустевшему городу к гостинице. Сталин вышел из лимузина попрощаться. Вокруг никого не было. Только дворник, уткнувшись носом в землю, мел тротуар. Вскоре его метла наткнулась на чей-то сапог. Дворник поднял голову, увидел Сталина и оторопел. С минуту он хлопал глазами и беззвучно открывал рот. Сталин с удовольствием наблюдал эту немую сцену. Потом расхохотался и, довольный произведенным впечатлением, сказал:

— Что, не ожидал меня увидеть?

Как приятно угощать

Дело было зимой, под Новый год. Шел прием в Кремле. Сталин взял под руку Уланову и, показывая пример, пошел к столу. За ними последовали гости. В центре стола стояло большое блюдо с помидорами. Оно привлекло внимание Сталина, и он сказал:

— Видите, зима, а какие красивые у нас помидоры.

Сталин взял с края блюда большой помидор. Помидор оказался сильно подпорченным с одного бока. Минута неловкости, и Сталин рассердился. В сердцах он бросил помидор и, крикнув «снять!», пошел из зала. У выхода он на минуту остановился и уточнил: «Помидоры, а не директора».

Воспитатель

Когда Василий Сталин подрос, он стал домогаться подруги Светланы. После напрасных попыток его осадить та пожаловалась Светлане. Светлана рассказала об этом отцу. Сталин взял ремень и жестоко выпорол Василия. После этого Василий прекратил свои приставания, боясь отца и порки.

Показуха

Когда Сталин ехал на Всесоюзный слет физкультурников, все дома и крыши по дороге к стадиону были выкрашены только с той стороны, которая могла быть ему видна.

На трибуне

На трибуне Мавзолея, несколько в глубине, стояло кресло, в которое Сталин, удаляясь, садился отдыхать и курить трубку. Стоя на Мавзолее, Сталин никогда не курил.

Соратник должен соблюдать правила

Сталин узнал, что Каганович держит на даче стадо коров. Кагановичу очень попало за частнособственнические наклонности.

Опасный элемент

Сталин считал, что гомосексуалистов следует расстреливать или сажать в лагеря. По мнению Сталина, гомосексуалисты опасны тем, что могут развратить и разрушить армию.

Застолье и привычки гения

Одна из забав Сталина состояла в том, что во время завтрака или застолья он разбивал вареные яйца о голову своего помощника Поскребышева. Если во время застолья Сталин начинал разговаривать с Берия по-грузински, все присутствующие ежились от страха: такой разговор мог относиться к любому из гостей и угрожал жизни каждого. Иногда Сталин произносил по-грузински два слова, означавшие «перемена скатерти». Тотчас четверо мужчин из обслуги брали за края скатерть, покрывавшую стол, и складывали ее, превращая в своеобразный мешок, в котором оказывались перемазанные икрой апельсины и облитые хванчкарой цыплята табака, паштет с осколками хрустальных бокалов. Стол покрывался свежей скатертью и вскоре вновь ломился от изобилия вин, фруктов и блюд.

Почти по Рабле

Однажды Сталин приехал к кому-то в гости за город. Был вечер. Окна дачи ярко светились. Там Сталин пировал со своими соратниками. Заросли вокруг дома тоже были обитаемы: в них несли свою верную службу голодные и озябшие охранники.

Внезапно хлопнула дверь, и на пороге появился вождь. Он сделал несколько шагов в глубь сада и остановился справить малую нужду у куста № 47, под которым сидел боявшийся пошевелиться охранник.

Об этом эпизоде бывший охранник до сих пор рассказывает как о самом замечательном в своей жизни. Его обуревает двойная гордость: профессиональная —«как здорово замаскировался»— и социальная —«сам меня . . ., лично!»

Кого хоронят!

В 1939 году на похоронах старого большевика, заместителя директора Института марксизма-ленинизма Максимилиана Александровича Савельева выступающие говорили два-три слова о покойном и потом долго о товарище Сталине и его заслугах.

Порядок приветствия

Порой на Сталина и его эпоху накладываются «бродячие сюжеты» и Сталину приписывают афористичные высказывания, бытовавшие до него. Примером тому может служить существующий в предании диалог:

— Товарищ Сталин, по уставу младший армейский чин обязан первым приветствовать старшего. А кто должен здороваться первым, если встречаются два офицера в одном чине?

— Тот, кто вежливее и умнее.

Звездные игры

В три часа ночи в Совете Народных Комиссаров раздался звонок. Трубку снял дежурный. Из трубки донесся голос Сталина:

— Товарищ дежурный, у нас тут интересная игра. Товарищ Ворошилов утверждает, что над Кремлем находится Марс, а товарищ Молотов — Юпитер. Надо узнать, кто выиграл пари.

Дежурный поднял с постели почти всех профессоров и академиков, имеющих маломальское отношение к звездному небу. Наконец астроном Василий Григорьевич Фесенков, ворча спросонья, подошел к своему окну, посмотрел на небо и сказал:

— Это не планета, а созвездие Кассиопея.

Дежурный, обрадованный, что ему удалось добыть необходимую информацию, позвонил в Кремль и доложил:

— Товарищ Сталин, ваше задание выполнено: никто не выиграл. Над Кремлем — созвездие Кассиопея.

Сталин ответил:

— При чем тут звезды! Мы здесь уже играем в другие игры.

Наш силач сильнее

В конце 30-х годов самым сильным человеком в мире стал немецкий тяжелоатлет Мангер. Гитлер увидел в этом подтверждение расовой теории о превосходстве арийцев над другими народами. Это уязвило самолюбие Сталина, ему казалось, что подрывается социальный престиж созданной им системы. Сталин приказал найти в нашей стране сильнейшего человека, и им оказался армянин Серго Амбарцумян. Когда его привезли в Кремль, вождь сказал: «Фашист не должен быть самым сильным человеком. Его нужно победить. Советский человек должен быть самым сильным. Серго, ты сможешь!» Серго пообещал и благодаря тренировкам и замечательным природным данным выполнил обещание.

Неустойчивость

Сталин специально создавал людям неуютно-неустойчивую ситуацию, чтобы каждый был подмочен, каждый был зависим, каждый боялся и каждый сидел смирно, не высовываясь. Так, в конце 30-х одновременно принимаются два указа:

1. Разрешить строительство личных дач.
2. Запретить продажу стройматериалов в личные руки.

Всякий построивший дачу заведомо оказывался вором. Или другой момент: продавцу, находящемуся при материальных ценностях, полагалась мизерная (по современным меркам рублей 70) зарплата. Всякий продавец, чтобы жить, должен был «добирать» из своего магазина.

Хозяйственно-стратегическая деятельность

Продразверстка времен военного коммунизма была в русской традиции. Пушкин пишет про указ Петра об описке чужого хлеба в неурожай: «. . . опять тиранство нестерпимое». Указ этот от февраля 1723 года гласил: «В тех местах, где народный голод явился, описать у посторонних излишний хлеб, чей бы он ни был . . ., а при раздаче того хлеба смотреть накрепко, чтоб под видом скудных и хлеба не имеющих не брали также, которые свой хлеб сокровенно имеют».

Вообще в современной истории много традиционного. Хрущева звали «кукурузником»— он насильно насаждал этот злак. Ста двадцатью годами ранее были картофельные бунты, вызванные насильственным введением посадки картофеля. Кукурузных бунтов не было.

У Сталина была стратегическая мания: во всех районах страны должно быть все свое.

Очереди

Очереди и дефицит Сталин объяснял высокой платежеспособностью советских людей, тем, что им стало лучше и веселей жить. Еще бы, чем не веселое занятие — постоять в очереди. Тут все узнаешь про жизнь, все обсудишь, услышишь, о чем нигде не прочтешь. Очереди — наши народные университеты бескультурья.

Сталин послал нас в эти университеты, поставил нас в очереди, и до сих пор мы не можем из них выйти. Никак не окончим университеты.

ДИПЛОМАТИЯ И ПОЛИТИКА, ПРИВЕДШИЕ К БОЛЬШОЙ ВОЙНЕ

Нападение

То, что Финляндия напала на СССР, Политбюро и нарком обороны узнали от товарища Сталина. После этого началась финская кампания, о которой мой институтский однокашник поэт Владик Неделин писал:

Мы смерть там принимали проще прозы.
Там каждый шаг потерями знаком.
Какие к черту там карельские березы.
К одной я финна пригвоздил штыком.

Финская кампания раскрыла перед вермахтом уязвимые стороны Красной Армии, ослабленной бесчисленными арестами ее командного состава. С другой стороны, эта кампания раскрыла перед странами, противостоящими Германии, трудные для сотрудничества со Сталиным стороны его внешней политики.

Представления о будущей войне

Александр Кривицкий в 1939 г. опубликовал в газете «Красная звезда» острокритическую рецензию на роман Николая Шпанова о будущей войне с немцами. В романе могучий удар советской авиации по фашистской Германии одним разом (блицкриг!) решает исход всей войны. Кривицкий возражал: у Шпанова получается, что не люди, а техника решает все.

Рецензия вызвала недовольство Сталина, о чем Ворошилов сообщил в газету. Было дано указание изменить оценку книги, но автора отрицательной рецензии не трогать (оговорка весьма существенная, так как по тем суровым временам без нее судьба человека могла быть сломана).

Вторую, теперь уже положительную рецензию подписал адъютант Мехлиса (в те годы ближайшего к Сталину человека). Эту рецензию напечатали в той же «Красной звезде». Мнение Кривицкого при этом глухо упоминалось и мягко дезавуировалось.

Сталину нравилась шпановская легкомысленная уверенность в том, что война будет нетрудной и быстрой («малой кровью» и «на чужой территории»). Популярная предвоенная песня рисовала будущую схватку с врагом опереточно:

Полетит самолет,
Застрочит пулемет,
Загрохочут железные танки.
И пехота пойдет, и саперы пойдут,
И помчатся лихие тачанки . . .

Эти представления были близки Сталину. К тому же он считал, что пропаганда должна и своему народу, и потенциальному противнику

внушать уверенность в несокрушимой мощи Красной Армии. Однако опыт боев на советско-финском фронте внес некоторые сомнения и отрезвляющие ноты в сталинское несерьезное отношение к современной войне. Это и предотвратило суровую расправу с Кривицким.

Расставанье

После заключения с Японией договора о ненападении Сталин привез на вокзал Есукэ Мацуока, прощаясь, поцеловал его и сказал: «Мы тоже азиаты». Лирик, почти как Блок: «Да, скифы мы, да, азиаты мы . . .»

Прибытие посланца Гитлера

В 1939 году мы, подмосковные мальчишки, с удивлением увидели в небе самолет с фашистскими крестами, летевший к Москве. Все, у кого были в руках рогатки, стали стрелять в этот самолет. Мы не знали, что в самолете летел Риббентроп на переговоры со Сталиным. Однако мы, стреляя из рогаток по самолету, были на более высоком уровне исторического мышления, чем нами любимый вождь: в отличие от него мы знали, что с фашистами ни о чем нельзя договариваться.

Член делегации

Лев Шейнин со ссылкой на Молотова рассказывал.

— На Политбюро Сталин предложил утвердить делегацию во главе с Молотовым для проведения переговоров о заключении договора с Германией. Сталин спросил:

— Есть ли возражения или дополнения?

Все промолчали.

— Тогда у меня есть предложение: дополнить делегацию Кагановичем без права выступления, чтобы Гитлеру было неприятно.

Каганович не был официально объявлен и ни на фото, ни в кинохронику не попал.

В этот рассказ трудно поверить: Сталин был слишком заинтересован в успехе переговоров, чтобы позволить себе дразнить Гитлера.

Величание

Сталин назвал Гитлера ледоколом революции.

Не всякому такое предложишь . . .

В 1940 году Гитлер предложил Сталину присоединиться к «Пакту трех» («Антикоминтерновскому пакту»). Сталин воздержался от принятия этого предложения.

Страшные тосты

Подписав договор с гитлеровской Германией, Сталин поднял бокал шампанского со словами:

— Я хочу выпить за Гитлера — авторитетного вождя немецкого народа, заслуженно пользующегося его любовью. Я пью за осуществление всех планов вождя немецкого народа.

Второй тост Сталин поднял за Гиммлера — человека, обеспечивающего устойчивость немецкой нации, стабильность национального порядка в Германии.

Осуждение отступничества

Риббентроп говорил, что в Москве он чувствовал себя среди старых PG (партайгеноссе): строгая иерархия, почитание Сталина со стороны окружающих, его тосты за Гитлера и за Гиммлера . . . Все это вызвало восхищение Риббентропа.

Один из идеологов фашизма Альфред Розенберг порицал Риббентропа за отступление от фашизма и излишние восторги в адрес Сталина. Розенберг осудил и Сталина, особенно за последний тост, который, по его мнению, не был продиктован никакой необходимостью и был поднят за человека, уничтожившего единомышленников советского вождя.

Соучастие

Когда, в конце 30-х годов начались советско-германские переговоры, Гитлер был готов отпустить Тельмана в СССР, если этого потребует Сталин. Однако живой вождь немецких единомышленников Сталину был не нужен. Сталин оставил Тельмана в руках Гитлера.

Невольник чести

Когда министр иностранных дел фашистской Германии Иоахим Риббентроп прилетел в Москву, Сталин поручил председателю Комитета по делам искусств Храпченко сопровождать гостя в Большой театр и преподнести ему цветы. На спектакль приехали Сталин и Молотов, расположившиеся в правительственной ложе. После спектакля Сталин пригласил Храпченко в ложу, расспросил о высказываниях гостя и доверительно сказал то, что еще не стало достоянием гласности:

— Мы заключили союз с Германией. Как вы к этому относитесь, товарищ Храпченко?

Храпченко растерялся. Тогда Сталин объяснил:

— Я, как и вы, товарищ Храпченко, против союза с Гитлером, но он (Сталин указал на Молотова) меня заставил.

«Беспомощный»

Храпченко рассказывал, что он в числе других деятелей присутствовал при подписании советско-германского договора о ненападении. Во время церемонии Сталин сказал Храпченко:

— Видите, делают что хотят, а нас с вами не спрашивают, и мы ничего не можем возразить.

Шутка была столь опасна и такая в ней была двойная игра с историей, что Храпченко благоразумно промолчал.

Культурная программа визита

Во время визита Риббентропа в Москву Сталин всячески старался подчеркнуть сходство между Германией и Россией. Риббентроп был приглашен в Большой театр на «Валькирию» в постановке Эйзенштейна. Сталин, представляя Риббентропу режиссера, спросил у немецкого дипломата:

— Вы нацист и поэтому, очевидно, неверующий. Однако если бы вы верили, то к какой религии принадлежали?

— Мой отец был лютеранин.

— Познакомьтесь, лютеранин товарищ Эйзенштейн.

Культурные люди: и о стихах поговорили

Во время одного из банкетов по случаю советско-германских переговоров в Москве Риббентроп спросил Сталина, жива ли поэтесса Анна Ахматова и что она пишет: петербургские студенты увлекались ее стихами. Так Ахматова попала в поле зрения Сталина. В 1940 году срочно и неожиданно издали большой сборник ее стихов.

Позорное поздравление

14 июня 1940 года фашисты оккупировали Париж. По поручению Сталина Молотов поздравил Гитлера с успехом.

Поздравление

В апреле 1941 года Сталин поздравил Гитлера с днем рождения.

Верность договору

Выступая в МГУ после исключения из партии Кагановича, Молотова и других, Микоян рассказывал.

Согласно подписанному в 1939 году договору, Германия должна была в течение 15 лет поставлять в СССР промышленное оборудование, а мы в течение 5 лет — продовольствие и сырье.

В начале 1941 года, по словам Микояна, Сталин вызвал его и спросил, как идут германо-советские поставки. Микоян ответил: немцы нам пока ничего не дают, а мы свои обязательства выполняем успешно. Иногда даже опережаем сроки, перевыполняем . . .

Сталин сказал: «Ну и дурак же ты, Анастас. Куда ты спешишь? Зачем?»

Кто кого

По анализу знатока Германии литератора М. Гитлер и Сталин стремились обмануть друг друга. В 1941 году, еще до войны, Щербаков, руководивший ТАСС, дал распоряжение идеологически готовиться к войне. Речь шла о нашем нападении на Германию. Замысел был таким: захватить Румынию, отсечь Германию от источников бензина и тем самым закончить войну. Поэтому в Одессе и около нее и было сосредоточено огромное по отношению к потребностям округа войско. Позже это стало основой долгой обороны Одессы. Однако

Сталин не успел обмануть Гитлера. Гитлер успел обмануть Сталина и напал раньше. Гитлер планировал нападение на 15 мая 1941 года, но военная кампания в Греции и Югославии оттянули время.

Обманутое доверие

Эренбург сказал: «Единственный человек, которому поверил Сталин, был Гитлер. И он его обманул, напав в июне 1941 года на СССР».

— Несчастна страна, в которой нет героев.
— Нет! Несчастна та страна, которая нуждается в героях.

(Б. Брехт)

VII

1941—1945
КАК НАРОД ВЫИГРАЛ ПРОИГРАННУЮ СТАЛИНЫМ ВОЙНУ

Предупреждение, обернувшееся бедой

На встрече академического бомонда с автором мемуаров «Люди, годы, жизнь» Эренбургом я познакомился с одним из героев этой книги. Он работал пресс-атташе в Париже во время его оккупации немцами. Обозревая и анализируя немецкие воинские газеты, этот умный дипломат в марте-апреле 1941 года пришел к выводу, что немцы готовятся к нашествию на Россию. Он написал об этом Сталину. Вскоре неосторожного наркоминдельца отозвали в Москву. Здесь он оказался в подвешенном состоянии. Ему не давали никаких поручений. Он сидел дома, отстраненный от работы. Благо, давали зарплату. Все это было дурным предзнаменованием. В июне немцы напали на нашу страну. И когда в октябре 1941-го они были под Москвой, дипломата арестовали и предъявили ему фантасмагорическое обвинение: стремление поссорить Советский Союз с дружественной Германией. Карательный механизм сработал с задержкой, но с неумолимой жестокостью: дипломат получил десять лет и был отправлен в лагерь. Этот рассказ живого и спокойного человека, просидевшего за стремление обезопасить страну от внезапной агрессии многие годы в лагере, потряс ко всему привыкшую академическую аудиторию. Выступлению этого человека долго и оживленно аплодировали.

Рискованное предупреждение

Мельников был молодым работником информационного агентства. Ему вменялось в обязанность просматривать немецкую прессу. Мельников учился в Германии, в совершенстве владел немецким языком, хорошо знал обычаи, привычки, традиции немцев. В марте-апреле 1941 года он чутким ухом уловил угрожающую ноту, которая зазвучала в глубине немецкого пропагандистского оркестра. Молодой и старательный работник подал начальнику рапорт, сообщавший, что анализ немецкой прессы доказывает намерение Гитлера в ближайшие месяцы неожиданно напасть на СССР. Такой рапорт в условиях союзнического договора с немцами и насаждаемой Сталиным всеобщей подозрительности мог быть расценен как провокационная попытка поссорить нашу страну с Германией. Начальник разъяснил все это молодому сотруднику. Однако он продолжал стоять на своем, подчеркивая государственную важность информации. Начальник наотрез отказался передавать докладную наверх и нашел примирительный ход: подать бумагу не по официальному каналу за личной подписью автора.

Долгое время эта чрезвычайная информация поднималась к Сталину и легла на его стол в середине июня 1941 года. Сталин не успел распорядиться о примерном наказании «провокатора», так как началось вторжение фашистов. Вскоре потребовалось создать отдел ТАСС по пропаганде, направленной на противника, с начальником в генеральском чине. Тут Сталин вспомнил о Мельникове и распорядился назначить его на этот важный пост.

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ВОЙНЫ

«Вставай, страна огромная!»

Война была для Сталина большой неожиданностью. Он думал, что перехитрил Гитлера, однако тот оказался коварнее его. Сталин впал в прострацию. Наша армия сражалась с превосходящими силами противника, а человек, который насильственно сосредоточил всю полноту власти в своих руках, преступно отстранялся от руководства борьбой. 3 июля 1941 года Сталин наконец собрался с духом и обратился к народу по радио. Впервые он ощутил свою зависимость от народа и выказал это в самом обращении: «Братья и сестры, друзья мои». Когда Сталин говорил, горло его пересыхало от волнения, а когда наливал в стакан воду, вся страна слышала дробный звук ударов горлышка графина о край стакана.

Мобилизация началась в первые часы войны. В первые сутки была создана замечательная песня Лебедева-Кумача, давшая формулу этой войны («идет война народная, священная война») и призвавшая народ к сопротивлению. Впервые песня была исполнена на площади Белорусского вокзала, откуда бойцы уезжали на фронт. Искусство, военкоматы и оставшиеся в живых после сталинских репрессий командиры не ждали, когда Сталин соберется с мыслями и преодолеет свою растерянность, и организовывали сопротивление врагу. Армия и народ вступили в бой. Тяжесть этого боя была обусловлена не только внезапностью удара, на которую в свое оправдание ссылался Сталин, не только силой и подготовленностью вермахта, но и тем, о чем после XX съезда рассказывал в своих публичных выступлениях маршал Малиновский. Он говорил, что накануне войны Берия уничтожил 82 тысячи (по другим данным, свыше 40 тысяч) лучших, опытнейших командиров армии и флота.

Испуг

Узнав о вторжении немцев, находившиеся в Москве члены Политбюро приехали к Сталину. Вождь был в смятении. Он сказал: «Начавшаяся война развивается катастрофически. Ленин нам оставил советское государство, а мы его просрали. Я отказываюсь от руководства». С этими словами Сталин покинул соратников и отправился на ближнюю дачу. Через некоторое время Берия, Молотов и Каганович поехали к Сталину, чтобы вернуть его к руководству страной и используя его авторитет организовать сопротивление. Сталин очень испугался визитеров, подумав, что его хотят арестовать.

Помеха в работе

На шестой день боев, когда немцы уже взяли Минск, Сталин позвонил в Генштаб и велел Тимошенко явиться с докладом.

— Я еще не готов к докладу,— ответил Тимошенко.

Тогда Сталин вместе с Молотовым и Берия приехали в Генштаб.

Берия начал требовать доклад и бросаться на работавших Баграмяна, Тимошенко и Жукова. Получив отпор, он направился к телефону, чтобы вызвать кого-либо на помощь. Тимошенко преградил ему путь.

Берия разразился матом. Жуков решительно воспротивился вмешательству в работу штаба.

Сталин, сохранявший внешнее спокойствие, был напуган этой сценой, и у него хватило ума ретироваться со словами:

— Пойдемте, товарищи, мы мешаем работать.

Они вышли из помещения. Молотов и Берия поехали к себе, а Сталин — на дачу, где заперся и никого не принимал целую неделю.

Этот эпизод «бунта» военных имел последствия, и на время Жуков, Тимошенко и Баграмян попали в опалу. Но вскоре Сталин осознал, что основные командные кадры уничтожены и оставшихся в живых трогать нельзя, а Жуков может стать для него спасением.

Сталинская выдержка

В первые месяцы войны, когда немцы рвались к Москве и положение было отчаянно трудное, на какое-то время Сталин впадал в прострацию.

Реабилитация

Осенью 41 г. генерала Батова освободили из лагеря, чтобы срочно вести к Сталину. Генерал потребовал, чтобы ему сначала отдали его мундир.

Новые охранники

Николай Шишкин, уже смертельно больной, рассказал, что после окончания военного училища он попал в личную охрану Сталина. Приехал генерал Власик и отобрал прямо из строя нескольких выпускников. Отобранных повезли в специальный лагерь и там тренировали: езда на лошади, стрельба по движущейся мишени с движения . . . Потом повезли в Кремль и там представили Сталину. Сталин спросил:

— Откуда родом?

— Из Рязани, товарищ Сталин,— ответил Шишкин.

— Рязань — это хорошо.

Шишкин ездил на переднем сиденье машины Сталина и при выходе из машины загораживал его своим телом от возможных террористов. Шишкин рассказывал, что при выездах Власик захлопывал дверцу машины, в которую садился Сталин. Машины шли с большой скоростью, но когда прибывали на место, Власик уже оказывался там и открывал дверцу, чтобы выпустить Сталина.

Чудак

Перед войной был арестован один видный военный деятель. Сидел он больше года. Началась война, и его знания оказались нужны. Он был доставлен из тюрьмы прямо на Политбюро, и Сталин сообщил ему, что он назначается на высокий пост.

— А почему я без суда и следствия просидел так долго?— спросил военный.

Сталин повернулся к членам Политбюро и пошутил:
— Он еще недоволен!

Возвращение к жизни и работе

За 17 дней до начала войны нарком вооружения СССР Борис Львович Ванников был арестован. Не прошло и месяца после нападения немцев, Сталин поручил находящемуся в тюрьме Ванникову составить записку о развертывании промышленности, производящей вооружение. Не располагая информацией и только догадываясь о происходящем, Ванников составил записку. Его вызвали в Кремль. Принимали его Сталин, Молотов, Маленков.

Сталин сказал:

— Ваша записка — прекрасный документ. Ею будет руководствоваться Наркомат вооружений. Вы были во многом правы, а мы ошибались. Вас оклеветали подлецы.

Справедливый упрек

Рокоссовский был освобожден из тюрьмы и осенью 1941 года получил дивизию. Эта дивизия дралась очень успешно. Вскоре Сталин отозвал Рокоссовского с фронта, чтобы дать ему более крупное назначение.

— Хорошо ли вы знакомы с германской военной доктриной?
— Нет, товарищ Сталин.
— А со структурой и вооружением германской армии?
— Нет, товарищ Сталин. Ведь я сидел.
— Нашел время отсиживаться!

Готовность номер один

Говорят, что генералы всегда готовятся к прошедшей войне. Сталин был генералиссимусом, который имел лишь опыт гражданской войны, и он прежде всего интеллектуально не был готов к современной войне.

Сталин слушает речь Гитлера

Мельников рассказывал в 1965 году в Переделкино.

—9 ноября 1941 года, в день очередной годовщины мюнхенского пивного путча, немецкое радио передавало речь Гитлера. Конечно, завтра ее полный текст ляжет на стол Сталина, но обстановка опасная и он хотел знать содержание выступления Гитлера раньше. Начальник отдела ТАСС по пропаганде, направленной на противника, Мельников был вызван к Сталину для синхронного перевода. Вождь сидел за длинным столом у торцовой его части. Переводчик — на другом конце стола у радиоприемника. Сталин обладал острым слухом и слышал малейший шорох. Низкорослый, рябоватый, лысый он был испуган, подавлен, жалок, но слушал внимательно, не перебивая. Лишь когда Мельников перевел характеристику большевиков, предупредив, что оратор употребил более резкое слово, Сталин бросил реплику:

— Не смягчайте, переводите точно.

Речь была безобразно грубой и оскорбительной. Гитлер говорил, что падение Москвы — дело считанных часов. Немецкие офицеры видят в полевые бинокли Кремль. Нет такой силы, которая остановила бы славную немецкую армию. Гитлер поносил Сталина и партию. Мельников боялся произносить эти слова.

К концу речи голова Сталина стала клониться и, наконец, опустилась на руки, лежащие на столе. Переводчика охватил страх: что делать — уйти? Переводить дальше? Он стоял и испуганно молчал. Тут бесшумно приоткрылась дверь, и начальник охраны Власик, бдительно наблюдавший за посетителем, поманил его пальцем. Он на цыпочках вышел из комнаты.

Испуг

В октябре 1941 года, когда гитлеровские войска были под Москвой, Сталин в присутствии Жукова спросил Берия, есть ли у него какой-либо выход на контакт с Гитлером. Берия ответил: есть через Болгарию. Нужно наладить контакт, сказал Сталин,— нужно начать переговоры с Гитлером об окончании войны на основе аннексии захваченных ими территорий Белоруссии, Украины и России.

Так перепуганный Сталин был готов отдать и часть страны, и миллионы людей, попавших в оккупацию, фашистам ради сохранения своей власти. Источником этого предания называют маршала Жукова, глухо говорившего об этом в кругу близких ему людей. Вскоре фашистов удалось отогнать от Москвы и вопрос о переговорах отпал.

Сталин в октябре 1941 года

Легенда, видимо умышленная, говорит, что в конце 1941 года Сталин выезжал на Западный фронт. Однако никто Сталина на фронте не видел.

В середине октября 1941 года, когда сложилась опасная, почти катастрофическая обстановка под Москвой, свидетельствует другая легенда, Сталин покинул город и вернулся лишь 19 октября. По возвращении ему доложили, что транспорт стал, поликлиники закрыты, кругом паника. Он актерски-оптимистично сказал:

— Это еще не беда. Я думал, будет хуже.

Осложнение обстановки

Бывший охранник Сталина Шишкин рассказывал, что в середине октября 1941 года Сталин выезжал из Москвы по Рязанскому шоссе. Понять, что происходит, было невозможно. По шоссе шло много людей, то группами, то в одиночку — жители покидали Москву. Сталин увидел в этом нежелательное — начало паники. Машина шла ровно и быстро, не сворачивая, не замедляя ход и сбивая зазевавшихся или не успевших отпрянуть пешеходов. Останавливаться и замедлять ход не полагалось даже по просьбе Сталина, так как за движение по маршруту отвечала служба охраны.

Глазами охранника

Немцы под Москвой. В сопровождении охранника Николая Шишкина Сталин прошел по опустевшим кабинетам Кремля. В кабинете Микояна со стен были содраны шкурки смушки (стены обили ими согласно вкусу хозяина). Одна шкурка повисла высоко на гвозде, и Сталин попросил Шишкина:

— А ну, лейтенант, сними.

Шишкин подпрыгнул и оторвал шкурку. Сталин повертел ее в руках и бросил. Прошел к себе в кабинет, вызвал Поскребышева. Спросил:

— Где все?

— Уехали.

— Верни всех, собери. На завтра назначаю заседание Политбюро. Успеешь?

— До завтра не успею. Многие уже далеко уехали.

— Хорошо, на послезавтра назначаю заседание Политбюро. А сейчас позови Жукова.

Когда пришел Жуков, Сталин сказал ему:

— Возьмите в свое распоряжение все силы, которые есть под ружьем в Москве, и любыми средствами остановите панику и бегство из Москвы населения.

Жуков, спасай! . .

В 1941 году Жукова вызвал к себе Сталин и сказал:

— Жуков, спасай Москву — спаси Россию! Прошу тебя, узнай, где фронт под Москвой. Ничего не ясно.

Чтобы разобраться, Жуков попросил три дня.

— Скорей, скорей, Жуков!

Через два дня Жуков смог доложить Сталину обстановку. Сталин теперь не просил, разговаривал строго, делал поправки. А еще через несколько дней он уже давал указания. И когда Жуков доложил, что войска готовы к контрудару, Сталин задержал начало действия, назначив свой срок.

Заботы и показуха

Авиаконструктор Яковлев 16 октября 1941 года был вызван к Сталину. Когда он вошел в кабинет, Сталин сидел и читал книгу. Отложив ее, Сталин попросил составить план эвакуации авиационных заводов из Москвы в связи с возможным вторжением немцев. Яковлев сел за столик намечать этот план. Сталин тем временем стоял у окна и дымил трубкой. Потом взял в руки написанное, снова отошел к окну и, продолжая курить, медленно прочел.

Тем временем из любопытства гость посмотрел на книгу, которая была предусмотрительно положена обложкой кверху. Это оказался «Евгений Онегин». Читать Пушкина 16 октября 1941 года, в Москве, атакуемой немецкими дивизиями, мог лишь большой актер.

Информация — мать интуиции

В середине октября 1941 года во время прорыва немцев под Москвой Хрущев руководил эвакуацией правительственных учреждений в Куйбышев. Однажды он вбежал к Сталину и сказал ему, что немцы, возможно, уже через час будут в Москве и нужно немедленно уезжать. У Сталина была многослойная, перекрывающая одна другую система информации. Он, видимо, знал то, чего не знал Хрущев. Сталин попросил Хрущева подождать и начал просматривать какие-то бумаги. Прошло 20, 40 минут, прошел час. Сталин поднял телефонную трубку и спросил о чем-то по телефону. Затем повернулся к Хрущеву и, свирепея, начал спрашивать: «Ну, где же твои немцы, Никита, где твои немцы?!»— и, не выдержав, стал бить Хрущева телефонной трубкой.

Есть ли пар у Сталина?

В кинотеатре показывали хронику октябрьского парада на Красной площади 1941 года. Рядом сидели двое юношей и полковник-артиллерист. Один из юношей вдруг заметил, что в морозном воздухе у солдат идет пар изо рта, а у Сталина, когда он говорит и дышит, не идет . . . Юноша сказал об этом своему товарищу. Тот ответил:

— Замолчи, пока не поздно.

— Да нет же,— настаивал первый,— у всех пар идет, а у товарища Сталина не идет.

Когда зажгли свет, полковник неодобрительно сказал:

— Вы что там о товарище Сталине высказывались?

— Ну как же, товарищ полковник,— стал охотно объяснять правдолюбец, не обращая внимания, что приятель дергал его за рукав:— У товарища Сталина пар не идет!

— У товарища Сталина все, что надо, идет,— твердо сказал полковник.

— Нет, пар не шел. А у всех живых должен идти.

— Вот я вас сейчас препровожу куда следует, и пусть там разберутся в той чепухе, которую вы несете про товарища Сталина.

Здесь приятеля как ветром сдуло, а полковник отвел парня в означенное место и там сдал в руки лейтенанта, объяснив ему, в чем дело.

Лейтенант стал допрашивать юношу, но тот стоял на своем — пар у товарища Сталина не идет. Поняв, что он имеет дело с чудиком, лейтенант накричал на него:

— У товарища Сталина все идет как надо. И пар идет откуда надо. А когда не надо, то не идет. И катись ты отсюда и больше на глаза мне не попадайся!

Парень — помесь зануды и правдоискателя — хотел снова возразить, но лейтенант прикрикнул:

— Иди отсюда, и без тебя работы много!

Многие годы спустя, уже после смерти Сталина, правдоискатель рассказал об этом эпизоде одному кинематографисту, а в ответ услышал:

— Верно, пар у Сталина не шел, и это целая история, чуть не стоившая мне жизни.

В 1941 году мне дали ответственное задание снять октябрьский парад на Красной площади. Задание шло от Щербакова, который лично занимался этим вопросом. Была выделена только что полученная из союзной Англии новейшая киноаппаратура. В самый ответственный момент пленку заело, аппарат отказал. В ужасе я и мои помощники пытались исправить повреждение, однако речь товарища Сталина заснять не удалось. После парада эта ситуация была по инстанциям доложена Щербакову, который вынужден был сообщить о случившемся Сталину. При этом Щербаков, чтобы снять с себя ответственность, даже намекал на возможное вредительство. Однако Сталин эту идею не поддержал и сказал: разберитесь, в чем дело, и устроим новую съемку. Новая съемка состоялась в помещении, поэтому пар у Сталина действительно отсутствовал.

Снова: шапками закидаем

Сталин, окрыленный победой под Москвой, в конце 1941 года дал приказ разработать план победного завершения войны в 1942 году. Эта волюнтаристская установка и вызвала поражение под Харьковым, взятие немцами Ростова, их удары в сторону Кавказа и Сталинграда.

Нужный генерал

Один генерал все время с абсолютной убежденностью хвастливо обещал Сталину, что разобьет подлеца Гудериана не сегодня, так завтра. А тот разгромил его. Много людей уложил зря этот авантюрист и шапкозакидатель.

Сталин, временами терявший уверенность в успехе войны, нуждался в самоуверенных и обнадеживающих победных реляциях этого генерала.

Судьба Якова

Сын Сталина от первой жены — Яков — любил отца, но не был ответно любим и очень болезненно переживал отсутствие отеческого внимания. Есть даже версия о том, что он делал попытку к самоубийству. В конце концов он ушел от отца и жил отдельно, порвав с ним отношения. Этот разрыв был также связан с тем, что Сталин не одобрил женитьбу Якова.

На 25-й день войны Яков вместе со своей частью попал в плен. В пересыльном лагере фашистский офицер скомандовал: евреи и комиссары, шаг вперед. Яков остался в строю. Солдат ткнул его в бок автоматом и велел выходить. Яков сказал, что он «джорджия»— грузин. Солдат продолжал настаивать. Пленные стали объяснять, что это сын Сталина. Якова временно оставили в покое, а потом с ним повели игру, пытаясь сделать его командующим русской антисталинской армией (эту должность позже занял генерал Власов). Яков не принял это предложение. Позже его хотели обменять на Паулюса. Известна сказанная по этому поводу броская фраза, вкладываемая в уста Сталина:

— Я маршала на солдата не меняю.

По легенде, идущей от немцев, Яков покончил с собой, бросившись на проволоку, по которой шел ток. По свидетельствам наших пленных, Якова убили немцы, а потом бросили на проволоку, имитировав самоубийство. Именно так, на проволоке, его тело в пропагандистских целях было сфотографировано. Жена Якова, по преданию, была сослана как жена солдата, сдавшегося в плен.

Добровольцы

Во время войны политические заключенные многих лагерей просились отправить их на фронт. Кое-где, идя навстречу пожеланиям, составляли списки добровольцев, а потом всех их расстреливали за попытку перейти на сторону врага.

Оккультное общение

Оккультист Андреев рассказывает, что когда он находился в лагере, его дух, вырываясь из тела, перемещался по миру и мог общаться со Сталиным. По опыту этого «общения» Андреев утверждает, что Сталин никогда не спал. Порой он впадал в некий транс, который длился 2—3 часа. В это время все приближенные, согласно неписаному правилу, старались как можно быстрее оставить вождя наедине с собой. Сидя неподвижно, он «заряжался» мировой энергией, после чего мог долго и интенсивно работать без сна.

Оккультная концепция истории XX века: силы добра и силы зла ищут своего максимального воплощения, и Сталин явился воплощением зла более полным, чем даже Гитлер, ибо, в отличие от него, не щадил даже своих соратников и любимцев.

Парапсихология на службе у вождя

Детство Вольфа Мессинга проходило в начале века. Жил он в маленьком местечке и был обычным еврейским мальчиком, ничем не выделявшимся из своих сверстников. Однажды во время погрома на глазах Вольфа убили его родителей. Мальчик забился в какую-то щель между мебелью и благодаря этому уцелел. Погром продолжался. Какая-то милосердная русская семья приютила ребенка на ночь. На рассвете, боясь укрывать Вольфа дальше, ему велели бежать на станцию и сесть в первый проходящий поезд. Так мальчик и сделал. Он взобрался на третью полку, предназначенную для вещей, и сидел там тихо, как мышь. Вскоре по вагону пошел контролер, сопровождаемый проводником. Проверив билеты у пассажиров купе, контролер с профессиональной бдительностью заглянул наверх и потребовал билет у перепуганного Вольфа. Подростку, пережившему за последние сутки столько ужасов, новая опасность в лице контролера казалась столь великой, что он был на грани психического срыва. Однако вместо того, чтобы впасть в отчаяние, он взял маленький обрывок газеты, валявшийся на полке, сложил его вдвое и совершенно спокойно подал контролеру. Тот внимательно осмотрел этот обрывок, прокомпостировал своими щипцами и вернул мальчику. Вольф понял, что в его сознании проснулись какие-то скрытые

могучие силы, способные действовать на окружающих. С этой минуты он владел гипнозом и умением видеть явления, находящиеся за пределами видимости. Эта способность сохранилась у Мессинга на всю жизнь.

О парапсихологических возможностях Вольфа Мессинга узнал Сталин и пригласил этого феноменального человека к себе. Мессинга предупредили, что ему закажут пропуск. «Если товарищ Сталин меня приглашает, мне не нужен пропуск»,— ответил Мессинг. И несмотря на то, что были усилены караулы, он действительно прошел без пропуска.

Во время войны Сталин не раз встречался с Мессингом и просил его узнать, что думает и делает в данный момент Гитлер. Мессинг неизменно доставлял Сталину необходимые сведения о намерениях, планах и поступках Гитлера. Легенда говорит также, что у Гитлера был свой немец-парапсихолог, который прорицал намерения и действия Сталина, и что парапсихолог-немец и Вольф Мессинг старались парализовать провидческие и телепатические способности друг друга.

Конечно, война не поединок парапсихологов. Однако помогал ли Мессинг Сталину проникнуть в военные замыслы немцев? Обладал ли он способностью сказать, что происходит на том или ином участке фронта? Трудно подтвердить даже косвенными сведениями эти мифические сюжеты. Не ссылаться же на эстрадные парапсихологические сеансы Мессинга. Однако один случай, выявляющий его сверхвозможности, мне известен совершенно достоверно. Мой приятель профессор филологии Марк Яковлевич Поляков — человек скептичный и не склонный ни к мистике, ни к парапсихологии — в конце 50-х годов отдыхал в Коктебеле. Отдыхающие собирались на веранде дома Волошина. Кумиром общества был Вольф Мессинг. Женщины восторгались, мужчины сдержанно выражали интерес. Поляков же невозмутимо сидел в стороне. Вдруг Мессинг повернулся к нему и сказал:

— Прекратите иронизировать!

Все удивились, потому что Поляков ничем не выражал своей иронии.

Через несколько минут Мессинг взорвался.

— Вы продолжаете насмехаться — сейчас я вам докажу! Заказывайте телефонный разговор с Москвой. (В те годы еще не было автоматической связи.) Пока вас соединят с вашим домом, я расскажу, что там происходит.

Компания настояла на том, чтобы телефонный вызов был сделан, а Мессинг рассказал:

— На кухне ваша домработница жарит котлеты. В комнате на диване лежит ваш сын и читает роман на английском языке на 230 странице. Над ним висят старинные часы. Они испортились.

Поляков ответил:

— Все неверно: сегодня воскресенье и домработница, как всегда, в церкви. Часам сто лет, и они никогда не ломались. И главное, мой сын сейчас на Кавказе.

Тут дали Москву. К телефону подошла домработница. Оказалось, что сын Полякова подвернул ногу и вернулся с Кавказа, лежит на диване и читает английский роман. Часы испортились.

Общество расхохоталось. Мессинг скромно отверг поздравления.

Мистический эпизод войны

Во время войны Гитлер послал в Тибет десант найти Шамбалу и повернуть там ось мира в свою сторону. Сталин выбросил отряд отборных десантников, который не пустил немцев в Шамбалу.

По степени ненависти

Во время войны чрезвычайные сообщения, в том числе приказы Верховного главнокомандующего, читал на Всесоюзном радио Юрий Левитан. Гитлер ненавидел голос этого человека так же, как антифашистскую публицистику Ильи Эренбурга. Говорили даже, что Гитлер обещал, когда возьмет Москву, первым повесить Левитана, вторым — Илью Эренбурга и только потом — Сталина.

Гитлер о Сталине

Мой бывший студент — немец, окончивший МГУ в конце 50-х годов и позже ставший доктором философии, Хайнц Плавиус — рассказывал мне о дошедшем до него высказывании Гитлера: Сталин жесток, как зверь, и подл, как человек. Когда завоюю Россию, назначу Сталина ее гаулейтером, разумеется под немецким контролем. Никто лучше Сталина не умеет обращаться с русским народом.

Если верить Гитлеру, то Сталину даже в случае поражения не грозила безработица.

Предательство

На решение Власова сдаться немцам повлияла его любовница. Когда под Новгородом он попал в окружение, она стала убеждать его, что Сталин не простит ему гибели его армии. Власов перешел к немцам и велел всех свидетелей этого, в том числе и любовницу, расстрелять. Власов решительно боролся со Сталиным, не прощая ему насилия и крови коллективизации, репрессий, зверств 1937 года. В своей борьбе Власов опирался на единственно мощную антисталинскую силу — немецкую армию. Тем самым его борьба оказалась борьбой против своего народа, который без мощной государственности не мог отразить нашествие. Власовская борьба, обернувшаяся элементарным предательством, отвечает на вопрос, почему такие командиры, как Тухачевский, Блюхер и другие погибали, даже не пытаясь поднять свои армии против Сталина. В обстановке угрозы фашистского господства Сталин, творя репрессии, ловко сумел привязать свою судьбу к судьбе народа. Трагическая безысходность была уделом людей, подвергавшихся сталинским репрессиям.

Власовская армия насчитывала многие тысячи солдат и офицеров. Предательство некоторых из них было замешано не только на шкурных интересах, но и на реальных обидах на сталинскую политику

раскулачивания, голода, репрессий. Однако они совершали предательство, проливая кровь своих братьев и служа фашистам. Власовцы еще и еще раз доказывали своей историей трагическую бесперспективность борьбы со Сталиным, начиная с середины 30-х годов (по мнению Бухарина, еще раньше).

Одним из оплотов немецкой и власовской армий в конце войны была Куршская коса. В ее лесах проходила глубоко эшелонированная оборона. Немцы очень упорно сопротивлялись нашему наступлению, а когда борьба стала безнадежной, их на кораблях эвакуировали в Германию. Власовцев бросили на позициях. Зная, что их ожидает на родине, они дрались до последнего патрона.

К Власову были подосланы несколько наших разведчиков, которым удалось войти к нему в доверие. Один из них стал его шофером. В 45-м году солдаты Власова дрались уже на стороне восставшей Праги, надеясь на прощение. Но наши войска, взяв город, арестовывали их и некоторых расстреливали. Спрятавшись в автомобиле под сиденьем, на котором расположилась его новая любовница, Власов попытался уехать в американскую зону. Однако его выдал шофер. Власова на самолете отправили в Москву. Допрашивал его сам Сталин. Он приказал повесить Власова, что и было исполнено в Бутырской тюрьме.

Судьба разведчика

В 30-х годах начальник разведуправления Генштаба Красной Армии Берзин послал Леопольда Треппера («Отто») в Европу. В Париже он организовал разведгруппу «Красная капелла», в которую входили Лео Гроссфогель, Хилель Кац, София Позианска, Давид Камю, Сюзанна Спаак, Анна и Василь Максимович. Треппер сообщал Сталину о готовящемся нападении фашистов на Советский Союз. В ноябре 1942 года гестапо арестовало эту группу. Фашисты начали радиоигру, сообщая в Москву по коду «Красной капеллы» опасную дезинформацию. Находясь в гестапо, Треппер сумел передать предупреждение о том, что не следует верить поступающим «от него» сообщениям. После войны в благодарность за подвиг разведчика Треппер был посажен Сталиным в лагерь. Только смерть вождя освободила его.

НА ТРУДОВОМ ФРОНТЕ

Авантюрист

Солдатенко был сослан в Воркуту за жульничество. Отбыл 6 лет и жил на поселении, работал вольнонаемным на комбинате и был обречен на прозябание. Однако надежда на счастливый случай не оставляла его. Когда по радио объявили о начале войны, Солдатенко понял, что пробил его час, и по телефону-автомату набрал номер директора воркутинского комбината. Трубку сняла секретарша. Солдатенко твердым голосом сказал: «Звонит Поскребышев. Примите телефонограмму от товарища Сталина. Диктую: ввиду чрезвычайных обстоятельств войны назначить вольнонаемного Солдатенко замести-

телем директора воркутинского комбината. Сталин». Трубку резко повесили, а секретарша побежала искать директора.

Расчет Солдатенко был точен: проверять сообщение в обстановке войны, да еще у Сталина, было немыслимо. Солдатенко стал замдиректора. Шли годы, кончилась война, карьера Солдатенко складывалась неровно. Он проворовался, был смещен, но с такой высокой должности низко падают редко — зацепился и вскоре выплыл. Он узнал из популярного журнала о важности борьбы со ржавчиной, ежегодно уничтожающей большую часть железных изделий. У Солдатенко не было даже полного среднего образования, однако — самородок!— он рассуждал: алюминий не ржавеет, поэтому нужно напылять его на железо. Его не интересовало, возможно ли это. Важно было предложить принцип и запатентовать его, что он и сделал. Написали инструкцию, разослали по предприятиям. Все они имеют планы экономии железа и борьбы со ржавчиной. На эту деятельность выделяются огромные средства, даются премии за выполнение, экономию. Независимо от реальных результатов каждый год надо рапортовать, что нынче в борьбе со ржавчиной успехов больше, чем в предыдущем году. Изобретение Солдатенко и инструкция к этому изобретению отвечали потребностям предприятий. Под изобретение стали давать высокие цифры экономии железа. Экономии не было, изобретения не было, так как никто не знал, как напылять алюминий на железо, но показатели были. За эти показатели заводы и их работники получали премии, а Солдатенко — огромные проценты от «внедрения изобретения». На его личном счете скопилось 26 миллионов. Погубила его жажда социального признания: решил сделать себе военную биографию, купил Звезду Героя СССР и выступил по телевидению с воспоминаниями. Однако телевизор — это почти социальный рентген. Солдатенко разоблачили.

Все для фронта

— Делается все возможное, товарищ Сталин.

Сталин:

— Мы вас не ограничиваем. Делайте и невозможное.

Путь Королева к спутнику

Сергей Павлович Королев, Андрей Николаевич Туполев и другие крупные авиаконструкторы во второй половине 30-х годов оказались в заключении и работали в закрытом бюро, называвшемся, как все подобные заведения,—«шарашкой». Все были хорошо обеспечены, но лишены свободы. Году в 1943 Королев разработал проект самолета «летающее крыло». Молотов содействовал обсуждению проекта в Политбюро двенадцатым пунктом в общей повестке из шестнадцати.

Для доклада Королеву были даны три минуты. Он развесил свои чертежи и начал:

— Самолет-крыло, крейсерская скорость 360 км/час, посадочная скорость . . .

Сталин не стал слушать дальше — немецкие самолеты ходили в это время со скоростью 500—600 км/час — и спросил у Молотова:

— Это твой дурак? Забери его...

И Королев вынужден был уйти.

После войны Сталин узнал, что бывшие союзники перешли на реактивную авиацию высоких скоростей, и созвал совещание. В своем выступлении Туполев подчеркнул, что без новых мощных моторов невозможно делать скоростные самолеты. Тогда попросил слово Королев. Сталин, видимо, помнил его, хотя прошло несколько лет со дня их первой неудачной встречи, и поощрил:

— Говори ты, лобастый!

Королев сказал:

— Я полагаю, что проблема моторов устарела, нужно летать на реактивной тяге. Сейчас — эпоха ракет.

— У вас есть конкретные предложения?— спросил Сталин.

— Да.

— Тогда мне с остальными разговаривать не о чем. А вас я прошу остаться.

Королеву были даны неограниченные полномочия и огромные средства для развития ракетного дела и реактивной авиации, что и привело в конце концов — уже после смерти Сталина — к запуску спутника.

Придворный этикет

Руководитель военной промышленности однажды не выполнил важного указания Сталина, тот страшно разгневался и заставил его выползти из кабинета задом на коленях.

Исправление ошибки

Сталин позвонил по телефону Туполеву и сказал:

— Вновь запускаем в серию ваш бомбардировщик.

Туполев в ответ упрекнул:

— Товарищ Сталин, этот бомбардировщик нельзя было снимать с серии.

— А вы злопамятный. Сами виноваты.

— Что я мог сделать? Это был ваш приказ.

— Нужно было пожаловаться на меня в ЦК,— недовольно сказал Сталин и повесил трубку.

Верноподданные

В нашей институтской компании в сталинское время был тост за Сталина. Его с искренним пафосом произносили во время каждого застолья. Мы были людьми своего времени, воспитанные школой, комсомолом, газетами, радио, ужасом взрослых, помноженным на наш первый страх. Кто-нибудь вставал и читал нами написанные стихи:

За Сталина выпьем. Здоровья и силы
На многие лета ему пожелаем.
С ним Родину нашу беда не сломила.
Ему мы всегда всей душой доверяем.

К победам ведет он нас снова и снова,
Великий политик с умом дипломата,
Мыслитель с душой человека простого,
Вождь армии с сердцем простого солдата.

Мы вставали и пили. Мышление было совершенно монархическое, верноподданническое.

«Скромность украшает большевика»

Руководителю ТАСС Хавинсону Сталин поручил провести беседу с одним американским деятелем. Сразу же по окончании разговора Хавинсон отправился в Кремль отчитаться. Сталин спросил:

— Вы говорили по-английски?

— Английский я плохо знаю.

— А французский?

— Знаю, но не говорю.

— А немецкий?

— Сейчас учу.

— И далеко вы продвинулись?

— Пока не очень.

— Каждый руководитель должен доверять и проверять. Вы же в работе ТАСС можете выполнить только первую часть этой формулы.

Аудиенция была окончена, и Хавинсона сняли с работы. Все работники, имеющие отношение к иностранным делам, в том числе и Молотов, стали срочно учить иностранные языки.

Впрочем, по свидетельству близко знавших Хавинсона людей, он был образованным человеком и владел языками. Он боялся признаться в этом и уязвить самолюбие Сталина.

СТАЛИН И РЕЛИГИЯ

Антирелигиозная деятельность

В 1936 году были разграблены, разорены, сожжены дацаны Бурятии. Дацаны являлись очагами культуры, хранилищем вековой мудрости, центром религии, врачевания, обучения, просвещения, собраниями древних рукописей. Золотые будды были повергнуты наземь, увезены и переплавлены. Украдено сандаловое дерево, золото, слоновая кость. Многие рукописи сожжены, остальные разбросаны по степи. Какой-то ученый пожаловался Сталину, однако варварство продолжалось.

Страшнее бога

Приехал в Москву патриарх грузинской православной церкви. Остановился в гостинице. Ему позвонил Сталин.

— Ты почему не приходишь? Забыл старую дружбу?

Сталин прислал машину, и патриарха повезли к нему.

Идет пир. Тосты. Воспоминания о совместной учебе в семинарии. Вдруг Сталин спрашивает:

— А кого ты боишься больше: бога или меня?

Патриарх начинает говорить о своем почитании бога и Сталина. Однако тот прерывает эти излияния и говорит:

— Не лукавь! Если бы ты боялся бога больше, чем меня, ты бы пришел ко мне в церковном, а ты пришел в гражданском платье. Меня ты боишься больше.

Не вышло!

Алексия, митрополита Московского и Новгородского, ставшего в 1945 году патриархом всея Руси, в начале 1942-го года пригласили в Кремль. Он явился в полном церковном облачении. Когда он шел по Георгиевскому залу, открылась какая-то потайная дверь в стене и из нее вышли Сталин и Ворошилов. Они двинулись навстречу патриарху. Сталин еще издали поднял руки вверх и громко выкрикнул:

— Не вышло!

Алексий приблизился и спросил:

— Что не вышло?

Сталин ответил:

— У нас не вышло ликвидировать церковь, а у церкви не вышло ликвидировать большевиков. Теперь нужно работать вместе, чтобы победить врага.

После беседы Сталина с Алексием действительно установились новые взаимоотношения церкви и государства. Духовенство перестали притеснять. А в церкви стали собирать деньги на оборону и читать проповеди, мобилизующие народ на борьбу с фашистами.

Встреча Сталина с патриархом всея Руси Сергием

Во время войны патриарх Московский и всея Руси Сергий и митрополит Крутицкий и Коломенский Николай были приглашены к Сталину. На беседе присутствовал Поскребышев.

Святые отцы вошли и начали бить поклоны.

— Слава нашему вождю и учителю . . . Наш дорогой отец . . . Да здравствует товарищ Сталин . . .

Сталин остановил их:

— Это не нужно. Я пригласил вас для серьезного разговора. Идет война. Как понимает православная церковь свою роль и задачи?

— Православная церковь молится денно и нощно за победу над супостатом.

— Этого недостаточно.

— Мы хотим внести наш вклад в победу и жертвуем один миллион рублей.

— Хорошо. Государству нужны деньги. Государство принимает этот вклад. Однако мыслите вы мелко или боитесь говорить откровенно. Меня бояться не надо. Мы с вами люди одной профессии. Я ведь тоже учился в духовной семинарии, и вы можете беседовать со мной, как со своим человеком. Россия — крепка верой. Русский народ всегда был и будет верующим народом. И я сам не могу сказать, что бога нет.

Задача православной церкви — через веру объединить народ и выйти на международную арену. У нас с вами нет никаких расхождений. Кто выступает против христианской церкви, тот враг народа.

Что вам надо от государства? Какие у вас нужды?

— Нам, Иосиф Виссарионович, ничего не надо, у нас все есть.

— Не умеете мыслить или боитесь. Вы свои нужды должны знать лучше, чем я, а получается, что я знаю лучше, чем вы. Как это вам ничего не нужно? Храмы у вас забрали. Значит, вам нужно, чтобы вам вернули соборы в городах и церкви в деревушках. (Обращаясь к Поскребышеву) Подготовьте постановление правительства. Пункт первый: вернуть Синоду церкви. (Патриарху) Вы составьте список церквей, подлежащих возвращению.

Далее. Помещения у Синода плохие. Запишите, товарищ Поскребышев, второй пункт: передать Синоду все помещения Донского монастыря и особняк на Кропоткинской.

Третий пункт: церковь лишена возможности обращаться к народу с печатным словом. Журнал «Безбожник», как выполняющий антипатриотические функции, закрыть. Разрешить Синоду журнал «Московская патриархия». Так и назвать журнал. Передать Синоду все запасы бумаги и типографию журнала «Безбожник».

Крупно надо мыслить. Хочу посоветоваться с вами и с товарищем Поскребышевым. Вот русская православная церковь проявила щедрость и пожертвовала государству один миллион рублей. Должны мы ответить благодарностью на этот благородный поступок?

Поскребышев поспешно согласился, а Сталин продолжил:

— Передать Синоду единовременно для устройства его дел 500 миллионов рублей.

Четвертый пункт правительственного постановления: создать Совет по делам русской православной церкви при Совете Народных Комиссаров. Вменить в обязанность Совета удовлетворение нужд русской православной церкви. Сформулируем иначе: «Для разрешения вопросов, требующих вмешательства правительства СССР». Председателем Совета назначим товарища Карпова.

Патриарх и митрополит онемели от ужаса — Карпов возглавлял в НКВД отдел по борьбе с церковной контрреволюцией и посадил многих священнослужителей. Наконец отец Сергий выговорил:

— У нас с ним сложные отношения . . .

— Вот именно. Он лучше всех знает ваши нужды и поймет, как сделать, чтобы вам было хорошо. Не знаю, как называть вас — товарищ Сергий или отец патриарх,— придите ко мне с соображениями самого широкого плана.

Эта беседа была вечером. Утром на Малую Лубянку к главному редактору журнала «Безбожник» Емельяну Ярославскому пришли два человека в форме. Старший по званию сказал:

— Выход журнала прекращается. Сдачи дел не будет. Вы должны очистить помещение за 15 минут. Все конфискуется.

Ярославский бросился к главному редактору «Правды»: тот позвонил Сталину и, внимательно выслушав объяснения Поскребышева, сказал:

— Все в порядке, товарищ Ярославский, надо думать о вашем трудоустройстве.

Демонстрация единства светской и церковной власти

Сталин «обласкал» церковь, и она стала играть большую роль в бюджете войны и ее духовном потенциале. Единственным человеком, которого Сталин во время банкетов брал под локоть и почтительно вел к столу, был патриарх Сергий, и после его смерти — следующий патриарх, Алексий.

Епископ-лауреат

Войно-Ясинецкий (епископ Лука), очень нравственный человек и одаренный врач, заступался за преследуемых властью верующих. Сыновья просили его отречься от сана, он отказался, и они отвернулись от него. Дважды он сидел в тюрьмах и лагерях, но выходил на свободу. В войну Сталин подчеркивал свое благорасположение к Войно-Ясинецкому и наградил его за достижения в области гнойной хирургии Сталинской премией. Войно-Ясинецкий получил в управление Симферопольскую епархию. Сталин обаял неподкупного епископа.

Сын и отец

Маршал Василевский родом из Кинешмы. Его отец был священником. Военному сыну такое происхождение сильно мешало. Василевский сторонился отца, понимая, что общение с ним не принесет ни ему, ни родителям блага в обстановке преследования религии и в условиях кадровых назначений с учетом происхождения. В середине войны Сталин сказал маршалу Василевскому: «Знаю, что ваш отец священник. Не сторонитесь его. Помогайте ему. Политбюро разрешает вам общение с отцом».

Товарищ по семинарии

У Сталина был единственный человек, к которому он относился почти дружески. Это был его товарищ по семинарии. Он какое-то время был священнослужителем, потом работал учителем. От предложений переехать в Москву отказывался и ничего у Сталина не просил. Периодически Сталин приглашал своего товарища детства и юности на встречи. Так, они, в частности, встречались в Москве в конце войны (в 44 г.). Сталин при этих встречах расслаблялся.

КОГДА ГОВОРЯТ ПУШКИ

Стратеги

Началась война. Несколько писателей сидели в парикмахерской ЦДЛ, ожидая своей очереди к мастеру Моисею Моргулису, и разговаривали:

— В этой войне решающую роль будут играть танки.

— Нет, товарищ Сталин учит, что артиллерия — бог войны.
— Самое большое значение товарищ Сталин придает авиации.
— Главное — матушка-пехота.
Тут вмешался Моисей:
— На войне главное — выжить.

Кто этот урод?

Сталин заподозрил намек на себя в строках Сельвинского:

Родная русская природа,
Она полюбит и урода,
Как птицу, вырастит его.

Сельвинского вызвали с фронта и сразу привезли на заседание Политбюро. Заседание вел Маленков. Он долго добивался от поэта, сердито топая на него, разъяснения смысла этих строк («Кого вы имели в виду?»). Сельвинский, волнуясь и не понимая, чего от него хотят, объяснял их прямой и единственный смысл: русская природа добра ко всему живому. С резким осуждением творчества поэта выступил Александров. Создалась грозная, чреватая бедой ситуация. Неожиданно непонятно откуда в зале заседания появился Сталин и сказал:

— С Сельвинским следует обращаться бережно: его стихи ценили Бухарин и Троцкий.

От ужаса и отчаяния Сельвинский закричал:

— Товарищ Сталин, так что же я в одном лице право-левацкий блок осуществляю?! Я тогда был беспартийный мальчик и вообще не понимаю того, что они писали. А ценили меня многие.

Сталину реплика понравилась, и он сказал:

— Надо спасти Сельвинского.

Маленков, который перед этим топал на поэта ногами, теперь оказался в неловком положении и дружески сказал:

— Видите, товарищ Сельвинский, что вы наделали?

Сельвинский ответил:

— Товарищ Сталин сказал, что меня надо спасти.

Все расхохотались. Сельвинский попросил разрешения почитать стихи. Фадеев и Щербаков поддержали эту просьбу. Сельвинский прочел «Русской пехоте». Стихи всем понравились.

Было принято решение: не разрешать Сельвинскому пребывание на фронте. Сельвинского огорчил этот запрет: «У нас в семье «военная косточка». Дед — кантонист, отец участвовал в русско-турецкой войне, а меня не пускают на фронт».

Сельвинского долго не печатали, впрочем, он избежал худшего.

Способность править дальше

Когда Малый театр был в эвакуации в Челябинске, местный корреспондент «Правды» дал в газете высокую оценку спектакля «1812 год». Через полгода театр вернулся в Москву, и Сталин посмотрел этот спектакль. Начальник ложи сообщил директору театра, что, кажется, товарищ Сталин недоволен — мало хлопал.

Действительно, на следующий день в «Правде» появилась статья, в которой говорилось, что прежняя оценка спектакля челябинского корреспондента ошибочна, так как дана неспециалистом в области театра. Корреспондента уволили.

Новая статья критиковала трактовку образа Кутузова: не молод, не энергичен, болен, одноглаз. Сталин исходил из того, что зрители будут сопоставлять этот образ с ним. Диктаторы всегда боятся того, чтобы окружающие не заметили их возраст и не почувствовали их слабость. Вспомним древнеегипетский обычай: престарелый фараон обязан пробежать большой круг, чтобы доказать способность править дальше.

Разговор в гостинице

В 1942 году многие видные деятели культуры, остававшиеся в столице, жили в гостинице «Москва», имевшей хорошее бомбоубежище. Жил там и Утесов. Всех этих деятелей по распоряжению Сталина вкусно и дешево кормили в ресторане «Арагви». Однажды вечером Фадеев пригласил Утесова посидеть в его номере. Они сидели, пили хорошее вино, разговаривали. Утесов сказал: «Я не могу поверить, что такие люди, как Бабель и Мейерхольд — враги». Фадеев ответил: «Я тоже не мог в это поверить и сказал об этом Сталину. Сталин приказал принести дела Бабеля и Мейерхольда и показал мне их признание во враждебной деятельности».

Утесов в это все равно не поверил и думал о Фадееве: «Ты дал возможность себя уговорить, ты во имя самосохранения позволил себе поверить в ложь». Как очищающе-благородный поступок Утесов оценивал самоубийство Фадеева: «Значит, в нем жила совесть».

Руководство личной жизнью

Во время войны Николай Тихонов жил в гостинице «Москва» и собирался жениться на Татьяне Л., с которой у него был бурный роман. Тут ему передали, что Сталин интересуется, почему он, Тихонов, не появляется на приемах со своей женой.

— Она в Ленинграде . . .

— А почему вы ее не перевезете в Москву?

— У меня нет здесь квартиры.

Квартира была срочно предоставлена, а намек понят и роман прекращен.

Сталин часто вмешивался в личную жизнь известных людей.

Безумные стихи

Как-то в 43-м году в Союз советских писателей пришел человек в солдатской шинели, с блуждающим взглядом и странной речью; принес свои фронтовые стихи. Это были гениально-безумные строки:

Но не надо же плакать, мой маленький,
Ты не ранен, а только убит,
Я на память сниму с тебя валенки —
Мне еще воевать предстоит.

Другое предание утверждает, что стихи принес не сам автор, а их прислали однополчане, найдя в планшете убитого солдата. У этих двух вариантов легенды есть реальное продолжение. Поэт-солдат не погиб и не сошел с ума. Он сам принес свои стихи в Союз писателей, но его не приняли по идейным соображениям: Симонов нашел в этих стихах пессимизм и мародерские настроения («Сниму с тебя валенки»). Поэт стал медиком, профессором-ортопедом, а потом уехал в Израиль. Стихи, которые я цитирую, где-то опубликовал Евгений Евтушенко, автор откликнулся. Говорят, приезжал, посетил собственную могилу и узнал, что посмертно получил звание Героя Советского Союза.

Поездка Михоэлса в США

Во время войны Сталин посылал в США некоторых выдающихся деятелей советской культуры для сбора денег в фонд помощи советской армии. В частности, от еврейского антифашистского комитета поехал Михоэлс. Он встречался со многими известными людьми Америки, в том числе с Эйнштейном. Они откровенно говорили о войне и о многих сторонах жизни Америки и России. Однако в одной точке разговора доверительность общения была нарушена дисциплиной человека сталинской эпохи. Эйнштейн спросил, насколько силен в России антисемитизм. Михоэлс ответил, что в Советской стране нет и не может быть антисемитизма. После этих слов Эйнштейн замолчал, потупился, будто стыдясь за гостя, и погрустнел. После долгой паузы он сказал:

— Этого не может быть. Антисемитизм — тень еврейского народа.

Своей актерской славой и общественным авторитетом Михоэлс много способствовал сбору денежных средств и мобилизации американского общественного мнения в пользу нашей страны. Что же касается вопроса, по которому разошлись Эйнштейн и Михоэлс, то по отношению к сталинской России прав оказался великий физик. Это выразилось и в том, что после войны в явно спровоцированной катастрофе был убит Михоэлс, а еврейский антифашистский комитет арестован и многие из арестованных расстреляны.

От имени народа

Один из фронтовых очерков Владимира Германовича Лидина рассердил Сталина. Лидина перестали печатать по распоряжению Щербакова, который определил:

«Не умеет писать для народа».

Еще раз «Три сестры»

В 43 году Сталин вновь смотрел во МХАТе «Три сестры». Делясь впечатлениями с Немировичем-Данченко, он сказал: «Таких, как Наташа, нужно уничтожать».

Социальный заказ

Яхонтова вызвал заместитель Берия и предложил читать не какого-то Достоевского, а сделать композицию из работ товарища Сталина. Через неделю его вызвали снова и спросили, принял ли он требуемое решение. Яхонтов ответил:

— Не знаю, сумею ли я... Не знаю, как это сделать...

— Мы вам поможем. Идите подумайте еще недельку.

Яхонтов ушел. Напился пьяным. Выпрыгнул с балкона и разбился насмерть.

Сталин, гимн и Михалков

Однажды к Михалкову, работавшему в военной газете «Сталинский сокол», пришел Эль-Регистан и предложил вместе написать гимн. Идея была такая: Регистан дает политические формулировки, Михалков их поэтически обрабатывает. Так они и сделали и отправили стихи на закрытый конкурс. Через полгода их вызвали к Сталину. Первая встреча была совместной, потом было еще шесть встреч без Регистана, так как Сталин сказал, что политической стороной дела он сам проруководит. Сталин держался гостеприимно-доброжелательно. Он давал подстрочные замечания и указания. Михалков высказал опасение, что музыка партийного гимна всем хорошо известна и люди будут недоумевать, почему она передана Государственному гимну. Сталин успокоил: ничего, это скоро забудется и все будут петь Гимн Советского Союза, не помня происхождения музыки. Некоторые строчки Сталин собственноручно исправил, уточняя их значение. Так, у авторов было:

Союз нерушимый республик свободных
....
Да здравствует созданный волей народной
....

Сталин заменил слово «народной» словом «народов». Строчка зазвучала:

Да здравствует созданный волей народов

Когда Михалков усомнился в качестве рифмы, Сталин сказал: «Ничего, все будут петь и не будут замечать рифму, важен смысл».

Целебное влияние

Когда в первый раз обсуждали слова Гимна СССР, Сталин сказал, что там еще много недостатков.

Михалков, заикаясь, начал оправдываться. Сталин сказал:

— Не заикайтесь, товарищ Михалков.

И Михалков от испуга целые две недели говорил не заикаясь.

Поэтическая работа под личным руководством

Регистан и Михалков были вызваны на Политбюро. Предстояло утверждение текста гимна, написанного ими. В ходе обсуждения возникли некоторые поправки, и Сталин предложил поэтам выйти

в соседнюю комнату, пока Политбюро будет заниматься другими делами, и там в тишине сделать исправления. Авторы сказали, что они хотели бы забрать работу домой и там сделать все что нужно. «Нет,— сказал Сталин и взял красный карандаш,— это вполне можно сделать здесь». И он тут же красным карандашом собственноручно написал строчку, которая неточностью рифмы выделяется из общего текста:

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки великая Русь.
Да здравствует созданный волей народов
Единый, могучий Советский Союз!

«Русь — Союз»— это рифма Сталина.

Все выразили восторг, удивление и восхищение. Дело было сделано, и Сталин милостиво спросил, что бы поэты хотели в награду за свой труд. Регистан промолчал и от всего скромно отказался, а Михалков нашелся и сказал, что он хотел бы получить на память тот красный карандаш, которым только что был отредактирован гимн. Сталин карандаш подарил. По дороге домой Регистан попросил дать ему половину этого карандаша, на что Михалков шутливо показал ему фигу.

Другая версия встречи

Со Сталиным встречались создатели гимна поэты Михалков, Эль-Регистан и композитор Александров. Сталин предложил им попросить все, что они хотят.

— Я хотел бы получить квартиру.

— Хорошо. Будет вам квартира, товарищ Михалков.

— А я хотел бы получить машину.

— Хорошо, будет вам машина, товарищ Александров.

— А что хотели бы вы, товарищ Эль-Регистан?

— Я хотел бы получить на память этот красный карандаш, которым великий человек пишет свои резолюции и подписывает документы.

— Пожалуйста.

Михалков получил квартиру. Александров — машину. Эль-Регистан же получил в подарок красный карандаш. Тем дело и кончилось.

Какая музыка звучала . . .

В Большом театре шло утверждение музыки Государственного гимна. В центральной (бывшей царской) ложе сидели Сталин и члены Политбюро, а в партере — композиторы: Александров, Шостакович, Хренников, Хачатурян, Кабалевский и несколько других. Прокофьев, как всегда, не явился.

После исполнения вариантов гимна все были приглашены в холл перед центральной ложей. Композиторы и члены Политбюро безмолвно стояли, Сталин, попыхивая трубкой, ходил. Наконец он сказал:

— Есть такое мнение: удачнее всех мелодия товарища Александрова.

Все с готовностью закивали головами и заговорили:

— Конечно, это лучшая музыка.

— Но только, профессор,— обратился Сталин к Александрову,— у вас там не все в порядке с инструментацией (он так и сказал —«с инструментацией», а не «с инструментовкой»). Надо еще поработать.

— Вы совершенно правы, товарищ Сталин,— закивал подобострастно Александров.— С инструментацией меня подвели. Я поручил это Кнушевицкому. Но он . . .

Тут взорвался Шостакович:

— При чем тут Кнушевицкий?! Композитор всегда сам отвечает за все от начала и до конца! Разве можно валить ответственность на других?

Шостакович говорил возбужденно, громко, но, почувствовав неловкость своей вспышки, осекся. Воцарилась тишина. Сталин продолжал ходить. Потом он остановился возле Александрова, ткнул мундштуком трубки в его плечо и сказал:

— А что, профессор, ведь товарищ Шостакович прав. Композитор сам за все отвечает.

Опасное любопытство

После прослушивания и утверждения Гимна СССР всех участников встречи пригласили в зал, где был накрыт стол. Гости еще стояли в ожидании начала празднества, когда посыльный принес Сталину какую-то срочную бумагу. Он стал читать и заметил, что через его плечо из любопытства заглядывает один из писателей.

Сталин сердито сказал:

— Этот вопрос мы как-нибудь без вас решим.

Сталин замолчал, и минуты три-четыре не было ясно, что же делать дальше — расходиться? Садиться за стол? После паузы Сталин пригласил всех отметить утверждение текста и музыки нового гимна.

Реплики Сталина.

За столом Сталин цитировал Чехова. Потом сказал:

— Мы робких не любим, но и нахалов не терпим . . . Вы зачем пьете до дна? С вами неинтересно будет разговаривать.

Спросил у одного из гостей:

— А вы партийный?

— Нет, беспартийный.

— Ну ничего, я тоже был беспартийным . . . А почему вы Эль-Регистан? Кому вы подчиняетесь: католикосу или муфтию?

Возвышение и падение Ротатаева

В 1944 году из нескольких вариантов текста гимна был выбран текст Регистана и Михалкова; Сталин принял их, а также композитора Александрова, оркестровщика Левицкого и дирижера Мелик-Пашаева. Сталин давал замечания по тексту и музыке гимна, иногда отвлекаясь, чтобы изучить очередную сводку с фронта. В доработке текста принимало участие большое количество людей, однако авторство было закреплено за его первоначальными создателями Регистаном и Михалковым.

Доработка гимна по замечаниям Сталина была завершена. Текст отпечатали на красивой бумаге и завизировали множеством высочайших подписей. Надлежало везти этот текст Сталину. Однако придя утром в кабинет, председатель Комитета по делам искусств не смог найти текста гимна. Бумага мистически исчезла. Отыскать ее не удалось, хотя все учреждение было поднято на ноги. От страха все были в полуобморочном состоянии. Дело поправил завхоз Ротатаев. Он отправился на помойку. Оказалось, что ее только что очистил приехавший на лошади мусорщик. Его догнали на машине, возвратили, вывернули весь мусор и в этой куче нашли столь нужную бумагу, которая оказалась помятой и испачканной. Ротатаев вызвал жену. Она тщательно разгладила бесценный листок утюгом и осторожно сняла с него — промокашкой и ватой — пятна. Горемычный листок был приведен в порядок и передан председателю, который торжественно вручил его Сталину. За особую заслугу перед отечеством Ротатаев был назначен заместителем председателя комитета по кадрам. Так его возвысило косвенное приближение к Сталину. По тем же причинам он пал.

На прослушивание оперы «Великая дружба» от комитета смог прийти только Ротатаев. ЦК поинтересовался его мнением об опере. Ротатаев высказался положительно, не подозревая, что спектакль уже посмотрел Сталин и отозвался о нем плохо, так как там были представлены и возвеличены не те народы и не те деятели, которые нравились Сталину. За промах в оценке оперы Ротатаев был понижен в должности — назначен директором Театрального музея имени Бахрушина.

Новый институт

Во время войны Игорь Эммануилович Грабарь написал письмо Сталину о необходимости сохранять и изучать русскую и мировую культуру, и на основе этого письма по распоряжению Сталина был создан Институт культуры, ныне Всесоюзный научно-исследовательский институт искусствознания. Грабарь был назначен его директором. В те годы это был единственный беспартийный директор.

КУЛЬМИНАЦИЯ ВОЙНЫ

«. . . Народная, священная . . .»

От края до края по степи растянулась пехотная дивизия. Что впереди, что позади — равнина да снег. Труден марш. Хорошо еще — ветер в спины. Подняли воротники шинелок бойцы, шапки-ушанки опущены, шаг греет, а все равно студно на крутом и пронзительном снежном суховее. Быстро гасит за последней шеренгой ее широкий след. А из снежной мглы возникает уже новая шеренга, новая рота идет. И поет, свистит ветер.

Далеко впереди в белой мути замельтешилось что-то живое, стало расти, приближаться, и уже можно было догадаться, что навстречу идут люди, много людей. Солдаты стали всматриваться. Человек

средних лет, с осанистой бородой, тоже глядел пристально, так, что слезы навернулись на глаза, и он, сняв рукавицу, приложил к ним ладонь. Пожилой солдат, шагающий с бородачом в одной шеренге, пригорюнился и уверенно предположил худшее: «Отступаем». Никто не ответил. Все продолжали всматриваться. Стало видно, что идет колонна, а потом обозначились по краям ее конвоиры. И тогда оживились солдаты и стали тихонько подталкивать друг друга локтями. А рыжий парень обрадованно воскликнул:

— Ребя, пленных ведут!

А колонна все приближалась. И уже можно было различить разношерстно и плохо одетых людей всякого возраста.

Наступила тишина. Солдаты сосредоточились, насупились. В тишине стал слышен скрип снега под ногами двух сближавшихся людских потоков.

А тот молодой рыжий солдат, который сперва подумал, что ведут пленных, теперь присвистнул и почему-то шепотом выговорил:

— Свои . . .

Дивизия и встречная колонна поравнялись. Некоторые заключенные стали с любопытством разглядывать проходящих мимо солдат. Другие с молчаливым и равнодушным упорством, не поднимая головы, продолжали идти навстречу ударам ветра.

Солдаты всматривались во встречных: то ли кого-то искали, то ли что-то хотели разглядеть и понять. Некоторые люди в колонне отвечали на их взгляды, кто угрюмо, кто зло, кто виновато, а кто почти незаметным ободряющим кивком или даже слабым движением губ, отдаленно напоминающим улыбку.

Бородач обратился к командиру:

— Разрешите выйти из строя.

Командир кивнул, и солдат отошел в сторону и очутился между двумя встречными потоками. Он, стараясь сохранить равновесие, стал поправлять обмотку. Его покачнуло, и он чуть не упал в сторону колонны.

Конвоир остановился и добродушно сказал:

— К ним захотел? Можем по 58-й пристроить.

Солдат вежливо принял шутку, потом притопнул ногой: примерился, споро ли будет.

— Что это вы?— кивнул он головой в сторону арестантской колонны.

Стражник неохотно пояснил:

— От Гитлера спасаем . . .

И пошел конвоир, винтовка наперевес, в одну сторону, а солдат, винтовка за спиной, поспешил в другую. Он настиг свою шеренгу и стал ладиться в ногу. Наконец, зашагал вместе со всеми тяжелым, неспешным шагом, рассчитанным на долгую дорогу и нескорый привал.

А колонна заключенных все шла и шла мимо двигающейся к фронту дивизии. И пар стоял над людскими потоками. И казалось, что два состава бесконечно идут один мимо другого. Снег заглушил и почти поглотил звуки мерного шага солдатских сапог и нестройный

топот арестантов. И вдруг из глубины колонны военных ломкий и звенящий от мороза голос затянул:

— Вставай, страна огромная!

Голос сразу же захлебнулся: то ли от порыва ветра, то ли от тишины, то ли от ощущения бескрайности расстояния, которое ему предстояло охватить. Но бойцы не дали угаснуть песне, где-то в головных шеренгах повторили строку и повели песню дальше:

Вставай на смертный бой.

Заключенные во встречной колонне встрепенулись так, будто бы этот призыв относился и к ним.

А дивизия уже подхватила:

С фашистской силой черною,
С проклятою ордой...
Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна...

Тут некоторые из заключенных робко, как бы стесняясь, подхватили песню. На смельчаков, дивясь, стали оглядываться другие заключенные. Но уже вся колонна зажила каким-то иным ритмом, чуть-чуть отогрелась изнутри и поверила в песню:

Не смеют крылья черные
Над Родиной летать.
Поля ее просторные
Не смеет враг топтать.

Плечи заключенных разогнулись, глаза у многих увлажнились, а у иных, напротив, обрели неестественно сухой огненный блеск. И вот уже и эта колонна пошла с песней. Мощный хор огласил степь. Это солдаты и арестанты выдохнули из себя слова:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна.
И-дет вой-на на-родная
Свя-щен-ная вой-на.

Заключенные взяли ногу. Пошла чеканить шаг разномастная обувка: ботинки, полуботинки, сапоги, калоши, даже туфли модельные.

Дадим отпор губителям
Всех пламенных идей.

Тут некоторые конвоиры как бы опамятовались и стали кричать на заключенных, а некоторые даже грозить. Мол, кончай петь, не арестантское это дело. А один молодой и особо внимательный к службе стражник совсем было замахнулся прикладом:

— Неча советские песни поганить!

Но потом он постеснялся справлять свою суровую работу на глазах у солдат. У песни был такой могучий голос и такой всепокоряющий ритм, что вот уже и сами конвоиры пошли торжественно, винтовки наперевес, как на параде, некоторые даже подхватили песню.

Ноги рубят и отсчитывают такт. На мгновение металлический гул двух встречных составов снова врывается в песню, но она перекрывает все шумы. Два встречных людских потока, охваченные одним порывом, на едином дыхании поют. И теперь уже поют совершенно все: и даже те конвоиры, которые только что кричали на заключенных и хотели загасить песню, поют вместе со всеми:

Идет война народная,
Священная война.

В обе стороны степи идет песня, и один ее вал накатывается на другой, сшибается, плещется. И когда в одну сторону плывет еще припев, в другую уже взлетает новая строка.

И люди смотрят за края степи восторженными глазами. Они поют. И это уже не походный марш, а хорал, сотрясающий землю. Звуки уходят в самое небо, отражаются от него, как от свода и снова падают на заснеженную землю. И посчастливели омытые музыкой, исступленные лица солдат, заключенных и конвоиров. Рты отверсты. Лица вдохновенно искажены поющими ртами. И с яростным фанатизмом, вкладывая всю страсть, как будто от судьбы этой песни зависит судьба мира, люди поют о священной народной войне. И кажется, что теперь уже нет на земле такой силы, которая могла бы заглушить эту песню или противостоять этим людям. И вот уже разминулись два бесконечных потока и пошли, не оглядываясь, в обе стороны степи, унося на плечах разные судьбы, но одну и ту же песню. И до самого горизонта то замирая, то вспыхивая, приглушаясь далью, звенело:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,
Идет война народная,
Священная война.

От имени

Только маршал Борис Михайлович Шапошников имел в руках факсимиле Сталина и мог отдавать от его имени приказы по армии.

Посланцы главнокомандующего

Сталинские принципы руководства военными действиями воплощали в жизнь доверенные эмиссары Сталина, такие как Кулик, Мехлис. Последний ответствен за сдачу Крыма, за провал операций на Волховском фронте в конце 43-го года. Эмиссары Сталина были невежественны, некомпетентны, бездарны, самоуверенны, властны, трусливы. Они подавляли, подминали под себя и подменяли командующих, стремились все сделать по-своему, не неся при этом никакой ответственности за ход боевых действий. Их вмешательство стоило большой крови нашим войскам, а победы происходили вопреки сталинским посланцам.

«Ни шагу назад!»

Когда немцы переправились через Дон и пошли к Волге и Кавказу, Сталин понял, что все рушится, и издал приказ, в котором говори-

лось, что советский народ любил Красную Армию и верил в нее, а теперь не верит. Сталин выдвинул лозунг «Ни шагу назад!» За всякое отступление без приказа командования полагался расстрел на месте. Сзади бойцов по приказу Сталина расположились заградотряды смершевцев с пулеметами, и им был дан приказ стрелять по своим, если они дрогнут и начнут отступать. Возник великий художественный образ, отражавший состояние всего народа в эту эпоху: бойцы находились между двумя смертями — сзади — смерть от «своих» пуль, впереди — смерть от «чужих» пуль. Иногда отступающие под давлением превосходящих сил противника часто сметали заградотряды пулеметчиков.

Помощь Сталинграду

В конце 1942 года Маленков по поручению Сталина прилетел в Сталинград. Он обратился к генералу Горбатову:

— Чем можно помочь сталинградцам? Что нужно сделать, чтобы облегчить положение?

Александр Васильевич ответил:

— Нужно вернуть в строй и прислать в Сталинград высококвалифицированных командиров.

— Кого именно?

— Я подготовлю список.

— К утру, пожалуйста. Утром я улетаю в Москву.

Всю ночь генерал готовил список, мучительно вспоминая всех, с кем служил, с кем встречался на допросах и очных ставках (сам генерал тоже сидел, но по редкостному счастью был выпущен). Он составил большой список и боялся, что кого-либо из репрессированных он забыл. Утром он отдал список Маленкову, и тот отвез его в Москву к Сталину. Ответа не последовало. На Сталинградском фронте никто из упомянутых Горбатовым командиров не появился. Может быть, их уже не было в живых.

Битва на Волге

Малиновский говорил в кулуарах после юбилейного вечера в МГУ, посвященного двадцатилетию Сталинградской битвы:

— Два вождя — Сталин и Гитлер — устроили под Сталинградом мясорубку. Многое определялось названием города и политической символикой. Заволжские степи никому не были нужны, как и разрушенный до основания город. Когда потери дошли до шестисот тысяч бойцов, пять командующих фронтами собрались и разработали план, как отрезать армию Паулюса от главных немецких сил и уничтожить ее. Это и было сделано с одобрения Ставки. Потом эта операция была названа одним из сталинских ударов и об этом был снят фильм «Сталинградская битва».

Военные приказы

Приказывая овладеть городом, Сталин подчеркивал: взять, не считаясь с потерями.

Переименование генерала

Генерал армии Алексей Семенович Жидов, много натерпевшись от своей фамилии, не жаловал евреев. Когда его войска отличились при взятии крупного города и были отмечены в приказе главнокомандующего, то Сталин исправил неблагозвучную фамилию на «Жадов». С тех пор генерал жил и воевал под новым именем. Его же дочь вышла замуж за поэта Семена Гудзенко, принадлежащего к нации, к которой столь несправедливо привязывала генерала его старая фамилия. Отношения отца с дочерью испортились. Семен шутил: «Женился по расчету, а оказалось — по любви».

Чудесное спасение

Нателла была дочерью грузинского профессора-врача. В начале войны, по заданию Сталина отец уехал в США собирать материальные средства, медикаменты и медицинские инструменты для фронта. Нателла осталась в интернате в Керчи. Когда профессор вернулся, Керчь была занята немцами. Его отчет о проделанной в США работе понравился Сталину, и он спросил, нет ли у профессора каких-либо затруднений, в которых ему нужна была бы помощь. Профессор рассказал о судьбе девочки. По приказу Сталина в районе Керчи была выброшена небольшая поисковая группа десантников. Десантники выяснили, что при подходе немцев интернат был распущен. Дети превратились в беспризорных, кочевали где придется, питались чем придется. Среди этих полудичавших детей была найдена Нателла, вывезена на большую землю и вручена отцу.

НЗ

В осажденном Ленинграде 1942 года нашли несколько бочек французского вина. Город умирал. Солнце, калории, витамины, заключенные в этом напитке, могли бы продлить жизнь или даже спасти многих ленинградцев. Однако Жданов сказал, что вино надо сохранить до победы и выпить в ее честь вместе с товарищем Сталиным. Бочки вина стали неприкосновенным запасом в самые страшные дни. Когда на Праздник Победы их привезли в Кремль, выяснилось, что вино прокисло.

Чувство юмора

В 43-м году на совещании в Ставке, прогуливаясь по комнате, Сталин обратился к генералу Е.: «А вы, товарищ, все еще на свободе?» Генерал вернулся домой напуганный, расстроенный, попрощался с женой, приготовился к аресту. Однако прошел день, два, неделя — его никто не побеспокоил.

В начале 44-го года на совещании история повторилась, и Е. решил: погиб. Однако опять все обошлось. В конце того же года его вновь вызвали в Ставку. Е. ехать боялся: попадется на глаза Сталину, а тот вспомнит свои слова . . . Во время совещания Сталин подошел к нему и снова говорит: «Понять не могу, почему вас до сих пор не арестовали». И в этот раз все обошлось. Эпизод повторился и

в начале 45-го года. А после окончания войны на банкете в честь победы Сталин сказал: «В самые трудные дни войны мы не теряли оптимизма и чувства юмора. Не правда ли, товарищ Е.?»

По глобусу или по карте!

В середине семидесятых годов Расул Гамзатов лежал в Кунцевской больнице в соседней палате с Молотовым. Расул спросил Молотова:

— Я читал мемуары одного маршала. Он говорит, что Сталин давал указания и руководил по карте. А по словам Хрущева, Сталин работал по глобусу. Кто же прав?

С укоризной Молотов изрек:

— Хрущев был великим путаником. Весь первый этаж ближней дачи товарища Сталина был увешан картами. Товарищ Сталин любил и умел работать с картой.

Наябедничал

Мехлис был членом военного совета фронта. Однажды он прибыл к Сталину для доклада и между прочим пожаловался на то, что генерал Р. спал с актрисой, а теперь спит с медсестрой. Сталин не отреагировал. Разговор продолжался. Однако Мехлис, охваченный желанием покарать порок, вернулся к поставленному им вопросу:

— Так что же мы будем делать с товарищем Р.? Ведь он спит с женщинами?

— Что будем делать? Завидовать будем,— ответил Сталин.

Наведение порядка

Некоторое время актриса В. С. была на фронте при генерале Р. Однажды Сталин вызвал генерала с фронта. Побеседовав с ним о положении дел, он спросил:

— Товарищ Р., не знаете ли вы, чья жена В. С.?

— Писателя С.

— Вот и я так думаю.

Вернувшись на фронт, Р. самолетом отправил В. С. домой.

В сталинскую эпоху семейную жизнь нередко налаживали через парторганизацию. Обычно ревнивые жены применяли этот нехитрый и эффективный способ призвать к порядку мужа. Существовал даже анекдот:

— Иванов, жена пожаловалась на тебя в партбюро, что ты не исполняешь супружеские обязанности.

— Товарищ секретарь, так я же импотент . . .

— В первую очередь ты — член партии.

Предание утверждает, что писатель С. пожаловался Сталину на генерала Р. и «через парторганизацию» решил свою семейную проблему.

Чуть не подвел под монастырь

В конце войны заместитель наркома Военно-Морского Флота адмирал Иван Степанович Исаков решил отправить одного из адмира-

лов в Лондон с поручением по делам флота. Однако посланец был забракован Берия, якобы располагающим компрометирующим материалом. Исаков понял, что это подготовка удара по нему, и пожаловался Сталину, что Берия тормозит выполнение важной задачи и порочит его порученца. Сталин стал душить Берия и кричать на него. Потом успокоился.

Порученец поехал. Берия сказал Исакову: зачем было жаловаться Сталину, мы могли бы договориться между собой.

По возвращении адмирал якобы подарил Исакову свой пистолет.

— Возьмите. Ведь если бы не вы, я должен был бы из него застрелиться.

Отстранение

Генерал-лейтенант медицинской службы Иустин Джанелидзе в конце войны был послан Сталиным в США посмотреть, как развивается американская хирургия. По приезде Джанелидзе доложил, что хирургия и медицина вообще в США на очень высоком уровне и мы отстали лет на 50—70. После этого Джанелидзе впал в немилость.

Дорогостоящее суждение

Философ Евгений Петрович Ситковский критически высказался о философской главе «Краткого курса». Александров сообщил об этом Сталину, и тот приказал: «Считать Ситковского троцкистом». Ситковского посадили. Он оказался в одной камере с троцкистами, а после войны сидел на Лубянке с атаманом Красновым.

Есть и другой вариант этого эпизода. В 1943 году группу философов — Ситковского, Пичугина, Соловьева — арестовали по обвинению в пораженческих настроениях. В обвинение Ситковского включили пункт — сотрудничество с «антисоветской группой Сырцова — Ломинадзе». Несмотря на совершенно ложный характер этих обвинений, Ситковский вынужден был в них чистосердечно признаться.

Свобода выбора вины

В 1943 г. арестовали группу философов. Один из них, Ситковский, оказался в камере, все обитатели которой, кроме некоего военного, уже признали себя виновными. После первых же побоев Ситковский тоже рассказал, что был участником правотроцкистского блока, за что давали 10 лет.

В камере военный спросил:

— Ну а на самом деле виноват?

— Нет, конечно,— ответил Ситковский.

— Тогда опротестуй свои показания как ложные и данные под давлением.

Этот разговор услышал следователь, находившийся в коридоре, и вызвал к себе Ситковского.

— Скажите мне правду: вы были в правотроцкистском блоке?

— Нет, конечно.

— А зачем же вы дали ложные показания?

— От страха и боли.

— Тогда я порву ваши показания и заведу новое дело о том, что вы немецко-фашистский шпион. Согласны?

Ситковский понял, что его заставят признаться и в этой вине и дадут уже не 10 лет, а расстрел. Он воскликнул:

— Нет-нет! Я — участник правотроцкистского блока!

— Ну что же. Тогда я не буду заводить новое дело,— любезно согласился следователь.

Арестованному предоставлена была большая свобода: свобода выбора вины.

Нововведения

В 1943 году Сталин официально ввел каторгу, а в 1949 году отправил туда на двадцать лет многих людей.

Гопак Никиты

> Города сдают солдаты,
> Генералы их берут.
>
> (А. Твардовский)

Вечером 6 ноября на даче у Сталина был устроен праздничный ужин в ознаменование годовщины Октября. Во время застолья Сталину принесли депешу, он прочитал ее и громко объявил: «Киев взят!» Потом приказал: «Пляши Никита! Пляши!»— и не успокоился, пока Хрущев действительно не пошел в пляс.

Наступление на Минск

Баграмян рассказывает, что при обсуждении у Сталина будущего наступления на Минск присутствовали командующие фронтами — он, Захаров, Рокоссовский и другие, а также Малиновский и Жуков.

Баграмян сообщил, на каких направлениях он будет наступать. Сталин спросил, не мало ли сил он собирается ввести в начале операции. Баграмян объяснил: сил достаточно, так как многие участки непроходимы из-за болот и будут созданы лишь узкие линии прорыва. Сталин посоветовал изучить эту проблему еще и на месте и там принять окончательное решение.

Рокоссовский предложил двумя сходящимися клиньями отсечь немецкие войска на своем участке и захватить их в плен. Сталин сказал, что два клина будут рассредоточивать силы и лучше вбить один мощный клин в оборону противника. Так, по его мнению, дело будет верней и быстрей пойдет продвижение. Рокоссовский возразил. Его поддержали Малиновский и Жуков, и Сталин уступил.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Плененный фельдмаршал

В 43—44 годах Сталин еще не представлял себе будущего послевоенной Германии и берег Паулюса, в частности, на тот случай, если

Германии понадобится новый кайзер. Фельдмаршал жил под Москвой, километрах в 25—30 по Минскому шоссе, в деревянном доме у озера. Вокруг этого озера была проложена дорожка, по которой гулял фельдмаршал.

Благодетель немецких военнопленных

В Елабуге был лагерь для немецких военнопленных. Один конвоир грубо с ними обходился. Военнопленные написали Сталину коллективную жалобу, и этого конвоира убрали. К военнопленным относились хорошо. Пайку хлеба им давали большую, чем своим заключенным. Из них формировались будущие кадры ГДР.

Забота о немцах-согражданах

В предвоенные годы, поскольку Сталин еще не занялся вплотную национальным вопросом, не существовало трудностей в национальном самоопределении человека. Национальные проблемы всплыли и заострились в последнее десятилетие сталинского властвования. Когда мы учились в 8-м классе, один мой школьный приятель получал по достижении шестнадцати лет паспорт. Работник милиции, чтобы заполнить графу в паспорте, спросил: «Национальность?»

Мальчик пошутил:

— Я немец.

Так со слов и записали. Хочешь быть немцем — будь им.

В начале войны по приказу Сталина были выселены в Среднюю Азию все немцы Поволжья и немцы из всех городов страны. Мальчика, в шутку назвавшегося немцем, тоже выселили. Ничего доказать или объяснить не удалось. Приказ Сталина выполнялся слепо и буквально. За высылкой немцев последовала высылка ряда других народов.

Благодетель народов

В середине 40-х годов Сталин произвел насильственное переселение чечено-ингушей и ауховцев. Огромное количество их погибло в пути. Особенно много умерло молодых женщин. Везли этих людей в товарных вагонах, в каких перевозят скот. На остановках охрана никого не выпускала из вагонов. Туалетов в товарных вагонах нет, и горянки погибали от уремии: они не могли мочиться при мужчинах.

Несостоявшийся арест еще одного народа

Даниялов стал партийным руководителем Дагестана в конце 30-х годов и пробыл в этой должности до 68 года. (30 лет! Да еще каких!) В 70 г. он с вершин власти, «отступив на заранее подготовленные позиции» в науку, перешел на работу в Институт Востоковедения и защитил докторскую диссертацию о социалистическом строительстве в Дагестане. Ее не утверждали, так как многие дагестанские ученые и деятели культуры опротестовывали эту работу, помня о старых грехах Даниялова, проводившего в жизнь жестокую сталинскую политику репрессий. Никто из этих людей не догадывался, что

при всем том Даниялов — благодетель и даже спаситель своего народа.

В конце войны, когда калмыки, кабардино-балкарцы, чеченцы были уже выселены и вымирали от холода, голода и тоски по родине в Сибири и Казахстане, Сталин отдал приказ выселить народы Дагестана. Даниялов получил предписание содействовать этой акции и был, видимо, единственным человеком, который во всем народе знал о предстоящей трагедии. От Махачкалы до Дербента на 200—300 километров стояли пустые товарные вагоны, подготовленные к операции переселения.

И тут Даниялов не выдержал и, спасая свой народ, пошел на смертельный риск. Он поехал в Москву. Через Микояна вышел на Берия и попытался сделать его своим союзником по спасению Дагестана. Берия разговаривал с ним презрительно-иронично:

— Не понимаю, тебе что, жизнь надоела? Ты ведь знаешь, что уже есть приказ Сталина. Ты что, против? Тогда стань к стенке и в порядке одолжения я лично тебя расстреляю.

Разговор с Берия не дал положительных результатов, и было ясно, что через день-другой он получит санкцию на арест Даниялова. Однако Даниялов уже шел ва-банк. Через того же Микояна он попадает на прием к Сталину.

Даниялову удалось отчасти убедить, отчасти даже запугать Сталина: мол, дагестанцы — преданный советской власти народ, это большой народ, имеющий опыт борьбы за свободу в годы царизма, имеющий традиции газавата, традиции Шамиля. Война Шамиля с Россией имела международный резонанс. Сейчас акция выселения не пройдет бесследно и бескровно. Тихо и мирно провести ее не удастся, народ уйдет в горы и будет сопротивляться. Это отвлечет силы от фронта. Нет смысла проводить эту акцию.

Неожиданно Сталин стал весел и гостеприимен и сказал:

— Хорошо! Не будем выселять, только дай в армию 30 тысяч солдат. Сумеешь?

— Сумею.

Даниялов благополучно вернулся в Махачкалу и срочно поставил в армию 30 тысяч дагестанцев сверх всех мобилизационных норм. Большинство из них не вернулось с войны, так как они оказались необученны, или слишком молоды, или слишком стары. Своей жизнью они купили существование родной горной страны. Дагестан не знает о своем спасителе, которому он когда-нибудь, возможно, поставит памятник и которого воспринимает только с одной, известной ему стороны — палач своего народа. И это правда, но не вся. Он палач-спаситель.

Шпиономания, опрокинутая в прошлое

В 1944 году не состоялась депортация дагестанских народов, и ее отмене помогло напоминание Сталину о традициях Шамиля. Это напоминание спасло народ, но погубило репутацию Шамиля в официальной исторической науке. В конце 40-х годов Сталин повел кампанию против Шамиля, объявив его английским агентом и черня его освободительную борьбу с царизмом. «Разоблачение» Шамиля

начал азербайджанский сатрап Сталина Багиров выступлением в «Коммунисте». Перед этим несколько азербайджанских ученых были посланы в Москву и Ленинград искать в архивах материалы, с помощью которых можно было оговорить Шамиля. Затем появились и другие статьи против него. Известный аварский поэт услужливо откликнулся на эту кампанию антишамильской поэмой. Потом, в годы хрущевской оттепели, он каялся в том, что предал великого деятеля своего народа.

Шамиль стал жертвой шпиономании, опрокинутой в прошлое.

Эта история отозвалась на многих судьбах и особенно губительно — на судьбе азербайджанского историка Гусейнова, написавшего книгу, положительно оценивающую Шамиля. Автор подарил ее Фадееву во время его пребывания в Баку. Фадееву книга понравилась, и он выдвинул ее на Сталинскую премию. Присуждение премии состоялось «в обход» Багирова, который очень разгневался. Он сумел через Берия, не любившего замешанного в этой истории Фадеева, скомпрометировать в глазах Сталина Гусейнова, отнять у него премию и уволить его с работы. Это был первый случай отмены уже присужденной Сталинской премии, усугублявший ощущение непрочности человека на нашей земле. Помню, как лауреат Сталинской премии и весьма заслуженный по критериям сталинской эпохи человек — Эльсберг забеспокоился в 51—52 году после отнятия премии у Гусейнова. Я как заведующий отделом теории журнала «Театр» вел его статью, и он на всех этапах работы — в рукописи, в гранках, верстке вносил уточняющие идеологические поправки, оправдывая свою суетливость и боязнь тем, что теперь даже премия не страхует от ударов. Багиров преследовал Гусейнова, и тот перерезал себе вены, но был спасен женой. Через некоторое время он повесился. В 70-х годах его труд был переиздан в Азербайджане. Это свидетельствует о том, что никогда не следует торопиться с самоубийством, ибо история многое переигрывает наново, а иногда даже быстро.

А не переселить ли еще один народ!

Католикос армян под страшным секретом рассказывал поэту Аветику Исаакяну, что после войны его вызвал к себе Сталин и сказал:

— У вас в Армении не хватает земли? Вам некуда деть репатриантов? Вы хотите вернуть земли, отнятые у вас турками? А у нас в стране много земель. Например, мало заселен Алтай. Его можно заселить армянами.

Многие армяне были высланы из Армении.

Мегрельское дело

В начале 50-х годов возникло новое дело — мегрельское. Сталин посетил Грузию и услышал там жалобы на то, что все ключевые должности в республике занимают мегрелы. Готовя подкоп под Берия, Сталин велел арестовать ряд известных мегрельских деятелей. Арестовали и крупного партийного работника Зуделаву. Было начато

следствие. Однако вскоре Сталин умер. Берия освободил из-под ареста всех мегрелов, которые остались живы.

Полноправная корова

Когда чеченцы жили в Казахстане, им под страхом двадцатипятилетнего заключения запрещали передвигаться даже от своего села к соседнему. Корова, принадлежавшая старому чеченцу, перешла ручей, служивший границей, за которую переход спецпереселенцев не разрешался. Старик кричал людям за ручьем: «У скотины больше прав, чем у меня. Верните мою корову, она не знает, что мне туда нельзя ходить!»

Бандера

Во время войны националистическая армия Бандеры дралась и с немцами, и с советскими войсками за самостийну Украину. Еще в течение 5 лет после войны 200 тысяч хорошо вооруженных бойцов, которым нечего было терять, сражались на западных землях и держали их под контролем. Бандера действовал жестоко и слепо националистично: убивал москалей, евреев, коммунистов, работников культуры, гуманитариев. Сохранял жизнь врачам и инженерам.

В конце 40-х годов Сталин приказал во что бы то ни стало уничтожить бандеровцев. В борьбе с ними была применена подсказанная Сталиным тактика выжженной земли: если деревня была занята бандеровцами или просто снабжала их продовольствием (пусть даже под угрозой оружия), она окружалась танками и выжигалась катюшами. Вся, без суда и следствия, без разбора, без отделения виновных от невинных, без различения пола, возраста и т. д. Через несколько месяцев Бандера не выдержал: получалось, что он, полагавший себя борцом за интересы украинцев, причиняет своему народу страшнейшие беды. Бандера объявил, что покидает Украину. Его армия, как нож сквозь масло, прошла через территории соседних стран и ушла в ФРГ. Здесь через некоторое время Бандера был убит своим помощником, выполнявшим волю Сталина.

СТАЛИН И ДИПЛОМАТИЯ ВОЙНЫ

Беглецы

Во время переговоров Сталина об участии поляков в войне с немцами представитель Лондонского правительства Польши спросил о судьбе тысяч польских офицеров, интернированных во время входа советской армии в Польшу в 39—40 гг. Сталин с издевкой ответил:

— Они бежали в Маньчжурию.

Французский союзник

Де Голль прибыл в Москву на встречу со Сталиным. Несколько дней он провел в ожидании приема. Вдруг его разбудили ночью:

Сталин пригласил французского генерала на просмотр фильма. Де Голля привезли к Сталину. Фильм был посвящен победам советского оружия над немцами. Сталин сел рядом с гостем, положив руку на его колено. Вождь очень эмоционально смотрел фильм и, как только русские атаковали немцев, сильно сжимал колено Де Голля. Когда, по мнению гостя, хозяин наставил ему достаточное количество синяков, генерал вежливо и осторожно снял руку Сталина со своего колена.

За ценой не постоим

На Де Голля произвел сильное впечатление рассказанный ему случай.

Замышляя коллективизацию, Сталин изложил свой план сподвижникам. Один из них сказал, что этот план трудновыполним: его осуществление потребует миллионов человеческих жизней. «Ну и что?» — спросил Сталин, поставив в тупик возражавшего.

Трудности управления

Когда Де Голль гостил у Сталина, между ними произошел такой разговор:

— А есть ли у вас во французском языке ругательства, соответствующие русским матерным?

— Нет.

— Тогда вам трудно управлять государством.

— Мне трудно понять, как ругательства помогают управлять государством.

Предосторожность.

Во время московской встречи Де Голля со Сталиным шел разговор о крайне секретных военных планах, которые важно было сохранить в тайне даже от британских союзников. Всю беседу переводил дипломат Александр Антонович Трояновский, и только он присутствовал на ней. По окончании разговора Де Голль подчеркнул, как важно, чтобы об этой беседе знали они вдвоем — Сталин и Де Голль. Трояновский перевел эту фразу и с ужасом должен был перевести на французский ответ Сталина:

— Нас и было двое.

Мудрый де Голль поблагодарил за обещание хранить тайну переговоров и тут же заметил, что мсье Трояновский отлично помог разговору и он — де Голль — будет рад при последующих встречах со Сталиным пользоваться услугами именно этого переводчика.

Предосторожность де Голля не была излишней.

Экзистенция

В беседе с де Голлем Сталин говорил об итогах войны, а потом перевел разговор в метафизическую сферу — о смысле бытия.

— Только смерть выигрывает. Единственный реальный победитель в этой жизни — смерть. Однако существует еще и созерцание.

Придворный этикет

Де Голль заметил, что когда за столом Сталин предлагал тосты за членов Политбюро и каждый из них торопливо шел вдоль всего стола чокнуться с вождем, Сталин внимательно следил за этим проходом: не загордился ли кто-нибудь из соратников, не замешкался ли, нет ли излишнего достоинства и излишней медлительности в походке. Это было испытание на верность.

Переговоры с единомышленником

Руководитель румынской крестьянской организации «Фронт земледельцев», ставший затем главой правительства, Петру Гроза встречался со Сталиным, и они много часов беседовали один на один. Когда не знавшего русский Петру Гроза спросили, на каком языке шла речь, он ответил, что на немецком. История сомнительная: Сталин не так знал немецкий, чтобы поддерживать сложную многочасовую беседу. К тому же Сталину не нужно было утруждать себя разговором на иностранном языке. К его услугам были переводчики самой высокой надежности в отношении секретности беседы. В крайнем же случае, как любил выражаться Сталин: «У партии незаменимых людей нет».

Загадочный подарок

Когда Гарриман вылетал из Москвы, на аэродром ему привезли в подарок от Сталина коробки с пленкой — фильм «Волга-Волга». Вернувшись в США, Гарриман и другие высшие правительственные деятели несколько раз просматривали этот фильм, пытаясь разгадать смысл этого странного подарка. Никто ничего не понимал. Наконец решили, что все дело в песенке:

Америка России подарила пароход.
Огромные колеса, ужасно тихий ход.

Решили, что это намек на недоброкачественность лендлизовских «подарков».

На самом деле Сталин просто очень любил этот фильм, много раз его смотрел и хотел доставить удовольствие высокому гостю.

Путь в Тегеран

Когда Сталин ехал на Тегеранскую встречу в верхах, вдоль всего железнодорожного пути от Москвы до столицы Ирана на расстоянии видимости друг друга стояли офицеры погранвойск. Знали они только то, что должны обеспечить безопасность какого-то важного маршрута. Они стояли вдоль полотна по 16 часов бессменно. Кормили их прямо на посту. За это время мимо прошло несколько эшелонов, и никто не знал, какой они охраняли.

Хороший шахматный ход

Во время Тегеранской конференции Сталин сделал хитрый и перспективный ход. В Иране в это время было «междуцарствие». Принц еще не стал шахом, еще не прошел сложную церемонию,

включающую в себя поездку в старинную мечеть, принесение ей даров и торжественное принятие звания. Рузвельт и Черчилль не стали встречаться с наследным принцем, так как вопрос о его правлении еще не был решен и возможна была смена династий, к которой стремились многие влиятельные лица. Сталин же, несмотря на столь неопределенную ситуацию, встретился с принцем, который вскоре действительно стал шахом и правил до 1976 года. Иран был ориентирован на Англию, и Сталину было нечего терять, если бы он ошибся и к власти пришла другая династия. В случае же восхождения наследного принца на шахский престол встреча Сталина с ним в сложной для него ситуации была бы, согласно восточному придворному этикету, зачтена России в актив. И действительно, принц, став шахом, послал свою любимую сестру в гости в СССР и несколько смягчил отношения с Москвой, хотя ориентировался по-прежнему на Запад.

На вкус премьера

На одной из встреч в годы войны Сталин угостил Черчилля армянским коньяком. Черчилль этот коньяк одобрил, но отметил, что он недостаточно крепок. Сталин вызвал к себе Арутюнова и спросил, нельзя ли сделать коньяк покрепче. Был сделан коньяк очень высокой крепости — градусов 70. Однако в таком коньяке пропадал аромат. Аромат возвращался только при снижении крепости. Наконец, крепость и аромат пришли в равновесие.

Анекдот

Когда Черчилль был на встрече в верхах в Крыму, он жил в красивом старинном дворце царских времен. Черчиллю очень понравился дворец. Однажды он обратился к Сталину: «Нельзя ли купить этот дворец? Он мне очень нравится». Сталин долго молчал, курил. Потом спросил: «Какой палец у вас в Англии считается средним?» Черчилль показал: средний палец — этот. «А у нас этот»,— сказал Сталин и сложил фигу.

Шуточки

Черчилль услышал от Сталина, что для решения какого-то вопроса следует расстрелять 50 тыс. Черчилль сказал, что он предпочитает сам быть расстрелянным, чем слушать такие речи. Рузвельт пошутил: достаточно 49.

Черчилль встал из-за стола и вышел в другую комнату. Через минуту к нему подошли Сталин и Молотов. Сталин обнял Черчилля за плечи и уговорил вернуться, сказав, что все это была шутка. Черчилль не поверил, но вернулся.

Потягушки престижа и самолюбия

Черчилль рассказывал, что Сталин постоянно чуть-чуть опаздывал на заседание, и главы Великобритании и США должны были привставать, приветствуя его. Однажды Черчилль и Рузвельт договорились

сами запоздать. Однако, несмотря на то, что они прибыли в зал встречи на 15 минут позже назначенного времени, Сталин появился лишь после них. Тогда союзники решили проучить Сталина и не вставать при его появлении. Однако когда он вошел и посмотрел долгим и грозным взглядом, Черчилль не выдержал и встал, как школьник.

Курьез

Во время Тегеранской конференции министр иностранных дел Англии Иден передал Черчиллю какую-то записку. Прочитав ее, Черчилль улыбнулся и сказал: «Старый орел не вылетит из гнезда». Потом он закурил трубку и поджег записку. Обстановка на конференции, рассматривающей вопрос об открытии второго фронта, была очень напряженной. Каждое слово могло иметь значение для судеб мира. Поэтому загадочный ответ Черчилля вызвал переполох. Все службы были поставлены на то, чтобы восстановить исчезнувший текст. Но сделать этого не удалось.

Прошли годы. Сталин был уже в могиле. Хрущев поехал в Англию. Встретив Идена на каком-то приеме, он спросил: «Теперь это не секрет. Скажите, что было в записке, переданной вами Черчиллю во время Тегеранской конференции?» Не без труда вспомнив, о чем идет речь, Иден сказал: «Я написал Черчиллю, что у него расстегнулась ширинка».

Недоверие

Сталин говорил: «Для англичан нет ничего приятней, как надуть русских».

Пригодится

Черчилль предложил после войны потопить весь немецкий флот. Сталин поднял палец и сказал:

— Предлагаю поделить флот между союзниками, а свою часть Британия может потопить.

«Да» и «нет»

Сталин разговаривает с Черчиллем по телефону:

— Нет . . . Нет . . . Нет . . . Нет . . . Нет . . . Да.

Корреспондент:

— Товарищ Сталин, разрешите узнать, на какой вопрос вы ответили «да».

— Черчилль спросил, хорошо ли я его слышу.

Дележ

При дележе наследия рейха Рузвельт и Черчилль предусмотрительно и дальновидно претендовали на немецкие патенты и технологическую документацию. Сталин же близоруко позарился на станки и оборудование немецких заводов, которые дают скорую отдачу, но

стареют быстрее, чем технология, создание которой требует огромных усилий.

Шахматные расчеты

Союзники сначала не соглашались с притязанием Сталина на Пруссию, на западно-украинские и западно-белорусские земли, входившие в Польшу, и с его предложением вернуть Польше все западные территории, находившиеся под юрисдикцией Германии. Однако вскоре Черчилль увидел в этом завязку новой исторической ситуации — конфликта Германии с Россией и Польшей — и уговорил американцев принять предложение Сталина. Сталин же этим конфликтом привязывал Польшу к России, ибо без нее Польша не могла бы отстоять свои новые земли.

Неравноценный обмен

На Ялтинской конференции Сталин сделал Черчиллю и Идену предложение: он возвратит им 25 тысяч английских военнопленных, освобожденных советскими войсками, а Англия вернет Советскому Союзу «наших изменников» (речь шла о пятидесяти тысячах казаков, о перемещенных лицах и о солдатах и офицерах армии Власова). Иден и Черчилль выдали всех этих людей Сталину. Неравноценность обмена была не только в количественном превосходстве отдаваемых Сталину русских пленных над английскими, но и в разности судеб, на которую обрекали тех и других обмениваемых.

Приезд победителя

В 1945 году Сталин должен был прилететь в Берлин для участия в Потсдамской конференции. Подготовили аэродром, разминировали посадочные полосы. Руководил этим генерал-полковник Иван Лукич Туркель. Ему было доложено, что все в порядке. Он же, не привыкший в серьезных делах полагаться на других, сам проверил аэродром и нашел мину. За это он был награжден орденом. Однако Сталин не прилетел, а приехал поездом. Это была его хитрость, о которой до последнего момента не знала даже охрана.

Руководителем кинохроники только что стал известный режиссер игрового кино Сергей Аполлинариевич Герасимов. Он распорядился запечатлеть на пленку приезд Черчилля, Трумэна и Сталина. Кадры торжественного приезда Черчилля и Трумэна были сняты. Приезд Сталина ввиду засекреченности снят не был. Обратились в секретариат Сталина и там посоветовали снять главу советской делегации во время прогулки по аллеям его резиденции. Киноаппарат решено было спрятать в зарослях аллеи. Однако кинооператор, боясь, что кто-нибудь из охраны, не разобравшись, в чем дело, выстрелит, вел съемку прямо на аллее.

Смонтированный фильм показали Сталину. Он увидел торжественный церемониал встречи Черчилля и Трумэна и себя, в одиночестве разгуливающего по аллее. Вождь разгневался и, не досмотрев хронику, вышел из зала. Тут же Герасимов был снят с руководства хроникальным кинематографом.

Непонадобившаяся концепция

Во время войны по заданию Сталина Тарле написал работу, обосновывающую принадлежность Царьграда (Константинополя) к России. Сталин предусматривал возможность вступления в войну на стороне Германии Турции. В этом случае после победы такое историческое исследование известного академика позволило бы предъявить Турции научно обоснованные территориальные претензии. В войну наш южный сосед не вступил: после разгрома немцев под Сталинградом это было делом неперспективным. Вопрос о территориальных претензиях к Турции повис в воздухе. Поэтому рукопись Тарле не была опубликована и ее отправили в какой-то спецархив.

Главные силы современности

В связи с образованием ООН и введением понятия «великие нации» Сталин полагал, что Великобритания — великая нация в прошлом, Китай — в будущем, а Франция никогда ею не была. Реальными великими нациями современности являются, по Сталину, Америка и Россия, и между ними пойдет главное соперничество.

Ближневосточная дипломатия Сталина

Чтобы насолить англичанам и изгнать их из Палестины, Сталин выступал в ООН за признание Израиля и отпустил в Израиль около 300 евреев — офицеров с опытом Отечественной войны. Эти офицеры помогли выгнать из Палестины и англичан, и арабов, но не вернулись назад и не стали служить Сталину, что подогрело его антисемитизм.

Особенность этой войны

Сталин сказал в конце войны Джиласу: «Эта война не похожа на предшествующие. В эту войну армии, занимающие территории других стран, устанавливают там свой строй».

ПОБЕДНЫЙ ФИНАЛ ВОЙНЫ

Сталинская забота о бегемоте

Для разработки операции по взятию Кенигсберга к Сталину были вызваны многие военные. Выслушав доклады о планах операции, он задал один показавшийся всем странным вопрос:

— А как вы собираетесь брать зоопарк?

Никто не мог ответить, так как никто об этом не думал и не понимал, в чем дело.

Сталин пояснил:

— Знаете ли вы, что в кенигсбергском зоопарке находится уникальный бегемот, самый старый из живущих в зоопарках мира. Он имеет большую ценность. Надо постараться взять его живым и невредимым.

Неожиданное познание Сталина, как всегда в таких случаях, объяснялось усилиями его референтов.

План операции пришлось пересмотреть, чтобы учесть интересы бегемота. В ходе боя на Тиргартен был сброшен десант. Оставшимися в живых десантниками бегемот был взят в плен живым.

Странно только, почему референты не подготовили в свое время сведений о Дрезденской галерее и ее спасение было делом случайной и героической самодеятельности сержанта-художника. И почему они не подготовили данных о том, что в том же Кенигсберге хранилась вторая студенческая запись курса лекций Гегеля по эстетике. По первой из записей проделана публикация «Эстетики» Гегеля во всех изданиях мира. Кенигсбергская запись могла бы быть сличена с опубликованной, и можно было бы восстановить реальный текст Гегеля более аутентично. Об этой рукописи мне рассказал профессор Бассенге, когда немецкий перевод моей книги «О комическом» печатался в «Ауфбау — ферлаг». В 60-х годах я предпринял попытки найти концы этой рукописи в Калининграде. Однако безуспешно. Есть сведения, что из Кенигсбергского университета и городской библиотеки многие книги и рукописи были вывезены в Минск и в Прибалтику. Судьба их неизвестна. Впрочем, хорошо, что удалось спасти хотя бы бегемота.

Способ командования

Незадолго перед смертью маршал Рокоссовский сказал:

— Этот недоучка только мешал воевать. Мы — командующие — его обманывали: любому самому несуразному его распоряжению поддакивали, а действовали по-своему.

Против упрощения

В конце войны с целью уменьшить сопротивление немцев Сталин решил дать им надежду на национальное бытие. Он подверг критике тему беспощадной мести врагу, ответственности всего немецкого народа за фашизм и его злодеяния. По указанию Сталина «Правда» опубликовала статью Георгия Федоровича Александрова «Товарищ Эренбург упрощает», решавшую важные морально-политические задачи. Статья осуждала Илью Эренбурга — певца ненависти к фашистам. При этом Сталин позаботился, чтобы Эренбургу помогли пережить этот удар.

Поражение, превращенное народом в победу

В предвоенный период были последовательно уничтожены шесть руководителей Военно-Воздушных Сил СССР, а седьмой смещен. К Отечественной войне Военно-Воздушные Силы страны были так же обезглавлены, как и другие рода войск.

Перед войной Сталин уничтожил большую часть офицерского корпуса и почти всех командующих Красной Армии, на два года задержал внедрение грозного ракетного оружия («Катюша»), многих лучших инженеров и конструкторов-оружейников арестовал (Туполева, Королева и других), иных уничтожил (Лангемака, Клейменова),

самоуверенно не внял предупреждениям наших разведчиков, дипломатов и специалистов по Германии о готовящемся нападении вермахта на нашу страну; провалил всю дипломатическую кампанию по организации сопротивления фашизму и предотвращению войны, снабдил Гитлера продовольствием и стратегическим сырьем, истребил или заключил в лагеря миллионы людей призывного возраста, выключив их из дела обороны, и отвлек на содержание в заключении огромную армию охранников. Сталин, пренебрегая доводами Жукова и других военных специалистов, проиграл Киевскую и Харьковскую операции и обрек сотни тысяч бойцов на гибель и плен. Ни один полководец мира не сделал столько для поражения своего народа в войне, сколько сделал Сталин. Он проиграл войну, что заставило народ под угрозой иноземного фашистского господства мобилизовать свои последние силы и проявить невиданный героизм для спасения Родины. Великую Отечественную войну народ выиграл вопреки Сталину.

Пополнение

В конце войны Сталин отдал распоряжение набирать солдат-добровольцев в тюрьмах среди уголовников. Он разрешил объявлять в войсках: взятые немецкие города будут на три дня отданы солдатам и лишь потом установлена комендатура.

Век живи — век учись

Предвоенное истребление командного состава Красной Армии привело к острому кадровому дефициту в высшем командном составе и необходимости доучиваться на ходу. В 1942 году Сталин назначил ранее занимавшегося гражданской авиацией Александра Евгеньевича Голованова командующим авиацией дальнего действия. В 1944 году он стал Главным маршалом авиации, однако поговаривали, что маршал не знает проблем военной авиации. Он попросил у Сталина разрешения пойти учиться в Военную академию.

Сталин пошутил: «Ученье — свет»— и отпустил.

Маршал кончил академию, вернулся на должность командующего дальней авиацией, но военные стали поговаривать, что он не знает тактики наземного боя и взаимодействия авиации и сухопутных частей. Маршал обратился к Сталину с просьбой пройти пехотные курсы «Выстрел» и снова сел за парту и даже лег в траншею.

Ко времени окончания им курсов «Выстрел» Сталин умер, пришло новое руководство, и маршал не получил назначения.

Спрос за упущение

В марте 1945 года немцы разбомбили мост, по которому переправлялись через реку наши части. Противовоздушная оборона не сработала. Генерал-лейтенанта Нагорного вызвал Сталин и, не слушая доклада, сказал: «Вы еще не повесились? Если я вас вызову еще раз — лучше не являйтесь».

Сталинская стратегия и тактика

На Зееловских высотах, прикрывавших Берлин, наши войска с большими трудностями и огромными потерями дрались, не продвигаясь вперед. По этому поводу Сталин позвонил Рокоссовскому:

— Не ожидал от вас, товарищ Рокоссовский.

— Я не руковожу этой операцией.

— А кто же?

— Командует Жуков.

— Он же руководит всей группой войск . . . Впрочем, поскольку он сосредоточился на вашей армии, пусть продолжает. Вам мы поручим другую армию.

Сталин решал сразу две задачи: сталкивание маршалов и фактическое понижение Жукова.

Сталин и разобщение маршалов

20 января 1989 года Мария Жукова опубликовала ранее никому не известный отрывок из воспоминаний ее отца — маршала Жукова. Этот ценный мемуарный материал был назван автором «Коротко о Сталине». В этих воспоминаниях отмечается, что Сталин при проведении крупнейших операций, когда они удавались, старался отвести в тень их организаторов, себя же выставлял на первое место, прибегая для этого к таким приемам: обзванивал по телефону командование и штабы фронтов, армий и порой корпусов и давал советы и указания. Так создавалась видимость того, что Верховный Главнокомандующий все держит в своих руках. Только под конец войны, точнее, после битвы на Курской дуге Сталин научился ориентироваться в военных вопросах. Когда наши войска перенесли военные действия за линию советской границы, Сталин ликвидировал институт представителей Ставки и переключил управление всеми фронтами непосредственно на Ставку. Василевскому при этом было приказано командовать 3-м Белорусским фронтом, Жукову — 1-м Белорусским (прямо выходившим на берлинское направление) вместо Рокоссовского, а последнему был дан 2-й Белорусский. Рокоссовский при этом обиделся, особенно на Жукова. «С этого момента между Рокоссовским и мною,— говорит Жуков,— уже не было той сердечной, близкой, товарищеской дружбы, которая была между нами долгие годы. И чем ближе был конец войны, тем больше Сталин интриговал между маршалами, зачастую сталкивая их «лбами», сея рознь, зависть и подталкивая их к славе на нездоровой основе». Особенно многого добился Сталин в разобщении Жукова и Конева. Жуков рассказывает ряд подробностей, свидетельствующих об этом разобщении и даже о неблаговидных поступках Конева по отношению к Жукову, спровоцированных сталинскими интригами. Эти подробности опубликованы в вышеупомянутой статье Жукова.

В юности я приятельствовал с дочерью маршала Конева Майей, у нас была общая компания. Изредка бывал в доме Ивана Степановича Конева и немного разговаривал с ним. Не стану утверждать, что мои сведения почерпнуты из этого первоисточника, однако еще в те победные годы можно было услышать странные рассказы о разоб-

щенности полководцев в конце войны. Картина получалась такая. В конце апреля 1945 года войска Конева и войска Жукова атаковали Берлин. Войска Конева успешней продвинулись к рейхстагу и даже начали его штурм. Жуков узнал об этом и, пользуясь более высоким должностным положением, с согласия Сталина приказал войскам Конева отступить и переориентироваться на пражское направление. Почти взятый, но отданный немцам рейхстаг Жуков приказал брать вновь своим войскам, чтобы честь взятия главной цитадели Третьего рейха принадлежала ему.

Как могло возникнуть такое невероятное предание? Видимо, дух соперничества, тщеславие, всегда мучившие душу Сталина, ему удалось привить и славнейшим из маршалов Великой Отечественной войны. Впрочем, перед войной Сталин добился еще большего успеха: одни маршалы судили и уничтожали других, а потом гибли сами.

Трофеи

В 1946 году Сталин созвал крупных военачальников и сказал: «Мне стало известно, что некоторые генералы и маршалы обогатились и нажились на войне, которая была трагедией для народа». Сказал и ушел. Все разошлись. Характерна была реакция военачальника Василия Ивановича Чуйкова. К утру он вывез из своей квартиры не только всю привезенную из Германии мебель и ценности, но и вообще всю мебель и все вещи и остался в пустой квартире.

Из шуток гения

Один общевойсковой генерал-полковник докладывал Сталину положение дел. Сталин остался очень доволен и даже раза два одобрительно кивнул. Окончив доклад, генерал-полковник смешался. Сталин спросил:

— Вы хотите еще что-нибудь сказать, товарищ генерал-полковник?

— Да, у меня один личный вопрос.

— Говорите.

— В Германии я отобрал кое-какие интересующие меня вещи, но на контрольном пункте их задержали. Если можно, я просил бы вернуть их мне.

— Это можно. Напишите рапорт, я напишу резолюцию.

Генерал-полковник вытащил из кармана на всякий случай заготовленный рапорт.

Сталин наложил резолюцию. Генерал-полковник, очень довольный, горячо поблагодарил Сталина.

— Не стоит благодарности.

Генерал-полковник прочел резолюцию: «Вернуть полковнику его барахло. И. Сталин».

— Тут описка, товарищ Сталин. Я не полковник, а генерал-полковник.

— Нет. Тут все правильно, товарищ полковник.

Лошадиная справедливость

Сталин сам хотел принимать Парад Победы. По его представлениям, этот парад следовало принимать на белой лошади. Сталин

попытался овладеть искусством верховой езды, но лошадь сбросила его. Пришлось Сталину поручить принимать Парад Победы маршалу Жукову. Так лошадь восстановила историческую справедливость. Интересно, казнили ли эту лошадь?

Важное сообщение

В один из перерывов Потсдамской конференции Трумэн почти на ходу сообщил Сталину, что США удалось создать новое мощное оружие. Сталин, не подав вид, что его это интересует, спокойно поблагодарил Трумэна за информацию. Спокойствие Сталина было очень естественно, и Трумэн даже решил: Сталин не понял, что речь идет об атомной бомбе.

Слезы ярости

В конце войны Сталин уже видел себя владыкой мира. Ему и его армиям ничего не стоило сделать бросок в Европу и Азию. Его надежды взорвались вместе с атомными бомбами, упавшими на Хиросиму и Нагасаки. Для Сталина эти бомбардировки прозвучали как предупреждение, и когда он узнал о них, он плакал. Не от жалости к жертвам атомного огня, как можно было подумать, а от бессильной ярости, гнева, крушения надежд. Так, «слабого слабей жестокий», как говорил Пушкин в «Пире во время чумы».

После атомной бомбардировки

Сталин был груб. Разговаривая на языке жестком и вульгарном, часто употреблял бранные слова.

В 1945 году, после атомной бомбардировки Хиросимы Сталин вызвал президента АН СССР академика Сергея Ивановича Вавилова и спросил:

— Ну что, прозевали бомбу ваши ученые? (Сталин выразился грубее).

— Нет, товарищ Сталин, в очередях простояли.

Быть может, столь резкий ответ и спас тогда президента.

А в результате в науку были брошены средства.

Запреты и портреты

В части, стоявшей под Берлином, к празднику понадобился портрет Сталина. Нарисовать его вызвался солдат Булгаков. Нарисовал похоже, но с «гусиными лапками» у глаз, не как на официальных портретах. Портрет повесили, а тут приехал важный генерал, взглянул — какой-то не такой Сталин,— и приказал до дальнейшего выяснения посадить художника на гауптвахту. Сидит он долго, и никто не знает, что с ним делать дальше. Вскоре в часть с инспекцией приехал маршал. Поинтересовался арестованными. Докладывают маршалу:

— Сидит солдат за портрет Сталина.

— Карикатура?

— Нет, портрет.

— Так почему сидит?

— Генералу не понравилось, как нарисовано.

— Дайте я посмотрю, все-таки я маршал и лучше генерала в портретах понимаю.

Принесли портрет. Маршалу понравилось. Тут его в Москву на доклад вызвали, и он взял с собой портрет. К слову пришлось, показал портрет Сталину. Сталин одобрил.

Солдата Булгакова тотчас вызвали в Москву. Дали студию, помощников, и стали они для улиц рисовать портреты Сталина, вернее, авторские копии с того берлинского портрета.

Не последние штаны

Нужно было подписать разрешение на выпуск фильма. Председатель Комитета по делам кинематографии Большаков подал Сталину авторучку. Авторучка не писала. Большаков виновато взял ее из рук вождя и встряхнул. Чернила выплеснулись на белые брюки генералиссимуса. Большаков замер.

Сталин вскинул голову и свирепо посмотрел на Большакова. Того охватил ужас. Довольный достигнутым впечатлением, Сталин сказал:

— Ну что, Большаков, испугался? Наверное, решил, что это у товарища Сталина последние штаны?

Послевоенные судьбы

В 1945 году в Литературный институт имени Горького пришел худощавый человек лет тридцати. Он вернулся из плена. Помню несколько строк из стихов, написанных им в фашистском лагере.

Стремясь к Советскому Союзу
На вольный свет из царства тьмы,
Пока не закатился в лузу —
В подвалы Бохумской тюрьмы.
Здесь поучительней карают
И, возбудив в себе азарт,
Эсэсовцы шутя играют
В живой, кричащий бильярд . . .

Больше стихов не помню. Фамилию поэта тоже не помню. Его приняли в институт, а вскоре арестовали. Выжил ли он? Сталин не доверял тем, кто по вине его бездарной политики и военной стратегии оказался в плену. Многие из гитлеровского плена перекочевывали в сталинский. Некоторым бывшим фашистским узникам, вернувшимся на родину, посчастливилось остаться на свободе, как, например, адъютанту командира подпольного сопротивления в одном из крупнейших фашистских лагерей Юрию Пиляру. Подпольщикам удалось разоружить фашистскую охрану лагеря и освободить себя. Заключенные встретили советские войска уже свободными людьми, готовыми дальше бороться с фашистами.

Пиляра не посадили, но многие годы, до смерти Сталина, он был без работы. Чтобы не умереть с голоду, он — молодой писатель — работал на любой поденной работе — то грузчиком, то раздельщиком туш на мясокомбинате.

Победитель

В первый период войны — период отступлений — не выпячивалось военное руководство Сталина. Во второй период подчеркивалось, что Сталин — главнокомандующий, великий стратег, гениальный полководец, генералиссимус. Пропагандистский лозунг военных и послевоенных лет: «Там, где Сталин — там победа»,— скорее должен звучать так: «Где победа — там Сталин».

Статистика потерь

Узнав о том, что немецкие потери в войну составили около 7 миллионов солдат, Сталин приказал назвать такую же цифру потерь советской армии.

По поводу военных потерь Сталин сказал:

— Когда гибнет один человек — это трагедия. Когда гибнут тысячи — это статистика.

Во все времена борьбы за власть, властвования и особенно в годы войны Сталин предпочитал такую статистику такой трагедии.

* * *

Про войны говорят — вранье,
Но знает правду воронье.

Рабство принижает людей до любви к нему.

Высказываиие Вовенгура, выписанное Л. Толстым в «Мысли на каждый день»

VIII

1945—1953 ГЛАВНЫЙ ЗАКЛЮЧЕННЫЙ, ПРАВЯЩИЙ ВЕЛИКОЙ ДЕРЖАВОЙ

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА НА «ПОДЪЕМЕ»

ГЕНЕРАЛИССИМУС КУЛЬТУРЫ И ЕГО МАРШАЛЫ

Поэзия, смирно!

Джафар Багиров был азербайджанским воплощением сталинского стиля руководства. Он не любил поэта Самеда Вургуна и на встрече с писателями пригрозил ему: «Если будешь нас беспокоить, мы тебя превратим в лагерную пыль». За собрата по перу заступился поэт Павел Антокольский: «Джафар Джафарович, Самед Вургун очень хороший поэт». Вмешательство в руководство вверенной ему Сталиным республикой привело Багирова в бешенство. Он закричал:

— Антокольский, встать!

Антокольский встал.

— Антокольский, сесть!

Антокольский сел.

— Антокольский, встать!

Антокольский встал . . .

Каждая из команд повторялась трижды и трижды была исполнена. Когда потом у Антокольского спросили, почему он исполнил эти унизительные команды, он ответил:

— Ну . . . во-первых, я член партии, а во-вторых, я испугался.

Было чего пугаться. Художник мог сохранить свое достоинство лишь ценой мучительной смерти, постигшей Николая Гумилева, Осипа Мандельштама, Тициана Табидзе, Егише Чаренца и многих других, или мучительной жизни, прожитой Пастернаком, Ахматовой, Платоновым, Булгаковым. Трудно требовать от поэта такую цену даже за сохранение своего «я». И все же высокая поэзия рождается в деспотическом обществе только через самоотверженное сопротивление тирании.

Тост

Антракт. Сталин и члены Политбюро сидят в комнате отдыха при правительственной ложе Большого театра. Выпивают. Сталин предложил тост за Молотова и пригубил рюмочку коньяку. В свою очередь Молотов поднял бокал за Сталина. Потом Сталин поочередно выпил за Ворошилова, Берия, Микояна и других соратников, круг которых завершал Щербаков. Рядом с ним сидел Храпченко, принимавший руководителей страны в Большом театре как председатель Комитета по делам искусств. Сталин провозгласил тост «За Храпченко как такового». Тут же, ревниво пресекая распространение сталинской благосклонности на Храпченко, который хотя и высокий руководитель, но для столь высокого внимания чином не вышел, Берия предупредил о злоумышлении:

— А он наши разговоры записывает.

Храпченко вздрогнул от неожиданности и ужаса. А Сталин повторил будто ничего не слыша:

— За Храпченко как такового.

Кто-то из соратников, подыгрывая Берия, пожаловался, употребив при этом некое загадочное, однако честной компании знакомое слово:

— А он лавлирует.

То, что это слово означает «недопивает», «уклоняется», стало ясно и Храпченко, когда Щербаков, несмотря на симпатии к нему, налил ему полный фужер коньяку. Храпченко лихо выпил. Микоян одобрительно сказал:

— А мы думали, Храпченко интеллигент.

Так Храпченко вовремя сумел снять с себя позорный ярлык интеллигента. И прежде чем его сознание отключилось от сильного опьянения, он успел понять, что опасность миновала.

Указание вождя выполнено

Невеста одного правдиста танцевала в ансамбле, которым руководил известный хореограф. Этот журналист собрался попросить хореографа отпустить невесту в свадебное путешествие. Чтобы ему не отказали, он решил обратиться со своей просьбой в особо престижной обстановке — во время правительственного концерта в Большом театре. После первого отделения жених отправился за кулисы, однако обстановка оказалась неподходящей. Председатель Комитета по делам искусств Храпченко строго отчитывал хореографа:

— Я же просил не ставить этот номер в программу.

— Но ведь все прошло хорошо. Товарищ Сталин аплодировал — я сам видел.

— Да, товарищ Сталин хлопал. Однако раз на раз не приходится и я требую, чтобы в дальнейшем вы не нарушали моих указаний. Это может плохо кончиться . . .

Журналист терпеливо ожидал конца этого неприятного для собеседников разговора. Вдруг он увидел, что к спорящим почти неслышно идет Сталин. Понимая, что он не должен находиться в таком высоком обществе, журналист благоговейно отошел на почтительное расстояние и увидел странную картину. Сталин приблизился к спорящим, что-то сказал им и удалился. А Храпченко и хореограф, которые только что почти ругались, вдруг обняли друг друга и в полной тишине стали вальсировать. Единственным случайным зрителем этого редкостного танца оказался перепуганный жених, которому так и не удалось поговорить с хореографом.

Звонки возвестили начало второго отделения. Журналист не столько смотрел на сцену, сколько гадал, что же сказал товарищ Сталин.

После концерта он вновь разыскал хореографа, получил у него разрешение на отпуск своей невесты и затем поинтересовался, что сказал Сталин. Оказалось, что, проходя, тот бросил реплику:

— Все о делах, о делах, потанцевали бы . . .

Указание вождя было выполнено.

Терпение

Храпченко отдыхал в Гаграх. В это время на озеро Рица приехал Сталин. Узнав, что Храпченко неподалеку, он пригласил его к себе на обед.

Во время обеда, где присутствовали многие члены Политбюро, в комнату влетела пчела и начала виться вокруг Сталина. Когда она села на скатерть, он взял вилку и ударил по пчеле. Промахнулся, недовольно поморщился и, подняв вилку, стал караулить надоеду. Ударил второй раз, снова промахнулся, опять занес вилку и сказал:

— Она не знает, что я терпеливый.

С этими словами он метким ударом убил пчелу.

После оперы

Заместитель председателя Комитета по делам искусств Иван Иванович Анисимов оказался пусковой пружиной Постановления ЦК партии об опере Вано Мурадели «Великая дружба». Анисимов написал письмо Сталину, в котором обвинял своего начальника Храпченко в поддержке этой оперы, где Орджоникидзе якобы противопоставлен Сталину. Члены Политбюро во главе со Сталиным посетили Большой театр. Ревнитель собственного величия, Сталин воспринял оперу в духе анисимовского послания и пришел в ярость. Он грозил пальцем перед носом Храпченко и кричал:

— Я с тобой еще разберусь, Храпченко! Ты думаешь, ты профессор?! Ты свинопас!

Чудесное спасение

На Политбюро обсуждалась опера Вано Мурадели «Великая дружба». Сталин резко критиковал оперу и затем обратил свой гнев на председателя Комитета по делам искусств:

— Как могло случиться, что комитет просмотрел такое идейно порочное произведение? Только политической близорукостью, утратой бдительности или прямым вредительством и идейной диверсией председателя комитета можно объяснить . . .

Когда Сталин произнес слова «вредительство» и «диверсия», высший руководитель советского искусства вскочил на стул и закукарекал . . . Тут же появились охранники, под руки вывели несчастного из зала и отправили в больницу. Возможно, именно это временное затмение ума спасло председателю жизнь: «вредителя» не арестовали, а лишь сместили с должности.

Как возникло Постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград»

Литературовед Борис Бялик рассказал мне в 1959 году в Переделкино.

— Зощенко написал для детей рассказы о Ленине. В одном из них была такая сцена: Ленин подходит к своему кабинету. Часовой останавливает его и требует пропуск. Владимир Ильич ищет пропуск по всем карманам. Его же спутник (кажется, на беду, человек с усами)

грубо и резко говорит красноармейцу: «Ты что, не видишь, кто это идет? Это же сам Ленин!» Владимир Ильич наконец находит пропуск и вступается за красноармейца: «Вы, товарищ, поступили совершенно правильно. Вы стоите на часах, и ваша обязанность проверять пропуска, невзирая на лица».

Малоизвестная ленинградская писательница отправила Сталину донос, истолковывавший эпизод из рассказа Зощенко как антисталинский: мол-де Зощенко противопоставляет доброту и справедливость Ленина — резкости и неотесанности его спутника, в котором легко узнать Сталина. Сигнал бдительной писательницы попал в цель: Сталин помнил ленинское высказывание о его грубости и нетерпимости. Вождь решил наказать Зощенко и нашел повод: в одном рассказе Зощенко описывается обезьяна, живущая в зоопарке,— писателя обвинили в том, что, по его мнению, обезьяне в клетке живется лучше, чем советскому человеку. Сталин произнес на Политбюро разгромную речь о Зощенко, несколько раз назвав его сволочью. На основе этого Жданов составил постановление, включив в него, по указанию Сталина, еще и Ахматову. Незадолго до этого, в 1946 году Анну Андреевну приветствовали овацией в Политехническом и торжественно встречали в Союзе писателей, где Павел Антокольский воскликнул: «Приезд Ахматовой в Москву — крупнейшее событие после победы над Германией!» Сталина, не терпевшего чужой славы, особенно если она приходила не из его рук, раздражала такая популярность. Зощенко клялся друзьям и знакомым, что он даже в мыслях не держал Сталина, поэтому постановление было для него и неожиданным, и незаслуженно обидным.

Через пару лет Константин Симонов попытался помочь Зощенко. Он напечатал в «Новом мире» его фронтовые рассказы, а также организовал ему поездку в Англию, где возник слух, что Зощенко посадили. От путешествия за рубеж Зощенко отказался («Я там что-нибудь не то скажу»). Вскоре, впрочем, группа английских студентов приехала в Ленинград и выразила желание встретиться с Зощенко и Ахматовой. Встреча была разрешена, и оба героя постановления предстали перед иностранными гостями.

На вопрос, как она относится к постановлению, Ахматова надменно ответила, что считает его правильным и старается исправлять свои ошибки. Зощенко же воскликнул: «Я не сволочь и поэтому с постановлением не согласен». Такой ответ обошелся писателю в долгие годы гонений и литературного забвения.

Ленинградобоязнь

В сознании Сталина укоренилось представление: Ленинград мятежный город. Вождь боялся его и бдительно контролировал. Он придирчиво читал ленинградские журналы и устраивал разносы по самым невинным поводам. Редакторы ленинградских изданий, как саперы, ошибались только раз. Не случайно идеологические постановления ЦК ВКП(б) начались с журналов «Звезда» и «Ленинград».

Декабризм пресечен

Сразу же после войны начался зажим духовной жизни в нашей стране. Его важнейшим инструментом стали Постановления ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград», об опере «Великая дружба» и о кинофильме «Большая жизнь». Главной причиной этого зажима была боязнь Сталина декабристской ситуации, порождаемой возросшим за время войны самосознанием людей нашего отечества. Выход нашей армии в Европу в 1945 году, по мнению Сталина, был чреват появлением вольных идей. Особую роль в идеологическом зажиме должна была играть антизападническая кампания, в ходе которой сталинская пропаганда разработала концепцию исторического приоритета нашей страны во всех важнейших областях науки, техники, культуры, по поводу чего шутили: «Россия — родина слонов». После такой кампании не страшны были прорвавшиеся в наше закрытое общество впечатления о стиле, уровне и качестве жизни в Чехословакии, Венгрии и других европейских странах.

Угадал

Рассказывал Петр Андреевич Павленко.

— Однажды, беседуя с Фадеевым и Павленко, Сталин спросил:

— Что сейчас делает поэтесса Мирра Лохвицкая? В дни моей молодости она была довольно известна.

Смущенный Фадеев, понимая, что в делах литературы он по должности обязан знать все, наугад сказал:

— Она умерла, товарищ Сталин.

Выйдя от Сталина, Фадеев тотчас бросился выяснять, кто такая Лохвицкая и где она сейчас. Оказалось, что она действительно умерла. У Фадеева гора упала с плеч.

Фадеев и Сталин

Сталин мирился с тем, что руководитель Союза писателей Фадеев был человеком пьющим. На эту тему существует несколько историй, похожих по сюжету и интонации. Вот одна из них.

По вызову Сталина вместо Фадеева приехал Тихонов. Сталин выслушал его сообщение, а потом спросил:

— Почему Фадеев не приехал?

— Товарищ Фадеев уехал на охоту и еще не вернулся.

— У нас товарищ Шверник тоже любит охотиться. Но он уезжает в субботу, в воскресенье опохмеляется, а в понедельник выходит на работу.

Другой диалог звучит уже как анекдот.

Сталин спрашивает:

— Ну как Шолохов, пьет?

Фадеев отвечает:

— Не больше других, товарищ Сталин.

— Вас, товарищ Фадеев, мы не хотели обидеть.

Одни недостатки подчиненных были для Сталина позволительны и даже выгодны, других недостатков он не прощал. Фадееву он не

простил своеволия. Когда во второй половине 40-х годов Фадеев посягнул на интересы некоторых маститых литераторов, Федин, Леонов и другие решили пожаловаться на него Сталину. Система осведомления работала безупречно, и Сталин уже заранее знал о причинах и целях визита. Писатели ожидали в приемной, когда появился Сталин и, проходя мимо них, произнес:

— Толстого читаю — нравится, Чехова читаю — нравится, Фадеева читаю — не нравится.

И прошел в кабинет. Фадеев лишился руководящей должности, но вскоре обрел ее вновь.

Не вышло у Берия — давнего врага Фадеева — заменить его Петром Андреевичем Павленко, который некогда работал с Берия в Тбилиси и однажды был им безуспешно рекомендован в секретариат Сталина. Берия устроил Павленко разговор со Сталиным, но разговор не состоялся: Сталин смотрел в окно и молчал. Вскоре — в 1951 году — Павленко умер, и вопрос о замене им Фадеева отпал сам собой.

Трудно было Фадееву вынести общение со сталинским двором и, главное, обязанность подписывать бумаги на арест писателей — и не запить. Для этого нужно было вовсе не иметь совести. Сталин терпел слабость Фадеева потому, что тот был умным и авторитетным руководителем, не оказывавшим сопротивления репрессивной политике в культуре. Для Фадеева запой иногда становился формой неучастия в особо грязной проработке литераторов.

После войны освобожденная из лагеря соратница Фадеева по дальневосточному партизанскому отряду Настя пришла к писателю в Переделкино. Она имела право жить не ближе чем за 101 километр от Москвы. Настя просила Фадеева добиться для нее реабилитации. Фадеев нелегально держал ее на своей даче, но просить за нее не решился. Он боялся Сталина и своего врага Берия, готового использовать любой его просчет. Однажды он вернулся домой и не застал Насти. Она ушла, оставив записку: «Ты, Саша, человек замечательный, добрый, талантливый, но стал какой-то не наш».

Эпизод с Настей отягчил больную совесть Фадеева.

В 1956 году опасности, связанные со Сталиным и Берия, были далеко позади. Разоблачения преступлений сталинщины только начинались. И хотя масштабы преступлений были еще не вполне ясны, а пределы разоблачений не очерчены, в обществе в целом и в совести каждого человека шла глубинная работа, которая лучше всего охватывалась польским словом, обретшим, благодаря острым выступлениям польских публицистов и писателей, большую социальную емкость,—«отповядальность», по-русски я бы перевел это понятие так: личная ответственность человека перед обществом за преступления сталинской эпохи. Это слово имело внутреннюю рифму со словом исповедальность и было обращено не только к обществу, но и к совести каждого. Совесть Фадеева продиктовала ему безысходно страшный поступок: он оставил до сих пор не опубликованное письмо в ЦК и пустил себе пулю в сердце.

Ему было 55 лет. В гробу он лежал молодой, красивый, очищенный страданием и смертью, со спокойной и светлой совестью.

«Неистовый Виссарионыч»

Известный литературовед, пушкинист Дмитрий Дмитриевич Благой был в те поры, как и большинство работников умственной сферы, преданнейшим конформистом сталинизма. Несмотря на это, в 1948 году его сильно проработали в прессе за статью «Неистовый Виссарион». Дело было в том, что «неистовым Виссарионычем» иронично называл Сталина Троцкий, что самолюбивому Сталину было не по нраву. Теперь же эта устоявшаяся социально-образная характеристика Белинского напомнила вождю давние насмешки его врага. Резкая критика Благого была обоснована Сталиным так: нельзя называть Белинского «неистовым Виссарионом»— так его называли враги.

Не поздоровится от эдаких похвал . . .

После войны в Турции над одним прогрессивным деятелем шел судебный процесс, на котором обвиняемым было заявлено, что большое воздействие на него оказала советская поэзия и особенно Илья Сельвинский.

Сталин высказался: «Сельвинский почти гениальный поэт, но очень далек от народа».

Критика пародии

В 48-м году, вскоре после выхода романа Веры Пановой «Кружилиха» поэт Александр Раскин написал на этот роман пародию с выразительным названием «Спешилиха». На беду Раскина, произведение Пановой понравилось Сталину, а «Спешилиха» появилась в «Крокодиле» почти одновременно с сообщением центральной печати о присуждении автору «Кружилихи» Сталинской премии. Сталин разозлился и назвал пародию пошлым зубоскальством.

Услужливый критик Анатолий Тарасенков покарал пародию и пародиста в новомировской статье, заголовок которой ему не пришлось выдумывать — статья называлась «Пошлое зубоскальство». Не преминули осудить Раскина и другие печатные органы. Сейчас же в издательстве «Советский писатель» рассыпали набор сборника пародий и эпиграмм Раскина «Очерки и почерки» и в течение пяти лет, до самой смерти Сталина поэта нигде не печатали. Для острастки его жену Фриду Вигдорову уволили из «Комсомольской правды», и семья с двумя детьми осталась без средств к существованию.

Общие литературные знакомые просили Панову заступиться за Раскина, но оскорбленная писательница не была ни великодушна, ни даже снисходительна. Не протянул руку помощи и старый друг, в то время пользовавшийся благосклонностью Сталина Константин Симонов. Раскин прервал с ним всяческие отношения, да и тот не стремился общаться с неугодным литератором. Лишь один раз, после 53-го года, он, остановив Раскина на лестничной площадке, пригласил его на юбилей старой домработницы, которую знали и любили многие писатели, и услышал в ответ: «Что же, к ней приду».

Названный Сталиным «пошлым зубоскалом» Раскин был мягким и интеллигентным человеком, отвергавшим пошлость.

Наказывать за пародии и эпиграммы — дурная традиция всякой недемократической администрации. Не Сталин ее начал в России (еще Пушкина ссылали за литературное остроумие) и не со Сталиным она кончилась. (В 60-х годах Зиновия Паперного исключили из партии за пародию на роман Всеволода Кочетова. Ныне же — в конце XX века — на глазах всего человечества глава государства со средневековым фанатизмом приговаривает к смерти гражданина другой страны за пародирование древнего текста — оружие критики заменяется критикой оружием.)

Критическая деятельность Сталина

Павленко рассказывал, что в конце 40-х — начале 50-х годов Сталин резко выступил против переиздания книги Вересаева о Пушкине:

— Так нельзя писать о великом человеке. Он делал великие дела, а о нем будут писать, что у него под мышками плохо пахло.

Говоря о Пушкине, Сталин заботился о себе: он хотел, чтобы писали о его величии и не касались его ничтожества.

Народу не нравится

В то время как Сталин смотрел фильм, обслуга приносила чай, воду, напитки. Чтобы не мешать, они появлялись в темноте, после того как гас свет, и перед концом фильма исчезали. И если фильм Сталину не нравился, то уход официантов он комментировал:

— Вот видите, народу не нравится — уходят!

Литературная рекомендация

Сталин посетил Черноморский флот. На большом военном корабле вышли в море. Погода была хорошая. Сталин с книгой расположился в кресле на верхней палубе. В это время понадобилось поправить канат, для чего требовалось пройти по палубе. Никто не решался потревожить вождя. Наконец особо надежному старшине велели бесшумно, строевым шагом, незаметно, но с воинской выправкой и боевым видом пройти по палубе. С замирающим сердцем отличник боевой и политической подготовки пошел. Сталин заметил его и подозвал:

— Товарищ генералиссимус Советского Союза, старшина первой статьи по вашему приказанию явился!— отрапортовал моряк.

— Любите ли вы море, товарищ старшина?

— Так точно, море люблю, товарищ генералиссимус Советского Союза.

— А сушу вы любите?

— Так точно, товарищ генералиссимус Советского Союза.

— Это правильно. Это хорошо, потому что море и суша связаны воедино. Это две стороны единого целого. А читали ли вы эту книгу, товарищ старшина?— и Сталин показал книгу, которую держал в руках. Это была «Дама с собачкой» Чехова.

— Никак нет, товарищ генералиссимус Советского Союза, не читал.

— Жаль. Чехов очень хороший писатель.

С тем Сталин и отпустил перепуганного старшину.

Высшее начальство издало приказ — на всех кораблях, во всех подразделениях Черноморского флота проработать лучшее произведение писателя Чехова.

Нос по ветру

Однажды главный редактор «Литературной газеты» критик Владимир Владимирович Ермилов выступил на редколлегии с новой идеей.

— Пора покончить с нигилизмом по отношению к великому русскому писателю Достоевскому...

Через несколько дней он опубликовал на эту тему большую статью, которая вызвала недовольство Сталина. Сталин сказал об этом Жданову, Жданов — Фадееву, Фадеев — Ермилову.

На другом заседании редколлегии «Литературной газеты» Ермилов предложил покончить с ошибочным апологетическим отношением к реакционеру и мракобесу — Достоевскому.

— Я напишу статью, где все это объясню!

— Вы?

— Да, жизнь сложна!

Ермилов торопился: узнав мнение Сталина, все газеты и журналы готовили разнос Достоевского, а заодно и «Литературной газеты» вместе с Ермиловым.

Однако критик всех опередил. При этом упоминалось, что сам автор статьи ранее допускал неточности в оценках.

Не принял на свой счет

Виктор Борисович Шкловский рассказывал.

Прочитал Сталин Щедрина — все ужасно похоже, особенно не издававшееся в советское время. Щедрин был фурьеристом, интересовался сферой социальных исканий и говорил: устрою вам каторгу, да не какую-нибудь, а коммунистическую. Прочел это Сталин и велел найти потомков Щедрина и все, что попросят, дать. Сделал он так, чтобы никто никогда не подумал, что он эти щедринские предсказания принял на свой счет. Он всегда рассуждал от противного. Поэтому, наверное, и сказал позже: «Нам нужны советские Гоголи и Щедрины».

Понадобились Гоголи и Щедрины

В 1952 году Весенин написал фельетон о том, как один жулик обвел вокруг пальца семерых руководителей-коммунистов. Фельетон сопровождался фотографиями жулика и руководителей-растяп. Главлит задержал публикацию этого фельетона, квалифицировав его как клевету на советский строй. Фельетон с этим обвинением был послан в ЦК. Там от Суслова он попал к Сталину, Сталин сказал: «Я же говорил, что нам нужны Гоголи и Щедрины. Автор, правда, не Гоголь, но фельетон правильный и его нужно напечатать».

Утром фельетон вышел в «Правде» и в «Крокодиле». В «Правде» была ссылка на «Крокодил» и были воспроизведены фотографии.

Михалков, высмеивая тех, кто после указания вождя стал создавать розовую сатиру, написал эпиграмму:

Нам нужны
Подобрее Щедрины
И такие Гоголи,
Чтобы нас не трогали.

Эта эпиграмма, независимо от желания автора, звучит и как критика сталинской установки на такую «гоголевскую» сатиру, которая выше управдома и чиновников среднего звена никого бы не трогала.

Прослушивание

Как-то Храпченко выступал перед большой аудиторией в одном из театров. Докладчик оговорился и неверно произнес какое-то слово.

Через несколько дней на деловом приеме в Кремле Сталин шутливо объяснил ему, как следует произносить данное слово. Храпченко дали понять, что его речи прослушиваются Сталиным.

Теория бесконфликтности

Приехав в Грузию, Сталин пригласил к себе Хораву и Леонидзе. Пили вино, беседовали. Зашла речь о конфликтах в нашей жизни. Гости утверждали, что у нас все так хорошо, что конфликты не случаются. Сталин не согласился.

— Теория бесконфликтности? А вот у меня был такой случай. До революции партия поручила нам провести экспроприацию крупной суммы денег в банке Тбилиси. Об этой операции знали только четыре члена бюро. За сутки перед операцией один из четырех организаторов исчез. Мы стали его искать. Не можем найти. Попробовали узнать через своих людей в охранке. Там его нет и об операции не знают. Волнение растет. И вот я иду утром по Тбилиси и встречаю этого человека. Я бросился к нему:

— Ты куда пропал?! Ты что, предал?!

— Да, предал.

— Ты предал наше дело! Я тебя убью!

— Наше дело я не предал. Я предал тебя, потому что я тебя ненавижу.

Конфликт?

Теория партийности литературы

В 1951 году молодой философ Александр Петрович Белик написал статью, в которой доказывал, что партийность определяется принадлежностью к партии. Только член партии может быть партийным писателем. Сталин назвал выступление Белика новорапповщиной. В «Правде» была опубликована статья «Новорапповец Белик». Белика уволили с работы, он бедствовал, но гордился: «Сам» обругал меня — назвал новорапповцем». После разоблачения культа личнос-

ти Белик не был воспринят окружающими как жертва культа, так как на литературу смотрел еще мрачнее и суровее, чем создатели культурной политики сталинизма.

ДРУГ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Провидение

В преддверии XX съезда (этот период называли эпохой «раннего Реабилитанса») у Олеши спрашивали:

— Юрий Карлович, почему вас не посадили?

Он отвечал:

— Потому, что в списке против моей фамилии Сталин синим карандашом поставил галочку.

— Откуда вы знаете, что галочка была синяя?

— Я так вижу.

Действительно, определяя судьбы людей, Сталин против их фамилий ставил галочки синим карандашом.

Заступник

Однажды на приеме у Сталина Корнейчук сел за рояль и запел украинскую песню.

Храпченко наклонился к Сталину и пошутил: плохо поет. Сталин не принял шутку.

— Мы с вами тоже плохо поем. Однако Корнейчук хорошо пишет, а мы и пишем плохо.

Занятой человек

У Сталина в гостях были литераторы. Все пили, произносили тосты. Не пил только писатель Л. Сталин заметил это и спросил:

— Товарищ Л., почему вы не пьете?

Кокетничая, Л. ответил:

— У меня завтра в шесть утра начинается рабочий день, и я должен быть в полной форме.

— Ну что же,— сказал Сталин,— давайте, товарищи, отпустим писателя Л., он не то, что мы,— занятой человек, ему завтра нужно работать.

Сувенир

Сталин принимал писателей. Разговаривая, он достал папиросы «Герцеговина флор» и набил выпотрошенным из них табаком трубку. Пустая коробка осталась на столе. Валентин Катаев взял эту коробку и сказал, что хочет сохранить ее как драгоценный сувенир. Сталин что-то шепнул Поскребышеву, и тот забрал у писателя папиросную коробку.

Избыток чувств

Банкет в Кремле по поводу Первомая. Приглашена писательская элита. Один из маститых подошел к Кагановичу, поздравил его и от

избытка чувств поцеловал. Затем он подошел к Микояну и Жданову и расцеловался с ними. Наконец он дошел до Сталина и потянулся поцеловать. Сталин отстранил его:

— Нельзя же в один вечер перецеловать все Политбюро. Оставьте кого-нибудь для следующего раза.

На другие банкеты этого писателя уже не приглашали.

Самокритика

На одном из совещаний Сталин сказал Сергею Владимировичу Михалкову: «Вы написали плохую пьесу». Михалков взял слово и сам раскритиковал свое произведение. Выступление он закончил поговоркой: «Век живи — век учись, дураком помрешь». Сталин встал, походил и сказал: «Первую половину этой поговорки придумали мудрые люди, а вторую — пошляки». Повернулся и вышел. Михалков испугался, однако никакой беды не случилось.

Вывод

Критик Владимир Васильевич Фролов написал в «Правду» статью о сатирических пьесах. В ней было несколько слов о пьесе Михалкова «Раки». Заведующий отделом литературы «Правды» Борис Сергеевич Рюриков велел автору согласовать статью наверху. Фролов пошел в ЦК и показал статью Владимиру Семеновичу Кружкову. Познакомившись с текстом, Кружков сказал, что Фролов должен прочесть важный закрытый документ — работу товарища Сталина о врачах-убийцах и использовать ее идеи в своей статье. Фролов прочел этот документ, но не мог понять, как его связать со статьей о комедии. Рюриков сообразил: «Сделаем такой вывод: поскольку товарищ Сталин разоблачает врага, в вашу статью надо внести разоблачительное начало и усилить критику всех пьес, в том числе «Раков» Михалкова».

Опала

Поэт Лахути участвовал в революционном движении на Востоке, потом писал стихи, восхваляющие Сталина. Вождь привечал стихотворца и подарил ему свой портрет с надписью: «Лахути — революционному поэту Востока. И. Сталин».

Во второй половине 40-х годов Лахути написал Сталину, что присоединение Южного Азербайджана к Советскому Азербайджану нереально и не будет поддержано ни народом Ирана, ни народом Южного Азербайджана. Сталин разгневался на Лахути.

Присоединения Южного Азербайджана, как и предсказывал Лахути, не вышло: против этого было 90 % даже членов компартии, проживающих на этой территории. В компартии произошел раскол. Однако правота Лахути не вернула ему симпатии Сталина.

Руководитель сталинской школы

Дмитрий Алексеевич Поликарпов, партийный руководитель, на попечении которого был Союз писателей, предложил:

— Товарищ Сталин, писатель Н. совершенно неуправляем, может быть, его арестовать?

Сталин возразил:

— Зачем сразу арестовать? Сначала попробуем наградить. Дадим орден «Знак Почета»— наверное, станет управляемей.

Поликарпов с горячим одобрением воспринял это мудрое указание. Однако писатели все же сильно досаждали ему, и он стал жаловаться вождю:

— Трудно работать с творческой интеллигенцией: один — пьет, другой — гуляет, третий — плохо пишет, четвертый — вообще не пишет . . .

Сталин ответил:

— Товарищ Поликарпов, других писателей у меня для вас нет. Придется работать с этими.

Лично одобрено

В 1947 году молодого поэта Александра Межирова вызвал один из секретарей Союза писателей Николай Грибачев и сообщил, что стихотворение «Коммунисты, вперед», опубликованное в журнале «Знамя», было прочитано и одобрено товарищем Сталиным, отдыхавшим в Ливадии.

Межиров поблагодарил за добрую весть, выразил радость и после паузы, вызванной исчерпанностью разговора, спросил, может ли он уйти.

— Нет,— ответил Грибачев,— вы еще можете нам понадобиться, подождите.

Как рассказывал мне Межиров, он сидел в приемной весь рабочий день, но так никому и не понадобился.

Именитый корректор

В 1950 году в «Правде» было опубликовано стихотворение Александра Межирова, которое заканчивалось словами:

Комментарий не надо. Это ясно и так.

Главному редактору «Правды» Поспелову позвонил Сталин:

— Мне что, пойти к вам в газету корректором? Что это за выражение «комментарий не надо»?

Поспелов замер от страха, а Сталин бросил трубку.

Стихотворение было выброшено из уже набранного сборника.

Как Тарковский переводил стихи Сталина

В 1949 году к поэту и переводчику Арсению Тарковскому пришли два военных человека и попросили его собраться и поехать с ними. Времена были такие, что Тарковский, естественно, предположил худшее и поинтересовался, что взять с собой. Гости ответили: ничего не нужно, он скоро вернется . . . Это заверение ничего не значило или, вернее, могло означать что угодно, тем более, что Тарковскому не объяснили, куда и зачем его увозят.

Поэта усадили в черную машину, и на большой скорости она помчалась. Через несколько минут Тарковский оказался в Кремле и его привели в большую комнату, в которую вскоре вошел аккуратный, строгий и заинтересованно-приветливый чиновник. В руках у него была красивая папка.

Чиновник изложил свои виды на Тарковского. Вы, мол, известны как хороший переводчик. Мы-де на этот счет наслышаны или, вернее, специально справлялись где нужно и получили самые благонадежные характеристики, в том числе и по части умения и способностей. Потому к вам и обращаемся. А дело необычное и деликатное, как вы сами поймете. Товарищу Сталину в этом году исполняется 70 лет. Мы и решили сделать ему подарок: перевести и издать на русском языке его юношеские стихи.

С этими словами чиновник раскрыл красивую папку, где на великолепной плотной бумаге были отпечатаны стихи на грузинском языке и подстрочники на русском (каждое стихотворение и каждый подстрочник — на отдельном листе бумаги).

— Посмотрите. Оцените. Нам важно знать ваше мнение. И возьмитесь переводить. Этот вопрос еще не согласован на самом верху, но полагаем: нашу инициативу одобрят. Предупреждаем о неразглашении. Все, что нужно для работы, скажите — обеспечим. Денежные условия будут хорошие. Не обидим. Скажите, что вам надо. Может быть, путевки в санаторий для улучшения творческих процессов? Все сделаем, только работайте.

Тарковский стал отказываться от оплаты и забот, подчеркивая, что для него и без того высокая честь. Вскоре он, весьма обрадованный, что все обернулось не полным худом, уехал к себе домой в той же огромной черной машине и в том же конвойном сопровождении.

Затем раз в неделю или в две ему позванивали и осведомлялись, как нравятся стихи, как он справляется с переводом, не терпит ли в чем нужды и что может способствовать его поэтическим усилиям.

Стихи переводчику — могло ли быть иначе?! — нравились. Он ни в чем не нуждался. Работа двигалась.

Вскоре его пригласили в ту же комнату в Кремле, и тот же аккуратный чиновник сказал, что он должен уведомить поэта, что они посоветовались с товарищем Сталиным и вождь выразился в том смысле, что публиковать его юношеские стихи на русском языке не следует, поскольку мероприятие это несвоевременное. У Тарковского была изъята красивая папка с грузинскими текстами, подстрочниками и с черновиками переводов. Поэт еще раз был строго предупрежден о неразглашении, и ему была вручена за беспокойство и напрасные труды большая пачка крупных купюр.

Тем история и окончилась. Возможно, у вождя была верная самооценка и даже тайный комплекс творческой неполноценности — ощущение своей поэтической заурядности. В сходной ситуации Гитлер, некогда занимавшийся живописью, тоже, кажется, не использовал безграничную власть для публикации своей мазни, а Мао опубликовал свои вполне традиционные юношеские стихи на китайском, и в 50-х годах, быть может, по инициативе того же аккуратного

чиновника они были переведены на русский язык и опубликованы в «Литературной газете».

Всем сестрам по серьгам

Литературовед Александр Сергеевич Мясников рассказывал.

В 1949 году в Гослитиздат позвонил Сталин и сказал:

— Товарищ Мясников. Не мы выбирали жен Алексею Толстому. Он сам выбирал, и надо гонорар за его литературное наследство разделить между первой и второй женами.

Разобщающее единство и объединяющее разобщение

Вскоре после войны между Шолоховым и Эренбургом на национальной почве возникли напряженные отношения. Сталин счел необходимым вмешаться и сказал:

— Ваши евреи проявили трусость во время войны, а ваши казаки — антисоветские настроения и еще в гражданскую войну боролись с Советской властью.

Двусмысленность этого «примирительного» жеста достигла своей цели: взаимная неприязнь между писателями не исчезла.

Сталинская стратегия, основанная на принципе «разделяй и властвуй», вносила в официальную политику интернационализма существенные «диалектические» коррективы, при которых единство народов сочеталось с их разобщением и «борьбой противоположностей». Антисемитизм был лишь звеном этой сталинской национальной политики, которая силой создавала общность и одновременно нагнетала напряженность между народами Прибалтики и неприбалтами, обостряла отношения армян и азербайджанцев, грузин и абхазцев, казахов и русских и т. д.

Заступился

По указанию Сталина в январе 1948 года «Правда» разоблачила группу театральных критиков-«космополитов», позволявших себе неодобрительно отзываться о драматургических шедеврах А. Софронова, А. Сурова, о произведениях Н. Грибачева и А. Первенцева.

Подаренная жизнь

По указанию Сталина за стихотворение «Люби Украину» украинского поэта Владимира Сосюру проработали в печати как националиста. По законам всякой сталинской кампании «по борьбе», во всех республиках стали сразу же разыскивать своих «националистов». Секретарь белорусского ЦК даже поблагодарил одного своего поэта за то, что тот дал материал для проработки его, так как долго не удавалось найти белорусского деятеля культуры, которого даже с большой натяжкой можно было обвинить в национализме. Над самим Сосюрой нависла опасность ареста, и он запил. Тут он и написал письмо, какого никогда не написал бы трезвым: «Отец родной, не убивай своего сына!» Письмо было столь странным, что дошло до адресата, который наложил не менее странную бюрократи-

ческую резолюцию регистратора прихода и расхода «человеческого материала»: «Тов. Сосюре сохранить жизнь».

Стойкость

Писатель Николай Вирта был на приеме у Сталина. Сталин усадил его, а сам стоял и курил. Вирта встал и сказал, что ему неудобно сидеть, когда Сталин стоит.

— Ничего, не беспокойтесь, товарищ Сталин выстоит.

Бюрократия и писатели

Владимир Соллогуб писал: «Пушкин находился в среде, над которой не мог не чувствовать своего превосходства, а между тем в то же время чувствовал себя почти постоянно униженным и по достатку, и по значению в этой аристократической сфере, к которой он имел . . . какое-то непостижимое пристрастие. Наше общество так еще устроено, что величайший художник без чина становится в официальном мире ниже последнего писаря». В сталинскую эпоху отмеченная Соллогубом российская традиция отношения писателя с бюрократией не изменилась. Это проявилось в судьбе прямо не убитых писателей Булгакова, Платонова, Ахматовой, Зощенко, Мартынова, Заболоцкого, Пастернака. По-своему замечательно точно, хотя и цинично определил эту особенность нашей литературной жизни писатель Вадим Кожевников: «Писатель без должности — не писатель».

ДРУГ СОВЕТСКОГО ТЕАТРА

Пьеса, вызвавшая личное внимание

В Комитете по делам искусств дежурил крупный чиновник. Поздний вечер. Телефонный звонок.

— Слушаю.

Звонил Сталин:

— Как у вас в комитете относятся к пьесе Вирты «Заговор обреченных»?

Смекнув, что раз Сталин спрашивает, значит относится хорошо, чиновник сказал:

— Автор на нас не обижается.

— Вот и хорошо, что не обижается. А в каких театрах пойдет эта пьеса?

— В четырех, товарищ Сталин (и он произвольно назвал четыре крупных театра).

— Хорошо. Пусть на премьеру МХАТ меня пригласят.

Оцепенение

Когда во МХАТе ставили спектакль «Заговор обреченных», актер Михаил Пантелеймонович Болдуман играл роль американского политика. В одном из эпизодов пьесы американец говорит: «Я устраиваю

один заговор за другим, а он (Сталин) тем временем занимается вопросами языкознания». Зная, что Сталин собирается пойти на премьеру, в процессе репетиций Болдуман на фразе «Он . . .» указывал пальцем на правительственную ложу.

На премьеру приехал Сталин. В том самом эпизоде Болдуман обернулся и поднял палец . . . Тут взгляд актера встретился со взглядом кумира. И в страхе Болдуман забыл текст, и жест его повис в воздухе. Казалось, что оцепенение актера длилось целую вечность, хотя прошло несколько мгновений. Тут Сталин понял, в чем дело, и сделал ответный жест: одобрительно кивнул и дважды неслышно хлопнул в ладоши. Актер очнулся и продолжил спектакль.

Перепутал

В 1949 году в помещении МХАТа гастролировали Ленинградский театр комедии и Белорусский театр драмы. Как-то раз Сталин решил посмотреть что-нибудь революционное и выбрал спектакль белорусов, но случайно попал на Пиранделло Ленинградской труппы. Взбешенный Сталин покинул театр со словами: «Это про революцию?!» Наутро постановщика спектакля Николая Павловича Акимова сняли с главных режиссеров. Вновь он возглавил театр только через два года после смерти Сталина.

Неприемлемая трактовка

Сталин посмотрел в Малом театре спектакль «Орел и орлица» об Иване Грозном и был возмущен тем, что царь показан страдающим от любви к кабардинской девушке. Личное, человеческое, по мнению Сталина, не должно быть присуще образу царя. Вождь опасался, что такая трактовка будет бросать отсветы и на его собственную фигуру, которая должна выглядеть монументальной и государственно строгой.

Не пришел

Райкин должен был выступать с серией концертов перед гарнизоном Кремля. Артист послал Сталину приглашение на один из концертов. Через некоторое время нарочный привез большой конверт с надписью: «Благодарю за приглашение. Прийти не могу. Желаю успехов в работе. И. Сталин».

Спектакль о юности вождя

В 1949 году Центральный Комитет ВКП(б) поручил Георгию Товстоногову поставить спектакль к 70-летию Сталина. Отказаться было нельзя, тем более что у режиссера были репрессированы родители. Он выбрал пьесу «Из искры . . .» известного грузинского драматурга Шалвы Дадиани, которую видел в постановке Ахметели еще до войны. Товстоногов предпочел бы этой беспомощной пьесе, восхваляющей юного Сталина, булгаковский «Батум», но он был запрещен. Тогда Товстоногов пригласил драматурга и критика Михаила Блеймана, изгнанного отовсюду во время космополитической кампании,

чтобы тот подправил пьесу, введя в нее мотив драмы Михаила Булгакова. На афише, по обычаям тех лет, значился только Дадиани. Сталина играл Евгений Лебедев, родители которого тоже были репрессированы,— в духе булгаковской пьесы — как человека божественного и в то же время земного, доступного каждому. Это расходилось с официозной идеей полной божественности вождя. Начальство почувствовало этот подвох, и спектакль запретили. Между тем, в зале присутствовал работник «Правды», и в канун юбилея Сталина в газете появилась хвалебная статья о спектакле. Начальство сразу же сменило гнев на милость. Всем ленинградским газетам было дано указание выступить с положительными рецензиями, Товстоногова и Лебедева удостоили Сталинской премии, о чем они горько вспоминали в годы оттепели и перестройки.

Падение и взлет

После войны в Малом театре поставили пьесу о морском флоте. В Комитет по делам искусств позвонил Ворошилов и сказал: «Пьесу снять — у нас таких офицеров нет!» Директор театра Шаповалов сказал: жалко — хорошие артисты играют. Посоветовались с работником ЦК Шепиловым. Тот сказал: устройте закрытый просмотр.

Во время спектакля драпировка правительственной ложи пошевелилась, а в конце оттуда показались две маленькие ладошки и сделали три хлопка.

Утром позвонил Шепилов:

— Все хорошо, спектакль понравился. Выдвигайте на Сталинскую премию.

Непринужденность, знающая границы

Сталин умел создавать на приемах и банкетах непринужденную обстановку. Однако непринужденность имела свои четкие границы. Когда Сергей Образцов однажды заговорил слишком громко и оживленно, к нему подошел человек в штатском и сказал:

— Неудобно, на вас смотрят.

Подвиг Матросова

На концертах в Георгиевском зале Сталин и правительство обычно сидели в первом ряду. Однажды, рассказывает Образцов, во время исполнения танца с саблями Хачатуряна Ворошилов, сидевший рядом со Сталиным, встал перед ним чуть сбоку, как бы защищая его своим телом. Сталин как должное воспринял этот жест подхалимства.

Эпизод

Однажды на юге во время прогулки Сталин встретил артиста Михаила Жарова. Тот непроизвольно попятился и шагнул в сторону. Сталин подошел и сказал:

— А я вас знаю.

Жаров в растерянности ответил:

— Конечно, меня все знают . . .

Каземат культуры

Сталин назначил академика Георгия Федоровича Александрова главным редактором новой газеты «Культура и жизнь». Этот печатный орган был знаменит суровыми проработками деятелей литературы и искусства. За это в кругах творческой интеллигенции газету, сопоставляя с известной тюрьмой, называли «Александровский централ».

ДРУГ СОВЕТСКИХ КИНЕМАТОГРАФИСТОВ

Сталин и принцип наоборот

Сталину был присущ антиштамп — неожиданность решения «наоборот», шаблонное мышление «от противного».

Однажды, уезжая в отпуск, председатель Комитета по делам кинематографии Большаков наставлял своего заместителя:

— Если попросят показать товарищу Сталину новую картину, постарайся оттянуть просмотр до моего возвращения. Я знаю, как проводить это мероприятие, а без меня можно и провалиться. Только если будут требовать, повезешь фильм в Кремль. Будет заказан пропуск. Войдешь во второй подъезд желтого здания, поднимешься на третий этаж и остановишься у зеркала. Стой спокойно, пока не позовут. Когда позовут, войдешь, поздороваешься, сядешь и молчи, пока не спросят. На вопросы отвечать коротко и по-деловому. И никакой инициативы, ничего от себя, никаких эмоций, никаких самостоятельных высказываний и оценок... Понятно?

— Чего проще.

Однако на деле заместитель сплоховал — нарушил наставления Большакова. Когда Сталин попросил показать ему какой-нибудь фильм, заместитель Большакова решил не дожидаться возвращения начальника и провести просмотр, так сказать, своими силами. Он выбрал для показа кинокартину по сценарию Павла Нилина «Большая жизнь», которая в Комитете по делам кинематографии оценивалась высоко. В Кремле он прошел по коридору, подошел к зеркалу и увидел над зеркалом щетку. Потянулся к ней и услышал непонятно откуда идущий голос: «Не надо». Отдернул руки и замер. Вскоре его пригласили в зал. Он поздоровался и на вопрос Сталина объяснил, что он заместитель Большакова и покажет хороший фильм.

— Хороший?— переспросил Сталин.

— Очень хороший,— подтвердил заместитель.

— Это кто же так решил, что очень хороший?

— Все, товарищ Сталин.

— Показывайте.

Начался просмотр. Пошли кадры разрушенного войной Донбасса, и Сталин недовольно спросил:

— Это какое же время у вас показывается?

Этого было достаточно, чтобы по поводу каждого следующего кадра посыпались отрицательные реплики членов Политбюро.

Когда экран погас, Сталин резко выразил свое недовольство и велел на основе его выступления подготовить постановление ЦК.

Вскоре вернулся из отпуска Большаков, и Сталин у него спросил:

— Что это за тип — ваш заместитель?

— А он давно уволен,— соврал Большаков и задним числом подписал приказ об увольнении.

«Пропали деньги»

Посмотрев вторую серию «Большой жизни», Сталин спросил, сколько стоил фильм. Калатозов ответил: три с половиной миллиона. «Пропали деньги»,— весело сказал Сталин. У него вообще весь этот день было очень веселое настроение, и он улыбался в усы.

После разгрома «Большой жизни» режиссер фильма Леонид Луков сказал:

— Я хотел бы исправить мою кинокартину.

Сталин обратился к Жданову:

— Как вы думаете, товарищ Жданов, можно ли исправить этот фильм?

Спросил и, не ожидая ответа, стал с выражением глубокой сосредоточенности прогуливаться, а потом сел и сказал:

— А что же останется неисправленным?

На уровне табуретки

Сталину показывали фильм «Смелые люди». Ему понравилось, как Грибов скачет на лошади, и он похвалил:

— Хорошо скачет артист Грибов.

Большаков пояснил:

— Товарищ Сталин, это рирпроекция.

— Что такое рирпроекция?

— Грибов сидит на табуретке и подпрыгивает, а сзади под это подложен фон.

Сталин задумался, а потом удивился:

— Вы что, на этой табуретке хотите обогнать Голливуд?

«Плохо»

Товстоногов рассказывал.

— Как-то после войны Козинцев показывал свой фильм Сталину и пытался угадать его впечатление. Вдруг вошел Поскребышев, передал записку, посветил фонариком. Сталин буркнул: «Плохо». Козинцев потерял сознание. Сталин сказал:

— Когда проснется этот хлюпик, скажите ему, что «плохо» относится не к фильму, а к записке. Товарищу Сталину весь мир говорит «плохо»— не падает же Сталин от этого в обморок.

Прием фильма

Белорусский кинорежиссер Садкович после войны снял фильм о ГДР. Председатель Комитета по делам кинематографии Большаков и его заместитель повезли показывать этот фильм Сталину. После

просмотра Сталин долго молча ходил, попыхивая трубкой, потом спросил:

— Кто сделал этот фильм?

— Товарищ Сталин, этот фильм создал известный кинорежиссер Садкович.

— Кому известный? Этот фильм сделан ... пламенным советским патриотом. Но в фильме есть недостаток: слишком много Сталина и мало Вильгельма Пика. Какие еще будут мнения?

Маленков сказал, что в фильме есть Маркс (в кадре, показывавшем немецкую школу, мелькнул его портрет на стене), но нет Энгельса.

Молотов добавил, что нужно полнее отразить сельское хозяйство ГДР.

Сталин обратился к Большакову:

— Справится ли товарищ Садкович с доработкой фильма и с устранением указанных недостатков?

— Справится, товарищ Сталин.

На том и порешили.

Потом Садкович стал руководителем кинематографии Белоруссии. Шли аресты, Садковича не трогали: у него была охранная грамота (тоже относительная)— о нем Сталин сказал: «Пламенный советский патриот».

Цветная пленка

Делали кинохроникальную ленту об авиапараде. Только что появилось новшество — цветная пленка. Сталин спросил:

— Снимают на цветную пленку?

Молотов ответил наугад:

— Да.

Однако оказалось, снимают на черно-белую. Срочно послали машину на студию документальных фильмов, которая в этот воскресный день была пуста. Выбили двери, взломали сейф, где хранилась цветная пленка и к концу парада пленку доставили в Тушино. Оператор успел заснять в цвете только трибуну, вождя и последние эпизоды парада. Несмотря на то, что это обошлось в копеечку и трибуны опустели, парад повторили для цветной съемки.

«Переводчик»

Зарубежные картины переводил Сталину Большаков, не знавший ни одного иностранного языка. Перед правительственным просмотром он несколько раз смотрел фильм вместе с переводчиком, слушал и заучивал синхронный перевод и потом пересказывал его в Кремле.

Нетипичный сюжет

В первом варианте фильма Сергея Аполлинариевича Герасимова «Сельский врач» сюжет развивался так: вскоре после приезда девушки-медика в сельскую больницу работавший там старый врач

умирал. Девушка оказывалась беспомощной перед лицом трудностей.

Сталин не одобрил такой поворот событий:

— А зачем умирает этот мудрый старый человек, который должен вести ее в жизнь? Это нетипично.

Большаков разъяснил Герасимову:

— Там наверху не любят, когда старики умирают.

Уточнение

Михаил Ильич Ромм создал документальный фильм «Владимир Ильич Ленин», половина которого была посвящена Сталину как продолжателю дела Ленина. После просмотра Сталин похвалил картину. Естественно, никто из присутствующих уже не решился высказывать замечания. Только Берия уточнил: Лысенко в фильме назван создателем ветвистой пшеницы, но мы знаем, что именно товарищ Сталин поручил ему создать такую пшеницу и рассказал, как это сделать. Сталин примирительно сказал:

— Ну ладно, укажем в фильме, что Лысенко не создал, а вырастил ветвистую пшеницу.

Не убедили

Когда обсуждалась будущая картина «Молодая гвардия», Сталин высказал мнение, что фильм нужно делать односерийным: иначе зрители, посмотревшие только первую серию, не сумеют получить правильного представления о войне и советских комсомольцах. Герасимов осмелился возразить: он видит фильм в двух сериях. Сталин стал демонстративно опрашивать членов Политбюро: все единодушно высказывались за одну серию. После каждого ответа Сталин обращался к Герасимову:

— Убедил вас товарищ Молотов?

Или:

— Убедил вас товарищ Берия?

А Герасимов, умом игрока, боксера и артиста почувствовавший, что возражать можно, стоял на своем. И это несмотря на то, что Большаков с отчаянием шептал ему в ухо:

— Соглашайся, дурак!

А Берия процедил: «Ты с кем споришь, кретин?»

Когда опрос закончился и Герасимов остался при своем мнении, Сталин сказал:

— Ну что же, разрешим режиссеру делать в двух сериях в порядке исключения?

На лестнице Большаков обнял Герасимова:

— Молодец!

Ослушание

Посмотрев вторую часть «Ивана Грозного» Эйзенштейна, Сталин сказал: «Смыть». Кто-то посмел ослушаться: фильм не смыли, а положили на полку.

Борец с культом личности

Как-то после просмотра историко-революционного фильма Сталин отругал режиссера за выпячивание роли товарища Сталина. Режиссер фильма и Большаков ушли с просмотра убитые: было ясно — фильм запретят. Однако страшней было другое: терялись ориентиры. Что же все-таки надо? Как попасть в точку?— мучился догадками Большаков.

Наутро ему позвонил Берия и распорядился:

— Выпускайте фильм на экраны.

— Как?— не понял Большаков.— Ведь товарищ Сталин сказал . . .

— Я вам говорю, выпускайте!

— Но может быть, что-то поправить?

— Не надо. Выпускайте!

Уж Берия-то понимал, что Сталин разыграл фарс скромности.

Все-таки приглашен

Во второй половине 30-х годов Сталин приглашал Александра Петровича Довженко на просмотры новых советских фильмов и садился рядом с ним. После просмотра он неизменно спрашивал: «Что скажет наш ведущий режиссер?» И Довженко давал устную рецензию на фильм, которая в значительной мере определяла мнение Сталина. Вождь учился пониманию и оценке киноискусства по высказываниям мастера. Во время войны — году в 1944— Довженко снял художественный фильм «Украина в огне». Там есть такой эпизод. В село входят немцы. Старик-колхозник взбирается на стул и снимает со стены портрет Сталина, бормоча: «Щоб твои ясни очи не бачили цего позору».

Этот эпизод был истолкован Берия как порочащий Сталина и Советскую власть. Довженко вызвали в Кремль объяснить Сталину, что значит эта сцена. Довженко сказал: может быть, он и ошибся, но делал все с открытым сердцем и ничего не злоумышлял. Сталин изрек, что если бы он не знал Довженко, то мог бы подумать, что его рукой водил враг советского народа.

«Кому вы показывали этот сценарий?»— спросил Берия. Довженко мужественно утверждал, что за все отвечает сам и с пути истинного его не сбивал никто. На самом деле сценарий читал Хрущев, и именно в него целил своей интригой Берия. Довженко спас Хрущева, не назвав его имя.

С той поры Довженко перестали приглашать к Сталину, снимал он мало. А когда в конце 40-х годов он создал фильм про Мичурина «Жизнь в цвету», кинорежиссера заставили картину переделать в духе лысенковской проблематики.

В декабре 1949 года в день празднования 70-летия Сталина Довженко беседовал дома со своим учеником — молодым кинодраматургом Валентином Ежовым. Пришла взволнованная жена Довженко — Юлия Солнцева — со словами: «Сашко, Пырьевым принесли!» Довженко приуныл. Через некоторое время Солнцева сообщила: «Сашко, Орловой принесли!» Довженко опечалился. Еще через время поступило сообщение, что и Александрову принесли пригла-

шение на торжество. Довженко затосковал и проговорил не совсем понятный текст:

— Память может пролить на человека благодать и может его казнить.

Вдруг в дверь позвонили и, скрипя ремнями, в прихожую вошел мотоциклист-нарочный. Он вручил Довженко длинный узкий конверт и попросил расписаться. Под восторженные ахи и вздохи окружающих счастливый мастер осторожно срезал край конверта и вынул пригласительный билет с золототисненным сталинским профилем. Любовно рассмотрев билет, он из своих рук показал его жене и ученику. Мастер воскликнул: «Все-таки помнит!»

Так радость пришла в дом обласканного, отвергнутого, наказанного забвением и вновь облагодетельствованного вождем великого режиссера. Его же суетность объяснима. Это был сформированный Сталиным исторический парадокс сознания эпохи культа личности, отражавший зависимость мастера от тирана.

Открытие новой эры

Писатель Л. ко дню рождения Сталина предложил начать новое летоисчисление от дня рождения Иосифа Джугашвили.

Застолье

Любимец вождя — режиссер Чиаурели сидел у Сталина за пиршественным столом.

— Скажи тост,— предложил Сталин.

— Я поднимаю этот бокал за самого великого человека, за вождя всех народов, за гения всех времен, за светоча науки, за товарища Сталина . . .

Сталин в гневе выплеснул вино.

— Как посмел ты нарушить грузинский обычай?! Надо провозгласить первый тост за самого старшего!

— Но вы и есть самый старший . . .

— А Ленин?

— Ленин умер.

— В этом доме Ленин не умирал никогда!

Сталин встал и, не оборачиваясь, вышел.

Долго сидел Чиаурели в ужасе, не зная, что его ждет. Наконец, вошел человек в штатском и сказал режиссеру, что он может ехать домой.

Во время другого застолья Чиаурели развлекал Сталина песнями и рассказами. Сталин внимательно слушал и вдруг прервал:

— Чиаурели, это ты в семнадцатом году был меньшевиком, а потом мусаватистом, а потом дашнаком? Почему тебя не расстреляли?

Чиаурели похолодел.

— Нет, товарищ Сталин, я не был . . .

— А мне говорили, что был.

— Нет, товарищ Сталин . . .

— Наверно, это был другой Чиаурели. Продолжай.

Но Чиаурели уже не мог ни петь, ни говорить.

Разрешение

В процессе работы над фильмом «Клятва» у Павленко и Чиаурели возникла необходимость поговорить со Сталиным. Берия организовал им такую встречу. В назначенный день шесть человек творческой группы фильма пришли на прием. Их пригласили в комнату, где был накрыт стол. Вскоре пришел Берия, а чуть позже Сталин.

Гости и хозяин сели за стол. Сталин спросил:

— Почему вы без жен?

— В Тулу со своим самоваром не ездят,— пошутил Чиаурели.

Сталин встал, вышел из-за стола и покинул комнату.

Все застыли. Подождали пять . . . десять . . . пятнадцать минут . . . Берия побледнел и вышел. Вскоре он вернулся и сказал Чиаурели:

— Ты дурак! У тебя дурацкие шутки. Уходи. Все уходите. Сталин не будет с вами беседовать.

Несмотря на этот весьма неудачный случай, Чиаурели и Павленко через Берия удалось проконсультировать у Сталина одну из сцен будущего фильма: можно ли снимать речь —«клятву» Сталина над гробом Ленина не в Колонном зале, где согласно всем известной официальной версии она происходила, а на Красной площади.

— Ну что же,— ответил Сталин,— если художник так видит, то можно.

На память о банкете

Иногда по звонку Чиаурели одевался среди ночи, ждал посланную за ним машину и уезжал на банкет к Сталину. Режиссеру вменялось в обязанность играть на гитаре, петь, забавлять публику рассказами. Иногда он вместе со Сталиным смотрел фильмы, комментировал и оценивал их. Сталин прислушивался к его высказываниям и часто сам их повторял. Однажды после банкета у Сталина Чиаурели вернулся домой навеселе с большой корзиной фруктов в руках и фуражкой генералиссимуса на голове. Наутро он позвонил в секретариат Сталина и сообщил, что увез шапку. Из секретариата, после согласования со Сталиным, Чиаурели ответили, что шапку он может оставить на память.

Выбор актера на роль Сталина

Сталин не хотел, чтобы его играл Геловани. Он говорил, что этот актер не раскроет его образ. Однако Чиаурели настаивал, понимая, что Геловани молодой и красивый мужчина и это польстит Сталину. В конце концов Чиаурели получил разрешение на работу этого актера.

Переиграл

По просьбе Сталина Чиаурели привел к нему загримированного под Сталина Геловани. Оригинал и двойник ходили по комнате одинаковой походкой, одинаково говорили и жестикулировали. Зрелище было забавное. Наконец Сталин с удовлетворением сказал:

«Грамотно одет». Через несколько минут наблюдений изрек: «Похож, но очень глуп».

Анекдотический диалог

Геловани попросил поселить его на даче Сталина у озера Рица.
Когда об этом доложили Сталину, он спросил:
— А почему Геловани хочет жить на Рице?
— Хочет вживаться в ваш образ.
— Тогда пусть начнет с Туруханской ссылки.

Испугал

Геловани играл Сталина в фильме Чиаурели. В тот момент, когда по ходу фильма Сталин узнает о смерти Ленина, Геловани утирал слезу. Посмотрев фильм, Сталин сказал грозно:

— Так ты, Чиаурели, что же, заставил меня плакать?! Меня заставил плакать?! Плакать заставил меня?!

Чиаурели испугался. Однако оказалось, что Сталин шутит, что эта сцена и фильм в целом ему понравились.

Перемена национальной принадлежности

Однажды Сталин пригласил к себе исполнителя заглавной роли в фильме «Арсен» Спартака Багашвили. Хозяин налил гостю стакан коньяку. Выпив, актер стал по-грузински восхвалять вождя. Сталин сказал: «Он думает, что я все еще грузин».

Национальное самосознание вождя

На приеме в честь победы в войне Сталин произнес знаменитый тост за великий русский народ и его терпение. К нему подошел маршал бронетанковых войск Павел Семенович Рыбалко и сказал:
— Как вы, товарищ Сталин, замечательно сказали о русском народе! Как глубоко! Откуда вы, грузин, так глубоко знаете русский народ?
Сталин сердито ответил:
— Я не грузин. Я русский грузинского происхождения.
Рыбалко на некоторое время впал в немилость.

Без акцента

Режиссер фильма «Сталинградская битва» и все кинематографическое начальство беспокоились, что, исполняя роль вождя, Алексей Денисович Дикий говорит без акцента. Актер сказал:
— Только не учите меня. Я сам знаю, что нужно.
Сталин посмотрел фильм и изрек.
— Савэршэнно нэ похоже. Но интэрэсно.
Он хотел быть русским императором России.
Вскоре Дикий был приглашен в Кремль. Сталин сказал ему:
— Я пригласил вас, чтобы узнать, почему вы играете меня без акцента.

Артист уточнил:
— А я играю не вас.
— Как так? А кого же вы играете?
— Я играю вашу государственную функцию.
Ответ был Сталину приятен: он и не хотел, чтобы в нем видели человека.

Национал-нигилист

Авторов фундаментального труда по истории Грузии, удостоенного Сталинской премии, принял Сталин. Они были удивлены, что вождь говорил с ними только по-русски и обмолвился: «Вот у вас, у грузин . . .» А потом сказал: «А вот у них, у русских . . .» Кем же ощущал себя в конце 40-х годов Сталин? Грузином? Русским? Скорее всего, богом, у которого нет и быть не может национальности, иначе среди молящихся Христу не было бы антисемитов.

Бытовая сценка

Сталин смотрел фильм Григория Васильевича Александрова «Весна», в котором играет Любовь Орлова. Фильм понравился. По приказу Сталина в просмотровом зале накрыли стол. Сталин поднял тост за создателей фильма. Потом сказал:
— Пусть Жданов нам поиграет, а мы потанцуем.
Жданов сел за рояль. Сталин пригласил Орлову и танцевал с ней под почти музыкальные звуки, издаваемые Ждановым.

ДРУГ МУЗЫКАНТОВ

Резолюция

В 1947 году королева Бельгии пригласила Леонида Когана и других советских музыкантов на конкурс скрипачей. Сталин написал на пригласительной телеграмме резолюцию: «Послать. Занять первые места. И. Сталин».

Зарубежные гастроли

Козловский, зная, что Сталин к нему благоволит, однажды обратился с просьбой.
— Я никогда не ездил за границу. Хотелось бы съездить.
— Не убежишь?
— Что вы, товарищ Сталин, родное село мне намного дороже, чем вся заграница.
— Правильно, молодец. Вот и поезжай в родное село.

Душа душегуба

Сталин в последние годы жизни подолгу слушал 23-й концерт Моцарта — разговор души с самой собой. Записывая это предание по долгу объективности, я не доверяю его содержанию: не было у Сталина ни совести, ни покаяния, ни уровня культуры, необходимых

для такого внутреннего монолога. Есть другое свидетельство: после войны Сталин любил пластинку, на которой женский голос пел под аккомпанемент «конкретной» музыки — собачьего лая и воя.

Колокольный звон

Сталин много раз слушал граммофонную пластинку с записью оперы Глинки «Жизнь за царя» («Иван Сусанин») в старом дореволюционном исполнении.

Когда опера была вновь поставлена в Большом театре, Сталин спросил:

— А где же колокола?

— Их нам велели снять.

— Не лучше ли снять того, кто велел, а колокола вернуть?!

Восстановление финала

Сталин слушал «Ивана Сусанина». После оперы директор театра спросил, как вождю понравилась постановка. Сталин ответил:

— Я знаю, с мнением товарища Сталина в нашей стране считаются, и поэтому привык высказываться о спектакле, только посмотрев его до конца.

— Да, но опера кончилась.

— Нет, не кончилась. Когда-то была еще концовка, которую театр убрал.

Концовку восстановили. Однако вместо славы царю на ту же музыку хор пел славу русскому народу.

По всем вопросам, с которыми ему приходилось сталкиваться, Сталин получал специальную разработку и поэтому производил впечатление разносторонне образованного человека, компетентно судившего о музыке, авиации, биологии, военном деле и т. д. Однако такая заемная эрудиция нередко приводила к вульгаризации культуры, и лучшие композиторы обвинялись в формализме.

Знаковая система власти

Шел правительственный концерт. Новый председатель Комитета по делам искусств Николай Николаевич Беспалов сидел в ложе. Вошел человек и предупредил:

— Не уходите. Вас вызовут.

Концерт окончился. Беспалова повели к Сталину, который спросил:

— Информацию о концерте написали?

— Да, товарищ Сталин.

Сталин прочел и сказал:

— Допишите: на вечере присутствовали товарищ Сталин . . .

Далее были перечислены руководящие лица в строго определенном порядке. Именно для этого Беспалов и был вызван. Этот порядок имел иерархическое значение. Это была семиотика власти, ее знаковая система.

ГРАДОСТРОИТЕЛЬ

Угаданное желание

У Сталина появился новый доверенный охранник, сопровождающий вождя в машине. После первой же поездки новичка вызвал Поскребышев и спросил:

— Каким маршрутом ехали?

Охранник описал.

— Что говорил товарищ Сталин?

— Ничего.

— Совсем ничего не сказал?

— Нет, когда были у Смоленской площади, около высотной новостройки, он сказал одно слово.

— Какое?!

—. . . Пиль . . .

— Ага, понятно. Вы свободны.

Ночью автора проекта высотного здания на площади Восстания архитектора Михаила Васильевича Посохина и создателей других высотных домов пригласили к Берия. Он сказал: «Традиции русской архитектуры не учтены в ваших проектах. Нужно завершить все здания шпилями». Один из архитекторов со слезами на глазах стал умолять не трогать его проект: высотное здание на Смоленской площади уже сооружено, а шпиль в нем не предусмотрен. Берия сурово изрек: «Придется предусмотреть».

Через неделю «Правда» опубликовала статью о русской традиции шпилевой архитектуры, а затем на высотных домах появились шпили.

Когда дом на Смоленской площади был готов, Сталин, рассматривая его, спросил:

— А какому дураку пришло в голову венчать это здание шпилем?

Архитектурный шпиль

Архитектуру сталинской эпохи (особенно послевоенного периода) называют «ампир во время чумы».

Новое здание университета

После войны по указанию Сталина в Москве начали проектировать высотные здания. Особую мудрость этого решения видели в том, что они якобы защищают Москву от вражеской авиации. Архитекторы разработали проекты нескольких высотных зданий, в том числе большой гостиницы на Ленинских (Воробьевых) горах. Когда проект был готов, Сталин сказал: «Нам не нужны гостиницы, нам нужно здание нового университета». Вождь отдавал предпочтение строительству исторически престижных зданий, чтобы он и его эпоха выглядели величественней. Так здание, предназначавшееся под гостиницу, без переделки проекта стало университетом.

Обливной петушок и Юрий Долгорукий

Мастер фарфоровых миниатюр и детских игрушек из глины Сергей Михайлович Орлов сотворил однажды обливного петушка, который попал на выставку. Молотов сопровождал по выставке

знатного американца, и гостю очень понравился этот экспонат. Недолго думая, Молотов снял его со стенда и подарил иностранцу.

Когда выставка закрылась и экспонат не вернули автору, он заявил протест выставкому, а узнав, что петушок подарен, вознегодовал: «Я делал петушка для советских детей, а не для американских империалистов».

Выставком предложил скульптору компенсацию в размере 400 рублей. Однако мастер отказался и обратился в Министерство иностранных дел с требованием вернуть петушка. Из министерства ему ответили, что игрушка подарена важному американскому гостю и он — мастер — может получить за нее в кассе Министерства причитающиеся ему 4000 рублей.

Скульптор деньги получать не стал, а написал жалобу на имя товарища Сталина: мол, я игрушку делал для советских детей, а не для буржуев, и пусть вернут мне мою птичку.

Жил скульптор где-то под Москвой и однажды увидел у своего дома большую машину. Его пригласили в нее сесть и, ничего не объясняя, повезли в неизвестном направлении. Привезли в Кремль и велели войти в указанную дверь. Он вошел и очутился на заседании Политбюро, которое вел Сталин.

Сталин сказал:

— А вот и наш скульптор зашел к нам. Какое у вас дело, товарищ Орлов?

Правдоискатель, запинаясь, объяснил, что он сделал обливного петушка из глины для советских детей, а его отдали знатному американскому империалисту.

— Да,— сказал Сталин,— товарищ Молотов совершил ошибку, и мы должны сделать ему строгое замечание и указать, чтобы впредь он игрушки, созданные для советских детей, не отдавал заокеанским богачам.

В этот момент в зал вошел председатель Союза художников Иогансон.

— А вот, кстати, и наш художник к нам пожаловал,— сказал Сталин.— Товарищ Иогансон, я слышал, что готовится памятник Юрию Долгорукому. Есть такое мнение: поручить сооружение памятника товарищу Орлову. Как вы полагаете, товарищ Иогансон, справится этот мастер с такой задачей?

— Конечно, товарищ Сталин, раз вы поручаете, то справится.

— А вас, товарищ скульптор, устроит гонорар за этот памятник в размере 40 000 рублей? Ну вот и хорошо. Так и запишем.

Скульптор всю жизнь работал в малых формах, делал фарфоровые композиции и не умел ваять конные памятники. В помощь ему дали еще двух скульпторов. Эта бригада и создала истукана, которому дано имя Юрия Долгорукого, установленного на площади против Моссовета.

Илья Эренбург однажды вспомнил об этом монументе и привел его как довод против моего утверждения, что в искусстве существует прогресс. Эренбург говорил: я видел скульптуры Фидия и каждое утро вижу памятник Долгорукому. Если это прогресс, то я готов выброситься из моего окна.

Кому памятник, а кто и обойдется

В конце 40-х годов Политбюро приняло решение о сооружении памятников Алексею Толстому, Серго Орджоникидзе, Павлику Морозову, Николаю Васильевичу Гоголю. Решение было спущено в Комитет по делам искусств. За подписью председателя комитета была направлена бумага Сталину на утверждение сметы на строительство этих монументов. Сталин красным карандашом вычеркнул из этого списка памятник Орджоникидзе.

Отчитал

Бывший работник Комитета по делам искусств Николай Туровников рассказал об одном эпизоде, относящемся к концу 40-х годов. Председатель Комитета по делам искусств однажды присутствовал на приеме в Кремле и увидел, что актер Борис Ливанов, будучи навеселе, подошел к роялю и одним пальцем начал играть «Чижик-пыжик». Председатель подошел, тихо закрыл рояль и прошептал:

— Не надо шуметь.

Это заметил Сталин и сказал:

— Товарищ Ливанов, продолжайте играть сколько хотите. А вы, товарищ председатель, даже чижик-пыжик в искусстве играть не можете.

Смена ненужного на нужного

В 1950 году, проезжая на ближнюю дачу по маршруту: Кремль — улица Фрунзе — Арбатская площадь — Арбат — Ленинский проспект и далее по шоссе,— Сталин обратил внимание на изваянный скульптором Андреевым памятник Гоголю. Писатель печально восседал в бронзовом кресле, улыбаясь сквозь невидимые миру слезы. Однако Сталин узрел эти слезы и решил, что это не тот Гоголь, который нам нужен. Памятник сняли и на его место водрузили не обремененного мыслью, оптимистичного и радостного рубаху-парня, который стоит там и по сей день. В 1958 году андреевского Гоголя отыскали в запаснике и поставили во дворе дома, в котором умер писатель.

Человек — кузнец своего счастья

Художник Герасимов сказал Георгию Константиновичу Савицкому:

— У тебя есть мастерство и талант, а званий нет. Не обижайся. Сам виноват. Напиши портрет Сталина. Гарантирую звание.

Савицкий ответил:

— Я же не портретист.

— Портрет жены написал? А как Сталина писать — не портретист!

— Портрет жены — это личное дело, а Сталина писать — большая ответственность.

— Ну и сиди без званий! . .

Надпись на постаменте

Надписи на памятниках, сооружаемых во всех городах, делал Сталин. Обычно он писал что-нибудь однообразно официозное типа:

«Н. В. Гоголю от советского правительства». В Киеве поставили памятник генералу Ватутину и с согласия секретаря ЦК Украины Хрущева на постаменте написали на украинском языке: «Генералу Ватутину от украинского народа». Храпченко был в Киеве и, возвратясь в Москву, доложил об этом Сталину. Тот сильно разгневался, и Хрущеву попало за своеволие. С тех пор Хрущев невзлюбил Храпченко, но, видимо, не был мстителен и когда стал главой государства, его отношение не мешало Храпченко работать в Институте мировой литературы. Он — человек, встречавшийся со Сталиным,— был моим сослуживцем. Наверное, верна шутка: «Всегда можно найти третьего человека, через которого можно выйти на президента США».

РАСПОРЯДИТЕЛЬ И РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬ СТАЛИНСКИХ ПРЕМИЙ

Какой степени!

В 1948 году Сталин отметил произведение Веры Кетлинской «В осаде» и предложил дать автору Сталинскую премию первой степени. Фадеев, который иногда позволял себе вежливо и почтительно спорить со Сталиным, возразил:

— Все-таки, товарищ Сталин, это произведение хотя и заметное, не составляет гордости нашей литературы.

— Хорошо, дадим Сталинскую премию второй степени.

— Товарищ Сталин, мы все так высоко ценим ваше имя и премию вашего имени, что не должны присваивать Сталинскую премию за произведения не абсолютные.

— Ну, хорошо,— сказал Сталин,— дадим ей премию 3-й степени и не будем торговаться.

Скромная просьба

Докладывали о Сталинских премиях. Все уже было утверждено, когда Сталин спросил: нет ли еще чего-нибудь?

— Все. Есть, правда, еще одно дело, но мы и докладывать не стали. Режиссер Рубен Николаевич Симонов считает, что в прошлом году ему дали премию за более слабый спектакль, чем тот, который он поставил в этом году. Нынешняя работа представляется ему более важной, и он просит дать ему премию.

— Раз просит — надо дать,— ответил Сталин.

Превратности судьбы

Однажды Сталин в беседе с Фадеевым похвалил повесть Анатолия Рыбакова «Водители», опубликованную в 1950 году:

— Лучшая вещь в прозе этого года.

Неудивительно, что в 1951 году Рыбакова включили в список кандидатов, представленных к Сталинской премии. Вместе с этим

списком Сталин просматривал короткие характеристики, подготовленные МГБ. Остановившись на характеристике Рыбакова, он посуровел:

— А почему включили в список Рыбакова?

— Лучшая вещь в прозе этого года, товарищ Сталин,— ответил Фадеев.

— Зачем включили? Неискренний человек. Сидел, скрыл свое прошлое и пробрался в партию. Разберитесь там, пожалуйста.

Алексей Сурков и Фадеев с одной стороны стола и Берия — с другой согласно закивали головами. И было непонятно, кто и в чем должен разобраться: руководители Союза писателей в художественных достоинствах повести литератора Рыбакова или Берия в политических недостатках гражданина Рыбакова.

Перед заключительным обсуждением кандидатов в лауреаты Сурков на всякий случай затребовал из отдела кадров личное дело Рыбакова. Картина получилась такая: в юности, в начале 30-х годов, Рыбакова посадили за выступление на комсомольском собрании. Через несколько лет выпустили. В партию он не вступал.

На обсуждение Сурков захватил личное дело Рыбакова. Сталин просмотрел окончательный список, где, естественно, Рыбаков давно был вычеркнут. Обсуждения никакого не было, и все сидели молча. Сталин занес руку, чтобы поставить подпись, и вдруг вспомнил:

— А как дела с тем неискренним человеком, который обманул партию?

— Товарищ Сталин, Рыбаков не обманывал партию: он беспартийный,— прозвучало в ответ.

— Хорошо работаешь, Лаврентий Павлович, хорошо у тебя получается,— сокрушенно покачал головой Сталин и своей рукой вписал Рыбакова в окончательный список лауреатов.

Уроки Римской империи

Однажды Сталин принял участие в сессии Комитета по Сталинским премиям и обнаружил, что нет Фадеева и ряда видных деятелей культуры, приглашенных на заседание. Сталин сказал: «Между прочим, Римская империя развалилась потому, что первостепенные лица поручали там государственные дела второстепенным».

«Не тянет»

Обсуждался список писателей, представленных на Сталинскую премию. Докладывал Фадеев. Сталин ходил, курил трубку. Когда был оглашен список представленных к премии I степени, Сталин поинтересовался:

— А как насчет премии товарищ Шагинян?

— Мы обсуждали ее книгу, товарищ Сталин, пришли к выводу, что она не тянет.

Фадеев зачитал список представленных к премии II степени. Сталин опять спросил:

— А как же с премией товарищ Шагинян?

Фадеев с упорной последовательностью ответил: обсуждали ее книгу, не тянет она.

Сталин нахмурился.

Фадеев зачитал имена кандидатов на премию III степени. Сталин снова спросил:

— А как же все-таки с премией за книгу Мариэтты Шагинян?

— Не тянет она на премию — слабая книга, товарищ Сталин,— упрямо ответил Фадеев.

Тогда Сталин подошел к Фадееву, ткнул в него трубкой и сказал:

— Ну тогда сами и объясняйтесь с ней по этому вопросу. А то я ее боюсь.

Отеческое отношение

Л. при Сталине руководил живописцами на каком-то высоком бюрократическом посту. Докладывая на Политбюро о кандидатах на Сталинскую премию, он от волнения забыл нужную фамилию. Воцарилось молчание. Сталин встал, прошелся по комнате. Наконец кто-то шепотом подсказал Л. фамилию, и он ее произнес. Сталин обернулся и сказал: «Ж . . .!»

Полтора десятилетия уже после смерти Сталина Л. с восторгом и умилением вспоминал: «По-отечески ко мне отнесся».

Внимательный покровитель искусства

Дмитрий П. работал в ЦК и ценил власть, которую давала эта работа. Однажды он вписал в готовый список представленных к Сталинской премии приятельницу-актрису, и та была награждена. Поскольку в театре знали первоначально представленных, то говорили: «Сам Сталин вписал. Вот ведь как внимательно смотрит спектакли! Даже эпизодические роли замечает».

СТАЛИН — КОРИФЕЙ ВСЕХ НАУК

Ученый-обманщик

Александр Александрович Богомолец занимался вопросами геронтологии. Он утверждал, что человек может и должен жить до 150 лет. Сталин очень внимательно следил за его работой, и ему не отказывали ни в каких средствах. В 1929 году он стал академиком АН УССР, в 1932 году — АН СССР, в 1939 году — АН БССР, в 1944— академиком АМН и Героем Социалистического Труда, в 1941— лауреатом Сталинской премии. Когда в 1946 году академик умер 65 лет от роду, Сталин сказал:

— Вот жулик. Всех обманул.

Корифей и физика

Сталин вызвал Сергея Ивановича Вавилова и спросил: кто бы мог проделать важную оборонную работу? Есть ли у нас такой человек?

— Есть-то он есть, но его нет,— ответил президент академии.— Это Стечкин. Он специалист по теории теплового расчета авиационных двигателей.

— Почему нет?— с готовностью отозвался Сталин.— Сейчас найдем. (Поднял трубку.) Лаврентий, у тебя там наш человек один затерялся — ученый Стечкин.

— Почему затерялся, товарищ Сталин,— подобострастно возразил Берия.— Он уже едет в Москву.

Зек № 70393 был вызван с вещами на выход. Его посадили в телегу и повезли. В райцентре ему сказали: «Гражданин Стечкин, пересядьте в машину, вас срочно ждут на аэродроме».

На аэродроме к машине подбежал генерал, открыл дверцу, взял под козырек:

— Товарищ академик, я прибыл в ваше распоряжение. Самолет готов. Разрешите вылет.

И Стечкин полетел делать важную работу.

Философская дискуссия

Заведующий кафедрой диалектического материализма МГУ Зиновий Яковлевич Белецкий написал письмо Сталину, в котором критиковал книгу Георгия Федоровича Александрова «История западноевропейской философии». Сталин вызвал Александрова, велел ему ознакомиться с замечаниями и провести по книге дискуссию.

Александров приуныл. Однако только он вернулся в кабинет, раздался звонок Сталина:

— Товарищ Александров, 21 января на вечере, посвященном памяти Ленина, доклад будете читать вы.

Такие доклады всегда делали только секретари ЦК и члены Политбюро. И Александров снова воспрянул духом. В свете этого благорасположения вождя Александров формально провел дискуссию, подготовив по своему адресу славословия.

Об этом узнал Сталин и приказал дискуссию повторить, поручив провести ее Жданову. Книгу разгромили.

Сталин не любил книги своих приближенных, особенно по крупным темам.

Корифей всех наук и философский вопрос

Белецкий конфликтовал со всеми философами, доказывая совершенно безграмотную идею: объективная истина есть сами факты окружающей нас реальности. Белецкий попросил Светлану Сталину узнать у отца, что такое объективная истина. Сталин постоял у окна, потом подозвал Светлану и показал на улицу:

— Вот все это видишь?

— Да.

— Так вот, все это и есть объективная истина.

Сталиным, как и Белецким, не различались объективная реальность — существующее в действительности — и объективная истина — содержание человеческих представлений, не зависящее от субъекта.

Подарок ученому

Создатель современного вооружения трижды Герой Социалистического Труда академик Юлий Борисович Харитон был другом Курчатова. Как-то они собрались встречать Новый год семьями у кого-то в гостях. Однако за три часа до Нового года выяснилось, что там будет какой-то несимпатичный человек, и друзья поехали к Курчатову на дачу. Отъезд не остался незамеченным, так как оба ученых находились под постоянным наблюдением и контролем. Вскоре от Сталина к ним прибыл фельдъегерь с пакетом на имя Харитона. В пакете адресат нашел новогодние поздравления и подарки вождя: непубликуемую (закрытую) Сталинскую премию и ключи от двухэтажной каменной дачи в Барвихе.

Корифей всех наук и языкознание

Товарищ Сталин — вы большой ученый,
В языкознаньи знаете вы толк,
А я простой советский заключенный
И мне товарищ серый брянский волк.

Из песни 50-х годов

Когда в начале 50-х годов на страницах прессы развернулась дискуссия о языке, академик Виктор Владимирович Виноградов подготовил для Сталина статью «Марксизм и вопросы языкознания». Сталин обработал этот материал, придав ему свою интонацию и стилистику. Утром, раскрыв газету, Виноградов прочел статью Сталина и с ужасом обнаружил, что происхождение русского языка объяснено в ней ошибочно. Вместо того, чтобы сказать, что русский язык произошел из курско-московского диалекта, написано: из курско-орловского. В сознании Сталина с войны запечатлелось устойчивое сочетание «курско-орловская дуга», и он описался. С трепетом душевным позвонил Виноградов в секретариат Сталина и сказал об этой описке Поскребышеву. Тот ответил: «Раз товарищ Сталин написал про курско-орловский диалект, значит, из него теперь и будет происходить русский язык».

Восстановили

В начале 50-х годов Сталин встретился с лингвистом Арнольдом Чикобава, чтобы обсудить вопросы языкознания. Чикобава пожаловался, что два армянских языковеда-академика сняты с работы за критику Марра. Несмотря на то, что была глубокая ночь, Сталин позвонил секретарю ЦК Армении.

— Есть такие люди? (Сталин назвал фамилии.)
— Да, есть.
— Где они работают?
— Сейчас нигде.
— А кто они такие?
— Академики.
— А . . . академики, а я думал — бухгалтера!
И повесил трубку.

Одного академика — восьмидесяти лет — разбудили ночью и сообщили, что он восстановлен на работе, другого — девяностолетнего — разбудить побоялись и сообщили утром.

Языкотворец

Сталину принадлежит неуклюжее словообразование «наплевизм»—«наплевательское отношение», словечко, возведенное с помощью суффикса «изм» в ранг научно-мировоззренческого понятия.

Восход и закат теоретика

Юрий Андреевич Жданов в бытность мужем Светланы Сталиной дружил с малопримечательным философом Дмитрием Ивановичем Чесноковым и всячески ему помогал. Юрий Андреевич передал книгу Чеснокова о Советском государстве Сталину. Книга понравилась, так как Сталин поминался в ней через абзац. Жданов включил Чеснокова в число приглашенных на день рождение Светланы. Список гостей утверждался в МГБ. Во время банкета, на котором присутствовал Сталин, Юрий Андреевич представил ему Чеснокова.

Сталин сказал:

— Я знаком с вашей книгой о государстве. Это полезная книга. Над чем вы сейчас работаете?

Чесноков ответил, что его интересует национальный вопрос в марксистском освещении.

— А что именно в национальном вопросе?

— Меня интересуют теоретические проблемы, связанные с малыми нациями, оказавшимися не на уровне требований социализма — речь идет о калмыках, немцах Поволжья, крымских татарах, чеченцах, ингушах и других народах, выселенных с территорий их проживания, и о теоретическом обосновании такого рода депортаций. А также о евреях.

Сталин сказал, что это важная тема, и Чесноков был введен в комиссию по подготовке XIX съезда партии, в редакционную комиссию, потом в Президиум ЦК КПСС — высший партийный орган, заменявший с 1952 по 1966 год Политбюро, где и находился до смерти Сталина. В связи с делом врачей Чесноков оперативно написал работу об окончательном решении еврейского вопроса. Этот трактат даже по тем суровым временам оказался слишком радикальным, жестоким и неосторожно откровенным. Он не вышел в свет. Впрочем, в конце 60-х и в 70-х годах некоторые идеи этой работы были использованы в брошюрах ряда авторов.

Сальеризм

Владимир Семенович Кружков вел четвертое издание Собрания сочинений Ленина. В 1952 году Сталин принял Кружкова и, просмотрев план завершения издания, раздраженно заметил:

— Нэ растягивайте, нэ растягивайте ленинское наследие . . .

Сталин ревновал к славе и заслугам живых и мертвых. Даже звучание имени Ленина он хотел приглушить, придавая своей фигуре абсолютное историческое величие. Кружков правильно понял указа-

ние Сталина и на следующий день звонком из ЦК в Институт истории искусства остановил защиту кандидатской диссертации Татьяны Бачелис «Образ Ленина в театре». Эта серьезная театроведческая работа была защищена позже под заголовком: «Творчество Щукина на высшем этапе».

Беспринципность

Один из лысенковцев сказал: «Многие генетики проявили полную беспринципность: не отказались от своих ошибочных взглядов».

БЫТ, ПОЛИТИКА И НРАВЫ

Резолюция на книге

Коллектив русских и грузинских авторов подготовил книгу «Юность вождя». Она была издана в одном экземпляре и представлена Сталину. Синим карандашом Сталин написал на титульном листе: «Публиковать эту книгу не советую. Книга рисует детство и юность Сталина в лестном для меня виде. Однако из книги может создаться неверное впечатление, что товарищ Сталин был необыкновенным ребенком и юношей. Это неверно. Товарищ Сталин был обыкновенным юношей, который проходил путь формирования в революционеры».

Сталин и его биографы

Академик Митин рассказывал о встрече биографов Сталина с героем их писаний. Сталин пригласил к себе в кабинет всех членов авторского коллектива, работавшего над жизнеописанием вождя. «Я прочитал подготовленную вами рукопись,— сказал Сталин,— думаю, что вы, товарищи, допустили здесь ошибки эсеровского толка».

Члены авторского коллектива при этих словах побледнели, а Сталин продолжал:

— У вас получается, что все решается и все делается в стране одним Сталиным. Ну, ладно, раз уж книга написана, не будем ее переделывать. Возьмите рукопись, я сделал в ней некоторые поправки.

Все поправки, вписанные в биографию Сталиным, усиливали его восхваления и описание его заслуг. Например, вождь собственноручно вписал: «Сталин — ведущая сила партии и государства».

Приветствие

Кремлевским курсантам разрешалось ходить по территории Кремля только строем. При встрече со Сталиным такая группа, чеканя шаг, приветствовала: «Здравия желаем, товарищ генералиссимус!» Если Сталин отвечал, строй шел своей дорогой. А если нет — курсанты тем же строем должны были снова выйти ему навстречу и снова обратиться с приветствием.

Встреча и впечатление

Однажды Кухарский поехал к Косыгину получать валюту для покупки зарубежных газет и журналов. Он разговаривал с сослуживцем и вдруг почувствовал взгляд, упиравшийся в спину и обладавший явным магнетическим свойством. Он оглянулся и увидел Сталина. Вождь подошел и поздоровался за руку со всеми присутствовавшими. Посмотрел тяжелым, немигающим, пронизывающим взглядом не вполне здорового человека. Спросил:

— По какому поводу?

— Получить валюту, товарищ Сталин, для приобретения иностранных газет и журналов, чтобы следить за политической жизнью.

— Да, понимаю, надо. Не агитируйте меня.

И отошел.

Спорт как политика

Советская сборная проиграла футбольный матч сборной Югославии на XV Олимпиаде, проходившей в 1952 году. Это произошло в момент острой конфронтации Сталин — Тито. Разгневанный Сталин приказал расформировать команду, снять со всех футболистов звания, а тренеру запретить заниматься футболом.

Двойник

Евсей Либицкий был похож на Сталина и использовался как его двойник. В 1952 году за восемь месяцев до смерти Сталина его арестовали —«вы слишком много знаете»— и сослали на остров в Белом море, что означало смертный приговор. Однако после ухода Сталина в небытие Либицкого с условием неразглашения его истории освободили. Ему разрешили жить только в каком-то глухом районе Казахстана. Там Либицкий доверил свою историю одной женщине и разрешил пересказывать ее только после его смерти.

Розы

Шел 1947 год. Маршал Рокоссовский отдыхал на своей даче. Ему позвонили от Сталина и пригласили вместе с женой и дочерью на обед. Трапеза проходила в непринужденной обстановке, много ели и пили. Сталин иногда вставал из-за стола и прохаживался по комнате. Подойдя вдруг к Рокоссовскому, он спросил:

— Вы ведь в прошлом сидели, Константин Константинович?

— Да, товарищ Сталин, я был в заключении. Но вот видите, разобрались в моем деле и отпустили. А сколько замечательных людей там погибло.

— Да, у нас много замечательных людей.

Быстро повернувшись, Сталин вышел в сад.

Сосед по столу наступил Рокоссовскому на ногу, а Маленков возмутился:

— Зачем вы это сказали?

Все молчали. Через несколько минут Сталин вернулся в комнату. В руках у него было три букета роз. Один букет он преподнес жене

Рокоссовского, другой — дочери, третий — маршалу. Рокоссовский, который уже приготовился к самому худшему, с облегчением вздохнул. Он больше никогда не говорил Сталину о погибших в тюрьмах.

Сталинского букета удостоился и военачальник Арсений Григорьевич Головко. Принимая его, Сталин вышел в сад, срезал несколько роз и попросил Головко передать эти цветы жене.

Сталин умел быть шармером. Однако подаренные цветы не гарантировали человеку жизнь.

Караси для вождя

Рассказывал об этом пенсионер, который в послевоенные годы был заместителем министра рыбной промышленности.

Однажды ночью в его кабинете раздался звонок. Говорил начальник охраны Сталина генерал Власик.

— Имеются ли у вас в хозяйстве караси?

— Сейчас будет проверено и доложено.

Государственная машина завертелась. Целая экспедиция во главе с замминистра срочно вылетела за тридевять земель, на маленький не спущенный на зиму прудик. Была ранняя весна. Колхозники опасались лезть с бреднем в ледяную воду. Тогда полез сам замминистра. Наловил ведерко карасей и тем же самолетом вернулся в Москву. Дальше проходной Кремля замминистра с ведерком не пустили. Начали звонить во все концы, но из покоев Сталина и из его секретариата шли сообщения, что никаких карасей вождь не заказывал. Берия тоже ничего не знал о карасях. Над замминистра сгустились тучи. Но когда дозвонились до Власика, все разъяснилось.

— Я просил карасей. Моя теща соблюдает пост.

У замминистра же начался острый ревматизм, сделавший его инвалидом.

Украденная материя

В 1947 году в «Правде» был опубликован фельетон Глинского. Речь шла о том, что проректор университета Белоусов совершил плагиат: использовал в собственной статье материалы молодого коллеги-доцента Т. Статья утверждала, что материя первична. Нет,— возражал фельетонист,— материал Т. первичен.

Гранки с фельетоном отправили Суслову, и они попали на глаза Сталину. Он смеялся и приговаривал: «Материя первична. Нет, материал Т. первичен».

На самом деле, философия тех лет была столь примитивна, что исключала возможность плагиата.

Железная хватка

Светлана Сталина ходила в дом Александрова и Любови Орловой. Деловая чета уговорила Светлану добиться для Орловой второго ордена Ленина. Нехотя Сталин дал. Через некоторое время он смотрел фильм «Чайковский», в котором Орлова играла роль сестры композитора. В одной из сцен эта сестра продавала, кажется, партиту-

ру и просила 5 тысяч рублей. Ей давали только 3. Сталин бросил реплику: «Она добьется своего, можно не беспокоиться».

По праздникам

По праздникам здания украшались огромными портретами вождя. К одним окнам припадало его всеслышащее ухо, а в другие смотрел его всевидящий глаз.

Долг платежом красен

В «Факультете ненужных вещей» Юрия Домбровского рассказано одно из преданий, которое у меня записано несколько в другом варианте и с неизвестными подробностями.

Начальник карагандинского лагеря Ратмир Холмов был любителем шахмат. В его лагере много лет сидел большевик с 1902 года Ерофей Тимофеевич Бибинейшвили, по прозвищу «барон». С ним приятельствовали двое заключенных: писатель Чабуа Амирэджиби и некий адвокат. Все были хорошими шахматистами и пользовались не совсем бескорыстным покровительством начальника лагеря: приятели разгадывали шахматные задачи, а их тюремщик получал призы.

Однажды Бибинейшвили обратился к своему товарищу адвокату за юридической справкой: каков срок давности денежного долга. Оказалось, что Бибинейшвили до революции отбывал ссылку в сибирских краях вместе со Сталиным и, когда тот собрался бежать, одолжил ему крупную сумму денег. Узнав, что срока давности долг не имеет, Бибинейшвили написал письмо вождю народов о том, что его положение чрезвычайно сложно и он просит в этой связи вернуть деньги в пересчете на современный курс рубля.

Через вольнонаемного маркшейдера Бибинейшвили отправил письмо по гражданской почте. Его все же перехватил начальник лагеря, но, познакомившись со странным содержанием, не решился задержать.

Вскоре заключенному вернули 2000 рублей и свободу.

Читатель

Льстивое предание свидетельствует, что Сталин читал в среднем 500 страниц в день. Однако известно, что для вождя создавались своеобразные риддайджесты, на 20—30 страницах раскрывающие суть нескольких книг. В 40-х — начале 50-х годов эти краткие справки о художественной литературе для Сталина составлял его секретарь Шамес.

Несмотря на «обильное» чтение, глубокой образованностью и широким знанием мировой культуры Сталин не обладал.

Сталин любил, чтобы ему читали вслух. Обычно это поручалось актеру Михаилу Цареву.

Характерно, что на ближней даче Сталина, где он проводил многие дни и месяцы, не было никакой библиотеки. Держал он при себе лишь сочинения Троцкого — вот ведь была любовь-ненависть.

Забавы принца

Василий Сталин порой выходил от отца весь красный и вспотевший от взбучки, которую он получал от него. Однако эти взбучки все же мало его остепеняли. Он своего порученца полковника Терещенко, напившись и впав в гнев, ставил к стенке и «расстреливал». Эта процедура была такой: полковник становился к стенке носом и по приказу распластывал руки, а Василий стрелял слева и справа и поверх головы «расстреливаемого». Забава была не только унизительно-противочеловечна, но и небезопасна. Другая проказа: угнал бульдозер и на нем уехал в соседнюю деревню «на танцы». Третья: украл на неделю жену одного кинорежиссера.

Василий Сталин любил хвастаться: «Я самый молодой генерал в мире. Я стал генералом в 18 лет — на год раньше Франко!»

Отголоски романа с принцессой крови

В середине 40-х годов в Москве была веселая компания кинематографистов — Алексей Каплер, Михаил Слуцкий, Роман Кармен. Дружили, кутили, снимали хорошие и плохие фильмы. Слуцкий был кинохроникером и за ряд фильмов получил Сталинские премии.

Эта история произошла вскоре после ареста ухаживавшего за Светланой Сталиной Каплера.

Слуцкий вышел из «Арагви» очень навеселе, неся в руках две бутылки боржоми. Его остановил незнакомый стильно одетый мужчина:

— Миша! Здравствуй! Есть хорошая компания, чудные девочки . . . Поехали!

— Далеко?

— Близко, и у меня машина.

— Поехали.

Они сели в машину, и через пять минут кинохроникер очутился во внутренней тюрьме МГБ на площади Дзержинского. Он безбоязненно лег спать в хорошо обставленной камере, а когда проснулся, стал стучать в дверь:

— У меня были две бутылки боржоми! Какого черта у меня отняли боржоми! . .

Ему вернули боржоми, он выпил стакан, окончательно протрезвел и успокоился. Вскоре его пригласили к следователю. В кабинет Слуцкий вошел с криком:

— Как вам не стыдно! Вам же хорошо известно, что я был против! Вы же знаете, что я отговаривал! Почему же меня арестовали? Я единственный, кто не советовал Каплеру ухаживать за нею! У нее же тонкие ноги и каменное лицо! Зачем он стал за нею ухаживать?! Вы же знаете, что я был против!!!

— Успокойтесь, Михаил . . . Раз вы к нам попали, ваше дело — сидеть. Не волнуйтесь!

И Михаил сидел. С ним обошлись по тем временам гуманно. Сидел он в хорошей камере внутренней тюрьмы МГБ. Следователь покупал ему на его деньги хорошие папиросы и кое-что из еды.

Через 11 месяцев его выпустили. Арест оказался временной изоляцией, чтобы приглушить слухи вокруг ареста Каплера.

Воспитание

Когда Сталин узнал, что Каплер ухаживает за Светланой, он подвел дочь к зеркалу и сказал:

— Смотри на себя. Можно в тебя влюбиться?

Кого арестовать!

Сталин сказал Берия:

— Не нравится мне, Лаврэнтий, этот роман Светланы. Надо арэстовать.

— Светлану Иосифовну?

— Дурак! Каплера!

Замужество Светланы

Выбрав в мужья Григория Мороза, Светлана поставила отца перед свершившимся фактом, которым Сталин остался недоволен: рядовая еврейская семья породнилась с вождем. Однако на свадьбу пришел. Первое время жили Григорий и Светлана вместе со Сталиным, что было трудно, потому что никогда нельзя было предугадать его настроение.

Отец критически называл Светлану дипломаткой. Это прозвище заключало в себе противопоставление Светланы Василию, который ценился за прямоту и личную преданность: «Скажу ему: прыгни в окно — прыгнет». Дипломатические способности помогли Светлане в конце концов получить у отца разрешение переехать в дом правительства — около кинотеатра «Ударник». У Светланы родился сын. Его назвали в честь деда Иосифом. Сталин иногда приезжал сюда в гости. Василий все время вел интригу против этого брака. Он был накоротке с Берия. Вскоре с разрешения Сталина отца Морозова арестовали, и это послужило поводом развести Светлану с Григорием. При этом у него конфисковали все письма жены и альбом семейных фотографий. Светлана дала обещание никогда не встречаться с Григорием, но предупредила, что, если его арестуют, она покончит с собой. Перед разводом Григорию — студенту Института международных отношений — все время предлагали поехать на работу за границу. Но он, опасаясь за свою жизнь, отказывался. В день развода со Светланой он получил чистый паспорт без отметки о браке и разводе. В этот же день Маленков, копируя поступки Сталина, развел свою дочь с ее мужем — Володей Шамбергом.

Восстановление социальной справедливости

В начале 50-х годов была арестована Аллилуева — родственница жены Сталина. Сталин был недоволен ее мемуарами (как и мемуарами шофера Ленина Гиля). Сына Аллилуевой Александра исключили из медицинского института. Однажды к нему зашел его двоюродный брат генерал-лейтенант Василий Сталин.

— Ты что, Саша, невеселый?

— А чего мне радоваться,— ответил Александр,— маму арестовали, меня исключили из института.

— Исключили?— воскликнул Василий.— Где твой институт? Кто директор?

Получив ответ, Василий приказал своему адъютанту:

— Запомни слово в слово. Поезжай в медицинский институт. Приходи сразу к директору, всех выгони и разговаривай один на один. Достанешь револьвер и положишь на стол. Скажешь директору: «Старая сволочь! Ты зачем мешаешься в большую политику? Ты зачем Сашку Аллилуева из института исключил? Говорю с тобой, мать твою, от имени Василия Сталина. Немедленно отмени исключение». Затем уходи.

Через некоторое время у Александра Аллилуева раздался телефонный звонок и блеющий голос директора попросил Александра прийти в институт:

— Произошло недоразумение . . .

Геральдический брак

Некоторое время в Жданове Сталин видел и ближайшего соратника, и преемника. Желая еще больше его приблизить, он повлиял на Светлану, а с другой стороны, Жданов — на своего сына Юрия. Так совершился чисто геральдический брак, который распался сразу же после смерти Сталина.

Пить или не пить — вот в чем вопрос

Профессор К. вылечил Сталина от радикулита.

— Проси, что хочешь,— сказал Сталин.— Отблагодарю.

— Мне ничего не надо.

— Подумай и попроси.

Профессор подумал и сказал:

— У меня три просьбы. Первая: товарищ Сталин, не работайте по ночам.

— Постараюсь.

— Вторая: бюрократы задерживают оборудование для моего института — хотелось бы ускорить.

— Ты опытный человек, наверное, копия заявки с тобой. Дай ее мне, у меня кое-какие связи, поможем.

— Третья: болят почки, а я на всех торжествах и банкетах должен пить целыми фужерами первый тост за товарища Сталина. Разрешите мне не пить.

Сталин подумал и сказал:

— Первый тост пей, как все.

История повторилась. В конце жизни Чжоу Эньлай признавался иностранным корреспондентам, что он чувствует себя не очень хорошо, болеет и бросил пить. Пьет только первый тост. Пить за здоровье первого лица государства даже ценой собственного здоровья во всех деспотиях полагалось и во имя ритуала, и в доказательство преданности.

Забота о безопасности вождя

По совету Берия Сталин распорядился подрезать на даче занавеси, чтобы за ними никто не мог спрятаться.

Берия устроил для Сталина дачу на Валдае. Сталин от дачи отказался, так как место показалось ему западней.

Тапочки

Михаил Ильич Ромм рассказывал мне.

В доме Сталина свет зажигался сразу во всех комнатах, и со двора нельзя было определить, в какой находится вождь. Точно так же свет тушился: сразу во всем доме. Было несколько абсолютно похожих друг на друга комнат: стол, кровать, кресло. Никто никогда не знал, в какой комнате Сталин работает, а в какой спит. Квартира отделялась от внешнего мира бронированной дверью, в которой находилось окошко для передачи пищи. Ни один заключенный в мире не содержался в такой изоляции, какую сам себе определил Сталин.

При доме жил и допускался в комнаты Сталина молодой охранник, исполнявший обязанности денщика. Он вытирал пыль, чистил обувь и делал другую нехитрую работу, поддерживая порядок и казарменно-спартанский уют. В порыве благоговейного преклонения молодой денщик подумал, что как он ни старается, а все-таки топает сапогами, беспокоя вождя. Солдат выделил из получки деньги и купил себе тапочки. Однако ему показалось, что и этого мало. Он подшил их сукном. Шаг его стал мягким, бесшумным.

Однажды Сталин неожиданно проснулся от тишины: он не слышал привычного топота сапог, но ощущал, что кто-то ходит по квартире. Сталин нащупал наган, который всегда держал под подушкой, но увидел знакомую фигуру денщика, беззвучно передвигающегося по комнате.

На следующий день Сталин пожаловался Берия:

— Зачем-то ходит в тапочках, а не в сапогах. Хочет подкрасться, когда я сплю . . .

Парня расстреляли за попытку покушения на жизнь вождя . . .

В конце 50-х годов мать солдата подала прошение о реабилитации сына и установлении пенсии, тогда-то и выяснилась эта история.

Бильярд в половине одиннадцатого

У Сталина была дача в Лианозово. Там стоял закрытый на ключ рояль, на котором иногда скверно играл допущенный на дачу Жданов. Книг было немного: «Энциклопедический словарь» братьев Гранат, Достоевский с пометками Сталина и Жданова на полях — нечто вроде переписки. Охранники были молчаливы, мрачны, узколобы. Был бильярд. Неграмотный татарин — банщик, мывший Сталина, иногда играл с ним на бильярде. Он был единственным партнером и собеседником Сталина, которому позволялось критиковать его. Татарин говорил: «Свекровь с невесткой не ладят, ссорятся, а вы хотите в колхозах порядок. Ничего не получится». Сталин посмеивался, не сердился. Но татарин был хитер и, играя на бильярде, старался

проигрывать, подставлял шары. Когда это было слишком явно, Сталин сердился и в шутку, которая могла обернуться и угрозой, говорил: «Не поддавайся, будешь поддаваться, арестую и убью». Татарин понимал это и все время искал среднее между подобострастным проигрышем и истовой игрой на выигрыш. И то, и другое было смертельно опасно.

Дом с видом

Где-то на юге была дача Сталина, на которую он никогда не приезжал. Окрестное население выполняло подсобные функции. Дача стояла на горе, и жители поселка из окон и с балконов своих домов подолгу смотрели в направлении дачи, стараясь уловить на ней признаки жизни. Кончилось тем, что обитателей одного из домов арестовали, обвинив в подготовке покушения на Сталина, и отправили в лагерь. С этого момента жители поселка как по приказу забили все окна и балконы, выходившие в сторону дачи. Уже был конец пятидесятых годов, уже давно не было Сталина, уже дача была открыта для посетителей, а окна и балконы оставались заколоченными.

Терпи, казак . . .

Охранник Сталина рассказывал, что во время прогулки вождь, случалось, снимал с Микояна шапку и бросал ее на землю.

Паучок

Молодая санитарка, утвержденная на эту работу Берия, приезжала купать вождя. После смерти Сталина она рассказывала: ручки у него были маленькие, ножки совсем маленькие, тонкие, а животик большой — паучок.

Белóчка

Сталину подарили белочку. Гуляя, он подходил к клетке, смотрел, как она резвится. Около клетки стоял полковник, держал в руках орешки и подавал их Сталину. Сталин любил кормить зверька. Однажды случилась беда — белочка сбежала. Полковник почувствовал, что под ним проваливается земля. Старик садовник сказал, что возьмет вину на себя, и, когда Сталин пришел к клетке, упал ему в ноги:

— Виноват, товарищ Сталин,— не уберег, белочка сбежала.

— Белку вернуть,— сурово сказал вождь и пошел прочь.

Механизация

Сталин посмотрел кинохронику первомайского парада на Красной площади и сказал:

— Булганин ездит на лошади, как мешок. И слезает с лошади, как мешок. Надо будет перейти от лошади к автомобилю.

Порядок движения

Под 7 ноября 1978 года я ехал в Дом ветеранов кино, расположенный около дачи Сталина в Матвеевском. Вез шофер-частник. Он рассказал, что во времена Сталина возил на линкольне замминистра госгорнадзора (министерство, не имевшее вывески, осуществлявшее надзор над безопасностью горных работ. Этот замминистра часто входил в свиту Сталина. Вслед за машиной Сталина шли четыре машины охраны —«хвост». Первой трогалась машина Сталина, затем «хвост», и лишь через время мог двинуться кортеж Молотова. А линкольн замминистра начинал движение только тогда, когда Сталин отъезжал на полкилометра.

Автомобиль охраны

Разжалованный из сотрудников КГБ за пьянство электрик обнаружил как-то на складе старого инвентаря этой организации в Бутово странный автомобиль. Это был ЗИС-110 с мгновенно выезжающей наверх башней. В ней мог помещаться стрелок и стоял авиационный пулемет, имеющий большой сектор обстрела. Это оказалась машина охраны Сталина.

Глоток свободы

После войны Сталин впервые за многие годы побывал в Грузии. Он лечился от ревматизма в Цхалтубо, отдыхал в Боржоми и в 1949 году был под Гагрой на озере Рица. С 15 до 17 часов он обычно отдыхал. Все окрестности перекрывали войска и спецчасти. Однако однажды после отдыха вождь не вышел. Не вышел и в 18 часов. Забеспокоились и обнаружили, что его нет — исчез. Начался розыск. А он в это время прогуливался по набережной, потом сидел на скамеечке один в кителе и фуражке, никем не узнанный. Рядом играли дети. Беглец подошел к киоску, денег не было. Тогда он сказал, что он Сталин и попросил в долг конфет, чтобы угостить детей. Продавец остолбенел, потом вынес конфеты, чтобы угостить детей и с криком: «Сталин! Сталин!»— начал разбрасывать их детям. Собралась толпа, окружила Сталина. Охрана обнаружила подопечного, и он оказался в двойном кольце — телохранителей и любопытных.

Легенда об этом событии осталась. Может быть, ради нее все и делалось, а может быть, и на великого заключенного находит приступ тоски по свободе, и тогда он оставляет и государственные дела, и кровавые интриги, убегает от охраны и раздает детям конфеты.

О роли личности в истории

Античник, профессор Лурье, которого в 30-х годах, во время борьбы с меньшевиствующим механицизмом назвали механицистом, в конце 40-х годов был научным руководителем Якова Любарского, ныне известного византолога. Находясь в доверительно дружеских отношениях с учителем, ученик спросил:

— Как вы относитесь к Сталину?

Лурье ответил:

— Я как «механицист» отрицаю роль личности в истории, а особенно этой.

Доносы бывают разные

Философ и искусствовед Михаил Александрович Лифшиц рассказывал о междоусобных схватках среди интеллигенции в 30—40-х годах. Политические ярлыки были метательными снарядами этой борьбы, а доносы, или как тогда выражались, «своевременные сигналы»— ее орудиями. Участвовал ли я в этом?— спрашивал Лифшиц и отвечал:— Все участвовали, и я тоже. Иначе нельзя было ни писать, ни печататься, ни существовать в литературе. Ну, например, Нусинов выступает в прессе и обвиняет меня в том, что я искажаю марксизм, отрицаю роль мировоззрения в творчестве или не признаю сталинское учение о культуре. В его своевременном сигнале дан набор проступков, тянущий на 58 статью. Если я промолчу, вполне возможно, что меня посадят. Чтобы избежать этого, я публикую статью, в которой доказываю, что Нусинов не признает диктатуру пролетариата или отрицает лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Я даю шанс сесть в тюрьму и моему оппоненту. Я такой же доносчик, как и Нусинов, а то, что сажают его, а не меня — это уж или лотерея, или убедительность аргументов и искусство полемики. Впрочем, сажали и вне зависимости от убедительности доводов в споре.

Сегодня эти признания могут показаться циничными, но в неэвклидовом моральном пространстве искусно сформированного противочеловечного общества действовали моральные нормы человека, находящегося под пыткой.

Существовали устные и печатные доносы, публичные и тайные. Один из типов доноса — донос оборонительный, иногда даже и превентивный: человек знает, что кто-то поднял над ним дамоклов меч доноса, и бежит с доносом на доносчика. Это доносы самосохранения. Еще один тип доносов: идейные. Воспитанный с детства в сталинском духе человек, услышавший что-то, не соответствующее последним указаниям вождя, бежит сообщить куда надо. Это феномен Павлика Морозова, донесшего на своего отца.

Бывали доносы, рожденные коммунальным бытом. В Свердловске до сих пор стоит огромный странный дом нового быта — с одной кухней на много квартир. Он был построен для работников ОГПУ. Общая кухня в условиях всеобщего террора обернулась тем, что жители дома друг друга пересажали.

Я жил с отцом, матерью и сестрой в Москве, в маленькой комнате, находившейся в общей квартире. Кроме нашей семьи там жили: семья вузовского преподавателя Штракса, рабочего Гелетина и семья людей без определенных занятий — Кажаткиных, возглавляемая пожилой женщиной, которую в доме и во дворе звали Кажаткой и боялись. Это была скандальная, резкая, грубая женщина с неустойчивой психикой и труднопредсказуемыми поступками. Тихий ее муж иногда где-то работал. Дочь была безобидная, несчастная женщина с алогичной речью и блуждающим взглядом. Сын — уголовник,

периодически получавший срок и иногда на короткое время выходивший из тюрьмы, чтобы вскоре вернуться в нее.

Штраксы из боязни сумасшедших выходок Кажатки пытались задобрить ее. Гелетины же и моя мама сопротивлялись ее произволу и пытались установить социальную справедливость в пользовании газовыми конфорками, электричеством, местом в коридоре или ванной. Одним из способов борьбы Кажатки с нашей семьей были доносы. Она писала, что мы живем не по средствам: едим сливочное масло и у нас бывают гости. Мать боялась этих доносов: отец был исключен из партии, и мы представляли собой очень уязвимую мишень для своевременных сигналов. Слава богу, по недостаточной осведомленности о более действенном адресе Кажатка писала доносы в милицию, а не в МГБ.

Бывали доносы из мести. Мне был 21 год, и я с большим трудом поступил в аспирантуру к профессору Илье Деомидовичу Панцхаве (аспиранты звали его между собой Илико). Однажды он вызвал меня и вручил книжку. Называлась она «Дазмир», автор некий П. А. Шария. Это поэма, написанная на русском языке. Книга не имела ни цены, ни каких-либо выходных данных, ни указания на издательство. В этом была ее странность. В остальном она походила на нормальную книгу: отпечатана хорошим шрифтом, даже на мелованной бумаге, красивый переплет.

Профессор сказал мне:

— Тебе нужно тренироваться в анализе художественных произведений. Даю тебе учебное задание: проанализируй эту поэму и выяви философское мировоззрение ее автора. Это будет твой реферат к кандидатскому минимуму по философии.

Поэма рисовала трогательную картину: горячо любимый единственный сын автора Дазмир — красивый, умный, талантливый, великодушный юноша — неожиданно умирает и благодаря своим достоинствам из земного мира отправляется в небесный. Сейчас душа его витает над нами и определяет с неба земные исторические процессы.

Как мог, я проанализировал поэму. Отчаяние отца, потерявшего сына, вызывало сочувствие. Беспомощность стихотворной техники — эстетический протест. Мировоззренческие же позиции автора были на уровне вульгарных представлений о религиозной картине мира. Эти представления перемежались у автора с мистическими идеями об особом божественном предназначении Дазмира, который трактовался как новый Христос. Все это я описал в моем реферате. Прочитав его, Илико остался не полностью удовлетворен моим сочинением, лишенным ярлыков, эпитетов и сильных выражений, принятых в те годы. Он попросил меня доработать реферат и осветить расхождения концепции мироздания, нарисованной Шария в поэме, со сталинской концепцией, изложенной в четвертой главе краткого курса истории партии. Я проделал эту компаративистскую работу, и мой реферат был зачтен.

Вскоре выяснилось, что я невольный участник небезобидной и небезопасной истории, а Шария — не просто плохой поэт, невесть как издавший странную по тем временам поэму, а секретарь ЦК Грузии по идеологии и, главное, ставленник Берия.

Будучи одним из руководителей просвещения Грузии, Илико насмерть схлестнулся с Шария, из-за чего и уехал в Москву. Однако враги по-кавказски не прощали старые обиды и дрались насмерть. Это была дуэль на доносах. Написанный мной реферат без моего ведома пошел в дело. Он был отредактирован Илико и снабжен нужными идеологическими квалификациями. Сам Илико, чтобы донос не выглядел сведением личных счетов, подписать его не решался, тем более что дело касалось близкого Берия человека. Тут-то и возник ныне покойный Михаил Федотович Овсянников, который с 60-х до середины 80-х годов возглавит кафедру эстетики в МГУ и сектор эстетики в Институте философии Академии наук, и весь наш «эстетический фронт». В те давние годы сталинского безвременья он был отовсюду изгнан, и Илико приютил его на своей кафедре философии Московского областного педагогического института. В знак благодарности донос на друга Берия, адресованный лично Сталину, бесстрашно подписал Овсянников, которому тогда было почти нечего терять. Илико через свои связи обеспечил прямое попадание доноса в руки Сталина. Те мировоззренческие искажения ортодоксии, которые позволил себе Шария в своей поэме, и ее фактически нелегальное издание были кошмарными нарушениями имперского порядка. Берия ничем не смог помочь своему другу, разве что уберег от ареста. «Вот что наделали песни твои».

Я попал в довольно странную, опасную и неблаговидную историю, чуть не погубив человеческую душу . . . палача, написавшего сентиментально-мистическую поэму. Жестокие всегда сентиментальны. После смерти Сталина Шария проходил по делу Берия и был приговорен к расстрелу за участие в кровавых бесчинствах.

Смех и страх

В самые страшные времена (и в 37-м, и в 49-м) люди шутили. Об одной из таких шуток в те годы ходили легенды.

Однажды известный конферансье Хенкин вернулся домой после спектакля и обнаружил, что его квартира опечатана. На сургуче остался след государственного герба. Что это означало — в те времена было ясно каждому советскому человеку. В испуге Хенкин отправился к своему другу композитору Никите Богословскому. Богословский, как мог, успокоил его и посоветовал до прояснения ситуации не ночевать дома, не ходить в театр и спрятаться у него. Целую неделю артист прожил на нелегальном положении, с чувством обреченности обсуждая с другом случившееся. Наконец он не выдержал и упросил Богословского пойти вместе с ним посмотреть, не сняли ли сургучную печать. Подкравшись к двери, они с грустью убедились, что печать на месте. В отчаянии Хенкин уже готов был уйти, но Богословский его удержал. Он вынул из кармана пятак и поднес его к сургучу — печать была сделана именно с его помощью! Оказалось, что сам Богословский и устроил весь розыгрыш, который в атмосфере всеобщего страха не мог не удаться на славу.

Скоро Хенкин отомстил. Однажды он пригласил своего друга в ресторан, где они изрядно выпили. Когда ресторан закрылся, Хенкин предложил поехать в ресторан аэропорта, открытый круглые

сутки, и там напоил Богословского «до чертиков». Потом Хенкин купил билет в Киев и, благодаря своей общительности и актерской известности, уговорил экипаж принять на борт смертельно пьяного пассажира. Далее Хенкин попросил одного из отлетающих позаботиться об известном композиторе в полете, а по прибытии в столицу Украины довести его до сквера в центре города и посадить на скамейку: мол, протрезвеет и пойдет домой, а дом от этого сквера близко. На этих условиях Богословский был отправлен в рейс, причем Хенкин извлек из его кармана и деньги, и документы.

Как и полагалось, в скверике Богословский пришел в себя и никак не мог сообразить, как ему попасть домой. Наконец он сел в такси, назвал улицу, а поскольку во всех городах есть набор одинаковых названий, шофер отвез его на другой конец Киева. Как композитор вышел из этого положения — это уже другая история. А смысл этой в том, что смех спасал людей, помогая им преодолеть страх перед непредсказуемостью и неумолимостью бытия в сталинскую эпоху.

Политическая ошибка

Профессор Тартуского университета Леонид Столович рассказал мне один из обыденных абсурдистских эпизодов сталинской эпохи.

— Я учился на философском факультете ЛГУ и был заместителем редактора стенной газеты. Редактором был Валерий Поченко. Майор, фронтовик, у которого еще перед войной арестовали отца. На факультете Поченко как члена партии заставили отречься от отца — врага народа. Это надломило молодого человека. В конце 1949 года к 70-летию Сталина на факультете выпустили стенгазету. В ней должен был быть портрет вождя. Нарисовать его никто не решился, и поэтому изображение Сталина вырезали с плаката. После того, как газета была вывешена на факультете, редактора вызвал декан и стал на него кричать:

— Вы допустили грубую политическую ошибку! Какой сейчас месяц?

— Декабрь . . .— выдавил из себя редактор.

— Вот именно, а у вас товарищ Сталин в летней форме . . .

Юбилей

Торжества по поводу семидесятилетия вождя охватили всю страну и ее окрестности. Был открыт музей подарков товарищу Сталину. Чего там только не было, и откуда только не приходили дары. Секретарь МГК Попов поплатился своим креслом за недооценку политической кампании по празднованию юбилея товарища Сталина. Торжества происходили на фоне посадок, проработок, исключений, гонений. Все это отразилось в словах песни, три куплета от которой пришли ко мне в безымянном виде. Позже я познакомился с Юзиком Алешковским, которому принадлежало авторство этой ходившей по стране песне.

Вчера в Москве открылся Дом подарков,
И вся страна хвалу возносит вам.
А здесь, в тайге читает нам Петрарку
Фартовый парень Осип Мандельштам.

За что сижу, по совести не знаю,
Но прокуроры, видимо, правы,
Я это все, конечно, понимаю,
Как обостренье классовой борьбы.

И так сижу я в Туруханском крае,
Где жизнь идет с утра и до утра.
Вы здесь из искры разжигали пламя,
Спасибо вам, я греюсь у костра.

«КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЕ»

Дракон вывихнул вашу душу, отравил кровь и замутил зрение.

Е. Шварц. Дракон

Смещение

Утром Сталину зачем-то понадобился первый секретарь Орловского обкома партии товарищ Иванов. Секретаря не оказалось на месте. Поскребышев доложил об этом Сталину. Сталин распорядился:

— Узнайте, где он, и немедленно доставьте сюда.

Секретаря безуспешно ищут. Сталин начинает сердиться. В 4 часа указание разыскать секретаря дается органам. Его нашли в каком-то районе, куда он выехал наводить порядок с посевной, и повезли на аэродром прямо в грязных сапогах.

Сталин в это время находился в правительственной ложе Большого театра.

Секретаря немедленно привели в приемную при ложе. Сталин сказал:

— Вы с дороги — будем пить чай. О делах потом. Дайте нам чаю! Товарищ Иванов устал.

За чаем расспрашивает Иванова о делах, о том, как идет жизнь.

Третий звонок.

— Товарищ Иванов, оперу любите?

— Люблю.

— Пошли, товарищ Иванов, слушать будем. Садитесь около меня. Люблю ходить в театр, только времени нету.

Во время второго акта Сталин поворачивается к Иванову:

— Вы плохой секретарь обкома, вы уже не секретарь обкома. Давайте слушать дальше.

Понижение

Однажды во время выступления Леонида Федоровича И. Сталин встал и, махнув рукой,— болтун, мол,— вышел. И. тут же был снят с работы в ЦК.

Решение проблемы кадров

В 1947 году Сталин вызвал министра внутренних дел Круглова и его заместителя Сабурова и поинтересовался данными о преступности в стране. Сведениями остался недоволен и сказал: «Мало. Мы

должны решить проблему кадров. Промышленности нужны люди». Сталину казалось: чем больше заключенных — тем лучше, потому что их труд способствует решению народнохозяйственных задач. Экономическое мышление вождя было на уровне эпохи Среднего царства Древнего Египта.

Превратности перемещений

В 1946 году Сталин решил с почетом проводить с дипломатической работы Ивана Михайловича Майского, который больше десяти лет был послом СССР в Англии, а позже, с 1943 по 46-й год — заместителем министра иностранных дел. Вождь приказал спросить, что Майский хотел бы получить в качестве вознаграждения за многолетнюю службу. Майский ответил, что хотел бы стать членом-корреспондентом АН СССР. Сталин рассмеялся: пусть будет академиком. В 1946 году академики послушно проголосовали за нового члена — Майского, а в конце 1952 года его посадили как английского шпиона. Сразу после смерти Сталина он был освобожден.

Неумеренная почтительность

Сталин смотрел кинохронику. Показывали, как один из советских генералов передавал какую-то официальную бумагу американскому чиновнику. Наш генерал глубоко и почтительно нагнулся, пожимая гостю руку. Сталин приказал, показывая на генерала на экране: «Разжаловать!»

Не угодил

В начале 50-х годов Берия представил материал на Ворошилова, свидетельствующий о его враждебной деятельности. Сталин сказал: «Скоро ты на меня дело заведешь!» И дело на Ворошилова было прекращено.

Поиск мишеней для проработки

В 1947—48 годах нащупывание нового идеологического противника происходило путем проб и ошибок. Шла пристрелка по целям: в «Литературной газете» вышла статья Федора Левина, ругающая двадцатипяти-тридцатилетних поэтов Сергея Орлова, Семена Гудзенко, Александра Межирова, Сергея Луконина, в «Комсомольской правде» критиковали группу двадцатилетних писателей, в число которых попал и я за стихи «Пускай всегда мне будет двадцать». Сталин приказал прекратить эту стрельбу из пушек по воробьям и выдвинул серьезные мишени — Михаила Зощенко и Анну Ахматову, а потом пошла кампания против космополитизма. Для Сталина мы были мелочью, но некоторые писатели старшего поколения были не прочь в духе сталинизма похоронить свою «смену» до того, как она заступит на вахту.

Полупочетная ссылка

Сталин ревновал к славе Жукова. В историю вождь хотел войти полководцем, выигравшим войну. Жуков этому мешал.

После войны Сталин отправил маршала командовать Одесским округом. Однако через два года такая ссылка показалась Сталину недостаточной. Жуков был вызван в Москву. Сталин показал ему бумагу, подписанную Берия и Абакумовым, утверждавшую, что Жуков более пятнадцати лет является агентом английской разведки. Маршал понимал возможные последствия подобного документа, но Сталин дружески положил руку на его плечо и сказал: «Я не верю этой бумаге. Однако видишь: здесь две подписи, машинистка печатала, в моем аппарате два-три человека знают текст. Поэтому придется отправить тебя куда-нибудь. Назначим тебя командующим Уральским округом».

Оскорбительна была не только новая форма ссылки, но и то, что вождь принимал маршала за дурака, не понимающего, что бумага Берия и Абакумова — дело рук Сталина.

Молдавские пляски

В Большом театре завершалось торжественное заседание, посвященное Октябрьскому празднику 1950 года. Все встали и запели «Интернационал». Сталин взял под козырек, хотя никакой шапки на нем не было. Поскребышев с сожалением прошептал: «Постарел наш вождь!» У Сталина был острый слух, и он услышал эти слова. После торжественной части состоялся праздничный концерт.

Последним его номером было выступление молдавского танцевального коллектива. Лихие пляски вызвали в зале бурную овацию. В сопровождении Поскребышева Сталин вышел из правительственной ложи. Навстречу шел человек с широкими густыми бровями. Сталин сказал:

— Молодцы твои молдавьяни!

Человек смущенно улыбнулся, а Поскребышев сказал:

— Товарищ Сталин, это Брежнев — секретарь Днепропетровского обкома.

— Постарел ты, Поскребышев. Стал отставать от жизни.

В тот же вечер Сталин распорядился избрать товарища Брежнева первым секретарем ЦК Молдавии.

Кадры решают все.

Карьеризм

Известный аппаратный работник комсомола Мишакова в 1938 году оклеветала генерального секретаря ЦК ВЛКСМ Александра Васильевича Косарева, который был посажен и погиб. По наущению Мишаковой жена одного из членов Политбюро сказала Сталину: «Очень жаль, что у нас в Политбюро нет женщин». Сталин с его развитой политической интуицией и подозрительностью сразу почувствовал, что эти слова выражают чей-то интерес. Вождь стал допытываться: кто тебе это сказал? кто просил высказаться?

Женщина призналась: Мишакова. На этом карьера Мишаковой кончилась. Ее сняли с поста инспектора Политбюро и отправили «вниз», на преподавательскую работу в вуз, где она вскоре провалилась по безграмотности.

Конец карьеры

В 1952 году Сталин попросил начальника своей охраны генерала Власика подсчитать, во что обходится содержание телохранителей. С помощью специалистов Власик произвел скрупулезные подсчеты. Цифра получилась астрономическая. Увидев ее, Сталин возмутился.

— Нз может этого быть, это чэпуха,— сказал он и обратился к Берия. Тот подтвердил, что все эти подсчеты — чепуха.

Так в 1952 году закатилась карьера Власика.

Сталинский кадр

В конце 40-х годов Рюмина перевели из Архангельского отделения в главный аппарат МГБ. Отдаляя Берия, особо доверенным лицом и, возможно, преемником оберпалача в 1952 году Сталин сделал Рюмина.

Рюмин любил допрашивать сам. Четверо стражников приводили заключенного, раздетого догола, и клали на пол в кабинете. Допрашиваемого держали за руки и за ноги, а Рюмин сапогом давил на мошонку, пока человек не признавался в чем угодно. Именно Рюмину Сталин поручил вести дело врачей. Когда после смерти Сталина Рюмина расстреливали, он вел себя относительно мужественно, в отличие от Берия, который катался по земле, молил о пощаде и готов был целовать у солдат сапоги.

Не высовывайся!

В конце 1952 года «Известия» напечатали фотографию: секретарь горкома партии Москвы Николай Павлович Фирюбин осматривает новую сельскохозяйственную технику. Фотография вызвала недовольство Сталина: что зто, мол, за самореклама. Берия вызвал Фирюбина и грубо отругал. В тот же день Фирюбин был снят с работы. Через несколько дней его вызвали к Сталину. Войдя в кабинет, Фирюбин остановился у двери. Сталин и Берия разговаривали по-грузински. Потом Берия, показывая на Фирюбина, спросил вождя:

— Что мы будем делать с зтим дерьмом?

— Расстреливать вроде не стоит, может быть, посадить в тюрьму?—резонерствовал Сталин и, так и не приняв окончательного решения, сказал:— Пошел вон, потом решим.

Сталину, к счастью, было недосуг заниматься Фирюбиным, и тот до самой смерти вождя оставался не у дел.

Начало опалы старых соратников

В 1952 году кто-то предложил избрать Молотова в Бюро Президиума ЦК. Сталин отвел его кандидатуру:

— У товарища Молотова были бухаринские ошибки в отношении к крестьянству. В конце 30-х годов товарищ Молотов предлагал повысить закупочные цены на зерно.

Этот довод говорит о далеко идущих намерениях Сталина: он решил избавиться от старых соратников и опереться при этом на

молодые кадры, которые всю власть и блага получили бы непосредственно из его рук.

Мнение писателя о подручном Сталина

На писательском митинге, посвященном разоблачению и осуждению Берия, писатель Л. сказал столь же литературно-изящную, сколь и лживую фразу:

— Берия был той гнилой мандариновой коркой, которая была брошена под ноги народу, несшему в руках портреты Сталина.

Здесь ложно все: и безличное «была брошена» вместо «была брошена Сталиным», и Сталин — любимец народа, благодетель, ничего не знающий о преступлениях Берия. На деле же Сталин был руководителем и организатором всех побед Берия над «врагами народа» и над самим народом.

Мнение конармейского командира

Семен Михайлович Буденный говорил:

— Было время, Орджоникидзе упрекал Сталина: «Ты пригрел у себя под мышкой Берия, он пристроился там, впился в твое сердце и сосет его кровь». Сталин перебил Орджоникидзе и закричал: «Ты стал вельможей в своей тяжелой промышленности и ничего не видишь, что происходит вокруг».

Буденному казалось, что Берия обманывал Сталина и под конец жизни Сталин якобы начал прозревать:

— Сталин обязательно убрал бы Берия. Не прошло бы года, и он бы его посадил.

Однако Берия был одной из кукол-марионеток в руках Сталина. Иное дело, что эта кукла иногда сама дергала за ниточки и управляла своим кукловодом. Вовсе не благодаря прозрению, а по привычке «менять лошадей» и понимая, что Берия обрел большую власть и стал опасен, Сталин собирался его убрать в 1953 году. Но не успел.

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

На какой странице печатать?

Вадим Кожевников рассказывал.

— Дело происходило сразу после войны. Сижу я в «Правде», дежурю по номеру. Звонок. Помощник Сталина уведомил:

— Будет говорить товарищ Сталин.

Сталин сразу же спросил:

— Как вы подаете материалы об уборке хлеба?

—«Вести с полей», товарищ Сталин, идут на второй полосе.

— Хлеб — дело международное.

Звоню главному редактору «Правды» Поспелову. Нет. Звоню замам. Нет. Сижу и думаю, что делать. Газета уже в типографской машине. Останавливаю машину. Колдую. Переношу материалы об уборке хлеба со второй на четвертую — международную полосу. Запускаю машину опять. Приезжает Поспелов. Докладываю: звонил

товарищ Сталин, сказал — хлеб — дело международное, материалы о хлебе перенес на четвертую полосу. Поспелов руку жмет, благодарит. Много я тогда получил за это дело. Много хорошего,— уточняет Кожевников. А смысл этой истории в том, что американцы написали, будто у нас неурожай, мы будем голодать, и хотели прижать нас на этом.

Лучший друг советских шахтеров

В первые послевоенные годы Сталин покровительствовал шахтерам. Как-то шахтеры Кузбасса пожаловались, что рост их угледобычи задерживает Томская область, не отгружающая нужное количество леса. В два часа ночи Сталин позвонил секретарю обкома и рявкнул: «Когда будет лес для Кузбасса?»

Обком заседал непрерывно в течение месяца. Ежедневно звонили из промышленного отдела ЦК. Леса все равно почти не прибавилось, так как не было в достаточном количестве ни техники, ни людей. Через месяц секретаря обкома сняли.

Инициативность

Шли трудные послевоенные годы. В Мурманске было особенно худо: холодно и голодно. Между тем, на полках магазинов и складов пылились товары, недоступные населению, жившему на нищенскую зарплату. Тогда секретарь обкома — брат поэта Александра Прокофьева — принял решение: на 20 % снизить цены на залежавшиеся товары. Все быстро раскупили. Вскоре Прокофьеву позвонили вечером из Москвы и сказали:

— Завтра в 12 часов на Политбюро будет слушаться ваш вопрос.

— А как же я успею добраться?

— Можете не приезжать — все решим и без вас. Или попросите самолет у командования военным округом.

Несмотря на страшную непогоду бомбардировщик доставил секретаря в Москву, и в 12 часов он был на заседании Политбюро.

Сталин спросил:

— Как вы смели без разрешения Москвы снизить цены на товары? Эта продукция принадлежит вам или государству?

От отчаяния Прокофьев ответил смело:

— Мурманск голодает. Положенное нам топливо не выделено, и в городе холодно. Товары гнили на полках, поэтому я и снизил цены.

Сталин обратился за подтверждением:

— Правда ли, что топливо не доставлено?

— Да, товарищ Сталин. Фонды исчерпаны.

— Ну что же. Товарищ Прокофьев человек инициативный, смело берет на себя ответственность. Это хорошо. Однако за ним нужно присматривать, не то он по своей инициативе еще войну кому-нибудь объявит.

Снизошла благодать

Директор автозавода Лихачев должен был показывать Сталину новую машину. Увидев Лихачева, Сталин приветствовал:

— Ты еще жив, старый пердун?!

Это была милостивая грубость, благоволение в форме обругивания, по-сталински великосветское обхождение. Лихачев был счастлив. Слух об этом благодеянии мгновенно разнесся по высшим кругам. Высшие государственные и партийные чиновники поздравляли Лихачева, напрашивались на магарыч, и какой-то круг этих людей он на радостях даже собрал, с тем чтобы подробно рассказать о благорасположении великого вождя. Высокие гости ели, пили, и так как рассказывать, кроме похабной фразы, было нечего, ее многократно повторяли и с завистью комментировали.

Сталин развивает автомобилестроение

Сталин увидел паккард и сказал директору московского автомобильного завода Лихачеву:

— Хорошая машина. Нам надо такую.

— Еще лучше сделаем, товарищ Сталин.

— Лучше не надо. Сделайте такую.

И сделали ЗИС-101 — копию паккарда.

Победа

Послевоенный автомобиль «Победа» предполагался с одной дверцей. Во время испытаний модели Сталин сел на переднее сиденье. При этом директор завода и другие лица, которые должны были сопровождать вождя, уже не смогли занять места в машине — ведь для этого нужно было откинуть переднее кресло. Машина сделала круг. Сталин вышел и сказал: «Невелика победа». Модель переделали: в частности, сделали по две дверцы с каждой стороны.

Экспроприатор

Сталин проезжал в автомобиле мимо красивой двухэтажной дачи:

— Чей это детский сад?

— Это дача генерала Н.

— А мне кажется, что это детский сад.

Когда на следующий день Сталин снова проезжал мимо, вокруг дома уже бегали дети.

Этот исторический анекдот описывает будто бы очень благородный поступок: все лучшее детям. Однако благодеяние через экспроприацию, через раскулачивание — главный принцип мышления Сталина, еще в начале века занимавшегося разного рода эксами,— исторически неплодотворно. При неизменном количестве благ их «справедливое» распределение в конечном счете оборачивается грабежом зажиточного крестьянина или заслуженного генерала и не затрагивает ни миллионера от теневой экономики, ни коррумпированного чиновника.

Прожектерство

Хрущеву и Андрееву было поручено разобраться в вопросах сельского хозяйства. Хрущев выступил в прессе с идеей агрогородов. Этот прожект был настолько оторван от реальной бедственной ситуации в деревне, что Сталин не принял его. Впрочем, сталинское самолюбие не мирилось ни с каким проектом, вносящим кардинальные изменения в жизнь, если этот проект не был предложен им самим. Так что, возможно, Сталин отверг идею Хрущева не из-за нереальности, а в силу пусть неконструктивной, но радикальности.

Когда Хрущев докладывал на Политбюро проблему агрогородов, Сталин подошел к нему, положил руку на плечо и иронично сказал:

— Мой маленький Маркс.

Позже он говорил еще так: «Пусть скажет наш маленький Маркс» или: «А что думает по этому вопросу наш маленький Маркс?» Несмотря на явную насмешку, Хрущеву льстило это определение.

ИНОСТРАННЫЕ ДЕЛА

Тень немилости

Вскоре после войны Сталин давал прием в честь соратника Тито Джиласа. Джилас произнес тост за Сталина. Все выпили, а когда он садился, Берия положил на его стул торт.

Превращение человека в шута было в порядке вещей при дворе Сталина. Видно, уже тогда на югославских руководителей легла тень немилости.

Дополнение

Симонов написал статью о Тито. Статья кончалась словами: «Настанет день, и в Белграде на центральной площади будет повешена кровавая собака Тито». Статья пошла на утверждение Сталину, и он дописал: «А под виселицей будет сидеть и выть маленькая шавка — Моше Пьяде».

Беженец

Попивода — молодой югославский генерал — бежал из Югославии в Болгарию, когда начался конфликт Сталина с Тито. Попивода один из немногих, кто сумел перейти границу. Он попал в Москву и после ожидания в гостинице был принят Сталиным. Вождь спросил, что было самым трудным для югославской армии и партизан во время войны с немцами. Попивода ответил: раненые. На каждого нужно было по четыре бойца — нести по горам носилки. А ведь не бросишь. Если узнают, что бросают раненых, армия разбежится. Когда Попивода прощался, Сталин спросил:

— У нас в Советском Союзе вам все нравится?

— Все,— ответил Попивода.

— А мне не все,— сказал Сталин.

Процессы

Сталин организовал процесс Ласло Райка в Венгрии, Трайчо Костова в Болгарии, Сланского в Чехословакии, Дзоузе в Албании.

Чистосердечное признание

Руководитель чехословацких коммунистов Сланский в первые годы после войны организовал гонения на единоличников, на кулаков, на католических священников, на буржуазных интеллигентов, на видных партийных деятелей-некоммунистов. При нем было вынесено по политическим мотивам 10 смертных приговоров и 48 к пожизненному заключению. В 1949 году Сланский обратился к Сталину с просьбой прислать в Прагу советских специалистов из МГБ. Вскоре сам Сланский был арестован. Он не сдавался и не хотел оговаривать себя.

Сталин направил Микояна в Чехословакию сломить Сланского. Посланец нашел ключ к стойкому и фанатичному коммунисту, прошедшему школу подпольной борьбы с фашистами. От имени Сталина арестованному было сделано такое предложение. Во имя разоблачения антикоммунистической предательской деятельности Тито Сланский должен признать, что Тито его завербовал и подбил вести активную враждебную деятельность. Состоится суд. Сланского приговорят к расстрелу — это необходимо для достоверности всей инсценировки, которая раскроет всю подлость титовского предательства. Однако расстрела не будет. Под другой фамилией Сланский будет послан на закрытую секретную работу. Сланский согласился и, к удивлению всех, на открытом суде признался во всех смертных грехах. Когда после приговора его повели на расстрел, он кричал: это ошибка, доложите Сталину, он знает, что мы договорились о фиктивном приговоре. Естественно, согласно режиссуре Сталина, расстрел должен был быть настоящим.

Дипломатия

В 1948 году Сталин дал указание Вышинскому затянуть обсуждение Декларации прав человека в ООН. Вышинский попытался, но надолго затянуть это обсуждение не удалось. При принятии Декларации Вышинский по распоряжению Сталина воздержался.

Несовершившаяся месть

В 1956 году я познакомился в ЦДЛ с человеком средних лет, и он рассказал мне, что с одной из групп был послан в Югославию выполнить задание Сталина — убить Тито. Это была уже не первая группа. Засылались сразу две-три группы, которые действовали независимо друг от друга и не зная друг о друге. Первые группы были обезврежены югославами. Группа моего собеседника, не выполнив задания, вернулась домой после смерти Сталина.

Предупреждение

Когда Сталин умер, люди Берия собрали на ближней даче — последнем пристанище вождя — все документы и бумаги и увезли их.

Эти бумаги исчезли. Позже в тайнике письменного стола случайно была обнаружена записка на русском языке: «Сталин! Перестань засылать ко мне террористические группы, иначе зашлю одного человека и второго уже не понадобится. Тито». Говорят, что Сталин испугался предупреждения.

Политическое наследство

Тень Сталина долго лежала на советско-югославских отношениях. Когда Хрущев прилетел в Белград на переговоры с Тито, тот в сопровождении свиты встречал гостя. Один из высоких чиновников сказал Хрущеву:

— Россия и Сталин сделали нам так много плохого, что нам сегодня трудно доверять русским.

Воцарилась напряженная тишина. Хрущев подошел к говорившему, хлопнул его по плечу и сказал:

— Товарищ Тито, когда тебе понадобится провалить какие-нибудь переговоры, назначь главой делегации этого человека.

Смех снял напряжение.

ПОБЕДИТЕЛЕЙ СУДЯТ. БЕСКОНЕЧНЫЙ 37-Й

Наладим!

Сталин обратился к Абакумову:

— Говори, товарищ Абакумов, какие есть нужды.

— Да вот, плохо очень: отменена у нас смертная казнь. Трудно оформлять эти дела.

— Да, знаю, трудно. Тут, понимаешь, я пошел на поводу. Уговорили. Это дело мы наладим. Не беспокойся.

Абакумов выразил чрезмерно бурный восторг.

— Спасибо, я знал, что вы поможете.

Сталин посмотрел на него без улыбки.

— Вот, может быть, тебя первого и расстреляем, товарищ Абакумов.

— Если заслужил — я готов.

— Зачем заслужил. Иди, не беспокойся, дело мы наладим.

Ужасно, если правда

В войне наша страна понесла чудовищные потери — по официальным данным свыше 20 миллионов человек. Возможно, вдвое больше. Количество калек после войны было огромным. Вели они себя независимо. Терять им было нечего. Жили они впроголодь и бедственно. Говорили остро и безоглядно. Чувствовали себя обиженными судьбой и властью. Они знали, что отдали стране и победе жизнь и здоровье, и не стеснялись просить благодарности. Но ее не получали. При этом они всегда были на виду, в самых людных местах: на базарах, толкучках, рынках, у пивных, в электричках, около церквей. Их высказывания обладали острой убедительностью и взрывной силой. Они были дрожжами недовольства.

Предание говорит, что в 1948 году Сталин велел собрать всех неприжившихся и не приставших к семьям, одиноких и бездомных инвалидов-калек и уничтожить. Где-то об эту пору они и впрямь, кажется, исчезли . . .

Сталинское внимание к молодежи

В Воронеже в 1948 году арестовали 24 человека, обвинив их в троцкизме. Это была молодежная партия коммунистов. В средние века лишь в форме ереси боролись с церковью. Молодые люди в форме сталинизма и преданности Сталину боролись с некоторыми аспектами сталинизма. Причины всех недостатков они приписывали искажению сталинских указаний и идей. Воронежское МГБ пыталось сделать на этих ребятах карьеру и вывести дело на уровень ленинградского. Абакумов докладывал об этом деле Сталину. Вождь внимательно следил за ходом расследования с начала до конца, и при его мудром и заботливом содействии ребята получили огромные сроки заключения.

Тысячу раз повторенный призыв

На двери туалета одного из институтов кто-то написал: «Долой Сталина!» Бдительный посетитель сортира доложил об этом куда следует. Оттуда приехала сыскная бригада и заставила всех студентов и преподавателей написать эту фразу на бумаге. Следователи проделали кропотливую работу по сличению почерков и выявили автора надписи в уборной. Виновника арестовали, а несколько тысяч записок отправили в архив замечательной организации, выявившей злоумышленника.

Диалог с печальным финалом (невыдуманная история)

— Почему ты не куришь?
— Вредно для здоровья.
— Но ведь товарищ Сталин курит.
— В этом вопросе товарищ Сталин мне не пример.
Некурящего посадили.

Посылка на чужое имя, или Сидевший за дело

По достижении совершеннолетия сына врага народа Камила Икрамова на всякий случай посадили в тюрьму.

Как-то его сосед по камере Гордиенко получил посылку от жены на фамилию Гиммельфарб. Камил находился в недоумении, пока не узнал, в чем тут дело.

Два комсомольца — украинец Гордиенко и еврей Гиммельфарб ушли добровольцами в армию. Окончив танковое училище, по дороге на фронт молодые лейтенанты провели сутки в Киеве у родителей Гиммельфарба. Их хорошо принимали, на проводы собралась вся многочисленная родня Гиммельфарбов.

В первом же бою танкисты попали в окружение и, бросив машины, стали пробираться к своим. Гиммельфарб был тяжело ранен и

попросил Гордиенко пристрелить его. Тот выполнил просьбу и продолжал путь один, однако он не поспевал за фронтом и когда дошел до родного Кировограда, там были немцы. Месяца полтора Гордиенко отсиживался в подвале, а потом, убедившись, что немцы осели на Украине прочно, выбрался из подвала и пошел служить в полицию. Служил истово и вскоре стал начальником полиции родного города. Прошло около года, и к городу стала подступать канонада — возвращались советские войска. Когда немцы отступили к Белой Церкви и стало ясно, что войну они проиграли, Гордиенко пересек линию фронта и представился Гиммельфарбом, показав документы своего убитого друга и рассказав о скитаниях на оккупированной земле: бывшему полицаю легко было сочинить правдоподобную легенду. Танкистов не хватало, и Гиммельфарбу вскоре дали танк. Он ничем не рисковал — разоблачать его было некому: вся семья Гиммельфарба погибла в Бабьем Яру. Войну Гиммельфарб закончил с двумя орденами и множеством медалей. По понятным причинам он не стал возвращаться домой, а уехал в Калининскую область. Шли годы. Гиммельфарб женился, появились дети. Работал он хорошо и однажды попал на страницы областной газеты. Это-то и явилось роковым событием. На проводах молодых офицеров в семействе Гиммельфарбов была девушка, влюбившаяся в сына хозяев. Теперь уже немолодая женщина, она случайно прочла об инженере-мелиораторе Гиммельфарбе в газете и поехала в Калининскую область в деревню Дракино, однако вместо Гиммельфарба нашла там его товарища. Долго гадала женщина, что же могло произойти, и наконец заявила о своих сомнениях в органы власти.

В лагерь Гордиенко попал уже под своей собственной фамилией, однако из дома его увезли как Гиммельфарба, и посылки от жены приходили на это имя. Иногда в лагерях сидели и за дело.

Наблюдения над национальным характером

Писатель Николай Иванович Кочин, автор романа «Девки», начитанный и образованный человек, просидел 10 лет. Был в Средней Азии, где-то на медных рудниках. Лагерь средний — тысяч 200 (большие — миллиона полтора). Сидели там русские, украинцы, латыши, грузины, немцы, японцы и другие. Абсолютный интернационал. Каждая нация живет по-своему и сидит по-своему в лагере. Удивительный национальный тип японца.

Они не переносили грубость и затыкали уши, когда вокруг матерились. Не воровали, хотя вокруг царило ужасное воровство. Внутри своего микросообщества заключенных японцы соблюдали внутреннюю субординацию и иерархию, соответствующую организационной структуре общества, при том что рядом унижали высший слой, например, русские презирали интеллигенцию, попадавшую в лагерь. Японцы оказались очень выносливыми людьми: в драке были ловкими и увертливыми, относительно безболезненно переносили невзгоды. Из них никто не умер.

Таковы наблюдения зэка, обладавшего острым писательским глазом.

Освобождение

В 1947 году кончился десятилетний срок, полученный в 1937 всеми, кого не расстреляли. Многих выпустили. Очень скоро освобожденные были возвращены в лагеря.

Преступница

В лагере 12 лет сидела уборщица-чувашка, которая уронила и разбила бюст Сталина.

Жена Молотова

Полина Жемужина сообщила мужу — Молотову, что за ней следят и что, видимо, готовится ее арест. С одобрения мужа она уехала к сестре, чтобы ее взяли не из дома и Молотов не был скомпрометирован.

Все должны быть бесправны

После ареста Жемчужиной Молотов позвонил Абакумову узнать, в чем дело. Абакумов ответил, что он не имеет права ни о чем рассказывать и что этот вопрос согласован со Сталиным.

Возвращение

Вскоре после смерти Сталина Берия позвонил Молотову и сказал: «Приезжай, эта святая женщина у меня в кабинете». Молотов приехал и увез Жемчужину домой.

Брат соратника

Анастас Иванович Микоян рассказал А. В. Снегову об обстоятельствах гибели брата Лазаря Моисеевича Кагановича — Михаила Моисеевича Кагановича, который долгое время руководил авиационной промышленностью и был сталинистом, ответственным за репрессии по отношению ко многим людям.

Арестованных после войны «членов» подпольного «фашистского центра» вынудили дать показания о том, что вице-президентом в случае захвата гитлеровцами Москвы планировалось назначить Михаила Кагановича. Сталин сказал Лазарю Кагановичу, что его брата придется арестовать, так как показания многих арестованных уличают его в связях с фашистами. Каганович согласился. Сталин похвалил его на Политбюро за «принципиальность», за то, что не дал волю братским чувствам. Сталин добавил, что с арестом торопиться не следует: Михаил Каганович — старый коммунист и нужно еще раз проверить данные против него показания. Анастасу Микояну было поручено провести очную ставку Михаила Кагановича и арестованного «члена центра».

Во время очной ставки в кабинете Микояна арестованный показал, что еще до войны по распоряжению Михаила Кагановича наши авиационные заводы строились вблизи границы для более быстрого

их захвата немцами. Услышав это, Михаил Каганович вышел в небольшой туалет, имевшийся при кабинете Микояна, и застрелился.

Братство по духу

Когда брат Лазаря Кагановича Михаил застрелился, в Киеве арестовали его другого брата. Из Киева Лазарю позвонил взволнованный родственник:

— Лазарь, спасай брата!

Каганович ответил:

— У меня нет брата. Мой брат — товарищ Сталин.

Жена Ворошилова

В 1949 году к Ворошилову приехали представители МГБ и предъявили ордер на арест его жены. Ворошилов вытащил пистолет и пригрозил: того, кто попытается арестовать мою жену, я застрелю.

Ворошилов был членом Политбюро. Инструкций для подобной ситуации у приехавших не было, и они покинули его дом. Берия доложил о случившемся Сталину, и тот не подтвердил необходимость ареста жены Ворошилова.

Как Чарли Чаплин спас Климента Ворошилова

После окончания Отечественной войны одного из наших крупных флотоводцев пригласили на заседание Политбюро сделать доклад о перспективах развития флота. Адмирал выдвинул альтернативное предложение: или построение ряда небольших судов, или строительство крупных боевых единиц, что будет стоить во много раз дороже.

Первым в обсуждении взял слово Ворошилов. Его точка зрения была такой: восстановление народного хозяйства, разрушенного войной, потребует больших расходов, поэтому принять следует первое предложение адмирала.

Ворошилов сел, и установилась тишина. Берия уловил настроение Сталина и сказал, что нашей великой стране нужен великий флот и у нас хватит сил его создать, несмотря ни на какие трудности.

Сталин выдержал длинную паузу, а потом заговорил:

— Мы всегда подозревали, что Ворошилов — английский шпион, однако у нас не было доказательств. Теперь он сам себя разоблачил. Он хочет, чтобы Британия стала владычицей морей, а у Советского Союза не было мощного флота. Куда ты смотришь, Берия? Плохо работаешь!

Ворошилов сидел бледный, понурив голову, со лба его падали неправдоподобно большие капли пота.

Сталин, снова выдержав паузу, сказал, что вопрос не подготовлен, перенес обсуждение на следующее заседание и предложил посмотреть свой любимый фильм Чарли Чаплина «Новые времена». Все перешли в соседний зал с экраном на передней стене. Здесь стояли маленькие столики, на них — по две бутылки боржоми, и у каждого — по два стула. Все сели по двое. Только Сталин сел — величественно — один за первый столик, и Ворошилов — обреченно — за последний. Никто не решался сесть с ним рядом.

Сталин смотрел фильм с большим интересом. Когда героя освобождают из тюрьмы, у Сталина по щекам потекли слезы, и он вытер их платком.

Фильм кончился. Включили свет, а Сталин продолжал сидеть. Никто не двигался. Наконец Сталин встал, окинул всех просветленным взглядом и сказал:

— Мало мы заботимся о людях. Вот, например, наш старый боевой товарищ. Он много сил отдал нашей победе, а теперь устал и даже начал ошибаться. И никто не позаботится, чтобы он отдохнул. Почему ты, Лаврентий Берия, не предложишь ему путевку в санаторий?

У всех отлегло от сердца, и бледность сошла с лица Ворошилова.

Мало ссылок

Храпченко рассказывал.

— Николай Алексеевич Вознесенский выпустил книгу об экономике СССР в Великой Отечественной войне. Работа получила Сталинскую премию. На правительственном банкете в честь новых лауреатов присутствовал Сталин и все члены Политбюро. В конце банкета его участники выстроились полукругом, чтобы сфотографироваться. В этот момент Берия подошел к Вознесенскому, обнял его за плечи и сказал: «Молодец, хорошую книгу написал. Смотрите, товарищ Сталин, какие у нас есть молодые члены правительства. Книги пишут. Хорошие книги, умные, ученые книги. Премии получают. Вот только на товарища Сталина мало ссылаются в своих ученых книгах». Все застыли. Сталин помрачнел, резко повернулся и на глазах у всех ушел в узкую потаенную дверь, скрытую в стене. Установившаяся тишина несколько минут держала всех в оцепенении, потом все стали тихо расходиться. Все ощутили обреченность Вознесенского. Через некоторое время он был арестован.

Тост и судьба

В марте 1949 года молодой член Политбюро Вознесенский был выведен из высших эшелонов власти. Он написал письмо Сталину, уверяя его в своей преданности и невиновности. Находясь в опале, Вознесенский продолжал работать над новой книгой об экономике нашего общества. Через полгода Сталин пригласил его к себе на дачу. В присутствии членов Политбюро Сталин провозгласил тост за дорогого товарища Вознесенского — нашего ведущего экономиста. Он способен прокладывать пути к светлому будущему, планировать нашу экономику. Такие люди — наш ценнейший капитал. За здоровье товарища Вознесенского!

Вознесенский возликовал и был обнадежен. Радостный вернулся он домой. Однако той же ночью его арестовали. Арестована была и рукопись Вознесенского о закономерностях социалистической экономики. В отредактированном Сталиным виде эта работа вышла под именем вождя в начале 50-х годов в форме статьи в «Правде» и отдельной брошюрой. Так, с «чужой помощью» Сталин писал не одну работу.

Казнь

Говорят, Вознесенский был подвергнут средневековой казни: в его живот была зашита крыса, которая, проголодавшись, пожирала внутренности несчастного.

Благородный поступок

Мой приятель С. Р. работал в ЦК ВЛКСМ, часто общался с переехавшим из Ленинграда в Москву секретарем ЦК КПСС Алексеем Александровичем Кузнецовым. С. Р. нравился Кузнецову и пользовался правом звонить ему в неурочное время и советоваться по текущим делам. Кузнецов всегда очень вежливо и уважительно общался с людьми. Однажды, когда С. Р. в очередной раз позвонил Кузнецову, тот неожиданно резко и грубо отчитал его: «Как вы смеете беспокоить меня по пустякам! Кто вы такой?! Я не помню вас и не хочу вас знать!» С. Р. был очень обескуражен и огорчен. Он ничего не мог понять. Что случилось? Чем он провинился? За что такая грубость после откровенных бесед и установившихся добрых отношений? Вскоре все прояснилось. Кузнецова арестовали, и стало понятно, что он, предполагая грозящую ему участь, спасал своего младшего товарища, выводя его из сферы своего непосредственного общения и тем самым из-под удара. Действие благородное по формуле Суворова: «Сам погибай, а товарища выручай».

Ленинградское дело

Многочисленных арестованных по «ленинградскому делу» и в их числе Вознесенского, Кузнецова, Попкова, обвинили в преступных намерениях сдать во время войны Ленинград немцам, перевести в Ленинград столицу России, взорвать флот.

Абакумову было дано указание, которое шло от Маленкова и Берия, выбивать из арестованных показания против Жданова, которого в это время уже не было в живых.

* * *

Разгромив старую партийную гвардию, Сталин в конце 30-х годов стал выдвигать и приближать к себе некоторых перспективных молодых людей. В их числе были три ленинградца: Кузнецов, Вознесенский, Косыгин. Они стали бурно расти. Вознесенский, например, написал книгу «Военная экономика СССР в период Отечественной войны». Работа понравилась и получила Сталинскую премию. Казалось, что ленинградцам обеспечено покровительство и зеленая улица. Берия и Маленков стали опасаться, что молодые могут вытеснить и заменить старых членов Политбюро, и они повели борьбу.

С большим искусством Берия и Маленков стали «шить» дело: мол, ленинградская группа решила создать Российскую компартию по типу Украинской, Белорусской, Казахской и сделать Ленинград столицей РСФСР. Это удалось внушить Сталину, который при своей подозрительности везде находил опасность в действиях, приписывае-

мых ленинградцам, увидел подкоп под свою власть генсека, так как если из его рук уходит российская партия и российская государственность, то он остается генералом без армии. Кроме того, Берия подчеркнул, что Вознесенский в своем труде совершенно не цитирует Сталина.

Вознесенский и Кузнецов были арестованы, пострадали и многие другие ленинградцы.

Из рассказа таксиста — бывшего шофера Маленкова

Маленков старался не подписывать бумаги, обрекавшие людей на гибель. Несмотря на это и на дружбу с Вознесенским, он все же был вынужден подписать документ об его аресте. Поставив эту подпись, Маленков вышел и сказал своему шоферу: «Устал, больше сегодня работать не буду, поехали в лес». Когда они приехали, Маленков вышел и долго стоял у машины, а потом сказал: «Сегодня, Иван Денисович, я совершил подлость. Подписал документ на арест Вознесенского». И долго смотрел на лес.

Рассказ записан мной в 1975 году со слов таксиста. Рассказ малоправдоподобен. Более убедительны предания, говорящие о заинтересованности Маленкова в устранении ленинградской группы. Трудно поверить и в такую степень откровенности Маленкова с шофером и в слишком литературное имя-отчество таксиста.

КОСМОПОЛИТИЧЕСКАЯ КАМПАНИЯ И АНТИСЕМИТИЗМ

Чтоб не прослыть антисемитом,
Зови жида космополитом.

Частушка 1950 г.

Отживший пункт

Заместитель Генерального прокурора генерал-лейтенант юстиции в первые послевоенные годы представлял Сталину проект нового Уголовного кодекса. Из проекта Сталин вычеркнул, как отживший и неактуальный, пункт о наказуемости антисемитизма. Генерал стал простодушно объяснять, что антисемитизм все еще имеет место и нельзя опускать данный пункт. Вскоре наивного генерала нашли за городом мертвым.

Обещание

Когда после войны началась кампания борьбы с космополитизмом, Илья Эренбург обратился к Сталину:

— Товарищ Сталин, у нас начинает поднимать голову антисемитизм.

— Ничего, товарищ Эренбург, с фашизмом мы справились, как-нибудь справимся и с антисемитизмом.

Эренбург ушел успокоенный. Вскоре в «Правде» была опубликована статья «Об одной группе антипартийных критиков», придававшая кампании очередной борьбы ускорение.

Разные мнения

Объяснение антисемитизма Сталина.

Поскольку грузинам не свойствен антисемитизм, Сталин, по мнению Утесова, своим антисемитизмом хотел доказать, что он русский монархической ориентации. Он видел себя царем Российской империи.

Корни антисемитизма у грузина понятны, если Джугашвили сотрудничал с жандармерией.

Сталину много лично досадили евреи, будучи соперниками в продвижении по партийной лестнице. Ненависть к Троцкому окрасилась национальным цветом.

В революционном движении было немало евреев, и некоторые из них оказались в высших эшелонах новой власти. Смену кадров старой партийной гвардии на руководителей сталинской школы удобно было вести под знаменем антисемитизма.

Сталин любил напряжение —«классовую» и всяческую другую борьбу: пока люди борются между собой, им не до тирана. Поэтому борьба с евреями, когда другие источники напряжения иссякли, стала для Сталина желанной.

В силу своей жизненно-исторической ситуации евреи — фактор, будоражащий общество. А Сталину не нужны были дрожжи в обществе.

Мертвый хватает живого. Сталин решил перехватить инициативу у Гитлера в окончательном решении еврейского вопроса.

Такая судьба

Все народы уникальны и имеют неповторимую историческую судьбу. Уникальность жизненного положения евреев в середине XX века в том, что все черные и звездные часы истории их судьба в силу сравнительно небольшой численности и отсутствия собственной государственности оказывалась незащищенной и зависела от общей судьбы человечества наиболее прямо, непосредственно, внятно и безусловно. Поэтому их дурные и добрые интересы и поступки часто поднимались с национального уровня на исторический и общечеловеческий. В этом феномен евреев — их беда, их судьба, их пресловутая «богоизбранность», от которой избави бог и дай обыденную заурядную судьбу, какая часто выпадает другим, более счастливым народам. О подобном феномене говорили стихи Николая Глазкова:

Я на жизнь взираю из-под столика,
Век двадцатый — век необычайный.
Все, что интересно для историка,
То для современника — печально.

Отталкиваясь от мысли Льва Толстого, можно сказать: все народы счастливы одинаково и каждый народ несчастлив по-своему. Гитлер задал еврейскому народу неизбывно трагическую судьбу и его массовое уничтожение —6 миллионов из 12, живущих в мире.

Я вспомииаю стихи молодого поэта из литературиого объедииеиия, которым в 1946 году руководил Михаил Александрович Зеикевич:

> Я знаю, конечно, не бог, не мессия —
> На помощь евреям никто не придет.
> И я становлюсь на колени перед народом России
> И прошу его заступиться за мой несчастный народ.

И действительио, иароды иашей страиы, победив в войне, заодио заступились и за евреев, спасши от Гитлера тех, кого еще можио было спасти. От Сталииа же и евреев, и другие иароды спасла лишь смерть отца всех иародов.

Устная и письменная рецензия

Говорят, ромаи Эреибурга «Буря» Сталии иазвал «бурей в стакаие воды». Впоследствии у этой устиой рецеизии возиикло иеожидаииое письмеииое опровержение.

Шла кампаиия борьбы с космополитизмом. Эреибург по всем параметрам подходил под объект для проработки: еврей, «западиик», миого лет провел за рубежом, пишет об «их» мире и «их» людях, иаходя в иих ие только отрицательиые, ио и иекоторые человеческие черты. И в «Правде», чтобы дать пример бдительиости и активиости в разоблачеиии «иизкопоклоиства перед гиилой буржуазией культурой Запада», решили провести обсуждеиие ромаиа «Буря».

Обсуждеиие длилось миого часов. Ораторы выдвигали такие обвииеиия, что после каждого выступлеиия впору было вызывать коивой, заключать писателя под стражу и приговаривать к высшей мере. Поскольку каждый оратор хотел превзойти других в бдительиости, то обсуждеиие превратилось в крещеидо обвииеиий. Эреибург иа редкость спокойио слушал все речи. Через иесколько часов обсуждеиия его спокойствие стало выводить ораторов из терпеиия, и оии потребовали, чтобы дальиейшая дискуссия была предвареиа выступлеиием Эреибурга: «Пусть выскажет свое отиошеиие к критике!», «Пусть ие отмалчивается!»

Сцеиарий тут был давио отработаи: обычио после самокритики («Пусть покается!») следовало обвииеиие («Не искреииее раскаяиие!», «Двурушиик!»).

Воцарилась выжидательиая тишииа. Эреибург иарушил ее:

— Я благодареи правдистам за виимаиие к моему произведеиию, за его едииодушиую оцеику, за критические замечаиия. По поводу этого ромаиа я получил большую читательскую почту, в которой оцеики ие всегда совпадают с теми, которые я услышал здесь. Позволю для примера прочесть отзыв одиого из моих читателей, приславшего мие телеграмму: «С иитересом прочитал «Бурю». Поздравляю с успехом. И. Сталии».

Правдисты, сидевшие в зале и президиуме, очеиь иепосредствеиио сыграли фииальиую, иемую сцеиу комедии «Ревизор». Затем председатель собраиия, преодолев оцепеиеиие, сказал:

— На этом обсуждение интересного романа «Буря» считаю закрытым.

И все разошлись.

Сталин всегда проводимую им кампанию сопровождал отвлекающим маневром. Так, поголовную коллективизацию вождь затушевал статьей «Головокружение от успехов», борьбу с «правой оппозицией»— словами: «Мы не дадим крови нашего Бухарчика», борьбу с космополитизмом — похвалой Эренбургу.

Умерить прыть

Крупный работник ЦК Николай Федорович Головенченко, проводя кампанию космополитизма, перестарался. Он стал разоблачать Эренбурга как «бездомного бродягу» и антипатриота. По указанию Головенченко несколько газет и журналов без объяснения причин вернули писателю его статьи, заказанные ко Дню Советской Армии. Эренбург обратился с письмом к Сталину, в котором пожаловался на Головенченко: «В трудные для Родины дни я чувствую себя как боец, у которого отняли винтовку».

Позвонил Маленков:

— Вы нам писали?

— Я писал товарищу Сталину.

— Товарищ Сталин посоветовал вам написать новые статьи для этих органов печати.

Головенченко на следующий день не впустили на работу в ЦК и отняли пропуск.

На черный день

В 1947 году светский и остроумный писатель И., оказавшись в одной компании с Поскребышевым, рассказывал веселые анекдоты, удачно шутил. Поскребышев сказал: вы мне понравились, если вам понадобится передать письмо товарищу Сталину, то вот вам мой телефон, один раз в жизни вы можете им воспользоваться. И. берег эту возможность на самый черный день и не прибег к ней даже когда посадили его друга и соавтора Евгения Львовича Штейнберга. Желая помочь ему, И. попросил Василия Сталина обратиться к Берия. Василий разговаривал с И. в штабе Московского авиационного округа, отослав всех своих адъютантов и приоткрыв двери, чтобы никто не подслушивал. Он попросил рассказать, кто такой Штейнберг. И. положительно его охарактеризовал и сказал: профессор истории, литератор, еврей.

— Сколько он получил?

— Восемь лет.

— Не буду обращаться к Берия.

— Почему?

— Потому что Берия прибавит ему до 15 лет.

— Почему?

— Потому что Берия — антисемит.

— Не может быть! И неужели товарищ Сталин этого не знает?!

— Я не знаю, что знает Сталин, я знаю только то, что знаю я.

На этом дело и кончилось. Штейнберг получил свое.

Кто есть кто

После войны Сталин развернул очередную кампанию борьбы с очередным противником —«космополитами». В духе этой кампании и исходя из общих принципов сталинской национальной и кадровой политики председатель Комитета по делам искусств предусмотрительно дал указание Большому театру сократить певца Рейзена.

Однажды к Рейзену, голос которого нравился Сталину, позвонил Поскребышев и предупредил, чтобы он был готов сегодня вечером выступать на приеме в Кремле. Рейзен ответил, что он уволен из театра и уже не выступает. Через некоторое время за певцом приехала машина, и он очутился в Кремле. Рейзен старался, и его пение снова понравилось Сталину. Тот подозвал к себе председателя Комитета по делам искусств и спросил, указывая на исполнителя:

— Кто это?

— Это певец Рейзен.

— А вы кто?

— Я — председатель Комитета по делам искусств.

— Неправильно. Это,— указывая на певца, сказал Сталин,— солист Государственного академического Большого театра, народный артист СССР Марк Осипович Рейзен. А вы — дерьмо. Повторите,— зло приказал вождь.

— Это солист Государственного академического Большого театра, народный артист СССР Марк Осипович Рейзен, а я — дерьмо,— послушно повторил председатель Комитета по делам искусств.

— Вот теперь правильно.

Изъятие неарийца

В марте 1938 года фашистская Германия оккупировала Австрию. В 1942 году немецкий военный комендант Вены провел расово-идеологическое очищение вверенного ему города. Венскую оперу украшали бюсты великих композиторов, и, по сведениям коменданта, в их число беззаконно проник бюст еврея — композитора Мендельсона. В сопровождении нескольких солдат комендант самолично влез на крышу оперы. Они обошли все бюсты, ища Мендельсона. Сделать это было непросто, так как больших культурных познаний у коменданта не было. Однако он был физиономист и знал арийскую теорию. Отличить еврея от нееврея было для него раз плюнуть. Комендант нашел композитора с самым крючковатым носом и самым неарийским выражением лица. По указанию коменданта солдаты обрушили бронзовый бюст неарийца на тротуар у театра, и скульптура разбилась. Вскоре к ужасу коменданта выяснилось, что он ниспроверг не еврея Мендельсона, а немца Вагнера — любимейшего композитора Гитлера. За эту провинность бедного коменданта отправили на русский фронт, где он и погиб.

В 1950 году в ходе борьбы с космополитизмом такую же процедуру снятия — на сей раз не бюста, а портрета Мендельсона — проделали в Большом зале Московской консерватории. Портрет Мендельсона вынули из медальона и убрали. При этом Мендельсона удалось

ни с кем не спутать, что несомненно свидетельствует в пользу более высокой образованности и компетентности отечественных борцов за чистоту расы и идеологии и об их безусловном превосходстве над немецкими коллегами и единомышленниками.

Начало новой кампании

В беседе с известным дирижером Самуилом Абрамовичем Самосудом Сталин сказал:

— Вы должны присмотреться к евреям в театре. Эта часть нашей интеллигенции не выражает народное сознание, оторвана от народа.

Самосуд пошел к своему родственнику-правдисту и рассказал ему об этом, тот по эстафете передал все редактору «Правды» Петру Николаевичу Поспелову, который подытожил:

— Надо прислушаться и принять как руководство к действию сталинский анализ нашей интеллигенции.

Убедительный аргумент

Белецкий сообщил Сталину, что некоторые считают его евреем, а это неправда, так как его дядя был жандармом. В 37-м году для самосохранения Белецкий должен был бы доказывать обратное: как же я могу быть племянником жандарма, если я из еврейской семьи. Такова переменчивая диалектика сталинских чисток. Аргумент Белецкого о дяде жандарме показался Сталину весомым и достойным внимания. Вождь был неравнодушен к жандармерии.

Жизненная мудрость

Великий трагик Михоэлс и всемирно известный эстрадный певец сидели за столом и не спеша рассуждали об умудренности, приходящей к человеку с годами. Они уже сошлись на том, что опыт благодатен, но притупляет вкус жизни, упрощает ее сложности и рождает почти цинизм всезнайства. Всю эту философию они запивали коньяком и закусывали лимоном. Певец вспомнил, как однажды ему взгрустнулось в провинциальном французском городке, куда он приехал на гастроли. Он пожаловался своему импресарио. «Ничего,— бодро сказал тот,— мы это быстро исправим».

Через полчаса в номер к певцу, постучавшись, впорхнуло юное существо и защебетало:

— Ах, я ваша поклонница. Я так давно мечтала . . .

— Миленькая!— сказал певец.— Я, повидавший жизнь человек, знаю, зачем ты пришла. Для начала — вот дверь в ванную.

Трагик помолчал, а потом, как ваятель — надпись на граните, высек формулу:

— Опыт — великий учитель жизни и ее великий палач,— и вдруг вспомнил зверей в зоопарке:

— Все хищники, сидящие в клетках, каждое утро получают свой завтрак. Они жадно набрасываются на мясо, но не сразу съедают, а еще играют с ним. Они подбрасывают его и создают иллюзию живой борьбы со своей жертвой. Пища, брошенная в клетку, насыщает, но не дает той радости, что выслеживание, охота, погоня, схватка

на воле. Игрой с мясом звери создают себе иллюзию воли. И только один старый умудренный жизнью лев не играет с мясом. Он давно уже и прочно знает, что в клетку бросают не живое мясо, что прутья клетки крепки и вечны, что свободы или нет в природе, или она раз и навсегда потеряна.

Прощание и предчувствие

В 1948 году редактора журнала «Театр» Голубова-Потапова послали вместе с Михоэлсом в Минск посмотреть спектакль, представленный на Сталинскую премию. Перед отъездом Голубов зашел в Гослитиздат к своему молодому приятелю Марку Яковлевичу Полякову. Прощаясь, Голубов сказал: «Вы меня видите в последний раз. Из Минска я уже не вернусь». И Михоэлс перед отъездом в Минск с недобрым предчувствием навестил своего приятеля академика Капицу. Голубов и Михоэлс погибли в Минске в автомобильной катастрофе.

Как сложили песню

В конце 1948 года видный еврейский поэт попал по навету в тюрьму. Над ним смеялись, его третировали. Поговаривали, что он выдает себя за поэта, а на самом деле — спекулянт. Его стали теснить на дно тюрьмы, а когда он попытался сопротивляться, ему устроили экзамен: «Если ты поэт, скажи свои стихи, и мы решим, чего ты стоишь». Обширная многолюдная и разношерстная камера притихла в ожидании, насторожилась. Только карманник Васька усовестил: «Кончай, мать твою, народ лапошить». На Ваську цыкнули.

Поэт за всю жизнь не написал ни строчки по-русски, а читать стихи, написанные по-еврейски, было бессмысленно. Наступила ледяная тишина, напряжение нарастало. Была затронута и национальная, и профессиональная честь. Да и вообще речь шла о жизни и смерти. И под тяжестью неумолимых обстоятельств он как бы прозрел. Он ступил вперед и начал тихим голосом, в такт медленному шагу:

Есть дороженька одна
От порога до окна,
От окна и до порога —
Вот и вся моя дорога.
Я по ней хожу, хожу,
Ей про горе расскажу.
Расскажу про все тревоги
Той дороженьке-дороге . . .

По камере прокатилась волна тепла. Тишина чуть-чуть оттаяла. А он продолжал:

Есть дороженька одна
Ни коротка, ни длинна,
Но по ней ходили много,
И печальна та дорога.
Я теперь по ней хожу,
Неотрывно вдаль гляжу,
Что я вижу там вдали?
Нет ни неба, ни земли . . .

Он шел, и люди расступались. И отступали жестокость и грубость.

Есть дороженька одна
От порога до окна,
От окна и до порога —
Вот я вся моя дорога.

Это была неожиданная и яркая импровизация. Стихи сами излетали из его души. Люди были потрясены и содержанием творчества, и тем, что рождение искусства произошло сразу, здесь, на их глазах. Отверженный сделался священным дервишем тюрьмы. Ему прощали и странности, и чудачества, и нелепые привычки, и заумность в разговорах на самые житейские темы. А стих пошел, отделился от автора, стал песней. И кто теперь скажет, поэт ли родил эту песню, или люди родили поэта, сделав несчастного человека органом своих мыслей, переживаний, заставив его выговорить их боль. После этого он никогда больше не писал стихов: русских — не умел, а еврейские никогда не были нужны.

Трагическое свидание

В конце 40-х — в начале 50-х годов был арестован еврейский поэт Пфефер. В это время в Москву приехал Поль Робсон. Он спросил, правда ли, что Пфефер в тюрьме. Ему ответили — с Пфефером все в порядке — и организовали с ним встречу. Два сотрудника привезли Пфефера из тюрьмы в гостиницу и остались внизу, а заключенный поднялся в номер к Робсону. Певец спросил о судьбе Переца Маркиша и других видных деятелей еврейской культуры. Пфефер сказал, что они живы-здоровы, и при этом показал на потолок, давая понять, что разговор прослушивается, а потом составил из пальцев решетку и сделал жест, означающий казнь. Робсон спросил: «А как твои дела?» Утверждая, что все хорошо, поэт повторил жесты. После этого два человека, утирая слезы, говорили о пустяках.

Через несколько дней на концерте в Ленинграде Робсон демонстративно спел еврейскую песню сопротивления, родившуюся в Варшавском гетто. Слушатели устроили овацию.

Вернувшись в США, Робсон рассказывал, что Пфефер, Маркиш и другие деятели еврейской культуры находятся на свободе. Позже он объяснял свой ответ надеждой натолкнуть Сталина на мысль, что ему выгодней сохранить жизнь деятелям еврейской культуры, чем убить их. Однако Пфефер и Маркиш были убиты. По другой версии, Робсон не мог изобличить Сталина потому, что сын певца находился в Москве и фактически был заложником.

Притормозить!

В разгар кампании космополитизма Сталин дал указание редактору «Правды» Петру Николаевичу Поспелову:

— Не надо делать из космополитов явление. Не следует сильно расширять круг. Нужно воевать не с людьми, а с идеями.

Сталин широко пользовался социальной технологией, формула которой: разгон — тормоз, разгон — тормоз.

Медицина, обернувшаяся политикой

Перед XIX съездом Сталин перенес микроинсульт. Отнялась рука. Состояние было плохим. Вызвали врачей. После консилиума они сказали, что положение угрожающее и вождь должен отойти от дел, чтобы сохранить жизнь. Был приведен ряд исторических прецедентов, когда отдых возвращал здоровье, а продолжение работы приводило к губительным результатам.

Сталин спросил:

— Скажите, медицина наука или нет?

Врачи ответили:

— Да, товарищ Сталин, конечно, наука.

— А в науке бывает прогресс?

— Да, товарищ Сталин, конечно.

— Значит, и в медицине есть прогресс?

— Да, товарищ Сталин, есть, но не в этом случае. Эти заболевания наука еще не умеет лечить.

— Значит, вообще в медицине есть прогресс, но когда дело касается товарища Сталина, то прогресса нет.

Вскоре индийский врач — его потом наградили Сталинской премией мира — стал лечить Сталина с помощью стимулирующих и даже допинговых средств, и вождь неожиданно быстро встал на ноги. На XIX съезде он, как ни стремился, все же не смог выступить с отчетным докладом и был в состоянии только доковылять до трибуны и произнести очень краткую агрессивную речь. Эта речь призвана была доказать, что вождь здоров и в силе. (Египетские фараоны, чтобы показать, что они еще не стары, пробегали в присутствии большого числа людей огромный круг.) Вскоре началось дело врачей.

Техническая подготовка к высылке

В конце 1952 года в Биробиджане по указанию Сталина были подготовлены бараки для подлежащих выселению евреев. Выселение не состоялось из-за смерти Сталина. О качестве этих бараков говорит то, что когда в 1956 году решался вопрос об использовании их для хранения урожая, выяснилось: стены бараков в одну доску, огромные щели, дырявые крыши, внутри нары в два этажа. Для хранения урожая все это оказалось непригодным.

На подступах к делу врачей

В середине 1952 года в Норильске — городе заключенных, работающих на огромном промышленном комбинате,— появилась недавно арестованная красивая молодая женщина. Она была медицинской сестрой и наложницей Сталина. Нащупывая очертания будущего дела врачей, ее арестовали и не очень жестоко выслали на пять лет. Однако она была мрачна и говорила, что ничего хорошего не ожидает, поскольку ее обвинили в нелояльности к вождю. Действительно, в конце того же года ее отослали в Москву, после чего она навсегда исчезла.

Еврейское счастье

В 1952 году в разгар кампании по борьбе с космополитизмом, руководимой и направляемой Сталиным, он публикует свое письмо, в котором утверждает, что антисемитизм — тягчайшее преступление, за которое следует расстреливать. Вождь приказывает Гослитиздату выпустить в свет еврейский молитвенник на иврите. Выполнение этой задачи поручают Марку Полякову. Он едет в Ленинград, где собирает пять издателей-евреев. Они достают молитвенник 1913 года. Беда только в том, что эта издательская компания из шестерых образованных евреев, которую вот-вот обвинят в сионизме, совершенно не знает иврита и не может прочесть ни слова в этом молитвеннике. Однако приказ есть приказ, и издатели отдают молитвенник в типографию, чтобы снять с него копию. Когда книга вышла, оказалось, что она начинается молитвой за здравие царя-самодержца Николая II. Тираж конфисковали, а всем, кто имел к этому хоть малейшее отношение, был устроен страшный разнос.

Дело врачей

Предание не совсем совпадает с известными по другим источникам фактами.

По преданию, Лидия Тимошук работала патологоанатомом. Данные ее вскрытий не всегда совпадали с диагнозом. После очередной по этому поводу ссоры профессор Владимир Никитич Виноградов попросил убрать эту беспокойную и глупую бабу. Тимошук уволили. И в профорганизации, и в суде, куда она обращалась, ей отказали в рассмотрении дела, так как речь шла о режимном учреждении. Тогда она написала в МГБ, что ее уволили из-за расхождений данных ее вскрытий с диагнозами. Письмо попало к Рюмину, и он оценил его возможности.

Рюмин работал начальником Архангельского областного управления МГБ и из-за крупных служебных неприятностей приехал в Москву и пробился к министру — Абакумову, понравился ему и был взят в центральный аппарат. Получив письмо Тимошук, Рюмин арестовал врача Кремлевской спецбольницы Финкельштейна и добыл (выбил) у него показания о покушении врачей на жизнь Сталина. С этими материалами Рюмин пришел к Абакумову. Тот сказал:

— Ты что, поверишь Тимошук и пойдешь против Виноградова? А если завтра у Сталина будет насморк и он вызовет Виноградова? Что ты скажешь Сталину? А если Виноградов пожалуется Сталину? Если там заговор, то куда мы с тобой раньше смотрели?

— Да, но врач Финкельштейн дал показания о покушении на Сталина.

— Ах, ты со мной хочешь играть в эти игры?! Завтра утром приведешь Финкельштейна ко мне. Я сам с ним поговорю.

Утром Рюмин доложил Абакумову, что врач Финкельштейн повесился ночью в собственной камере. Для спасения от гнева Абакумова у Рюмина оставались считанные часы. Он приехал к Берия и рассказал ему о материалах дела на врачей и о позиции Абакумова. У Берия загорелись глаза: он уже был в опале у Сталина и в

преддверии катастрофы. Абакумова арестовали. Сталину доложили о деле врачей-убийц. Врачей заключили в тюрьму. Сталин увидел в этой истории ряд важных политических перспектив: путь к новой волне большого террора и к «окончательному решению» еврейского вопроса, а также возможность усиления международной напряженности и обвинения США в бесчестных акциях против СССР. При этом врачи трактовались как наймиты империализма. Все это, по расчетам Сталина, давало выход к мировой войне, к возможному захвату Европы и даже к овладению миром. Так палач Рюмин чуть было не помог Сталину ввергнуть человечество в атомную катастрофу.

Обескураживающее сопротивление

В феврале 1953 года состоялось заседание Президиума, на котором обсуждался вопрос о суде над «врачами-убийцами» и о последующей депортации евреев в Сибирь. Неожиданно для Сталина несколько руководителей высказались резко против этого. Сталин был настолько поражен и обескуражен сопротивлением (ничего подобного не было уже лет двадцать!), что молча покинул заседание, уехал и не появлялся 10—15 дней. Он не появился вообще. Умер. От огорчения? От страха? От гнева? Иногда палачи отбивают кулаки, избивая жертву: неужели евреи доконали бедного Сталина?

Идеологическая подготовка высылки

В феврале 1953 года миллионным тиражом была отпечатана брошюра члена Президиума ЦК Дмитрия Ивановича Чеснокова «Почему необходимо было выселить евреев из промышленных районов страны». Ее выход в свет был приурочен к приговору убийцам в белых халатах и к акции выселения евреев. Однако все сорвалось по причине смерти Сталина.

Что делать с Виноградовым!

По делу врачей арестовали главным образом врачей-евреев. Однако был арестован и Владимир Никитич Виноградов — лечащий врач Сталина, рекомендовавший ему по состоянию здоровья покой и отдых от дел. Ни следователь, ни новый министр Игнатьев не знали, что делать с этим арестантом. При первой же встрече со Сталиным Игнатьев спросил, как следует поступить с Виноградовым. Сталин ответил:

— Не знаешь, что делать? Он должен быть связан с сионистской организацией Джойнт.

— Но Виноградов русский.

— Значит он английский шпион, а Англия покровительствует Джойнту. Так что все сходится.

— Однако Виноградов ничего не подписывает и просит сообщить вам, что он ни в чем не виноват.

— Не виноват! Шпион иностранной разведки — не виноват! Имейте в виду, Виноградов человек слабохарактерный, его не надо бить, достаточно надеть на него кандалы, и он все подпишет. Я его хорошо знаю.

Оправдался

Берия не любил и ревновал к Сталину Пономаренко. Во время дела врачей Берия обвинил Пономаренко: мол, он неоднократно обедал с Виноградовым и Егоровым. Вопрос рассматривался на Президиуме, членом которого в это время был Пономаренко. «Сколько вам нужно минут, чтобы дать объяснения Президиуму и оправдаться, товарищ Пономаренко?»— спросил Сталин. «Постараюсь коротко объяснить. Известно, что вы, товарищ Сталин, сидели в одной камере с меньшевиком. Это не сделало вас врагом революции. Я сидел за столом с врачами-убийцами, но это не значит, что я проникся их идеологией».

Сталин подошел к Берия и сказал: «Слушай, оставь в покое человека».

Предвестье новой кампании

Поэт Евгений Винокуров высказывал свою концепцию последней акции сталинской политики.

Сталин ощущал оголенность сибирских пространств и потенциальную опасность безлюдья Сибири. Неосвоенность Россией Аляски в свое время привела к ее потере: продажа за бесценок была в той ситуации единственным выходом. Сибирь оказывалась перед возможной угрозой со стороны США и Китая. То, что стало экономически иллюзорной целью строительства БАМа в 70—80-х годах, в сталинском сознании сформировалось как политическая задача в начале 50-х. Его решение было кардинальным, коварным, жестоким и по-своему «мудрым», если не учитывать его противочеловечность.

Идея классовых врагов, врагов народа уже не работала. Переселить миллионы людей для заселения и освоения Сибири можно было с помощью другой идеи: борьбы с космополитизмом, а потом с антисемитизмом. Сначала выдвигаются обвинения в космополитизме, а потом в организации заговора врачей-убийц, и евреи выселяются в Сибирь для спасения их от священного гнева других народов. Это дало бы Сибири около трех миллионов человек, причем большой процент интеллигенции. В европейской части России при этом освобождались бы рабочие места, ресурсы, квартиры.

После выселения евреев (во имя их спасения от погромов — образец сталинской заботы о людях!) должна была начаться борьба с антисемитизмом как с националистической буржуазной идеологией.

Винокуров обращает внимание на то, что в разгар космополитизма Сталин опубликовал в собрании сочинений письмо, в котором называет антисемитизм преступлением, подлежащим в нашей стране суровому наказанию (вплоть до расстрела). Это, по мнению Винокурова, не просто прикрытие кампании по борьбе с космополитизмом, но выдвижение пока не нужного, но через время входящего в действие основания для новой кампании. Поскольку размеры борьбы с космополитизмом были очень велики (в нее вовлекались сотни тысяч людей, а эксцессы должны были придать этому еще и преступный характер), то число наказанных антисемитов должно было быть чуть ли не вдвое большим, ведь при осуждении космополитов выступало

всегда не менее двух, а иногда до десяти человек. Борьба с антисемитизмом прибавила бы к трем миллионам высланных в Сибирь евреев еще несколько миллионов антисемитов. Таким образом решались сразу несколько проблем: почти окончательное решение еврейского вопроса в России; освоение Сибири и стратегическое заполнение вакуума на востоке России; борьба против национализма и шовинизма; явление Сталина всему миру в лестной форме борца с антисемитизмом; создание новых источников даровой и квалифицированной рабочей силы для экономического развития Сибири.

Несостоявшийся спектакль

Илья Эренбург рассказывал мне, как в феврале 1953 года Маленков пригласил его в ЦК. Вначале он хвалил писателя и объяснялся в любви к его творчеству, а потом сказал: «Прошу вас ознакомиться с одним письмом. Я ценю вас и отношусь к вам с читательской привязанностью, поэтому настоятельно советую подписать это письмо».

Эренбург внимательно прочел документ, под которым уже стояли подписи известных людей. В письме говорилось: мы, евреи — деятели культуры — воспитывали своих детей в антипатриотическом духе, мы и наши дети виноваты перед всеми народами Советского Союза, так как противопоставили себя им. Дальше шли перечисления социальных прегрешений евреев. И в конце покаяние: мы становимся на колени перед народами нашей страны и просим наказать и простить нас.

Эренбург отложил письмо и сказал:

— Я этого подписать не могу.

Маленков сказал:

— Желая вам добра, очень советую не отказываться. Иначе я не могу поручиться за вашу судьбу, которая мне дорога. Ваш отказ там,— Маленков при этом показал на люстру,— не поймут и не примут. Ваш отказ вызовет такие последствия, что я не смогу вам помочь.

Эренбург понимал, что простое отрицание документа, санкционированного, как это было понятно, Сталиным, невозможно, и привел лукавые доводы:

— Я не могу подписать это письмо, потому что партия и лично товарищ Сталин поручили мне руководить движением за мир. Я ответственно говорю, что публикация письма разрушит это движение. Я получил официальное заявление Жолио-Кюри и других видных западных деятелей, что они выйдут из движения за мир, если не получат неопровержимых данных о том, что дело врачей-убийц не инсценировано. Все это не позволяет мне подписать письмо, так как я отвечаю перед партией и товарищем Сталиным за движение за мир.

— Я по-прежнему думаю, что вам лучше подписать,— сказал Маленков.— Если же вы отказываетесь, я советую: все аргументы, которые вы мне высказали, изложите в письме на имя товарища Сталина и завтра передайте мне. Я обеспечу, что ваше обращение попадет в руки товарища Сталина. Однако я уверен, что это не повлияет на его решение. Письмо с подписями представителей

еврейского народа будет опубликовано на следующей неделе в «Правде».

Эренбург последовал доброму совету Маленкова и всю ночь писал письмо Сталину. Писал и рвал. Наконец ему удалось изложить свои мысли точно и корректно, с учетом психологии адресата.

Далее события развивались так. Убедили ли вождя аргументы Эренбурга или же вторглись другие факторы, но коллективное письмо в печати не появилось. Почему? Сталин ушел из жизни и унес с собой ответ на этот вопрос.

Согласно сталинскому сценарию, должен был состояться суд над «врачами-убийцами», который приговорил бы их к смерти. Казнь должна была состояться на Лобном месте на Красной площади. Некоторых «преступников» следовало казнить, других позволить разъяренной толпе отбить у охраны и растерзать на месте. Затем толпа должна была устроить в Москве и других городах еврейские погромы. Спасая евреев от справедливого гнева народов СССР, их предстояло собрать в пунктах концентрации и эшелонами выслать в Сибирь.

Хрущев пересказывал Эренбургу свою беседу со Сталиным. Вождь наставлял: «Нужно, чтобы при их выселении в подворотнях происходили расправы. Нужно дать излиться народному гневу». Играя в Иванушку-дурачка, Хрущев спросил: «Кого, их?»—«Евреев»,— ответил Сталин, наслаждаясь своим интеллектуальным превосходством. Утверждая сценарий депортации, он распорядился: «Доехать до места должно не более половины». По дороге предполагались «стихийные» проявления народного гнева — нападения на эшелоны и убийства депортируемых.

Так Сталин готовил окончательное решение еврейского вопроса в России, как рассказал об этом Эренбург.

Один из старых железнодорожников, живущий в Ташкенте, рассказывал мне, что в конце февраля 1953 года действительно были приготовлены вагоны для высылки евреев и уже были составлены списки высылаемых, о чем ему сообщил начальник областного МГБ.

ПЕРЕД ЗАХОДОМ «СОЛНЦА». ФИНАЛ СТАЛИНИЗМА

Беспроигрышная игра

После XIX съезда Сталин разыграл обычную для русских монархов комедию отречения и высказал желание уйти на покой. Это была седьмая «попытка». Первый раз его не пустили Каменев и Зиновьев, второй — Бухарин резко возражал против его ухода, третий — весь пленум стоя приветствовал вождя и не отпускал в добровольную отставку. Иван Грозный, Борис Годунов и другие цари уже играли в эту игру и всегда выигрывали. Сталин выиграл тоже. В 1952 году его вновь «упросили» остаться на посту. Тогда он сказал: «Ну что же. Если вы меня уговорили и обязали работать — я буду. Но я должен буду исправить некоторые вещи и навести в партии порядок. У нас образовался правый уклон. Это выразилось в том, что товарищ Молотов отказался подписать смертный приговор своей бывшей

жене — Жемчужиной. Он воздержался от голосования по этому вопросу. Товарищ Микоян не смог своевременно обеспечить продовольствием Ленинград во время блокады».

Из «стариков» Сталин не посягнул на Кагановича. Он был нужен ему для сведения счетов с евреями и разворачивания кампании по борьбе с космополитизмом.

Президиум

Образовав на XIX съезде взамен Политбюро более широкий Президиум в составе 36 человек, Сталин тем самым во много раз уменьшил роль и вес своих бывших соратников. Последние растворились среди большого числа членов Президиума, и их устранение становилось менее заметным.

Глубокие экономы

Президиум возглавляло Бюро. Чтобы не включать в это Бюро Молотова, Сталин обвинил его в правом уклоне, припомнив историю конца 30-х годов, когда Молотов предложил повысить закупочные цены на хлеб. Сталин возражал:

— Что мы будем делать, если начнется война?!

— Если начнется война, мы вновь снизим закупочные цены на хлеб.

— Нет, так эти дела не делаются.

Для Сталина не существовало срока давности мнимых и реальных проступков его соратников.

Ильинский о последней встрече со Сталиным

Это было в конце 1952 года. Я был приглашен на концерт, посвященный окончанию работы XIX съезда партии. Все шло хорошо и привычно. Выступал Краснознаменный ансамбль песни и пляски. Я видел, что Сталину нравится это выступление. Но вот от стола, за которым сидело правительство, отделился Ворошилов, поспешно пошел к руководителю ансамбля Александрову и передал ему просьбу Сталина сыграть «Яблочко». Зазвучал знакомый мотив. Сталин поднялся из-за стола, подошел к дирижеру и встал рядом с ним. Заложив руку за френч, Сталин выпрямился и начал петь, а Александров дал знак оркестру играть тихо, чтобы слышен был негромкий, надтреснутый, старческий голос исполнителя:

Эх, яблочко, куда котишься,
В Губчека попадешь —
Не воротишься —
В Губчека попадешь —
Не воротишься . . .

Меня охватил ужас. Мне показалось, что Сталин опрометчиво вышел из образа вождя, но скоро опомнится и не простит свою оплошность никому из присутствующих. Я на цыпочках, боком вышел из зала и уехал домой.

Были люди в наше время

Член партии с 1904 года, один из бывших комиссаров Балтийского флота, профессор философского факультета ЛГУ Михаил Васильевич Серебряков был человеком оригинальным. Студенты шутили: Серебряков вплотную подошел к Марксу, Энгельсу и Ленину и остановился перед Сталиным. Во время философской дискуссии он сказал:

— Если Гегель такой реакционер, как его здесь рисуют, как такие умные люди, как Маркс и Энгельс попались в эту хитро расставленную ловушку?

Когда вышла работа Сталина по языкознанию и стали говорить, что Сталин внес огромный вклад в разработку проблем базиса и надстройки, гениально осветил вопросы языка, Серебряков публично высказался:

— Все, что здесь правильно, то не ново, а то, что ново, то неправильно.

Во время кампании по борьбе с космополитизмом Серебряков решительно заступался за гонимых, прорабатываемых и исключаемых из университета евреев. Он вел себя столь независимо, что объяснить это было невозможно, и никто не решался его тронуть.

Желание ссыльного

В 1943 году Камил Икрамов как сын врага народа, расстрелянного Сталиным руководителя Узбекистана, был посажен в тюрьму. Однако еще долго арестованный Камил верил в Сталина и впервые осознал его подлость лишь в 1951 году. Однажды ночью он вдруг спросил себя, чего бы он захотел, если бы мог исполнить любое желание. И странно, что ссыльный Камил попросил не свободу, а чтобы огненными буквами на ночном небе и черными буквами на дневном было написано: «Сталин — дерьмо». Показательно и характерно для эпохи: чтобы созреть до такой мысли человеку, у которого был расстрелян отец и который сам сидел ни за что ни про что в тюрьмах и лагерях, понадобилось много лет.

Подслушка

Термен — русский дворянин из обрусевших французов. Сейчас свыше 90 лет. Он прожил бурную авантюрную жизнь. В войну 14 года был младшим офицером. Во время революции быстро пошел на сотрудничество с большевиками. Вскоре изобрел музыкальный инструмент, получивший название «Терменвокс». Звук в нем возникал от непосредственного движения руки, пересекающей электромагнитное поле. Свое изобретение Термен демонстрировал Ленину. Инструмент был техническим кунштюком и, к сожалению, для технического и художественного развития оказался тупиковым. В конце 30-х годов Термен изобрел также какой-то неперспективный вид телевидения. Во многом он был творцом, прорвавшим границы неведомого, но ведущим в тупик.

Году в 26-м на Термена и его изобретательскую деятельность обратил внимание Ворошилов и доложил об этом Сталину. Было решено, что такой человек может пригодиться в большом государственном хозяйстве. Термену определили заняться в США техническим шпионажем. Он поехал в Штаты демонстрировать свой музыкальный инструмент. Затем стал невозвращенцем, ругал большевиков. Сделался одним из популярных людей Америки. Вращался в разных средах, встречался с Чаплиным и Эйнштейном. К нему был приставлен связной, передававший добытые им сведения в Москву. В 1938 году Термен прочел в газетах, что человек по имени и фамилии, совпадающими с именем и фамилией его связного, убит в телефонной будке выстрелом в затылок. Так репрессии 37 года докатились до Америки, и агенты, сотрудничавшие с арестованными и расстрелянными руководителями органов, стали устраняться. Термен понял, что следующая пуля достанется ему. Затеряться где-либо за рубежом он не мог: был слишком известен (входил в число 25 самых знаменитых людей США). Тогда он сделал неожиданный авантюрный ход: написал письмо в посольство СССР с просьбой предоставить ему возможность вернуться на родину. Вначале ему отказали, но после повторных обращений разрешили. В 1938 году он вернулся в Москву. Его посадили и отправили в лагерь где-то на северо-востоке. Однако вскоре вернули в Москву и поместили в секретную «шарашку», в которой работали Туполев и Королев. Термен общался с ними. Энергия и авантюризм этого человека были столь велики, что вскоре он подружился с сыном Берия и, оставаясь в положении заключенного, приписанного к «шарашке», иногда ночевал дома у своего приятеля. В послевоенные годы Термен занимался разработкой разных форм подслушивания. Созданное им устройство позволяло с улицы услышать все разговоры, происходящие на любом этаже здания. В качестве мембраны выступало оконное стекло, с которого звуковые колебания считывались световым лучом. Термен вновь преобразовывал колебания луча в звуковые. В начале 50-х годов Берия заставлял его расшифровывать записанные таким путем разговоры, которые вел Сталин на ближней даче. Термен говорил, что сталинский голос был очень характерен, он плыл. По терминологии Термена, это был «пьяный» голос (разумеется, подразумевалась техническая характеристика голоса, а не состояние его обладателя).

Главный арестант страны

Важной символической деталью эмблемы XX века могла бы стать колючая проволока. Человечество научилось беспривязному содержанию скота. Этот метод оказался эффективен и по отношению к человеку. Территории величиной с целые страны были огорожены колючей проволокой. Эти территории заселили арестанты численностью с целые народы.

Поразительней всего, что в добровольно-вынужденном «заключении» находился и Сталин. Его двухэтажную дачу отделяла от мира колючая проволока. Второй этаж этого дома, кажется, был необитаем. Лишь однажды там ночевал Мао Цзэдун, постель которому из

уважения и гостеприимства стелил сам Сталин, который, впрочем, перед этим, демонстрируя свое величие, несколько дней не принимал гостя. На первом этаже размещалась прихожая с простой солдатской вешалкой на стене. На вешалке висела шинель вождя. Большая комната — кабинет Сталина: письменный стол с простейшей кнопочной сигнализацией для вызова охраны, в дверях — глазок для наблюдения. У стены — диван. На одной из стен — огромная карта, около которой лестница, позволявшая приблизиться к любому пункту на карте. В комнате поменьше, спальне — тахта. Мебели мало, обстановка спартанская. Предметов искусства нет. Ведь не назовешь искусством репродукцию из «Огонька»— картину Юрия Непринцева «Василий Теркин на привале», висевшую на кнопках над диваном.

Во всем ощущались меры предосторожности: нажимая выключатель, Сталин тушил и зажигал свет сразу во всем доме, так что снаружи нельзя было определить, в какой комнате находится сейчас хозяин. Занавеси на окнах снизу были подрезаны, чтобы за ними нельзя было спрятаться. Множество предосторожностей оберегало Сталина от внешнего мира.

Двоемыслие

Писатель Павленко весной 51-го года сказал Александру Кривицкому: «Сталин — тиран». Немногие в те поры осознавали это, а осознавшие не решались говорить об этом вслух. Удивительно двоемыслие Павленко, писавшего прославляющие Сталина произведения вроде повести «Счастье».

Репутация у Павленко после XX съезда была невысокая. Людей судят не по словам, а по делам.

Формула Павленко до странности похожа на слова, которые менее чем через два года скажет у бездыханного тела Сталина Берия: «Тиран умер!»

На закате сталинской эпохи

Главный редактор «Огонька» Алексей Сурков в феврале 1953 года сказал Андрею Туркову и Борису Полевому: «Когда я читаю наши газеты, мне кажется, что я попал на территорию, оккупированную Геббельсом».

Бой со Сталиным

В начале 50-х годов один из северных лагерей в районе Магадана восстал. Заключенные разоружили вохровцев, перебили часовых и под руководством зэка — бывшего военного — ушли из лагеря многотысячной толпой. Это была большая армия, вооруженная чем попало и отчасти оружием, отнятым у охранников. Эта армия, которой нечего было терять, победно шла от одного лагеря к другому, сметая охрану и освобождая других заключенных. Армия росла в геометрической прогрессии, от лагеря к лагерю обретая новое оружие, новых бойцов и запасы провианта. Понимая, что в союзе они будут разгромлены регулярными войсками, предводитель этого войска повел его к Чукотке, чтобы перебраться на Аляску.

Все заградительные отряды, которые бросались навстречу этому истинно «железному потоку», сметались с дороги. Мужчины и женщины шли через тундру к Берингову проливу. Тогда Сталин бросил против них боевую авиацию. На белом снегу тундры огромные черные людские массы представляли легкоуязвимую цель. Их громили прицельным бомбометанием и добивали штурмовики на бреющем полете. На многие километры по тундре оставался след кровавого месива от разбомбленной армии восставших арестантов.

Здоровье отдано борьбе

К концу жизни у Сталина высохла рука и начала сохнуть нога. Не надеясь на врачебную этику, с доктора, лечившего Сталина, взяли подписку о неразглашении диагноза и самого факта болезни. Ногу лечили рентгеном. Больная нога и была причиной того, что Сталин всегда ходил в сапогах.

«Не нужно ничего отнимать у него, нужно только ничего ему не давать. Стране не нужно делать никаких усилий для себя, только бы она ничего не делала против себя (...). Я не требую от вас, чтобы вы бились с ним, нападали на него, перестаньте только поддерживать его, и вы увидите, как он, подобно колоссу, из-под которого вынули основание, рухнет под собственной тяжестью и разобьется вдребезги».

Этьен де ла Боэси. Рассуждение о добровольном рабстве

Он умер и сейчас же открыл глаза. Но был уже мертвец и глядел как мертвец.

Н. В. Гоголь

IX

«ТИРАН УМЕР!»

Покой нам только снится

Глубокой осенью 1952 года у Сталина началось обострение склероза. Врачи кремлевской больницы во главе с профессором Владимиром Никитичем Виноградовым были вызваны на консилиум. Врачи объявили: «Есть только одно лекарство — покой».

Сталин допытывался:

— Русская медицина впереди или позади?

— Впереди.

— Тогда исцелите меня. России и народу я нужен.

— Только отдых.

— Видишь, Берия. Они хотят меня отстранить.

Ветеринар вождя

В начале 1953-го Сталин, опасаясь, что настоятельные рекомендации докторов о необходимости для него покоя подорвут его власть, уверовав в сочиненную им самим легенду о врачах-убийцах, отверг квалифицированную медицинскую помощь. В случае недомогания вождь обращался к охраннику, имевшему образование ветеринарного фельдшера: в страхе за свою власть и жизнь Сталин низвел себя до положения скотины.

Папаха-исцелительница

Уже после ареста врачей, лечивших Сталина, у него обострилась гипертония. На подмосковную дачу вождя повезли академика Александра Леонидовича Мясникова. Врач прошел контроль солдат, лейтенантов и капитанов, потом — двух полковников, а при входе — двух генералов. Они-то и провели врача к Сталину. Состояние больного было опасным (высокое давление). Мясникова поразило полное отсутствие в доме медикаментов. Сталин объяснил:

— Зачем мне лекарства? Вот у меня папаха. Если мне становится не по себе — надену папаху и выздоравливаю.

Не был ли Берия убийцей Сталина?

Слухи об убийстве Сталина Берией подкрепляются такими соображениями, высказывающимися разными людьми.

Берия уже находился в опале. Мимо него шли многие важные дела, в том числе дело врачей, хотя в его руках все еще находилась большая власть.

Берия радостно воспринял смерть Сталина и воскликнул у еще не остывшего тела: «Тиран умер!»

Многие предполагают, что Сталин был отравлен, некоторые же отвергают эту версию и утверждают, что старому и перенесшему инсульт Сталину кто-то из охраны по указанию Берия дал сильный подзатыльник. Этого оказалось достаточно, тем более что толчок был действием не только физическим, но и психологическим: чувство страха постоянно жило в сознании подозрительного Сталина. Утверждают, что высшие круги НКВД уже после ареста Берия давали

подписку о неразглашении этого дела, ибо оно могло вызвать лишь смятение в умах и смуту.

В пользу версии естественной смерти Сталина также приводятся веские аргументы. На Сталина остро подействовало то, что впервые за много лет он получил на Президиуме резкий отпор по делу врачей и по вопросу намеченной им депортации евреев в Сибирь. Сталин только недавно перенес инсульт, и его здоровье могло не выдержать тех психических и физических перегрузок, которых требовала от самодержца бесконечная борьба со своим собственным народом, а теперь уже и с непосредственным окружением.

И все же слух о том, что Берия убил Сталина, очень упорен и убедителен. Вполне вероятно, что оберпалач «подтолкнул» стоявшего у края могилы вождя. Маловероятна версия, что в заговоре принимали участие также Маленков и Хрущев.

Устранение Сталина было тщательно подготовлено. Конец 1952— начало 1953 года — последний период жизни вождя, когда он оказался совершенно отсечен от мира. Все его старое окружение ликвидировано или отстранено, вокруг него были расставлены новые люди. Был скомпрометирован и уволен из секретарей Сталина Поскребышев: у него выкрали секретные бумаги, которые потом «нашли» у арестованного «врага». Место Поскребышева занял новый помощник. Главный телохранитель генерал Власик и вся его команда были скомпрометированы и заменены новыми охранниками. Врачи, лечившие Сталина, были объявлены убийцами в белых халатах и заменены. Сменились даже повара. Сталин фактически оказался под домашним арестом, оставаясь диктатором и хозяином страны. Все линии личной безопасности тирана были взломаны с помощью его собственной подозрительности.

Трагифарс

Около полуживого Сталина, которого подняли с пола и положили на диван, на коленях стоял Берия и держал его руку. Когда Сталин полубессознательно открывал глаза, он видел Берия. В чем был смысл этой театральности, трудно понять. Ведь Берия хорошо знал, что он ни в коем случае не может допустить выздоровления Сталина. Когда Сталин умер, Берия воскликнул: «Тиран умер!» Потрясает, что эту тираноборческую реплику произнес именно Берия: зловещий трагифарс шута горохового и палача, легко переквалифицировавшегося в тираноборца и демократа.

Смерть Сталина

Было заведено в определенное время через окошечко в двери (как арестанту!) подавать Сталину пищу и световой сигнализацией, как в известных опытах Павлова напоминать о еде. Первый сигнал неблагополучия: в один из первых дней марта, утром, старуха, выполнявшая обязанности официантки, пришла взять с окошка посуду от ужина. Ужин оказался нетронутым. Старуха подала завтрак, сообщила об этом мерцанием лампочки и заглянула в глазок: Сталин сидел и писал. Когда через полчаса офицер посмотрел в глазок

снова, то тоже увидел Сталина склоненным над столом. И хотя вождь не притронулся к завтраку, его, согласно инструкции, не следовало беспокоить. Когда еще через полчаса офицер заглянул в глазок и Сталин не переменил позы, офицер сообщил об этом начальству. Охрана не знала, что делать, наконец вызвали соратников и Светлану. Они поняли: что-то случилось и решили взломать дверь. Однако все попытки оказались безуспешными, так как она была сделана из толстой, снарядонепробиваемой стали. Длинный и узкий стальной ключ, которым она открывалась, находился у Сталина. И вдруг нашелся элементарно простой выход, делавший бессмысленной тяжелую броню. Дверь сравнительно легко приподняли и сняли с петель! Вошли в кабинет и поняли, что рука вождя, будто бы пишущая, на самом деле тянулась к сигнализации, когда он потерял сознание. Полуживого, вернее, полумертвого вождя перенесли на диван. Срочно вызвали какого-то малоизвестного врача из департамента Берия. Известные же доктора, следившие за здоровьем Сталина, к тому времени были в тюрьме. Врач засвидетельствовал сердечный приступ. Сталин, незадолго до этого перенесший удар, не приходя в сознание, умер.

5 марта 1953 года должен был начаться процесс над врачами. По иронии судьбы этот день стал днем смерти Сталина.

Версия военного историка

Один военный историк рассказал мне о том, что он услышал от высших армейских офицеров по поводу смерти Сталина. Соединив эти сведения с другими, он представил такую картину.

Сталин жил в отдельном домике. Калитку, которая отделяла его даже от охраны, он закрывал сам. Будучи «совой», Сталин просыпался не ранее 10—11 часов, открывал калитку, и тогда можно было войти в нее.

В тот день к 11 утра были вызваны на доклад несколько военных. Однако к этому часу калитка оставалась закрытой. Ждали. После часа дня стали волноваться. Наконец, в 3 часа по согласованию с начальником охраны осмелились открыть калитку. Вошедшие застали Сталина еще живым. Вызвали Светлану и соратников. Приехали они, когда Сталин был уже в агонии. Стране и миру еще 3 дня сообщали о ходе болезни уже мертвого вождя. Готовили и готовились.

Есть предположение, что Сталина устранили: у него было высокое давление и вечером ему подмешали в пищу тогда редкое, а ныне распространенное средство для гипотоников, поднимающее давление. Эффект был острым, но картина не такой, как при инсульте, когда смертельный исход если наступает, то через 2 часа после начала приступа. Между тем, даже с момента, когда почувствовали неладное, до приезда дочери и членов Политбюро прошло не менее 6 часов.

Кто мог задумать и осуществить устранение Сталина? Только Берия. Он был уже обречен и понимал это, но еще имел в своих руках большую власть. Впрочем, возможно, Берия только помог природе и подтолкнул умирающего вождя в могилу.

Свидетельство бывшего охранника

Бывший охранник Сталина, ныне поэт С. К. рассказывает.

— Сталин находился на ближней даче. Несший караульную службу солдат заметил, что на пульте горит огонек — вождь снял телефонную трубку. Однако огонек не мигал — разговор не происходил. Через несколько минут охранник заглянул через глазок двери и увидел, что Сталин лежит на ковре с телефонной трубкой в руках. Подняли тревогу. Охранники, подчиняющиеся Берия, и охранники, подчиняющиеся Политбюро, оповестили о случившемся своих руководителей. Раньше всех приехал Берия. Его люди подняли Сталина с пола и уложили на диван. За Берия появились члены Политбюро и Светлана.

Фантастическая версия

Моя коллега в середине 70-х годов услышала от таксиста феноменально тенденциозную концепцию смерти Сталина, укорененную в сознании определенного слоя.

Таксист высказал величайшее сожаление по поводу ухода Сталина из жизни и полное недоверие к его критике Хрущевым. Причины скорби о человеке, принесшем людям так много зла, шофер объяснил так. Сталин умер в тот момент, когда он должен был выслать всех евреев. Вот счастье! Мы жили бы сейчас без евреев! Но что произошло: Каганович подсунул Сталину свою сестру. Она все ковры в доме Сталина окропила ртутью, чем приблизила его смерть и спасла евреев.

Эта легенда интересна не странным превращением заурядной сестры одного из самых жестоких и невыразительных соратников вождя в Суламифь, спасительницу целого народа от врага — Олоферна (неважно, что в XX веке никакая Суламифь такого подвига не совершала). Наиболее интересно в этой легенде то, как из более или менее реальных деталей, разделенных во времени и пространстве (в 30-х годах сестра Кагановича, вероятно, действительно была наложницей Сталина — в 53-м году Сталин, вероятно, был действительно устранен, однако не сестрой Кагановича, а Берия), конструируется мифологическое событие.

Версия писателя

В конце 50-х годов весьма осведомленный человек — сын генерала МГБ писатель Евгений Д. утверждал, что Берия, чувствуя затягивающуюся вокруг его горла петлю, отравил Сталина.

Версия шофера

Шофер Маленкова, якобы со слов своего хозяина, рассказывал.

— Когда Сталин заболел, врач приготовил ему воду с лекарством. Стакан с этой водой понес Сталину Берия и по дороге туда что-то насыпал. Берия вернулся из комнаты Сталина и сказал, что Сталин умер.

Версия Поскребышева

Отдыхая в санатории в последний год жизни, Поскребышев шепотом говорил: «Сталина убили. Когда он упал с инсультом, Берия прислал новых охранников, и они мешочками с песком били Сталина по голове, чтобы усилить кровоизлияние в мозг».

Мир спас палач!

В феврале 1953 года дуайен зарубежных послов в Москве сделал Молотову заявление от имени возглавляемого им дипломатического корпуса:

— По нашим сведениям, предполагается суд над так называемыми врачами-убийцами, который носит явно антисемитский характер и вызовет повсеместные еврейские погромы. Если этот кровавый спектакль будет разыгран, то все аккредитованные в Москве послы покинут СССР, посольства будут закрыты и дипломатические отношения прерваны.

Молотов доложил об этом на заседании высшей партийной элиты, и ряд руководителей, в том числе он сам и Ворошилов, высказались против этой акции. Сталин молча покинул заседание и больше никогда не появлялся на людях.

Сталин уже не обращал внимания на протесты посольств и сторонников движения за мир во главе с Жолио-Кюри. Вождь намеревался провести кровавую акцию, невзирая на масштабы международного протеста. Степень его свободы от общественного мнения была столь высока, что означала или полное затмение ума, или полную готовность пойти на разрыв международных отношений со всеми ведущими странами мира. Последнее можно объяснить только намерением вождя народов развязать мировую войну.

Возможно, Сталин умер за пять минут до атомной катастрофы мира. Случайно при таких обстоятельствах не умирают. Если же правда, что Сталина устранил Берия, то фантасмагорическая ирония истории, ее парадоксальность грандиозны: палач спасает мир от гибели!

Вопреки законам эстетики

Историю эту рассказал мне актер Квачадзе, игравший в спектакле, о котором пойдет речь, роль Сталина.

— В 1953 году во МХАТе режиссер Михаил Николаевич Кедров поставил нашумевшую тогда пьесу Чиаурели «Залп Авроры». Сталин был показан создателем революции, а Ленин — восторженным его поклонником. Когда Кедров хотел кое-какие реплики вождя Сталина все же отдать Ленину, Чиаурели предупредил: я лучше знаю, что там наверху понравится.

Все члены Президиума ЦК, кроме Сталина, уже видели спектакль. В начале марта 1953 года во МХАТ позвонил секретарь Сталина:

— Товарищ Сталин хотел бы посмотреть «Залп «Авроры». Когда будет спектакль?

— Когда товарищ Сталин сможет? Если нужно, сыграем хоть сегодня.

— Успеете?

— Да.

Спектакль назначили на день, который оказался роковым. С большими трудностями собрали исполнителей — ведь это было «историческое полотно», и спектакль состоялся. Но без Сталина. Он не приехал. Был ли он уже мертв? Или, согласно официальной версии, при смерти? Во всяком случае, все это свидетельствует о совершенно неожиданной смерти.

В день похорон Сталина все театры Советского Союза не работали. Только МХАТ для приехавших со всего света на проводы Сталина делегаций компартий играл «Залп «Авроры». На сцену, изображавшую площадь Финляндского вокзала, вышел Ленин, сопровождаемый Сталиным. Весь зал встал и зарыдал. Актеры обливались слезами, отвернувшись к заднику сцены. Квачадзе должен был ответить на реплику партнера, игравшего Ленина. Актер плакал. Массовая истерика длилась несколько минут. Тогда Квачадзе, передоверив реплику Ленина Сталину, подал ее и затем произнес фразу, положенную ему по роли.

Вот он, феномен отождествления живого с мертвым, оживления мертвого живым. Искусство, вопреки законам эстетики, воспринималось как реальность. Исполнитель воспринимался как живой Сталин, хотя все знали, что Сталина нет в живых. Не плакал только актер, игравший Сталина: он отождествлял себя с вождем.

Спектакль с трудом удалось закончить.

Вскоре министром культуры назначили Пономаренко. Тот приехал во МХАТ и, проводя новую политическую линию, сказал Кедрову: «Пусть этот спектакль пока идет, но не часто, и чем меньше там будет Сталина, тем лучше».

«Усатый хвост откинул»

Когда в лагерь пришло известие о смерти Сталина, начальство растерялось: заключенных три дня не выпускали из бараков, на работу не выводили, даже пищу носили в бараки. Пополз слух: «Усатый хвост откинул». На четвертые сутки двор оцепили усиленными нарядами и вывели заключенных. Поднялся дикий шум. Потом из шума всплыло одно слово: «Подох . . .» Потом оно стало явственней и отчетливей. И наконец тысячи каторжных уст стали скандировать: «Подох! Подох! Подох!»

«И в воздух чепчики бросали . . .»

Бывший заключенный, критик Аркадий Белинков рассказывал.

— Зэкам долго не сообщали о смерти Сталина. Потом провели общее построение и поведали скорбную весть: «Умер вождь народов товарищ Сталин». Начальник лагеря приказал заключенным снять шапки и минутой молчания почтить память умершего. Те сняли шапки и молча подбросили их вверх.

Слезы маршала

Рокоссовский сложно относился к Сталину. Втайне он не мог простить ему 1937 года, гибели в застенках цвета армейского комсостава и собственного безвинного пребывания в заключении. Однако его, как и многих военных, что-то привлекало в Сталине. На похоронах генералиссимуса маршал плакал. Впрочем, слезы, как и смех, могут быть заразительны и коллективны.

Поощрение

Когда Сталин умер, мужеподобная директорша школы велела детям встать на колени перед портретом Сталина и плакать. Те, у кого это не получалось сразу, поощрялись подзатыльниками.

Слезы по убийце

Поэт Иосиф Бродский сказал: «Я сомневаюсь, что в мире был убийца, о котором плакали бы так много».

Вера в бессмертие вождя

Министр иностранных дел Украины Дмитрий Захарович Мануильский, узнав о смерти Сталина, воскликнул: «Провокация!»

Левацко-эсеровские перегибы

По случаю смерти Сталина в редакции «Литературной газеты» организовали митинг. Один из сотрудников, уволенный недавно с работы и исключенный из партии за космополитизм, пришел в родной коллектив и рыдал в углу. Симонов произнес пламенную речь о том, что теперь главная задача советской литературы — отобразить и раскрыть во всем величии образ великого Сталина. По указанию Симонова на основе этой речи Марьямов написал передовую.

Когда статья вышла, Симонова вызвали в инстанции. Там на него кричал секретарь ЦК Петр Николаевич Поспелов: это эсеровщина, это культ личности, это левацко-эсеровские перегибы. А ведь до марта 1953 года Поспелов раболепнее и громче всех восхвалял вождя.

Новая реальность

Старый большевик И. сказал в 1953 году моему коллеге А. У.: «Наконец он издох! Ты, Саша, счастливый человек — будешь жить в новом мире, в котором не будет Сталина. Он сотворил много бед и преступлений. Мир без него будет лучше и безопасней для людей». От таких непривычных и крамольных слов А. У. пришел тогда в ужас.

На переломе эпох

Когда умер Сталин, я «вместе с народом» плакал. Вечером 4 марта 1953 года по радио передавали последнюю сводку о состоя-

нии его здоровья: коллапс . . . Я был в это время по делу на квартире моего начальника — заведующего отделом теории ИМЛИ Эльсберга. Я пробормотал, силясь осмыслить невероятное: «Сталин умирает?!» Эльсберг, которого несколько лет спустя исключат из Союза писателей за то, что он многое сделал, чтобы 37-й год для интеллигенции начался раньше и продлился до 53-го, саркастически смотрел на меня, его рот кривила сатанинская улыбка. Не знаю, что было лучше в ту пору: мое глупое горе или его циничная радость. Было непонятно, как Сталин, с именем которого мое поколение входило в жизнь и жило, может умереть. Все мы уже тогда знали о той эпохе то великое, и то низкое, и то ужасное в ней, что известно сейчас: индустриализация . . . раскулачивание . . . победа в войне . . . аресты . . . кампании по борьбе . . . убитые маршалы, политические деятели, крестьяне, рабочие, писатели . . . Мы знали почти все и почти ничего, ибо знание многих фактов, не объединенных и не объясненных соответствующей им концепцией, не есть знание. Кроме того, факты, в том числе и страшные, тогдашние наши воспитатели и авторитеты, газеты и радио умело, настойчиво и преднамеренно истолковывали как свидетельство мудрости, непогрешимости и величия Сталина. И шаг в сторону от этого истолкования был приравнен к побегу заключенного, по которому открывали огонь без предупреждения. Наше сознание из чувства самосохранения не позволяло себе отходить от концепции, с которой оно родилось и росло и которая все противоречащее ей искусно представляла как случайное, нетипичное, не выражающее сути нашего движения вперед . . .

Кум откушал огурец
И промолвил с мукою:
«Оказался наш отец
Не отцом, а сукою».

А. Галич

Я вижу слишком много освободителей, я не вижу свободных людей... Начнем с того, чтобы освободить самих себя.

А. Герцен

X

СУД ИСТОРИИ

ПОСЛЕДСТВИЯ СТАЛИНЩИНЫ И ДЕСТАЛИНИЗАЦИЯ

Философия торжествует над
горестями прошлого и будущего;
но горести настоящего торжествуют
над философией.

Франсуа де Ларошфуко

Един во многих лицах

В системе, созданной Сталиным, в 1953 году ничего не успело измениться, но массовые репрессии прекратились сразу же со смертью тирана. Это с экспериментальной точностью доказывает, что именно вождь народов был главным доносчиком, указывавшим, кого арестовать, главным следователем, выяснявшим прегрешения арестованных, главным прокурором, требовавшим для них наказания, главным судьей, определявшим, на какие муки осудить обвиняемых, и главным палачом, без которого не обходилась ни одна казнь.

Несостоявшийся продолжатель

Берия ненамного пережил Сталина. Оберпалач попытался стать новым единовластным хозяином страны, продолжателем дела Сталина и проиграл. Иначе бы мы жили под лозунгом: «Берия — это Сталин сегодня». Сразу же после устранения Берия возникли частушки:

Цветет в Тбилиси алыча
Не для Лаврентий Палыча.
А для Климент Ефремыча
И Вячеслав Михалыча.

Наш товарищ Берия
Вышел из доверия.
А товарищ Маленков
Надавал ему пинков.

Чистка палачей

После падения Берия судили его сподвижников: в Ленинграде — Абакумова, в Баку — Багирова, в Тбилиси — Рухадзе и т. д.

Молотов о Хрущеве

Конечно, в начале 60-х годов Молотов был сердит на Хрущева, отстранившего его от власти. Однако, вероятно, он был недалек от истины, говоря, что сейчас Хрущев против репрессий, но в бытность секретарем Московского горкома отправил в тюрьму свыше 50 тысяч партийцев. А когда Сталин послал его первым секретарем партии на Украину после снятия Поскребышева, он и там проявил умение хвататься за палку: большое количество делегатов проголосовало на съезде против избрания Хрущева первым секретарем. Он же, став главой Украины, посадил многих из них и произвел большие аресты среди членов партии Украины. Когда Сталин спросил, не

слишком ли много врагов народа он нашел на Украине, Хрущев ответил, что их гораздо больше и выкорчевывание нужно продолжить.

Из рассказа Молотова следует, что в трагической судьбе делегатов XVII съезда не было ничего исключительного.

Резолюция

Председательствующий на последнем заседании XX съезда после доклада Хрущева о преодолении культа личности спросил:

— Какую резолюцию примем по докладу товарища Хрущева?

Кто-то предложил:

— Считать доклад в целом резолюцией съезда.

О культе личности

После двадцатого съезда Катаев стригся в Центральном доме литераторов у Моисея Михайловича, о котором шутили: «Я буду предан Моисею, покуда я не полысею», «50 лет работы над головой писателя». Как и все писатели, во время скучной процедуры стрижки Катаев заговорил с парикмахером:

— Как вы, Моисей Михайлович, относитесь к культу личности?

— Был культ, но была и личность.

Катаеву этот ответ очень понравился.

Привычка — вторая натура

Каверин после XX съезда сказал: «Уже можно ходить на двух ногах, а многие еще ползают на четвереньках».

Тбилиси, после XX съезда

В 1956 году после разоблачения культа личности Сталина в Тбилиси состоялась демонстрация протеста. Сталин принес грузинам много бед и горя, но национальное чувство оказалось глубоко задетым ниспровержениями земляка с пьедестала величия. Демонстрация в защиту Сталина была разогнана грубым сталинским методом с применением оружия и танков. Некоторых из убитых для быстрой ликвидации последствий события сбросили в Куру. Так Сталин и из гроба «лично» и через разоблачивших его, но воспитанных им новых руководителей еще раз обрушил беды на грузинский народ. Командующему округом пришлось срочно покинуть пределы Грузии, и он долго жил инкогнито, боясь кровной мести родственников убитых.

Вскоре после этих событий из Гори в Тбилиси приехал грузовик с двумя актерами. Один из них был загримирован под Ленина, второй — под Сталина. Жители Тбилиси восторженно встречали их и кричали:

— Пусть Ленин поцелует Сталина!

Когда актер исполнял эту просьбу, улица кричала:

— Теперь пусть Сталин поцелует Ленина!

— Пусть они обнимут друг друга!

Это уличное представление доставляло людям большое удовольствие.

Не поможет

После XX съезда был освобожден и реабилитирован бывший работник ЦК, специалист по немецкой литературе Борис Леонтьевич Сучков. Берия хотел получить от него материал против шедшего в гору Суслова. Сучков выдержал все, но такого материала не дал: приобщенность к такому делу грозила бы расстрелом. После освобождения Суслов помог Сучкову стать членом редколлегии «Знамени».

Однажды, придя в редакцию этого журнала, Сучков пожаловался:

— Ужасно болит голова.

Редактор предложил:

— Хотите, дам анальгин?

— Не поможет... Если бы вы знали, как они били меня по голове...

В наследство — страх

Как-то в начале 70-х годов литературовед Сучков спросил у писателя Кривицкого:

— Чего ты боишься больше всего?

Подумав, Кривицкий ответил:

— Боюсь оказаться немощным при ясном сознании.

Кривицкий молчал, и тогда Сучков спросил:

— Почему же ты не спрашиваешь, чего я боюсь больше всего на свете?

— Ты сам скажешь: ведь для того ты и задал мне свой вопрос.

Директор Института мировой литературы АН СССР, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент, без пяти минут академик, доверенное лицо ЦК и руководства Союза писателей Сучков сказал:

— Я боюсь умереть в тюрьме.

Вот ведь какой страх вогнан был в людей! Как тут не вспомнить метод беспривязного содержания скота без пастуха. Скоту отводится участок пастбища, который отделяют от остального мира проволокой, находящейся под током невысокого напряжения. Первый раз корова подходит к проволоке и ощущает удар. Второй раз она уже не подходит. Ток отключают, но рефлекс продолжает действовать: ни одно животное не пытается нарушить границы отведенного ему пространства. Тока уже нет, а членкор Академии наук СССР боится умереть в тюрьме!

Кафкианское видение

Стою я в очереди на почте, которая находится почему-то на втором этаже тюрьмы. Очередь длинная, жарко, душно. Время тянется медленно. От усталости я опираюсь рукой на какой-то предмет. Оказывается, это чаша весов. Она склоняется в мою сторону. Это замечает женщина — работник почты. Она поднимает

крик, и меня арестовывают, обвиняя в том, что я пытался что-то украсть. Какая-то тройка из двух человек допрашивает меня на предмет выяснения обстоятельств события и квалификации моего поступка. Логично объясняю, что я работающий человек, профессор и совершенно нет у меня никаких резонов что-нибудь присвоить, да кроме того на весах ведь ничего не лежало, я непроизвольно облокотился . . . Один из следователей перебивает меня: «Как вы попали в тюрьму? Почему вы стояли в очереди именно на тюремной почте?» Все поплыло в моем сознании. Действительно, в чем же дело? Как я оказался в тюрьме? Я не могу оправдаться. Мои судьи закрыли заседание и ушли. В страхе я жду приговора и думаю: «Когда я был на свободе, я тоже был в тюрьме и не замечал этого. Только оказавшись арестованным, я понял, что свобода — тюрьма . . . Наверное, эта почта обслуживает и арестантов, и вольных людей. Я попал туда, будучи свободен. Однако Гамлет говорил: «Весь мир тюрьма, и Дания худшее из ее подземелий». Я, наверное, живу в Дании. Ведь я не могу отличить свободу от рабства, волю от заключения, путаю почту, призванную устанавливать связь между людьми, и тюрьму, призванную отгородить человека от людей».

Сколь же глубоко в подсознание вошла несвобода, если снятся такие кафкианские сны.

В 1964 году арестовали писателей Андрея Синявского и Юлия Даниэля за публикацию на Западе литературных произведений «День открытых убийств», «Говорит Москва», «Любимов». Я был в числе шестидесяти двух писателей, подписавших протест против неосталинской акции — судебного приговора писателям. С трибуны XXIII съезда автор «Тихого Дона», протестовавший своим произведением против братоубийства гражданской войны и против расстрелов людей, думающих не в унисон с большинством, давал авторам письма отповедь, не вязавшуюся с гуманистической сутью написанной им эпопеи: «Мне стыдно не за тех, кто оболгал Родину и облил грязью все самое светлое для нас. Они аморальны. Мне стыдно за тех, кто пытался и пытается брать их под защиту, чем бы эта защита не мотивировалась. (Продолжительные аплодисменты).

Вдвойне стыдно за тех, кто предлагает свои услуги и обращается с просьбой отдать им на поруки осужденных отщепенцев (Бурные аплодисменты) . . .

И еще я думаю об одном. Попадись эти молодчики с черной совестью в памятные двадцатые годы, когда судили, не опираясь на строго разграниченные статьи Уголовного кодекса, а «руководствуясь революционным правосознанием» (Аплодисменты), ох не ту меру наказания получили бы эти оборотни! (Аплодисменты). А тут, видите ли, еще рассуждают о суровости приговора».

Чудовищно здесь все: и то, что это говорил автор «Тихого Дона», и то, что он говорил с самой высокой в стране трибуны партийного съезда, и то, что съезд «продолжительно» и «бурно» аплодировал, и то, что арестованных писателей ждала тюрьма, и то, что и этого показалось Шолохову мало и он и «виновным», и их заступникам напоминал о «революционном правосознании», которое поставило бы всех к стенке! Когда я вспоминаю это выступление, мне становит-

ся трудно отождествить выступившего на съезде писателя с автором «Тихого Дона».

Не менее чем Шолохов меня поразил директор Института мировой литературы Борис Леонтьевич Сучков — сам безвинно сидевший писатель. Он истерично кричал, а затем уведомил, что увольняет меня. Увольнение не состоялось — видимо, инстанции не хотели дополнительного шума вокруг этой и без того шумной истории. Сучков вместе с академиками Виноградовым и Юдиным дали суду резко отрицательные экспертные отзывы на произведения Синявского и Даниэля. И вновь я не могу отождествить кричавшего на меня директора Сучкова с сидевшим «ни за что» писателем, с образованным литературоведом-германистом. И может быть, разгадка этой непохожести Сучкова на самого себя в том, что он, находясь на вершинах жизненного успеха, будучи честным и законопослушным гражданином, говорил: «Больше всего боюсь умереть в тюрьме».

Даже если мы, наконец, будем жить в правовом государстве, людям еще долго будет приходить в голову формула страха Сучкова и сниться кафкианские сны.

Раскрепощение

Реформатор и перестройщик XIX века Александр II ни много ни мало отменил крепостное право. Это было, безусловно, новое мышление. Однако вскоре антикрепостник взялся за палку: и крестьян в деревнях усмиряли и прогоняли сквозь строй, и «Современник» приостановили, и Чернышевского арестовали. Трудно насаждать демократию в России. Даже у Герцена есть консервативная идея: нельзя освобождать людей снаружи больше, чем они освобождены внутри. Я же полагаю, что внешнее и внутреннее освобождение человека должны соревноваться между собой в глубине и силе этих процессов.

Сталин во многом практически вернул крепостное право, запретив свободное перемещение по миру и даже просто общение с миром, поставив крестьян в феодально зависимое положение, отняв у них паспорта, лишив возможности самостоятельно распоряжаться землей, тракторами и другими орудиями труда, переданными МТС, произведенными продуктами, лишив народ правовой государственности. Еще в худшем, чем крепостное, в поистине рабском состоянии были сотни тысяч и миллионы заключенных, подневольно выполнявших тяжелейшие, не механизированные и порой ненужные работы. После смерти Сталина постепенно (с историческими откатами) шло разрушение крепостнических зависимостей.

Разрешение публикации

В 62-м году членам Политбюро был роздан текст повести А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича».

На заседании Политбюро Хрущев спросил:

— Печатать или не печатать?

В ответ все промолчали.

Хрущев сказал:

— Ну что же, будем решать по пословице: «Молчание — знак согласия».

Закрытие сталинской стройки

Одним из первых решений правительства после смерти Сталина было прекращение строительства огромного подводного туннеля материк — Сахалин, начатого по приказу Сталина в 50-м году. На материке были созданы базовые поселки у начала туннеля, и отсюда велся «штурм моря». Предприятие гигантоманское, грандиозное, фантастическое и авантюрное, превращающее Сахалин, по замыслу Сталина, в непотопляемый авианосец, способный наносить по предлагаемому противнику бомбовые удары. Замысел этот казался Сталину особенно значительным в связи с тем, что в советском флоте отсутствовали авианосцы. Был пройден большой путь: по некоторым высказываниям, четверть всего расстояния до острова. Однако сразу же после смерти Сталина эта романтически безумная, экономически разорительная и стратегически преступная затея, призванная еще и еще раз увековечить имя великого зодчего нелепостей, была порушена. Поселки пришли в запустение, начатый туннель заброшен, силы и средства затрачены зря.

Проклятие

В Узбекистане живут свыше 150 тысяч месхетинских турок, выселенных из Грузии. Восьмидесятилетняя старуха поет на турецком языке проклятие «гяуру Сталину», изгнавшему ее народ с родной земли. «Я готова на коленях ползти домой, чтобы умереть там, быть похороненной на месте, где похоронены мои предки».

Это было записано мною давно, а в июне 1989 года в Ферганской долине разыгрались трагические события: разъяренная толпа узбеков расправлялась с месхетинцами и жгла их дома — результат сталинской национальной политики. Незадолго до этого пролилась невинная кровь в Тбилиси, где грузины проводили мирную демонстрацию. Это событие тоже наследие сталинизма. Однако еще одним печальным знаком сталинизма, знаком разрушения национальных и нравственных ценностей стало то, что традиционно великодушные грузины не проявили милосердия к изгнанным Сталиным в 1944 году из Грузии и ныне изгоняемым из Узбекистана туркам-месхетинцам и не предложили им вернуться в родные места.

Историософская концепция «национал-большевиков»

В начале 60-х годов «национал-большевики» (определение дано одним из участников группы) А. Фетисов, М. Антонов, В. Быков, О. Смирнов — разработали историософскую концепцию, согласно которой история есть борьба гармонии и хаоса. Носитель хаоса — евреи, много столетий ввергавшие в него Европу. Тоталитарные режимы Гитлера и Сталина явились как порядок, противостоящий этому хаосу. Однако, сталинизм и гитлеризм — это адский, противочеловечный внешний порядок, полный внутреннего абсурдного хаоса.

Главная опасность

Сталин возродил и углубил традицию антисемитизма, которая жива через 30 лет после его смерти. Писатель Л. говорит: главная угроза России — смешанные браки. Беда в том, что в результате рождаются их (еврейские) дети.

Экзотическая деревня

В деревне Дракино всем ребятам, да и взрослым, дают клички по имени политических деятелей: там есть два Троцких, один Ленин, Бухарин, Булганин, Маленков, три Молотова, два Хрущева, Сталин и другие. Превосходны диалоги.

— Эй, Троцкий, неси навоз сюда. У, вредитель чертов, неси быстрее, говорят.

— Пусть Молотов носит.

— А Молотову вели воду принесть.

— Тебя, Сталин, хлебом не корми, только не мешай руководяще указывать.

— А то как же, Сталин без гениальных указаниев жить не может. А кто не выполнит указания, тому Сталин в нос, али в глаз.

— Надобно его с бригадиров сымать и Хрущева на его место ставить.

— Уж лучше Ленина. Он хоть и молодой еще, а с понятием. А твово Хрущева кто же слушать станет?

— На безрыбье и Хрущев Ленин, лишь бы Сталина не поставили.

Частушка

Ах, калйна-кáлина,
Шесть ошибок Сталина.
Если будет еще шесть,
Что тогда мы станем есть?

Припевка

Вот скандал на всю Европу,
Срамота-то срамота —
Тридцать лет лизали ж . . .,
Оказалося — не та.

Только мы не унываем,
Смело мы глядим вперед —
Наша родина родная
Нам другую подберет.

1956

НАСЛЕДНИКИ СТАЛИНА

Бурбоны ничего не забыли и
ничему не научились.
Одна историческая характеристика

Мнение соратника

В 1974 году мой приятель спросил у Вячеслава Михайловича Молотова:

— Как вы относились к ситуации 50-х годов, сложившейся после XIX съезда? Жена ваша была арестована, вас не ввели в Бюро Президиума ЦК; Сталин сказал о ваших бухаринских ошибках, имевших место в конце 30-х годов. Видимо, вы были обречены на арест и, вероятнее всего, на гибель. Что вы об этом думаете?

Молотов побледнел и, стиснув зубы, сухо ответил:

— Я думаю, что когда лес рубят — щепки летят. Я думаю, что революции без жертв не бывает.

— Правильно, не бывает. Однако жертвы во имя революции — это люди революции, погибшие в борьбе с врагами, от пуль врагов. А вот люди революции, погибшие от рук своих — это не жертвы революции, а жертвы произвола.

Молотов так же сухо и почти тупо повторил:

— Революции без жертв не бывает.. В 37-м году Сталин сделал великое дело: он уничтожил 5-ю колонну.

Молотов был фанатиком. Фанатик — это человек, удваивающий усилия в борьбе, когда цель борьбы потеряна.

Мнение «последнего из могикан»

«Последний из могикан» (1989) сталинского окружения Лазарь Моисеевич Каганович считает, что Сталину не хватило всего 10—15 лет для того, чтобы привести наш народ и все человечество к полному и окончательному благоденствию.

Еще немножко, и Сталин решил бы все вопросы, и в мире стало бы тихо и спокойно, как на кладбище. Сталину чуть-чуть не достало времени для организации всеобщего счастья в обезлюдевших просторах земли.

Мнение дипломата

Один старый советский дипломат сказал в 1978 году: «Нам нужен новый Сталин, чтобы справиться с диссидентами».

Тост за Сталина

В начале брежневского периода в Грузии происходило какое-то литературное действо, после которого был устроен по-грузински щедрый и пышный прием. Изобилие и богатство стола не поддаются описанию. Вел застолье секретарь ЦК Грузии по идеологии. В ходе трапезы он поднял тост за Сталина, за его великие дела и победы, за гордость грузинского народа. Тогда со своего места встала Белла Ахмадулина, сняла с себя туфли, бросила их через стол в лицо тамады и босиком ушла из зала.

Намеки на Сталина — убрать

Однажды Михаил Ильич Ромм был председателем госэкзаменационной комиссии во Всесоюзном государственном институте кинематографии. Отвечала одна студентка. С вопросами, доставшимися ей,

она справиться не могла. Тогда Ромм стал беседовать с ней на общекультурные темы. Студентка не знала ничего. Экзаменационная комиссия настаивала на том, чтобы поставить неудовлетворительно и не выпускать из вуза невежду, Ромм был в растерянности. Понимая, что она проваливается, студентка начала плакать и просить поставить ей тройку. Ромм полистал зачетку, увидел там бесконечные тройки и, поколебавшись, добавил еще одну.

Через год Ромм пришел в Госкино утверждать фильм «Обыкновенный фашизм». В кабинете его приняла редактор Госкино — та самая студентка, которой Михаил Ильич по доброте поставил незаслуженную тройку.

Редактор выговаривала режиссеру:

— Вы меня понимаете, Михаил Ильич? Фильм о Гитлере, но в ленте много лишнего. Вызывают протест намеки на Сталина и аллюзии. Фильм затянут. Намеки на Сталина нужно убрать. Фильм нужно беспощадно сокращать . . .

Ромм отключился. Потом вышел в коридор и, остановившись, ударил себя по лбу и воскликнул:

— Так тебе, дураку, и надо!

Гуманизм

В 1971 году Шагинян говорила:

— Сталин был гений, и при нем был порядок.

Писательнице вежливо возражали:

— Но ведь он сажал безвинных!

— Да, сажал. Так ведь и от чумы, и от войны люди погибали.

Сталин вырастил плеяду писателей — больших гуманистов. Люди, прошедшие облучение Сталиным,— вымороченные люди. Дракон Шварца хвастливо говорит об исковерканных душах людей: «Если бы ты увидел их души . . . Я же их, любезный мой, лично покалечил. Как требуется, так и покалечил. Человеческие души, любезный мой, очень живучи. Разрубишь тело пополам — человек околеет. А душу разорвешь — станет послушней и только. Нет, нет, таких душ нигде не подберешь. Только в моем городе. Безрукие души, безногие души, глухонемые души, цепные души, легавые души, окаянные души . . . Дырявые души, продажные души, прожженные души, мертвые души».

«Чтобы не было мучительно больно . . .»

Автор картины «И. В. Сталин и К. Е. Ворошилов в Кремле» художник А. Герасимов, руководивший в сталинскую эпоху Союзом художников, а с 1947 года — Академией художеств, после XX съезда удрученно промолвил: «Вся жизнь псу под хвост!»

Весьма прямолинейный писатель, проповедовавший героизм служения новому строю, Николай Островский некогда высказался, что жизнь нужно прожить так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы. Большинство людей в истории человечества жили и живут бесцельно или руководствуясь личными целями, и хорошо, когда эти личные цели не противоречат интересам

окружающих. Личные цели Островский как раз и отрицает: лишь переделка мира и истории для него истинная цель. Однако на деле история есть сумма личных целей личностей, которые, с точки зрения Николая Островского, живут бесцельно. Так что бесцельно прожитые годы — куда ни шло. Ужасно — подло прожитые годы.

Новое отчество

После смерти Сталина авторитет Чиаурели упал и многие стали относиться к нему откровенно пренебрежительно. Однажды на улице какой-то знакомый обратился к нему по имени-отчеству:

— Михаил Эдишерович . . .

Чиаурели горько скаламбурил:

— Теперь я Михаил Дэдишерович (фразу можно перевести: «Теперь я Михаил Твоюматьевич»).

Сцена после 1956 года

Эренбург. Почему у вас в комнате висит портрет Сталина?
Морис Торез. Да как-то руки не доходят снять.

У ближней дачи

Хожу вдоль забора ближней дачи через 25 лет после смерти Сталина. Это деревянный зеленый забор почти в три человеческих роста. Время произвело в нем большие разрушения. Некоторые доски подгнили. Странно, что столь охраняемое место, где пребывал боявшийся за свою драгоценную жизнь вождь, было обнесено деревянным, а не каменным или железным забором. Система охраны основывалась не столько на технической, сколько на живой силе — солдаты, заставы, секреты . . . Что там на даче сейчас — не совсем понятно. Какая-то жизнь, скрытая и жалкая — остатки былого трагического и ужасного величия — теплится и мерзнет там, за забором. Вдоль дорожек — фонари. Вечерами горят. Дорожки пусты. В глубине — огоньки дома. Со стороны шоссе прочный забор, железные ворота, большое прохладное помещение пропускной службы — все выкрашено в зеленый цвет. Вдоль забора лесная полоса отчуждения. К этой собственно сталинской территории его знаменитой ближней дачи, где вождь умер, примыкает столь же обширная территория, тоже отгороженная забором,— здесь располагалась охрана и обслуга. Здесь были казармы для солдат, домики для офицеров, ангары для маленьких танкеток, гаражи. Можно было держать серьезную и длительную оборону. Зона для охраны отделяется от забора сталинской дачи небольшой речушкой, через которую переброшен мост. Между речкой и сталинским забором лес и никаких строений. Заходить сюда не имели права даже охранники. Только солдаты, уходящие в наряд, или обслуга, идущая на дежурство. Для такого прохода существовала буферная территория, примыкавшая как к обширной зоне охраны, так и к огромному дачному участку.

Прямо на дачу Сталина из Москвы была когда-то секретно подведена одноколейная ветка метро. Эта линия так и не включена

в систему коммуникации, и люди ездят в отдаленный район Матвеевское в переполненных автобусах . . .

Иду вдоль забора, заглядываю в щели, встречаю какого-то человека, вероятно, служителя этой дачи, который, кажется, собирается в нарушение святых распорядков лезть через пролом в заборе. Спрашиваю, притворяясь незнающим, что там за забором? Встречный, охраняя секретность объекта, пресекает мою противозаконную любознательность: «Гуляешь здесь и гуляй. А раз забор поставлен, значит . . .» Я поворачиваюсь спиной и шагаю прочь от этого выходца с того света (вернее, из той эпохи), шагаю, так и не узнав, что же значит этот обветшавший забор вокруг последнего пристанища вождя. К этому полуразвалившемуся-полувосстановленному забору вокруг бывшей сталинской дачи примыкает новый забор, окружающий бывшую территорию для охраны. Он не деревянный, а железобетонный. Новый век, новая техника отгораживания от мира. Там какая-то спецбольница какого-то высокого ведомства для его второстепенных работников. Они живут и укрепляют свое драгоценное здоровье за более прочным забором, чем забор сталинской эпохи. Однако на людей, видимо, дефицит, и территория за забором почти не охраняется. Только у главного входа стоит декоративный милиционер, и работает бюро пропусков. Однако есть неохраняемые входы, и я порой через них забредаю на эту заповедную и действительно удобную для прогулок лесистую территорию больничного парка.

Овация

В 1977 году министр обороны СССР Дмитрий Федорович Устинов в докладе, посвященном 60-й годовщине Советской Армии, упомянул Сталина. Пять тысяч офицеров и ветеранов, сидевших в зале, устроили овацию.

Фотопортреты

1976 год. Прошло 23 года со дня смерти Сталина. В Дагестане, в Махачкале нет грузовика, такси, сапожной будки, на стекле которых не было бы портрета Сталина. Особенно любим групповой портрет: Сталин, его старая мать, его сын Василий в форме генерала. Образовался доходный бизнес: перепечатка и продажа снимков. Появление изображения Сталина в будках сапожников можно понять: согласно легенде, отец Сталина — сапожник. Однако почему его портреты висят в других местах? Простолюдины объясняют это так: настоящий мужчина, сильный был человек, умел всех держать. Тоска по палке и сильной руке. Или еще: при нем порядок был, при нем масло было. Верно, была даже черная икра: еще не успели перевести осетров. А в деревне с хлебом было плохо, да и в городах перебои. Хозяйствовать так, чтоб хлеб был, не умел. Нет у народа твердой памяти и ясной мысли о своей истории — ведь в том же Дагестане сколько тысяч и тысяч погибло от сталинского террора. А еще чего стоит неосуществившееся в этом счастливом случае сталинское намерение переселить дагестанские народы!

Бывшие

В начале 60-х годов в театр пришел давно поверженный Молотов. Поверженный, и все же администратор суетится, подает пальто. И от неловкости подобострастно спрашивает: «Скажите, а Лазарь Моисеевич к нам не собирается?»

Переименование

Один из соратников Сталина Каганович был очень комично выведен из памяти истории: был издан указ о переименовании московского метро им. Л. М. Кагановича в метро им. В. И. Ленина в связи с тем, что в Ленинграде построено метро, которое названо именем Ленина. Имя Кагановича было присвоено станции «Охотный ряд», а затем ее переименовали в «Проспект Маркса».

Верный сталинист

В семидесятых годах Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко был не у дел, по крайней мере, не у больших. Наглядное свидетельство мировоззренческих ориентаций Пономаренко — художественное убранство его кабинета: два бюста Сталина, одна скульптура и один портрет вождя в полный рост в форме генералиссимуса. В таком суперсталинском окружении жил этот человек, который больше всех ненавидел Берия, чуть не посадившего его, и Хрущева, сместившего его с высоких постов. Во времена Хрущева Пономаренко сначала был министром культуры и на этом посту выступал с антисталинскими речами (я сам слышал!). Закончил он карьеру в 1962 году послом в Голландии. Там он слишком рьяно пытался вернуть пару, попросившую политического убежища: самолично вступил в рукопашную с невозвращенцами и полицией, что никак не соответствует статусу посла. Пономаренко вынужден был покинуть эту должность и был отправлен на пенсию.

Верность хозяину

Матвей Федорович Шкирятов лишь на год пережил Сталина. Он был одной из немногих узких щелок, сквозь которые осуществлялась связь вождя с внешним миром. После смерти Сталина Шкирятов сжег все оставшиеся после него бумаги и документы и ушел на пенсию. Когда его спрашивали о сталинских временах и репрессиях или упрекали в том, что он уничтожил бумаги, он либо отмалчивался, либо отвечал односложно: «Так партия велела».

Смерть Готвальда

Вслед за Сталиным умер его верный чехословацкий последователь Климент Готвальд. Существует несколько версий этого события.

1. Во время похорон Сталина он стоял на Мавзолее без шапки и сильно простудился.

2. Кончина Сталина вызвала нервное потрясение, оказавшееся губительным.

3. Покончил жизнь самоубийством, боясь расплаты за содеянное по указанию вождя народов.

4. Одна из версий перекликается с преданиями о насильственной смерти Сталина. Попрощаться с вождем собрались со всего мира его главные приверженцы. Готвальд заметил выступившую в углу рта Сталина пену, вытер ее своим носовым платком и положил его в карман. Берия испугался разоблачения и устранил Готвальда.

Когда Збарский пришел бальзамировать Готвальда, его телохранители были пьяны и один из них сказал: зачем бальзамировать, он при жизни так проспиртовался, что никогда не испортится.

Мотыга и сталинизм

В кабинете секретаря португальской компартии Алвару Куньяла портреты Ленина, Сталина и Мао. Когда его спросили, почему он расходится с Сантьяго Каррильо (Испания), Берлингуэром (Италия) и другими секретарями соседних братских компартий, стоящих на позициях «еврокоммунизма», Куньял ответил: «Пока португальский крестьянин пашет мотыгой, мы должны быть сталинистами. Если он перейдет на плуг и трактор, мы станем еврокоммунистами».

Прагматичное рассуждение. Во всяком случае, и через 21 год после своей смерти жив Сталин, поскольку много людей еще пашут мотыгой.

Сталинисты

Традиции сталинщины живучи. В маленькой Кампучии с населением 7,5 миллионов человек за один год с середины 1977 по середину 1978 было уничтожено 1,2 миллиона. Конечно, в абсолютных цифрах людоедам из Кампучии не догнать Сталина. По свидетельству заместителя КГБ, выступавшего в январе 1989 года на факультете повышения квалификации преподавателей при МГУ, с 1937 по 1938 год было арестовано 4,7 миллиона человек, из них расстреляно 800 тысяч. Однако относительно числа населения в процентном отношении сталинисты Кампучии побили рекорд.

Мао про запас

Сталин держал около Мао Цзэдуна теневую фигуру Гао Гана, которой, как типовой запасной деталью, можно было заменить китайского руководителя. Это была маленькая азиатская хитрость, примененная к коварному Востоку. После смерти Сталина Мао сразу же убрал этого «запасного». По официальной версии Гао Ган покончил жизнь самоубийством.

Аплодисменты назло «нынешним»

В конце 60-х годов при появлении на экране кинотеатров Сталина в зале возникали аплодисменты, хотя не так уж много в кинотеатре, отражающем социальную структуру средних слоев общества, прямых сталинистов. В этом проявлялась романтичность молодежи, ничего не знающей о сталинских репрессиях и приверженной силь-

ным личностям, и оппозиционность пожилых людей к «нынешним», которые, мол, хуже прежних.

Сталинизм как фронда

Когда чеченцы, высланные Сталиным в Казахстан, получили возможность вернуться на родину, некоторые из них остались. Старики ненавидели Сталина, принесшего чеченцам столько бед и смертей. Однако в новом поколении оставшихся в Казахстане чеченцев развито почитание Сталина. В Алма-Ате, например, один сапожник-чеченец повесил в своей будке портрет Сталина. Это и гордость своим «земляком»— кавказцем, и стремление к возвеличению себя через него, и некоторая фронда по отношению к нынешним руководителям.

Музейный экспонат

В Гори в 1973 году работал музей Сталина и дом-музей, в котором он родился и жил.

ПРЯМЫЕ ПОТОМКИ И ИХ СУДЬБЫ

Брак-мщение

На Светлане женился вышедший после 53-го года из лагеря сын Томского — тщедушный молодой человек. Они вместе учились в школе, и в школе была детская взаимная привязанность. Однако не прошло и полугода, как Томский бросил Светлану, сказав, что он женился только для того, чтобы отомстить за своего отца, казненного Сталиным.

Семейный капитал

Существует слух о том, что Сталин положил в швейцарский банк огромную сумму денег на свое имя. Первый взнос он якобы сделал еще в 1926 году во время голода в Поволжье. Говорят, Светлана Сталина знала об этом и была как-то приобщена к этим деньгам, или владела шифром, или имела доступ как наследница. Ей по ходатайству Косыгина было разрешено поехать в Индию хоронить на родине мужа-индуса. Из Индии она бежала на Запад и не случайно перед Америкой заехала в Швейцарию. Без уверенности в этих деньгах она вряд ли осмелилась бы эмигрировать.

Дочь Светлана

Покинув родину, Светлана создала для репутации и облика отца необратимую ситуацию. По законам Сталина, эмиграция — предательство. И он — отец — отвечает за предательство дочери. В духе сталинского представления об эмиграции как бегстве оценивается поступок Светланы Иосифовны в частушке:

Ой, калина-малина
Сбежала дочка Сталина,

Она же Аллилуева,
Вся семейка . . .

Дочь своего отца

Светлана Иосифовна в перерыве между двумя эмиграциями очень ссорилась с одним из своих сыновей. Это бы не беда, чего не бывает в семье, однако поступала она при этом, как истинная дочь своего отца: писала Куда Следует, что ее сын антисоветчик, и требовала его ареста.

Готовность номер один

Когда Светлана Сталина бежала за рубеж и написала книгу о своей жизни и об отце, то, не зная, что там о нем написано, «на всякий случай» один ее бывший поклонник бегал в инстанции, подчеркивая, что он на все готов и не прочь писать против Светланы разоблачения. Герой-любовник был готов облить свою бывшую возлюбленную помоями ради того, чтобы оказаться на хорошем счету.

Сын Василий

На Арском (Ершовом) поле — кладбище Казани. В глубине по центральной аллее — первая с левой стороны — могила Василия Сталина. Небольшой из черного мрамора памятник. На нем надпись: «Василий Иосифович Джугашвили. 24 марта 1920—19 марта 1962». Справа ниже надпись: «Единственному от М. Джугашвили». Это первая жена Мария Григорьевна, мать его двоих детей. Рассказывают, что сначала была сделана надпись: «Василий Иосифович Сталин», но через некоторое время фамилия Сталин была изменена на Джугашвили. Жил Василий на улице Гагарина в Ленинском районе. Жил он на пенсию, беспробудно пьянствовал. Когда умер, приехала жена, ее не допустили. Люди узнали, стали собираться к дому. Милиция оцепила улицу. Затем была дана команда: людей не задерживать. Милиция увезла гроб. Никто в похоронах не участвовал. На могилу приезжала жена с детьми. Дети лопатками выравнивали могилу, мать сидела и плакала.

В верхней части памятника в небольшой выемке был вмонтирован барельеф — лицо в профиль. Кто-то выстрелил в него. Сейчас барельефа нет. Хотя «сын за отца не отвечает», худо быть сыном убийцы миллионов людей. Василий был генералом авиации, а судьба безрадостная и кончина бесславная.

Внук

Летом 1977 года Евгений Яковлевич Джугашвили, майор бронетанковых войск, преподаватель академии, говорил во время празднования юбилея Важа Пшавелы в Грузии, что их семью хотели истребить:

Светлане Иосифовне звонили неизвестные, видимо, из бывших репрессированных, и угрожали расправой, поэтому она вынуждена была уехать в Америку;

Василия Иосифовича «довели»;

Одну из внучек Сталина тоже «довели»: она попала в нервную клинику. Делается даже некоторый намек на политический характер ее госпитализации и излишне смело утверждается: «У нас в роду не было сумасшедших».

Нельзя сказать, что судьба прямых потомков Сталина счастливая. Однако разговоры об их преследованиях — ложь. И если что-то у детей и внуков Сталина неблагополучно, то виной тому не сознательные действия кого-либо, а проклятье самой истории, которое висит над памятью и именем их отца и деда. Потомки, безусловно, ни в чем не виноваты и ни за что не должны отвечать. Однако можно уйти даже от судьбы, но можно ли уйти от кармы? Во всяком случае, зла им никто не желает. А в третьем поколении среди них есть и люди вполне разумные и гуманные.

РЕАБИЛИТАЦИЯ

> ... Столько народу погибло по разным обстоятельствам, а даровитейшие по жестокости Вождя! — мы, немногие уцелевшие, пережили не только себя, но и других: ведь из нашей жизни исторгнуто столько лет, в течение которых молодые молча дошли до старости, а старики почти до самых границ человеческого возраста.
>
> Тацит. *Жизнь Агриколы, 3*

Посмертный пересмотр дела

В 1956 году Светлова вызвали в МГБ в связи с посмертным пересмотром дела одного из поэтов (кажется, Павла Васильева). Следователь спросил:

— Знали ли вы этого поэта? Что вы можете о нем сказать?

— Знал. Он был хорошим поэтом и настоящим коммунистом.

— Как? Ведь он же был троцкистом и за это посажен.

— Нет, это я был троцкистом,— сказал Светлов.— А он был настоящим коммунистом.

Следователь растерялся, попросил у Светлова пропуск, подписал его и сказал — идите, идите ...

Последняя сказка

Теоретик ЛЕФа Сергей Михайлович Третьяков, очень цельный, революционно настроенный человек происходил из небогатой семьи учителя. Друг Маяковского и Асеева, он всегда высмеивал их пристрастие к карточной игре. В 1937 году Третьяков был арестован, а в 1939 выбросился в проем тюремной лестницы. В 1956 году Асеева вызвали в высшие судебные инстанции, где шел пересмотр приговора, вынесенного Третьякову. В его деле не оказалось никаких обвинений, доносов, свидетельских показаний, кроме свидетельства самого Третьякова о том, что он был сыном и наследником богатейшего помещика и проиграл все наследственные богатства в карты.

После этого он завербовался в иностранные шпионы. Это была последняя сказка, сочиненная писателем. Третьяков специально сочинял нелепицу, понимая, что он погибает, и оставляя доказательства своей невиновности.

История Аграновой, рассказанная Демченко

Она пришла в камеру в тапочках и спальном халате. Неделю плакала и молчала. Когда она лежа плакала, прекрасные глаза ее переполнялись слезами, как чаши, и слезы бежали через край, но лицо не набухало, а глаза не краснели. Она оставалась прекрасна даже в несчастье. Наконец она заговорила и рассказала свою историю одной из соседок по камере — Демченко.

Она полячка. В гражданскую войну пришла в Россию с армией, помогавшей восставшим крестьянам Галиции. Муж был одним из руководителей этой армии. В начале 30-х годов его по навету расстреляли как польского шпиона. А через год она полюбила Агранова. Он в прошлом был одним из работников секретариата Ленина, позже стал крупным работником ЧК, потом заместителем наркома внутренних дел. В 37-м году его арестовали. Уходя, он улыбался и успокаивал ее: это ошибка, разберутся — вернусь. Через несколько дней ей сказали, что она нужна очень срочно и всего на какой-нибудь час, что дело идет о судьбе ее мужа, и она, не одеваясь, в халате и тапочках поехала в тюрьму. Допрос длился сутки. У нее пытались добиться признания в том, что ее муж шпион. Она мужественно переносила мучения. О ее красивое бархатное тело следователь гасил папиросы. Она плакала, но не соглашалась подписать фальшивку. Наконец ее повели к высшим чинам инквизиции. Войдя в комнату, она увидела нескольких человек, и главный из них показался ей знакомым. Она плохо отдавала себе отчет в происходящем и находилась в полузабытьи. На сей раз с ней обращались предупредительно, выражали сочувствие и обещали помочь в несчастье. Ее просили соблюсти лишь пустяковые формальности и подписать какие-то малозначащие бумаги. Все было полно сочувствия и сердечности, и она вдруг узнала в начальнике товарища ее мужа, одного из высших офицеров НКВД, который часто бывал у них дома. Со слезами радости она бросилась к нему.

Начальник оказался в неловком положении: в присутствии низших чинов такое излияние чувств со стороны подследственной. Он резко оттолкнул женщину, так что она ударилась головой о стену. От сочувствия и уговоров командир перешел к избиению, требуя, чтобы она призналась, что ее муж шпион. Но любовь была источником колоссальной духовной силы этой женщины: она ничего не подписывала.

На следующем допросе инквизиторы решили превратить ее силу в слабость и сменили тактику. Ей было сказано, что ее муж пострадал из-за нее. У нее темное прошлое: первый муж расстрелян, и она сама — полячка — подозревается в шпионаже. Если она возьмет всю вину на себя, Агранов будет освобожден. В протоколе она может даже подчеркнуть, что он ничего не знал о ее деятельности. Это были позы своего дела. Они сочинили целую криминальную Илиаду

с абсолютно достоверными деталями и подробностями: назывались лица и города, квартиры и пароли в Москве и в Варшаве. И все эти мифы она подписала и во имя любви к мужу оклеветала себя. Ее поместили в камеру, где неделю она плакала, ничего не ела и думала. Наконец, поделилась с Демченко своими опасениями, правильно ли она сделала?

Демченко, бывший директор Партиздата Украины и жена крупного государственного и партийного деятеля, политические проблемы понимала и очень осторожно объяснила Аграновой, что ее обманули: оговорив себя, она не только не спасла мужа, но и усугубила его положение. Получилось, что он — заместитель наркома — спас свою жену во время ареста ее первого мужа и, зная о ее «деятельности» (а по логике следственных органов он не мог не знать), молчал.

И тогда в истерзанной душе любящей женщины вновь проснулись силы. Она бросилась к железной двери и начала бить в нее кулаками, ногами, головой. Казалось, по тихим коридорам тюрьмы загудел набат. Она требовала, чтобы ей вернули подписанный ею протокол. Это обман,— кричала она. Ее увели. Часа через два избитую, в бессознательном состоянии приволокли в камеру. Когда к ней вернулись чувства, она опять бросилась к двери, и опять загудел набат. Все повторилось, ее опять принесли избитую, и она пролежала без сознания долгие часы, но, придя в сознание, начала все сначала.

Демченко увели из камеры через неделю и услали по этапу. И всю эту неделю с перерывами, которые нужны человеку для того, чтобы очнуться от побоев, в тюрьме гудел набат и раздавались требования вернуть протокол.

Демченко уносила с собой платочек, подаренный ей Аграновой. «Это будет ваш талисман,— веще говорила Агранова, как могут говорить люди, находящиеся на пределе нервного напряжения.— Он охранит вас. Все мы, сидящие в этой камере, погибнем. Но вы должны жить и восстановить правду: рассказать людям, что и я, и мой муж ни в чем не повинны . . . Храните этот платочек, и он будет хранить вас. А в нем будет жить память обо мне». Это было наивное суеверие и сентиментальное ребячество обреченной.

Демченко унесла на десять лет в ссылку этот платочек. В 1946 году ее выпустили. Она жила в Запорожье, у хозяйки-украинки, которой рассказала эту историю. Когда в 1947-м ее вновь арестовали, то хозяйка первым делом передала ей в тюрьму платочек-талисман.

В 1954 году началась реабилитация. Муж Демченко еще до того, как стал наркомом, был секретарем Киевского обкома, и Хрущев работал у него инструктором. Он бывал дома у Демченко и хорошо знал его жену. После смерти Сталина она написала Хрущеву письмо. По его распоряжению ее дело было срочно рассмотрено, и она была реабилитирована. Ее принял Хрущев и вернул ей партбилет. Они долго разговаривали. Хрущев сказал: «Да, жалко многих хороших людей, которые безвинно погибли»,— и он перечислил нескольких людей, которых Демченко хорошо знала. И тут вдруг Хрущев вспомнил еще одного человека: «Яркая была личность Агранов. Вы его, наверное, не знали. Тоже погиб». Это была почти мистическая случайность — из незнакомых Демченко людей был назван только

одни, и это был муж ее несчастной соседки по камере. Когда Демченко шла на прием, у нее и в мыслях не было рассказать об Аграновой. Есть дела поважней: сын Демченко — Николай — еще не был реабилитирован . . . Но когда было упомянуто это имя, она уже не могла молчать и рассказала всю историю бывшей соседки по камере. Генеральный секретарь ЦК скорбно слушал печальную повесть о коммунисте и его жене, погибших в тюрьме страны коммунистов.

Весь ужас в том, что на эту трагическую историю ложится черная тень: в соответствии с духом эпохи, независимо от добрых или недобрых качеств и намерений Агранова его должность и род занятий предполагали участие в кровавом глумлении над людьми. Он палач, погибший от рук других палачей.

Ликвидация лагеря

После 1956 года лагерь ликвидировали. Возникло много трудных проблем. Кто будет заготавливать лес вместо заключенных? Куда деть армию охранников? Что делать со сторожевыми собаками?

Как ни сложно ломать устоявшийся строй жизни, но постепенно все входит в свою колею. Собак, например, раздали местному населению. Великолепные волкодавы хорошо прижились у новых хозяев. Но прошлое не уходит из жизни бесследно. Оно таится, ждет своего срока и выходит наружу самым неожиданным образом. В первый же праздник 1 Мая, когда нарядно одетые люди вышли на демонстрацию, во всем городе и в его окрестностях все волкодавы сорвались с цепей. Они выстроились вдоль колонн и спокойно сопровождали демонстрантов до трибун с местными властями. Псов невозможно было отогнать от колонн никакой силой. А когда демонстрация закончилась и люди пытались разойтись, собаки стали свирепо бросаться на них и снова загонять в колонны.

Почетное прозвище

В Баку азербайджанца, посадившего в сталинское время своего отца, зовут Павлик Морозов.

Цепочка

Посадили Репку. Дедку за Репку. Бабку за Дедку. Дочку за Бабку. Внучку за Дочку. Жучку за Внучку. Кошку за Жучку. Мышку за Кошку . . . Так вот Мышку во времена оттепели реабилитировали.

Мартиролог

Предания связывают со Сталиным смерть ряда известных и видных деятелей: Фрунзе (25 г.), Дзержинского (26 г.), академика Бехтерева (27 г.), Аллилуевой (33 г.), Кирова (34 г.), Куйбышева, Анри Барбюса, академика Павлова (35 г.), Горького (36 г.), Крупской, Раскольникова (39 г.), Троцкого (40 г.), Жданова (48 г.), Димитрова (49 г.).

Все ли они были убиты Сталиным, проверить трудно, но и не учитывать предания нельзя.

ЗНАКИ ПАМЯТИ СТИРАЮТСЯ С ЛИЦА ЗЕМЛИ

> ...Умереть или проснуться,
> Но так не жить, но так не жить.
>
> А. Ахматова

Захоронение

Когда Сталина положили рядом с Лениным в Мавзолей, знаменитый парикмахер из Центрального дома литераторов Моисей сказал: «Как в коммунальной квартире. Однако жировка выписана все-таки на одного».

Перезахоронение

Его вынесли из Мавзолея. Теперь его называют перемещенным лицом. Его похоронили рядом с убитым им Фрунзе. Говорят, Фрунзе спросил: «Куда дальше пойдете?» Сталин ответил: «Куда пошлет партия».

Выносить — не выносить!

На XXII съезде Мжаванадзе поручили выступить с предложением вынести Сталина из Мавзолея. Чтобы избежать этой обязанности, на следующий день Мжаванадзе «заболел» и на съезд не явился. Тогда эта тяжелая миссия пала на другого грузина, Джавахарнадзе. Он выступил с этим предложением, и вскоре в Грузии сожгли его дом.

«...предлагаю вынести из Мавзолея»

Старой большевичке Лазуркиной (партийная кличка Соня) Ленин поручил работать с детьми. Она отказалась: мол, не умею. Лазуркину убедил аргумент Ленина: «Меня тоже никто не учил управлять государством», и она взялась. Это было в начале 1922 года. Тут Сталин отправил ее мужа на работу в Петроград. Она решила ехать с мужем — Сталин сказал:

— Ты женщина молодая, красивая. Оставайся в Москве, мы тебе другого мужа найдем.

Крупская спросила:

— Почему ты, Соня, такая грустная?

— С мужем разлучают.

По просьбе Крупской Ленин написал записку, и Лазуркина оставили в Москве. Сталин упрекнул:

— Наябедничала?

— Нет, меня спросили — я рассказала.

— Ладно. Принеси карточку вместе с мужем. Опубликуем и напишем: «Самая дружная и крепкая коммунистическая семья».

Во второй половине 30-х годов Лазуркина арестовали. Во время допроса он ответил на оскорбление следователя пощечиной. Следователь застрелил его и выбросил из окна, инсценировав самоубийство. Лазуркина сидела много лет. А после реабилитации на XXII съезде выступила с предложением вынести Сталина из Мавзолея.

Медный истукан

В середине XX века у начала канала Волго-Дон поставили на возвышенности огромную фигуру Сталина. Монумент обсиживали и загаживали птицы. Помет стекал по медному лбу истукана. Нашелся изобретатель, который создал электрический аппарат, и птицы, подлетавшие близко к скульптуре, стали замертво падать на землю. Через некоторое время вокруг монумента образовалось кладбище птиц. Только от кладбища это проклятое богом место отличалось тем, что трупы птиц никто не хоронил. Они двойным, тройным слоем покрывали землю и распространяли ужасающее зловоние. Казалось, что гниет и смердит медный истукан.

Вскоре от электроустройства отказались, и птицы вновь садились на монумент и покрывали его медную голову пометом.

Служитель культа

Смотрителем грандиозной медной статуи Сталина состоял отставной полковник, который поднимался наверх по специальной лестнице и чистил загаженные птицами уши и усы истукана. После XX съезда этому человеку перестали платить зарплату, но он продолжал исполнять свои обязанности до тех пор, пока истукана не сняли с пьедестала. Этот полковник отдаленно напоминал коменданта из «Исправительной колонии» Кафки и был последним служителем культа Сталина.

Еще один истукан

В Туруханском крае, на берегу Енисея стояла огромная беломраморная статуя вождя. Ее было видно и с суши, и с проходивших по реке пароходов. Монумент сбросили в реку. Сейчас, если смотреть с борта парохода, под чистой и прозрачной водой видна фигура усатого человека, лежащая на дне. И когда волны перекатываются, беломраморный Сталин шевелит усами, свет и тени пробегают по его каинову челу.

Маленькие хитрости

1956 год. Атомная тревога в Тбилиси. За время тревоги сняли три памятника Сталину.

Снят с пьедестала

В Тбилиси с помощью вертолета демонтировали огромный памятник Сталину, когда шел матч Тбилиси — Ереван и весь город был или на стадионе, или у телевизоров. Истукана как корова языком слизала, на постаменте остался один сапог. И когда люди возвращались с матча, рабочий отбивал этот сапог пневматическим молотком. Его прогнали камнями. На следующий день кто-то поставил рядом с сапогом маленькую фигурку вождя. И было непонятно: то ли это знак уважения, то ли издевка — от великого истукана до комической фигурки оказался один шаг.

Концы в воду, вожди в реку

Снятые в Москве памятники были погружены скопом на огромные машины и отвезены к Калуге. Там на мосту машины разворачивались, подходили бортом к самым перилам, борт открывался, и истуканов сваливали в реку.

Паноптикум

В Москве в подвале какого-то запасника до сих пор хранится огромная армия сталинских бюстов и скульптур. Они уже покрылись паутиной и плесенью. Человека, попадающего в этот подвал, охватывает ужас и отвращение. Кто-то хранит этих чудищ на всякий исторический случай. Ночами истуканы негромко спорят и тайно плетут интриги, надеясь однажды выйти из запасника, разойтись по стране и встать на главных улицах и площадях ее городов.

Аттракцион

В Кахетии есть духан. Когда посетитель открывает дверь, навстречу ему по рельсам выезжает скульптура Сталина с протянутой в приветственном жесте рукой.

Памятник в Телави

В Телави на холме стояла статуя Сталина с Мамлакат на руках. Каждый месяц благообразный бородатый старик освежал памятник белой масляной краской. Он делал это и после XX съезда. В конце концов множество слоев краски сделали фигуру бесформенной и трудноузнаваемой, все более приближающейся к гениальной простоте снежной бабы.

Верный продолжатель дела своей жизни

Огромная фигура Сталина из красного мрамора валяется в зрительном зале давно закрытого для эксплуатации старого кинотеатра Москвы. Вот уже много месяцев какая-то артель отпиливает от этой фигуры красные могильные плиты и продает их. Еще на много могил хватит Сталина. Замечательное символическое назначение люди нашли для мраморного колосса.

Пошел в дело

При освоении целины бюсты Сталина использовали в качестве трамбовок: вождя брали за уши и плоским основанием бюста утрамбовывали бетон.

Другое применение бесчисленных статуй вождя после XX съезда — закладка в основания фундаментов и сбрасывание в реки при перегораживании их плотиной. Так Сталин наконец реально послужил делу строительства новой жизни.

Предсказание

Во второй половине 30-х годов Троцкий предсказывал, что на месте памятников Сталину люди потом поставят памятники всем жертвам сталинизма. Прозорливое предсказание, однако история парадоксальна. Фанатичный Троцкий, сам ставший жертвой сталинского международного терроризма, в свое время был виновником гибели многих безвинных людей. И несмотря на то, что количество им убиенных несравнимо меньше, чем уничтоженных Сталиным, впору поставить памятники и жертвам Троцкого, и некоторых других вождей.

Исторический прецедент

Разоблачив Сталина и осудив сталинизм, Хрущев стал единственным за всю историю России царем, который остался жить, сойдя с престола. Он даже в ссылку не попал. Это феноменальный, исторически положительный результат атмосферы, установленной Хрущевым в результате разоблачения Сталина.

Несостоявшийся музей

Директором музея на даче Сталина после его смерти назначили спившегося работника МГБ. Он просуществовал в этом качестве полгода. После чего так и не открывшийся музей закрыли и директора уволили.

Музей

В 70-х годах, после долгого перерыва, в Гори открыли музей Сталина. Экспозиция в музее небогатая, и Ленин занимает в ней место чуть ли не большее, чем Сталин. Дом, в котором располагается музей, помпезен, из разноцветного мрамора, внутри пурпур и бронза, а комнаты и экспозиция убоги.

Зато рядом Музей славы, посвященный Отечественной войне. Хитрый секретарь Горийского райкома сделал на этом карьеру. Ведь в этом музее главный герой — Сталин. Между маленькими, плохенькими, невзрачными портретами министра обороны Устинова и Брежнева со скучными, постными лицами большой портрет смеющегося, приветствующего всех Сталина на Мавзолее. Невольный подтекст экспозиции: было величие, стало убожество. Однако, если выбирать из двух зол, убожество, зиждящееся на воровстве и пустословии, лучше, чем величие, основанное на разбое и крови.

Годовщина

Сегодня, 5 марта 1973 года — 20-летняя годовщина смерти Сталина. Советские центральные газеты никак не упомянули об этом событии, а отмечалось 50-летие создания Дальневосточного рыбтреста. Наша страна выступает, как рыжий, у ковра мира, вызывая то всеобщий смех, то аплодисменты. Ну, можно ли делать вид, что ничего не произошло и Сталина вообще не было?

Другая годовщина

21 декабря 1979 года 100-летняя годовщина со дня рождения Сталина. В Гори состоялась праздничная демонстрация и народные гуляния. В «Правде» опубликована относительно критичная статья по поводу Сталина, необходимость относиться к нему объективно подчеркивает журнал «Коммунист». В Тбилиси прошла спокойная теоретическая конференция о Сталине. В стране к этой годовщине отнеслись равнодушно.

Последний оплот

21 декабря 1988 года, уже после всех разоблачений Сталина в советской печати, в Албании торжественно и широко отпраздновали годовщину дня рождения бывшего вождя. Тирана — последний оплот тирана.

ИСТОРИЧЕСКИЙ КРАХ СТАЛИНА И СТАЛИНИЗМА

«Нельзя смотреть в будущее затылком».

Китайская пословица

«Да здравствует . . .»

В начале 70-х годов в Литературном институте имени Горького учились двое грузин — маленький хевсурец и большой имеретинец. Однажды они пригласили сокурсников в грузинский ресторан «Арагви». Ребята выпили, и маленький хевсурец стал комментировать:

— Вот вошел настоящий грузин. А это русский. А это грузины московского розлива.

За соседним столиком сидела компания молодых кавказцев, о которых хевсурец сказал, что это абсолютные грузины. Сидевший рядом с ним молодой молдавский поэт спросил:

— А что, если я подойду к ним и скажу: «Да здравствует Сталин!»?

— О, они будут очень рады. Ты будешь у них почетный человек.

— А как это сказать по-грузински?

Хевсурец стал учить молдаванина, но у того никак не получалось. Тогда нетерпеливый хевсурец схватил поэта за руку и повел за собой:

— Я сам скажу, и ты посмотришь, какие мы будем желанные люди.

Они подошли к столику, и хевсурец воскликнул:

— Да здравствует Сталин!

Молодые грузины в гневе вскочили со своих мест и чуть было не побили запоздалого поклонника деспота.

И это пройдет

Когда умер Сталин, многие плакали, плакали даже те, у кого вождь отнял детей, расстрелял отцов или мужей, сослал матерей и сестер. По этому поводу Анна Андреевна Ахматова сказала: «Наркоз пройдет».

Сталинские снижения цен

Нередко люди, пережившие сталинское послевоенное время, вспоминают о нем с тоской. «Все было, цены снижались». Отчасти память этих людей приукрашивает прошлое, отчасти это полуправда, за которой прячется показуха, обман. Внеэкономическими волевыми методами цены на некоторые продукты действительно снижались. На самом деле, в Москве, Ленинграде и ряде республиканских центров «все» было. Однако это казалось достатком лишь после военного лихолетья. И главное: несколько городов получали достаток за счет деревни. Три четверти населения страны не знало почти никаких товаров. В снабжаемых же городах товары доставались только через огромные очереди, которые регулировали общественный расход товаров, их продажу понемногу. Очередь — великое завоевание сталинизма. При существовании очереди можно было снижать цены на товары ежегодно без опасности товарного банкротства, а с помощью огромных обязательных займов, а также налогообложений и замороженной низкой зарплаты недостача в казне от снижения цен быстро покрывалась. Таков был жульнический экономический фокус сталинского снижения цен без всякого материального обеспечения этого спекулятивного благодеяния. Психологический обманный эффект был при этом столь велик, что его остатки на десятилетия застряли в умах недальновидных обывателей тех лет, доживших до последнего десятилетия XX века.

И вся-то наша жизнь есть борьба

Сталин создал в стране обстановку бесконечной, перманентной гражданской войны с «бывшими», с классово враждебными и чуждыми элементами, с кулаками и их семьями, с «уклонистами», троцкистами, шпионами, диверсантами, с меньшевиствующими идеалистами, с формалистами, безыдейщиками, наплевистами, с вульгарными социологами, с вейсманистами-морганистами, с «предельщиками», с врагами народа и их родными, с националистами, с носителями феодально-байских пережитков, с космополитами, с целыми неугодными народами.

Сталин умел очертить группу людей, отделить ее от остальных, назвать броским уничижительным термином и постепенно изничтожить. Общество было разбито на квадраты обстрела и отстрела, и по этим квадратам последовательно велся уничтожающий огонь. Сталин задал эту программу гражданской войны надолго, и она жива и в послесталинское время. Боролись с отщепенцами, тунеядцами, стилягами, валютчиками, с модернистами, с носителями буржуазной идеологии, с противниками кукурузы, с писателями и художниками, не о том или не так пишущими, с отказниками, с сионистами, с диссидентами, с инакомыслящими.

Дух сталинизма: кто был ничем, стремится стать всем, превращая при этом тех, кто был хоть кем-нибудь, в ничто. И все как в песне: «И вся-то наша жизнь есть борьба». Эта традиция сталинизма не заглохла. Перестройка, конечно, преобразует, очеловечивает наше общество, но полностью выйти из состояния борьбы и перейти к мирному

сосуществованию и доброжелательному плюрализму нам пока что не удается. Дефицит во всех сферах жизни все еще поощряет сталинскую традицию гражданских междоусобиц и перманентного «раскулачивания».

Сталин как знак Апокалипсиса

Народный глас о Сталине и сталинизме полифоничен и рисует многосложную картину, из которой ни одной краски не следует выбрасывать, даже если эта краска связана с мистикой или религиозным сознанием, или с недостаточно оптимистичным взглядом в будущее. Даже если эта картина представляется нам ошибочной, без нее нет полноты народного представления о сталинизме и порожденных им исторических следствиях.

Библия предсказала конец света. Одни воспринимали Сталина как отца народов и воплощение социализма, другие — как гибель революции и социализма, а третьи — как пришествие антихриста и конец света.

В начале этого повествования, рисуя портрет Сталина, я рассказал предание о жандармском послании, отмечающем особую примету провокатора Джугашвили: нет пальца на одной ноге. Другое предание уточняет: у Сталина было два сросшихся пальца на ноге. Это примета антихриста, что придает особое звучание рассуждениям о Сталине как предвестнике Апокалипсиса. Новым его предвестником стал Чернобыль. По Библии, перед всеобщей катастрофой звезда упадет в полынь. Чернобыль — это по-украински полынь.

Провидение, Бог, Рок или История уготовили Земле и Человечеству реальный конец света. При этом основная система, приводящая все к гибели, несколько раз перестрахована другими столь же губительными системами.

Первая, главная система Апокалипсиса — разобщение людей на уровне семьи, общества, народа, государств, мировых сообществ и систем. Драматичны межнациональные отношения. Порвалась связь не только времен, но и людей.

Вторая система Апокалипсиса — это атомное оружие, которым владеют США, Англия, Франция, СССР, Китай, Индия, Пакистан, возможно, ЮАР и Израиль . . . Много. И все очень разные . . . Если людям удастся не нажать кнопки ядерной войны, то человечество не сгорит в ее огне, но это еще не факт, что оно уцелеет.

Ведь есть еще и третья, уже введенная в действие система самоуничтожения человечества, в которой кнопки уже нажаты и ракеты летят: экология. Мировой океан, по свидетельству знаменитого Бомбара, превратился в клоаку, многие реки, озера, поля отравлены, земля и воздух целых районов — ядовиты. Озоновый слой, предохраняющий все живое от ультрафиолетовых лучей, имеет разрывы над Южным полюсом, и они расширяются. Экологически опасны и «парниковый эффект», возникающий от переизбытка углекислого газа в атмосфере, и ухудшение радиационного фона в результате энергетической деятельности людей и возможных ее катастрофических сбоев типа Чернобыля.

Еще одной «системой обеспечения» Апокалипсиса является чума XX века — СПИД, дополняемый раком и сердечно-сосудистыми болезнями. Человек сильно оторвался от природы в питании и в образе жизни, и существование его как биологической особи поставлено под угрозу.

Таковы множественные «перестраховывающие», «перекрывающие» друг друга системы самоистребления человечества. Трудно спастись от этих «намерений» Истории, Бога или Рока. Спасение в общечеловеческих усилиях. Однако менее всего человечество склонно объединиться.

Национальная и социальная рознь людей препятствует их единению.

Сталинизм углублял противоречия, провоцировал борьбу всех со всеми, порождал раскол современного мира. Границы разломов прошли по границам наций, классов, государств, «лагерей» (объединений государств), союзов, сообществ. Этим Сталин актуален сегодня как антихрист, работающий на разобщение и тем самым на апокалиптическую гибель человечества.

Мир заинтересован в нашей десталинизации не меньше нас. Всеобщность взаимозависимостей подчеркивал президент Кеннеди: «Если Россия рухнет, то под ее обломками погибнет весь мир».

Перед лицом Апокалипсиса человечество оказывается в «пограничной ситуации» — между жизнью и смертью. Это и есть час истины. Как писал Достоевский в записных тетрадях, «бытие только тогда и есть, когда ему грозит небытие. Бытие только тогда и начинает быть, когда ему грозит небытие». Сколько часов или веков будет длиться это состояние — не нам знать, однако будем же ценить каждый шаг нашего бытия, начавшего быть. Чтобы жить, нам надо стать другими. Можно назвать это новым мышлением, можно — приоритетом общечеловеческих ценностей, однако ясно, что по-старому, по-сталински жить больше нельзя: от этого неразумия погибнет мир.

* * *

Кумир курил не только
трубку мира,
Кумира нет —
остался труп кумира.

Полная ясность

Во время поминок по своей матери, на которых присутствовало много генералов и маршалов, скульптор Вучетич поднял тост за помин великого человека — Сталина. Воцарилась неловкая тишина. И жена Вучетича сказала: «Вот так всегда, при этом тосте возникает неловкая неопределенность».

Встал писатель Василий Сухаревич и сказал: «Никакой неопределенности нет. Я пью за Постановление ЦК по вопросу о культе личности, которое не оставило никакой неопределенности в этой проблеме».

Сапожники под подозрением

Болгарский поэт Божидар Божилов был в Грузии. Возвращался в гостиницу после доброго застолья. У входа увидел сапожника, прибивающего набойку. Остановился и стал пристально его рассматривать. Сопровождающие его грузины с удивлением спросили:

— Божидар, что ты разглядываешь? Что тут интересного? Сапожник как сапожник.

Божидар ответил:

— А может быть, он отец нового Сталина?

Может ли Сталин вернуться!

Два десятка исторических анекдотов о Сталине были опубликованы мною в «Книжном обозрении», № 3, 1989. Получил много хороших отзывов от читателей и даже — что бывает реже — от писателей, и что бывает совсем редко — от писателей разных направлений (Леонида Зорина, Романа Белоусова, Марка Полякова, Юрия Давыдова, Вадима Кожинова и других). Тема задевает людей за живое. Не стану останавливаться на положительных откликах.

Встретил я А. Ф.: лицо его покрылось красными пятнами, бедный, разволновался и сказал:

— Посмотрел бы я на всех вас, пишущих о Сталине, если бы он вдруг вернулся . . . Хороши бы вы были . . .

Не простившись, А. Ф. повернулся и гневно пошел прочь.

А и впрямь, если бы вернулся? Ведь Наполеон на сто дней возвращался во Францию. Так и Сталин при Брежневе если не в Россию, то на ее киноэкраны благодаря Ю. Бондареву, О. Курганову и другим возвращался. Впрочем, только ли на киноэкраны? И все же, если бы он сегодня вернулся? Ироничный и аналитичный ответ на этот вопрос дала сценка в одной телепередаче. Изобретатель-пионер создал машину, способную вернуть на землю Сталина. Работающую машину с любопытством окружили дети. Вдруг из машины показался Сталин с трубкой в зубах . . . Дети застыли в ужасе, а один толстый мальчик с восторгом закричал:

— Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!

И тут Сталин растаял в воздухе. Тогда этот же толстый мальчик подошел к пионеру-изобретателю, дал ему по шее и крикнул:

— Дурак! Не хватало, чтобы ты еще Берию нам вернул!

Конечно, если бы Сталин вернулся, сегодня он бы еще нашел в нашем обществе немало своих поклонников, сторонников и людей, идеи или корысти ради готовых служить ему. Однако все-таки ничего бы у него уже не вышло.

Американцы заложили наши современные экономические, культурные, политические данные в компьютер и заставили его просчитать вероятностный ход развития нашего общества. Компьютер дал прогноз: в 1993 году кризис всех сторон нашей жизни вызовет к жизни нового диктатора. Я давно уже не оптимист, однако не верю этому прогнозу, хотя и не надеюсь на быстрое преуспеяние. Компьютерное социальное прогнозирование не может быть совершенным не столько потому, что нужно учесть многие тысячи взаимодействую-

щих фактов, сколько потому, что какую программу обработки этих фактов заложишь — такой ответ и получишь. Я не верю в неосталинизм потому, что попытка сталинизации после оттепели породила диссидентов и застой. Такая попытка после гласности породила бы баррикады и крах.

ДИАЛОГ С ЧИТАТЕЛЕМ

Теперь, наконец, мы оживаем, однако
по природе человеческие лекарства
действуют медленнее, чем болезни.

Тацит. Жизнь Агриколы, 3

На историю следует смотреть в оба:
глазами документа и предания.

Ю. Борев

Для всякой книги важна обратная связь с читателем. Важно не только воздействие художественного текста на публику, но и ее воздействие на текст. Само содержание литературного произведения есть результат диалога — обмена жизненного опыта автора, заключенного в произведении, и читательского опыта, брошенного навстречу автору и произведению. Эта книга рождена многоголосьем народных мнений, зафиксированных, приведенных в систему и литературно обработанных автором, подчиненных его взгляду на мир и сопровожденных его рассуждениями. Этой книге посчастливилось вступить в диалог с читателем еще до ее выхода в свет, так как некоторые предания, собранные в ней, автор обнародовал в ряде публичных выступлений, в трех передачах ленинградской программы «Пятое колесо», в выступлении по «Би-Би-Си», в альманахе «Киносценарии» (№ 1, 1988) и в газете «Книжное обозрение» (№ 3, 1989). Эти выступления вызвали обширную почту, что не только радость для писателя, но и «производственная необходимость», условие его труда. Сказанное особенно важно для судьбы этой книги, текст которой открыт и зовет читателя уточнить и дополнять его.

В присланной читателями почте благожелательнее всех высказался Г. А. Петров (Москва) в письме в «Книжное обозрение»: «Примите самую искреннюю благодарность за публикацию отрывков из книги Ю. Борева «Сталин в преданиях современников». Это самая лучшая публикация за все время существования газеты. Просто восторг! Убедительная просьба, если есть возможность, продолжите публикацию притч из коллекции Ю. Борева». Одобрительно отозвались Е. А. Добренко (Одесса), А. И. Дайнеко (Иркутск), члены клуба «Собеседник» (Макеевка), Т. И. Федина (Москва), Б. Байшбаев (Алма-Ата), А. Ф. Еремеев (Свердловск) и другие. Читатели Л. М. Гроссман (Ташкент), Я. Л. Телятникова (Махачкала), О. А. Зубков (Киев), М. А. Протасова (Мариуполь) и другие просят оказать им помощь в приобретении книги. Надеюсь, что издательство, выпускающее ее, поможет удовлетворить запросы читателей. Положительных откликов на публикацию подавляющее большинство. Однако вопросы культуры не решаются большинством голосов: необходимо обсуждение разных точек зрения.

Читатель М. М. Ченецких (Одесса) предлагает озаглавить мою коллекцию: «Предания лакейской о чудачествах барина». Язвительно, но не спешу оскорбляться. Если понять дело так, что Сталин превратил в «лакейскую» всю страну, а свои «чудачества барина» в злодейства тирана, то в этой хлесткой фразе окажется доля горькой правды, обидной для всех нас.

Потомкам собранные мной предания и исторические анекдоты пригодятся, но сейчас публиковать их не следует,— полагает читатель Э. Э. Магарам

(Липецк). Однако как в этом случае осуществится культурная эстафета поколений и почему потомки должны быть более осведомлены о нашем прошлом, чем мы! Э. Э. Магарам осуждает сталинизм, но смех над Сталиным и его эпохой считает оскорбительным для людей, подвергавшихся репрессиям. Между тем, то, что народ смог в смехе подняться над ужасом сталинской эпохи,— подвиг народа. Кроме того, во многих преданиях преобладают далеко не комедийные краски.

А. Д. Быховский (Москва), не отрицая значения публикации в целом, выражает недоверие правдивости истории «Ковер и вдохновение». Еще до ее публикации я выяснил: Сталин не дарил Алексею Толстому ковра. Значит рассказ лжив! Нет. Искусство создает художественную реальность, не прямо совпадающую с фактами. Событий, запечатленных в «Фаусте» Гете, «Каменном госте» Пушкина и в некоторых сценах «Мастера и Маргариты» М. Булгакова не было и принципиально не могло быть. Кутузов, нарисованный Л. Толстым, отличается от исторического Кутузова. К литературе следует подходить с требованием не правдоподобия, а проникновения в суть жизни. При таком подходе притча о ковре оказывается художественно правдивой, ибо говорит, что, творя исторически ложную концепцию романа «Хлеб», А. Толстой отдавал свое перо Сталину (а уж за ковер или за другие жизненные блага, или же за само право остаться в живых — это важный, но другой вопрос, на который должна ответить не легенда, а история литературы).

Некоторым читателям трудно воспринять предлагаемый в этой книге тип повествования на грани реального и мифического.

Встретил меня один известный юморист и говорит: «Не верю я вашей миниатюре «Что же это за вождь!» Там вы рассказываете о том, как Смирнов-Сокольский пошел в НКВД узнать о судьбе администратора Поздняка. Однако этот артист был очень труслив, я его знал, он не мог пойти в НКВД, а те, кто ходил в этот ад, оттуда не возвращались».

Этот вопрос имеет принципиальное значение для книги. Отвечаю. Вы хорошо знали человека. Однако вы не учитываете, что всякий человек не равен себе. Как вода имеет не одно состояние и может из жидкости стать льдом, так даже трусоватый человек при определенных обстоятельствах может совершить смелый поступок. «Этого не может быть»,— аргумент еще менее убедительный, чем «Я знаю, что это было не так». Кроме того, не следует забывать, что речь идет о художественном произведении, в котором даже реально существовавшие персонажи могут совершать неправдоподобные поступки, необходимые для развития художественной мысли повествователя. Так, в «Божественной комедии» Данте и Вергилий спускаются в ад, путешествуют в нем. Некоторые современники Данте отшатывались от него со словами «Он был в аду!» Это хождение двух поэтов в ад еще менее правдоподобно, чем хождение одного эстрадного артиста в НКВД. Однако искусство позволяет себе такую «неправду» обстоятельств и с ее помощью выявляет глубинную художественную правду о сути бытия. Устное предание засвидетельствовало сюжет, героем которого стал Смирнов-Сокольский, и сквозь этот сюжет проступают некоторые черты эпохи.

Познакомился я и с двумя рассерженными письмами членов семьи скульптора С. М. Орлова — одного из авторов памятника Юрию Долгорукому в Москве. На А. С. Орлова произвела крайне неблагоприятное впечатление притча о создании памятника основателю Москвы. Орловы обвиняют меня в том, что я «с беспардонной злобностью клеветника-обывателя» стремлюсь «унижать достоинство и топтать творчество известных советских художников, самовольно искажая историческую правду». Новое — это хорошо забытое старое: «мещанская прогулка по аллеям истории», «копилка исторических анекдотов на потребу обывательской пошлости»,— так 9 мая 1936 года писала «Правда» о «Голубой книге» М. Зощенко. Что же действительно компрометирует достоинство скульптора С. М. Орлова, этот некогда популярный слог, которым написаны письма его родственников, или переска-

занная мной народная притча, кстати, бытующая и сегодня в устной молве! Нельзя сказать, что один из авторов памятника — скульптор С. М. Орлов предстает в этой легенде в сугубо отрицательном виде. Он выглядит примечательно как мастер миниатюрной анималистической скульптуры, вызывающей интерес советских и иностранных зрителей. Скульптор проявляет бесстрашие и неподкупность в единоборстве с всесильным Молотовым. Вместе с тем, в рассказе приведены слова Ильи Эренбурга, отрицательно характеризующие памятник Долгорукому. То, что Коненков отзывается положительно о С. М. Орлове, о чем напоминает А. С. Орлов, не меняет дела: 1) Коненков говорит не о памятнике Долгорукому и не о соответствующем периоде творчества скульптора; 2) оба суждения — и Коненкова, и Эренбурга — имеют известное культурно-историческое значение, даже если какое-то из них ошибочно.

Родственникам Орлова, которые пожаловались на меня сразу в четыре высоких адреса, хочу напомнить историю, случившуюся с собратом Орлова по искусству — с Микеланджело. Расписывая Сикстинскую капеллу, художник изобразил своего врага церемониймейстера папского двора Бьяджо де Чезена стоящим у врат ада в виде Цербера. Высокий чиновник был оскорблен и пожаловался «на самый верх». Папа рассудил: «Человек, попавший в ад, находится вне компетенции папы».

Я не был знаком с С. М. Орловым, и у меня нет никаких оснований относиться отрицательно к талантливому мастеру фарфоровых композиций, хотя монументальное его творчество и мне кажется неудачным. Не я, а народное сознание увидело историю памятника Долгорукому в несколько курьезном виде. А человек, попавший в народную легенду, находится вне компетенции любых самых высоких инстанций. Критическая оценка памятника Долгорукому присуща и ряду искусствоведов. Так, В. Л. Мейланд характеризует эту скульптуру как плод художественного мышления позднего сталинизма.

Потомки Фальконе вряд ли стали бы жаловаться в инстанции, если бы кто-либо усомнился в достоинствах «Медного всадника». Шедевру не страшно даже резкое мнение. Среднее же произведение всегда уязвимо. Его не уберечь от критики даже высокими и почетными званиями, на которые ссылаются родственники С. М. Орлова. Разве за последние годы не упал на шкале ценностей ряд лауреатов Государственной и даже Ленинской премии и разве не поднялись высоко вверх М. Булгаков и А. Платонов, никогда не имевшие ни премий, ни званий! Я уж не говорю, что стало с литературным авторитетом пятижды героя, лауреата всех возможных премий и кавалера всех мыслимых орденов.

Главный пафос писем семьи Орловых в инстанции: запретить анекдоты и предания вообще и их публикацию в особенности. Не стоит обсуждать эту несвоевременную проблему, попавшую в письмо Орловых из тех же годов, что и их слог: запретительство в принципе противопоказано культуре, для которой важно обсуждение даже того, что хотелось бы запретить.

Проявим терпимость и терпение: история все расставит по своим местам.

Закрытость и суровость нашего общества приучила нас к тому, что стать объектом критики — это или испортить карьеру или даже попасть «Куда Следует». Вспоминаю огорчение одного зарубежного художника: «Моя слава пошла на убыль: обо мне перестали рассказывать анекдоты». Когда де Голль был президентом, редкая газета Франции обходилась без карикатуры на него, и это не помешало ни прижизненному авторитету, ни посмертной славе генерала. Прижизненные же бесконечные восхваления Сталина не спасли его от посмертного бесславия и свержения его бесчисленных прижизненных памятников с пьедесталов.

В историческом процессе смех не разрушает достоинство и лишь ничтожеству грозит забвением и презрением.

«Жадною толпой стоявшие у трона» тирана могут быть недовольны этой книгой. Они, как бурбоны, ничего не забыли и ничему не научились. Впрочем, ничего не забыли из своих заслуг и наград и все забыли из своего палачества, лизоблюдства, своекорыстия, подхалимства, карьеризма. Они могут сказать, что то, что описано в этой книге, было не совсем так или совсем не так. Возможно. Однако было. Было палачество, было лизоблюдство, своекорыстие, карьеризм. И если подробности этих поступков были несколько иными, то суть их отвергнуть никому не дано. Люди духа раскаялись в своих малейших прегрешениях эпохи сталинизма. Трудно рассчитывать на покаяние бурбонов, и я жду от них опровержений и протестов, ибо нарушаю их комфорт. Однако ничего не поделаешь: нельзя жить комфортно при всех исторических ситуациях и режимах. Я, наверное, не доживу до того момента, когда смогу сказать: «Пришло мое время». Однако могу сказать сегодня: «Пришло мое время высказаться».

Читателей Е. И. Будовскую, И. П. Ильина, С. П. Копова, В. В. Кайданову и других интересует вопрос о соотношении предания и документа. Выскажу мое мнение. Сталин был не только человеком, но и мифом: он создавал мифы о себе, и мифы создавали его ирреальный образ. В противовес этому в народе рождались предания и апокрифы, которые при всей своей недостоверности достоверней официального мифотворчества многих фильмов, скульптур, повестей и песен сталинской эпохи.

Иной раз в точности документа этой эпохи можно быть уверенным не больше, чем в точности легенды. И взаимопроверка легенды и документа сможет дать истории как науке некоторые дополнительные возможности. Чтобы историческое видение эпохи было объемным, нужно смотреть на нее в оба: глазами документа и предания. Не забудем, что, опираясь не на документы, а на мифы, Шлиман нашел Трою.

Литературное значение притч о Сталине уже сегодня велико. На их материале основано немало эпизодов в произведениях А. Адамовича, А. Бека, Г. Владимова, В. Войновича, В. Гроссмана, Ф. Искандера, А. Солженицына, К. Симонова, Э. Радзинского, А. Рыбакова, Д. Храбровицкого и др. И в дальнейшем для развития искусства этот слой фольклора не утратит своего значения.

Я благодарен Е. М. Красильщикову (Ленинград), Ю. В. Яничеву (В. Волочек), Н. И. Гарновенко (Краснодар), Е. С. Шальману (Москва), Н. И. Канину (пос. Куприянск-Узловой) и другим читателям за присланные ими исторические анекдоты и предания. Пополнение моей коллекции таким путем — лучшее подтверждение того, что предания о Сталине рождались в глубинах народной жизни. Между тем, пенсионер Г. Н. Игнатов (Клепна, Магаданской области) считает, что они сочинены «Голосом Америки» с целью опорочить «Великого Человека — И. В. Сталина», а юрист Ф. Б. Мельников (Ростов-на-Дону) уступает их авторство Геббельсу. Можно ли так недооценивать творческие возможности народа и допускать, что огромную духовную работу по развенчанию сталинщины и по осмыслению исторического пути нашей страны мог проделать кто-то за рубежом!

Благодарю всех приславших письма. Особенность этой книги в том, что она не закрыта, и я надеюсь с помощью читателей ее расширить, обогатить и углубить. Ко мне приходят устно и письменно пересказываемые исторические анекдоты и апокрифы, предания и легенды о Сталине и его эпохе. Народ продолжает осмыслять свою историю, и я постараюсь продолжить мою работу летописца.

АННОТАЦИЯ

Юрий Борев «Сталиниада»

Книга представляет собой эпическое повествование об эпохе сталинизма, построенное из мини-рассказов. В повествовании три слоя.

Первый слой — мемуары по чужим воспоминаниям — рассказы выдающихся людей о Сталине и сталинщине.

Второй слой — исторические анекдоты, обладающие разной степенью достоверности, но верно отражающие суть эпохи.

Среди рассказчиков и героев рассказов — писатели Ахматова, Булгаков, Бабель, Зощенко, Пастернак, Платонов; деятели театра и кино Мейерхольд, Михоэлс, Ильинский, Ромм; ученые Капица, Ландау, Эйнштейн, Н. Вавилов; маршалы Жуков, Конев, Рокоссовский, Блюхер, Тухачевский; политические деятели Хрущев, Микоян, Молотов, Каганович, Бухарин, Радек, Рыков и другие, а также де Голль, Черчилль, Чан Кайши и другие.

Эти рассказы и исторические анекдоты собирались и литературно обрабатывались автором около полувека.

Третий слой — концепция автора, объединяющая разнородные материалы в целое. Пафос и главная мысль этого необычного произведения — отрицание сталинщины и утверждение идеи демократического общества.

Объем 26 печатных листов.

Данные об авторе

Юрий Борев — член Союза писателей и Союза кинематографистов, профессор-доктор. Автор книг «Эстетика», «О трагическом», «Комическое», «Искусство интерпретации и оценки» и др. Переведены на 33 языка. Автор романа «Земля — воздух» и киноповести «Воскресший из живых».

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора 4
1. Портрет вождя 13
2. Кто были ваши родители? Чем вы занимались до 17-го года? 32
3. 1917—1928. На путях к власти . 47
4. 1929—1934. На путях к единовластию 64
5. 1935—1938. Большой террор . 102
6. 1939—1941. Державец полумира 158
7. 1941—1945. Как народ выиграл проигранную Сталиным войну 188
8. 1945—1953. Главный заключенный, правящий великой державой 239
9. 5 марта 1953. «Тиран умер!» . 326
10. 1953—1989. Суд истории . . 335
Диалог с читателем 363

Редактор И. Полоцк
Корректор Л. Круглнкова

Сдано в набор 23.11.89. Подписано к печати 05.01.90. Формат 60X84 1/16. Офсетная печать. Журнально-рубленная гаринтура. Усл. печ. л. 21,39. Тираж 100 000 экз. (1-й завод 1—50 000 экз.). Заказ №362 Цена 5руб. Редакционно-подготовительный кооператив «Курсив», Молодежное рекламно-информационное агентство «ИнфА». Издание подготовлено с использованием ДИС. Программисты Е.Рупайс и Л.Федельман. Отпечатано в типографии Издательства ЦК КП Латвии, 226081, Баласта дамбис, 3.

5p.